

ISSN 0131-6656

ВМОНА

АЛЕКСАНДР ГЕРА • НАД ВСЕЙ РОССИЕЙ СЕРОЕ НЕБО

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ • «ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ КУЛЬТУРОЙ»

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН • ЗАСТАВА

2'93

(Читайте стр. 98.)

2'93 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНИУШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.11.92.
Подписано к печати 24.12.92.
Формат: 84×108^{1/2}.
Бумага газетная «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64,
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 412 200 экз.
Заказ № 2226.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
257-33-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

2 (1540) ФЕВРАЛЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

Проза

36

АЛЕКСАНДР ГЕРА. НАД ВСЕЙ РОССИЕЙ СЕРОЕ НЕБО
Памфлет

112

МИХАИЛ АЛЕКСИДЗЕ. ОТЛЭ, ИЛИ НЕСКОНЧАЕМЫЕ
НОЧИ
Рассказ

152

АЛАН НУРС. ПОДДЕЛКА
Фантастический рассказ

178

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН. ЗАСТАВА
Мистический роман

Поэзия

32

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

173

**АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ, ЕЛЕНА ШЕРСТОБИТОВА,
РОБЕРТ ВИНОНЕН**

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. КТО ПОМОЖЕТ БАЙКАЛЬСКУ?

14

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: «ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ
КУЛЬТУРОЙ»

76

МИХАИЛ КОВАЛЕНСКИЙ. «ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ»
Исторический очерк

98

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО. НИЖЕГОРОДСКИЙ ПРОЛОГ

147

КОНСТАНТИН МАЛАХОВ.
«ВЫХОЖУ ИЗ КОЛЛЕКТИВА»

Культура, музыка, искусство

На нашей
обложке:
фототюд
АЛЕКСАНДРА
ДОРОШЕНКО.

24

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Конкурс знатоков отечественной истории

130

АЛЕКСАНДР РОЖИН. АНАТОЛИЙ МОСИЙЧУК

136

АЛЕКСАНДР СОКОЛЯНСКИЙ. ИГРА В ОФСАЙДЕ

169

АНДРЕЙ КРАВЧЕНКО. «БРАВО»

110, 146

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

3•93

3

■ **СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. «БЕЖЕНЦЫ»**

Сейчас в России полтора миллиона беженцев и переселенцев из бывших республик бывшей страны... Где они находят кров? Как складываются их судьбы?..

■ **«ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА»**

Михаил Андреевич Милорадович принадлежит к тому ряду обделенных справедливостью персонажей нашей истории, которых три четверти века числили по ведомству отрицательных, предпочитая не привлекать внимания читателей к истинной их роли в судьбе России.

■ **ТАТЬЯНА СМЕРТИНА. «РУССКИЙ ПОГРЕБОК»**

Тайны солений, маринадов, копчений и прочих заготовок. Средства от хворей, снадобья для красоты.

«Многое в «Русском погребке» порадует, многое удивит, ведь вы привыкли к сухим, академическим кулинарным рецептам, читая которые — начинает обволакивать головушку сон и полóвник, что звезда, из рук катится...»

АНОНС:

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

КТО
ПОМОЖЕТ
БАЙКАЛЬСКУ?

Лет десять спорили: можно его здесь строить или нельзя? Наконец наука сказала — можно. Правда, споры шли вокруг комбината, а не города, но это, как мы увидим, одно и то же.

Общественность запротестовала, насколько это было возможно в конце пятидесятых, когда само слово «зеленые» находилось еще как бы вне закона. Тем не менее «дело» получило столь шумный резонанс, что даже вдохновило известного режиссера Сергея Герасимова на двухсерийный фильм «У озера».

Такова, очень кратко, история возникновения города Байкальска и одноименного целлюлозно-бумажного комбината.

«Зеленые» не хотели признавать поражения, поскольку митинги протеста были в то время немислимы, продолжались словесные баталии. Защитники природы требовали свернуть это вредное производство на берегу уникальнейшего озера (20 процентов мировых запасов чистой пресной воды, 80 — питьевой). Прагматики доказывали, что только на основе такой чистой воды можно варить кордную и вискозную целлюлозу — ценное сырье для шпиртовой, химической, текстильной и швейной промышленности. А в доказательство безвредности производства академик Жаворонков публичнопил сточную воду.

Если нельзя, но очень хочется, то...

Недавно я повторил «подвиг» академика. Если б не знал, что пью — вряд ли догадался бы. Во многих городах питьевая вода из водопровода похуже (в тот момент вспомнил очереди к родникам в Уфе). Во всяком случае, никаких последствий данной «выпивки» не было. Но, разумеется, это не науч-

ный эксперимент, всего лишь дань обычному любопытству. Потом съездил к месту, где стоки из пруда-накопителя уходят в Байкал. Они не низвергаются отсюда с высоты в воду, как я мысленно представлял, а идут по трубам под землей. Конец трубы обозначает заякоренная бочка в сотне метров от берега. Возле бочки сидел в лодке рыбак и что-то ловил...

Ситуация в Байкальске оказалась спокойной. Вообще это очень тихий, зеленый и довольно уютный городок. Не увидел я там привычных для молодых сибирских городов барачков, хибар, труб котельных... По выходным дням на улицах пустынно, и даже на центральной торговой площади продавцов больше, чем покупателей. Наверное, разъезжаются по дачным участкам. К слову: почему-то как раз в этих местах клубника сорта «Виктория» дает феноменальные урожаи.

Митинги протеста? В ответ на мои расспросы горожане пожимали плечами. В самом деле, какой же нормальный человек будет требовать закрыть предприятие, на котором работает? А с комбина-том связана жизнь каждой семьи 20-тысячного города. Выбора практически нет — кроме целлюлозы и бумаги, город ничего не производит. Плохо это или хорошо, но такова реальность, и с ней приходится считаться. Да, приезжали организовывать митинги «зеленые» из Иркутска, но большого успеха не имели. Ведь закрыть комбинат — значит, закрыть город.

А именно это задумала сделать сессия облсовета в марте прошлого года. Фактически был предъявлен ультиматум российскому правительству: если оно, как записано в постановлении сессии, не примет до 1 августа решение о судьбе комбината — причем та-

кое, какое устроит область, — Совет оставляет за собой право 1 января 1993 года закрыть комбинат.

Совет не первый раз обращается к этой теме. Еще в 1990 году сессия уже принимала постановление о перепрофилировании (читай — остановке) комбината. На сей раз депутаты констатировали: в сложившейся обстановке сделать это в полном объеме и в указанные сроки невозможно. Но следующим пунктом записали наказ администрации области принять меры к исполнению. Если невозможно, но очень хочется, то можно.

Правительство на ультиматум в срок не отреагировало. А вот областная исполнительная власть начала действовать незамедлительно. Первый заместитель главы администрации Владимир Яковенко направил руководству города и комбината письмо с просьбой в недельный срок разработать мероприятия по остановке ЦБК. Там повертели письмо с недоумением: если человек лишь «просит», то можно ли в просьбе отказать? А если его просьбу надо рассматривать как приказ, то вправе ли областная власть распоряжаться федеральной собственностью? И еще неясность: кто будет платить неустойку тысячам потребителей байкальской целлюлозы?

Но самое интересное в другом. Спустя пару месяцев после поездки в Байкальск тот же Яковенко вносит... протест на решение сессии. Мотивировка: остановка комбината приведет к губительным экологическим последствиям. Каково, а?

Директор ЦБК Валерий Глазырин выражается еще жестче: последствия будут катастрофическими, причем не только в экологическом плане. Ведомственная заинтересованность? От доводов бумажников так просто не отмахнешься.

Начнем с экологии. Все городские хозяйственные стоки проходят через очистные сооружения ЦБК (Байкальск своих не имеет). От общего объема это примерно 5 процентов. Но указанные сооружения рассчитаны на определенный гидравлический напор; если «отключить» комбинат, нечистоты пойдут напрямик в озеро. Лучше ли станет Байкалу?

Далее. Город останется без энергии, тепла и воды. Теоретически можно оставить один котел на мощной комбинатовской ТЭЦ для нужд города. Но кто — практически — будет платить за уголь и его перевозку, водоснабжение? Возложить это на плечи, т. е. кошельки горожан, оставшихся без работы и средств к существованию? А городская казна не потянет: 80 процентов поступлений туда идет от комбината. Пока он работает, конечно.

В связи с этим следующий вопрос. Кто будет платить людям? Кто и на что станет строить и содержать детсады, больницу, ПТУ, школы? Кстати, в школах положение бедственное. Мест не хватает, дети занимают в три смены. Чтобы втиснуть их в учебный день, пришлось уроки сократить до 30 минут. Дети, наверное, рады — они только много позже начнут понимать «качество» такого образования. Правда, есть проект новой школы, но и он останется на бумаге. Может, тут расчет на то, что население разбежится по белу свету и новые школы вообще не понадобятся? Мало в России беженцев...

Я уж не говорю о грядущей цепной реакции остановки производств и безработицы у смежников — шинников, химиков, текстильщиков, швейников. Ведь поставки с Байкала составляют более половины (!) общего объема этой продукции в стране. Встревов-

женные потребители пачками шлют президенту и главе правительства письма с просьбами не закрывать комбинат столь скоропостижно. Впрочем, там не только просьбы. Так, председатель ВС Белоруссии Шушкевич предлагает внести свою долю на строительство целлюлозного производства в любом другом месте.

Все эти доводы в облсовете наверняка знают не хуже меня.

— Как же вы — технически — рассчитывали закрыть завод к январю? — спросил я председателя постоянной комиссии по экологии Владимира Арсентьева.

— Мы понимали, что это мало-реально, — ответил он, — но все же рассчитываем, что они в течение девяносто третьего года прекратят варку целлюлозы.

— Конечно, это было нереально, — добавил присутствовавший в кабинете председатель областного природоохранного комитета Николай Удодов. — Но когда-то начинать надо!

Что ж, где начали — там и кончили... Я только не пойму — какой смысл тратить время, силы и нервы на выработку заведомо несостоятельного решения? Скорее всего хотели поугадать завод. Но вот добавит ли это авторитета местной власти? Скорее наоборот...

В коммунистические времена депутаты, собираясь на однодневные заседания, зачитывали с трибуны выданные в партийных кабинетах бумажки и дружно голосовали за подготовленные там же документы, законы и проч. Теперь другие времена — свобода! Говори что хочешь, голосуй как хочешь. Но одно, боюсь, осталось неизменным: ни прежние коммунистические, ни нынешние демократические депутаты не несут ровно никакой ответственности за сказанные слова и принятые ре-

шения. Не исполнили решения сессии — кто виноват? «Мы»? А если б исполнили — предположим — и в одночасье оставили без работы тысячи людей? И в этом случае, уверен, отвечать некому.

Рискну сказать больше: жизненно важные для людей решения сейчас в огромной степени зависят от депутатов, слабо разбирающихся в данной проблеме, но зато отлично — в конъюнктуре и политике. Собственно, на этом многие и прошли в Советы... Многодневные «посиделки» обходятся налогоплательщику куда дороже, чем прежде, но профессионализма они, кажется, не прибавили.

...Не получается закрыть — можно прижать комбинат экономически. Облсовет установил ему плату за выбросы одного из химических веществ в 100 раз превышающую обычную. На комбинате в растерянности: Закон о защите окружающей среды не разрешает местным органам устанавливать дифференцированную плату. А распоряжение Егора Гайдара такое право дает! Так кого слушаться? Закон? Правительство? Облсовет? Решили послушаться облсовет — ни к чему лишний конфликт.

Вряд ли таким путем «удушишь» гигант. Но не лучше ли обязать комбинат направлять эти деньги на защиту природы?

Главное — постановить!

Попытки развязать «байкальский узел» предпринимались. 13 апреля (несчастливое число!) 1987 года ЦК КПСС и Совмин Союза приняли совместное постановление № 434. Оно состоит из многих страниц и пунктов. Последний пункт, повеселю немного читателя, состоит из одного слова: «Секретно». Что же хотели скрыть от

народа? То, что вокруг Байкала обстановка экологически неблагоприятная? Ну, народ, наверное, и сам догадывался об этом по дымящим трубам металлургии, химии, котельных...

Впрочем, вернемся к Байкальску. В том постановлении было сказано: до 1995 года перефилировать (по предложению Минлеспрома) ЦБК на мебельно-сборочное производство. При одновременном строительстве компенсирующих целлюлозных мощностей в Усть-Илимске.

Не знаю уж, о чем думали министерские спецы. Разве быстро забыли печальный опыт Приозерского ЦБК на Ладоге, закрытого полугодом ранее по требованию обществу?

В том городке финны по контракту как раз достраивали новые, самые современные очистные сооружения, истратили 20 миллионов рублей. После остановки ЦБК контракт с ними почему-то аннулировали, весь город остался без очистки.

А что значит перефилировать бумажный комбинат на мебельный? Это, наверное, еще дороже и сложнее, чем построить новый... В ценах 1987 года такая «реконструкция» стоила 120 миллионов. И хоть мы жили тогда чуть богаче, государство нашло для Приозерска только 30 миллионов, а больше даже не пообещало. Наскребли приозерцы кое-какую старую технику на смежных предприятиях...

Но самое главное — мебельное производство ничуть не лучше бумажного. Даже хуже: больше химии — добавляется 18 новых химреактивов. Поэтому фактически никакого мебельного производства в Приозерске нет. Сюда из Санкт-Петербурга доставляются заготовки шкафов-кроватей-стенок. Здесь в них делают несколь-

ко отверстий, кое-где подрезают, упаковывают... и отправляют обратно. Этой мутной работой заняты бывшие профессионалы-бумажники. И то не все. Из 1800 работавших на ЦБК 300 уехали в поисках работы и лучшей доли (а сколько будет, если считать семьями?), многие маются на случайных заработках: городок-то маленький...

Вот такая же участь была уготована Байкальску. Два года они жили в тревоге, пока Совмин не принял новое предложение: перефилировать БЦБК на выпуск ширпотреба из целлюлозы, бумаги и картона. Да, а что же постановление № 434, под которым стоят подписи М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова? Там ведь не только о перефилировании записано?

Выступая осенью в Конституционном суде, Николай Иванович вспомнил о демократической обстановке на заседаниях Политбюро: каждый говорил что хотел.

— Но когда решение было принято, — сказал далее Николай Иванович, — оно подлежало обязательному исполнению.

Ой ли? Основной проект упомянутого постановления — строительство новых цехов в Усть-Илимске — так и остался на бумаге. С чем устьилимцев и поздравляем.

И что же? А ничего. Хоть бы министра какого для приличия сняли: все-таки провалено задание самой верховной власти, касающееся к тому же озера мирового значения, славного моря... А теперь то постановление вообще попало в разряд отмененных новой властью.

Вот что крайне любопытно. У нас энергично отстаивают правопреемственность, когда можно что-то заполучить. Ну, скажем, здания ЦК. Или армию с флотом. Желających выступать за правопрее-

емственность в отношении застарелых проблем несколько меньше...

Байкальцы трижды или четырежды напоминали Михаилу Сергеевичу о своем существовании. Безответно. А одним из последних Указов он поставил их в глухой тупик. «Если выполнять ваш Указ о сохранении хозяйственных связей, — вопрошали бумажники, — мы должны заключить 100 процентов договоров с потребителями. Но тогда мы не сможем заниматься перепрофилированием! Как быть?» В итоге пришлось выполнять Указ...

Президент Сибирского отделения АН академик Коптюг слал в Центр телеграмму: поскольку Минлеспром проваливает задание, необходимо создать комиссию по Байкалу на правительственном уровне. Ноль внимания... Все в то время занимались политикой — до Байкала ли тут?

— В связи с перестройкой нас бросили на произвол судьбы, — заявила начальник отдела охраны природы Раиса Зайкова. — А мы сделали все, что в наших силах, по тому постановлению. Вдвое сократили водопотребление, втрое — газовые выбросы. И это несмотря на то, что комбинат никогда не превышал установленных норм! Могли бы сделать и больше, но... Атмосфера вокруг комбината искусственно подогревалась «зелеными». На этом люди карьеру делали... Мы были готовы к дальнейшей реконструкции, переходу на замкнутый водооборот — но на это собственных средств не хватало. А Москва выделять их не решалась — ведь над нами постоянно висел дамоклов меч закрытия. У нас и сейчас самые совершенные в стране очистные сооружения. А в принципе из комбината можно сделать «конфетку», идеальный образец

для всех других предприятий. И технические возможности для этого сейчас имеются. Что для этого нужно? Изменить подход к проблеме...

А директор комбината Валерий Глазырин обозвал сложившуюся ситуацию экономическим беспределом, сославшись при этом на опыт США. Там «зеленые» по закону не имеют права требовать закрытия предприятия, если оно соблюдает установленные нормы выбросов. Там могут ужесточить предельно допустимые концентрации — но не требуют превратить завод в «конфетку» за один день.

Слухи и цифры

— Грызут ту кость, которая брошена, а не ту, которая зарыта, — сказал мне заместитель главного инженера по охране природы Николай Алдохин, имея в виду свой комбинат.

Самое парадоксальное в том, что «зарытые кости» лежат на виду, но их мало замечают. Например, плотину в Иркутске. Не дымит, не сливает стоки — вполне безвредное внешне сооружение.

В 1991 году в Санкт-Петербурге выпущен сборник докладов и сообщений, сделанный на шестой Всесоюзной Байкальской школе-семинаре. Это первый «открытый» сборник: предыдущие пять были снабжены грифом «для служебного пользования». Но и этот, раскритиченный, — многие ли его читали? А там — очень серьезный анализ и небезынтересные факты. В том числе и об Иркутской ГЭС, запущенной еще до Байкальского ЦБК, первой в Ангарском каскаде.

Ангара, как известно, *вытекает* из Байкала. Плотина, возведенная близко от истока, подняла уровень озера (в среднегодовом значении) на 70 сантиметров. Это, как

отметили ученые, был сильнейший удар по экосистеме Байкала. Причем удары повторяются постоянно. Беда не в том, что уровень поднялся, нарушив вековечную береговую линию, с этим озером справилось бы. Беда в том, что уровень колеблется не в силу природных процессов, а по воле энергетиков. В результате уничтожаются нерестилища байкальского бычка — рыбешки, чья икра является основным кормом омуля. Байкал превращается в регулируемое водохранилище? К чему это приводит, мы знаем на примере Волги...

Нет, я не призываю разрушить плотину — без электричества еще хуже, чем без омуля. Но разве нельзя скорректировать подъемы и спады воды в соответствии с требованиями природы? Специалисты утверждают, что снижение выработки электроэнергии будет минимальным и, если ее более рационально использовать, ничего страшного не случится.

Из того же сборника я выписал несколько цифр. Две из них приведу. 56 процентов серы, попадающей на водосборную площадь Байкала, вылетает из заводских труб Ангарска и Черемхова. И только полтора процента дает БЦБК. Его антропогенное влияние на озеро в целом составляет около одного процента. Тоже, конечно, не подарок, но делать из комбината главного виновника всех бед по меньшей мере неверно.

В 1987 году была отмечена массовая гибель нерпы от эпизоотии (вроде чумы). Погибло около 3 тысяч животных из общего числа 70—80 тысяч. Ученые установили: основная причина — биологические загрязнения, которым раньше значения не придавалось. Здесь уместно вспомнить, что вокруг Байкала располагаются 150 объектов, вызывающих тревогу.

Это поселки, лишённые очистных сооружений.

Необустроенные санатории и турбазы.

Рыбозаводы с их ядовитыми стоками.

Животноводческие фермы.

И многое-многое другое... А что делается на реках, впадающих в Байкал? Улан-Удэнский тонкосуконный комбинат моет австралийскую шерсть и отправляет ее дальше. Какая необходимость мыть ее именно в Селенге? Всю структуру промышленности вокруг Байкала надо менять. Но это задача еще посложней, чем с комбинатом. Может, потому и подброшена общественности «кость», чтоб отвлечь внимание от истинных проблем? Благо, стоит он на самом берегу — издали бросается в глаза. А Ангарский алюминиевый завод — в стороне...

Насчет омуля и нерпы я уже говорил. Были обвинения и порезней.

Одна новосибирская научная организация провела исследования воды в районе комбината и обнаружила много ртути. Кто виноват? Ясное дело... Позже провели такие же замеры бельгийские специалисты: выяснилось, что отечественные приборы зависили показания в тысячу раз! Это засвидетельствовал директор Лимнологического института Михаил Грачев.

Потом прошел слух, будто комбинат травит народ диоксином. Разобрались и с этим — количество диоксина в Байкальске такое же, как в тех районах Иркутской области, где нет промышленности вовсе. Но к слухам у нас прислушиваются, и в сознании людей слово «диоксин» отложилось...

В парламенте готовится Закон о Байкале. Есть там пункт, запрещающий строить здесь энергетические установки мощностью свыше 100 мегаватт. Это уже не решение

сессии облсовета, это поставит комбинат вне закона: мощность его ТЭЦ — 500 мегаватт.

Письма без ответа

В порядке самостоятельности бумажники совместно с сибирскими учеными разработали 6 (шесть!) вариантов перепрофилирования комбината. Последний был одобрен Госкомприроды.

Не вдаваясь в технические подробности, отмечу главное. Шестой вариант предполагает полностью замкнутый водооборот, то есть в Байкал не попадет ни капли стоков. А выбросы из труб химических веществ, по расчетам, сократятся до символических величин. Это произойдет за счет изменения технологии варки целлюлозы, исключения из ассортимента самых «вредных» ее сортов — кордной и вискозной. «А где ж их будут выпускать, кто покроет дефицит? Ведь вы почти монополисты в этом деле», — спрашивал я работников комбината. «А это, извините, уже не наши проблемы», — резонно отвечали бумажники.

Облсовет не принял и шестой вариант, поскольку само слово «целлюлоза» действует на всех, как красная тряпка.

Хорошо, решили бумажники, поскольку нам не доверяют, подзревают в узковедомственных интересах — давайте привлечем абсолютно независимые фирмы.

Был подготовлен проект постановления правительства России по Байкальскому ЦБК, включавший проведение международного конкурса на лучший вариант перепрофилирования. Бумажники уже готовы к любому другому варианту, лишь бы выйти из нынешнего подвешенного состояния.

9 марта прошлого года проект представили в Москву.

— С этим проектом мы прошли все круги ада, — рассказывал Николай Алдохин, — раз сорок переделывали. Ведь его надо было согласовывать с полутора десятками инстанций. Где-то поправили слово-другое — начиная все по новой. Наконец согласовали, передали в канцелярию Президента. Но вот уже несколько месяцев дело абсолютно не движется. За тот год я раз восемь был в Москве. Куда ни приду — везде новые люди сидят... Все наши предложения и просьбы тонут как... нет, не как в воде — тогда хоть плеск был бы слышен. Как в вате...

Мне показали толстенную папку переписки с верховными инстанциями по поводу судьбы комбината. Похоже, наше новое руководство унаследовало от старого не лучший стиль работы.

Понимаю, что цель нынешних реформ обозначена: рынок, приватизация, «уход» правительства от непосредственного управления экономикой. Но здесь особый случай. Байкал — достояние общенациональное (даже мировое!) и не может принадлежать частнику. На ЦБК тоже прошла приватизация. Тем не менее нужна государственная программа, определяющая судьбу всего региона.

Еще в прошлом феврале Президент передал проект нового постановления в правительство с указанием: оперативно рассмотреть вопрос и принять решение.

Глава правительства переправляет проект министрам промышленности, экономики, экологии с аналогичным указанием.

Проходит месяц, другой...

В конце мая, во время посещения Б. Н. Ельциным Бурятии, директор комбината передает ему из рук в руки очередное письмо с очередной просьбой принять, наконец, решение. И снова идут

месяцы тщетного ожидания ответа...

А в правительстве тем временем идет очередная реорганизация. Упраздняются министерства и департаменты, меняются названия ведомств. Все это, по словам высокопоставленных чиновников, призвано резко улучшить работу.

Не рубите, мужжи...

Помимо проекта, Алдохин занимался подготовкой перевода ЦБК на замкнутый водооборот. Он уже осуществил подобное дело на Селенгинском целлюлозно-картонном комбинате, поэтому и пригласили его в Байкальск.

А Селенгинский ЦКК с 1990 года не сбросил в реку ни капли. Причем технического решения этой проблемы в масштабах столь крупного предприятия в то время не существовало. Приоритет здесь принадлежит нашим специалистам, их решения запатентованы.

— Но там у нас, — вспоминал Алдохин, — была четкая установка: или вы прекратите сброс стоков в Селенгу, или вас закроют. И деньги под эту работу выделили.

— Как же вы рискнули переехать в город с сомнительным будущим?

— Ну, без работы не останусь... В крайнем случае вернусь в Селенгинск. Есть и другая причина моего переезда. Байкальский комбинат — самая лучшая профессиональная школа в нашей отрасли.

Строительство в Селенгинске заняло четыре года и обошлось в сорок миллионов рублей. Имея опыт, в Байкальске все можно сделать гораздо быстрее. И гораздо дороже, конечно? Но комбинат ничего не требует, готов обойтись собственными средствами. Единственная просьба — освободить на время от федерального налога.

Примечательно, что западные бумажники на подобные «излишества» предпочитают не тратить. Правда, у них нет Байкала... Уж коли все признают уникальность озера — просьба комбината не выглядит чрезмерной. Но, боюсь, ее постигнет та же участь, что и всех предыдущих просьб. Трудно говорить о каких-то финансовых поощрениях, если байкальцы не могут получить честно заработанные деньги на самое необходимое.

Дело в том, что оборудование здесь сплошь импортное и запчасти можно купить только за валюту. Обновлять оборудование надо регулярно, иначе и до беды недалеко: все-таки целлюлозу варят в химически агрессивной среде. Самое обидное, что и валюта-то есть (часть продукции идет на экспорт), да выдрать те доллары из Внешэкономбанка не могут годами...

Пока шел «замкнутый круговорот» бумаг во всех правительствах — Рыжкова, Силаева, Гайдара, — в Сибирском отделении АН родился новый проект. Предлагается наладить разлив глубинной байкальской воды и выйти с ней на мировой рынок. Проект грозит горами валюты... Но где разливать? Если переоборудовать под это дело ЦБК, так это сущая мелочь для комбината, работа для сотни человек. Если в другом месте — то, как уверяли меня в облсовете, конкуренты тут же распродают по миру фотографии ЦБК: видите, мол, откуда водичка. Вот еще один довод в пользу закрытия.

Среди специалистов по экологии нет единого мнения по поводу влияния комбината на Байкал. Одни полагают, что он и в нынешнем виде вреда практически не приносит: многолетние наблюдения не зафиксировали изменения

гидрохимического состава воды в озере. Другие считают, что и микродозы загрязнений, накапливаясь, когда-то могут сказаться на «самочувствии» Байкала. Так или иначе, а пора бы поставить точку в затянувшейся на тридцать лет дискуссии.

Разумеется, не берусь быть арбитром в этом споре. Для меня ясно одно: люди не могут бесконечно долго жить в состоянии полной неопределенности, в страхе перед завтрашним днем. Такое положение чревато очередным социальным взрывом далеко не местного значения.

...Проект правительственного постановления облсовет не одобрил, поскольку в нем нет пункта о скорейшем, в 1993 году, прекращении варки целлюлозы. Конечно, комбинат не украшает Байкал. Но нельзя же сплеча «прихлопнуть» его (и город!), а потом смотреть, что из этого выйдет?

Байкал благодаря своему колоссальному объему и высокой способности к самоочищению пока борется с человеческой деятельностью. И бездеятельностью тоже (тут я имею в виду все невыполненные постановления).

Можно, конечно, не развязывать «байкальский узел» последовательно и профессионально, а разрубить.

Но рубить придется по-живому.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ:

«Гордиться своей культурой»

Дмитрия Сергеевича Лихачева я встретил под комаровскими соснами: он сидел, задумавшись, близ своего дома, на любимой скамейке, рядом с молодым деревцем. Дерево посадил сам лет пятнадцать назад: саженец привез из Узкого, бывшего имения Трубецких, где умер философ Владимир Соловьев...

14

— Дмитрий Сергеевич, мне вот о чем хочется вас спросить... Поскольку большим любимцем советской власти вы никогда не были...

— Да уж, в любимцах у нее не значился...

— ...поскольку ваша индивидуальность с тоталитарным режимом явно не сочеталась, то, наверное, будь вы лет этак на двадцать постарше, вполне могли оказаться на том самом «профессорском» пароходе, на котором, по указанию Ленина, светлейшие умы России высылались в чужие края...

— Не думаю, что был бы удостоен подобной чести, выбирали ведь самых значительных: те, кого большевики не посадили на этот пароход, даже немного обиделись — например, замечательный философ Сергей Алексеевич Аскольдов-Алексеев. Кто-то очень опытный распределил «опасных» профессоров — людей с

творческой индивидуальностью...

— И все-таки, думаю, вас бы непременно внесли в этот список, ведь еще студентом оказались на подозрении у ОГПУ...

— Про ОГПУ, пока учился, до ареста, еще не догадывался, но то, что профсоюзная организация университета ко мне не благоволила, ощущал...

— Чем же вы так прогневали профсоюзную организацию?

— А тем, что предпочитал учиться не у «красных» профессоров, а у «старых». Впрочем, среди «старых» были и сравнительно молодые по возрасту — такие, как Виктор Максимович Жирмунский или Борис Михайлович Эйхенбаум... Их лекции и «спекурсы» будили мысль, будоражили душу, а «красная профессура» требовала от студентов лишь определенной идеологической установки. Так, например, некто Цвибак провалил меня на экзамене по истории Рос-

сии (облаченный в морскую тельняшку «красный профессор» принимал экзамен в гостиной квартиры Бекетовых, там, где родился Блок), задав вопрос: «Отчего умер Петр Первый?» Я сказал: «Это неизвестно, медицина тогда стояла на низком уровне. Вероятно, простудился, что дало осложнения либо на легкие, либо на почки...» Цвибак грохнул кулаком по столу: «Ерунда! У него был сифилис!» Я застенчиво возражал, однако разве переубедишь «красного профессора», который верен школе Покровского. Покровский тогда руководил советской исторической наукой и Петра («царя») не любил: в частности, утверждал, что Петр в Голландии заразился сифилисом... Цвибак возмущился: как меня терпит профсоюзная организация!.. А «красного профессора» Назаренко я разозлил вопросами, которые задал на его обязательных лекциях по теории литературоведения. Однажды, после очередной чистки университета от не заслуживающих доверия студентов, он встретил меня в коридоре и не смог скрыть удивления: «Как? Вы еще здесь?!»

— *И вскоре вы оказались «там»...*

— Да, диплом получить не успел. Его передали моим родителям. Диплома меня не лишили, вероятно, лишь потому, что несколько профессоров — Жирмунский, Смирнов, Мюллер, еще кто-то — подписали мне отличную характеристику, которая ушла на Шпалерную, к следователю.

— *Вы ведь пострадали как член «тайного» студенческого кружка?*

— Тайного у нас ничего не было. Нас было восемь, и шутя мы назывались Космической Академией наук, сокращенно КАН. Каждый «академик» стремился перещеголять другого экстравагант-

ностью доклада, необычностью точки зрения. Со своим «ироническим» докладом — «О преимуществе старой орфографии перед новой» — я выступил так и не успел. Недавно, спустя шестьдесят четыре года, получил возможность перечитать его: пресс-центр «Большого дома» (так в Санкт-Петербурге называют здание УМГБ. — Ред.) позволил мне ознакомиться со своим «делом». Я ведь не был реабилитирован. Не подавал заявления о реабилитации, и кто-то сделал это за меня лишь в прошлом году...

— *А почему все-таки не обратились с подобным заявлением как все, раньше, еще в середине пятидесятых?*

— Не хотел унижаться... Так вот, когда прошлой весной смотрел свое «дело», узнал, что тогда в кружке, «сообщал статистические сведения о расстрелянных советской властью». Совершенно забыл, но это верно: я тогда прочитал книжку французского журналиста Берро, который побывал в Москве и делился с читателями увиденным. Там же приводился список расстрелянных у нас по категориям: сколько — интеллигенции, сколько — крестьян, сколько — военных... Этот «секрет» и раскрыл я своим «академиком». А время наступило суровое, 1928-й — Сталин окончательно узурпировал власть...

— *И вы вплотную познакомились со сталинским «порядком», оказавшись на Соловках...*

— Конечно, на «общих работах» было трудно. А потом еще тиф... Но зато я там понял, что каждый человек — человек... Уголовники дважды спасли мне жизнь: сначала — «домушник» Овчинников, который на борту «Глеба Бокия» посоветовал мне и остальным нашим «академиком» не спускаться в трюм (там узники

скоро стали задыхаться и гибли); потом — Иван Яковлевич Комиссаров, бандит и соучастник налетов знаменитого Леньки Пантелеева, который заставил урок вернуть украденный у меня пропуск (утеря пропуска грозила карцером на Секирке, откуда редко кто возвращался). Затем я оказался в криминологическом кабинете и организовывал трудовую колонию для подростков: разыскивал их по острову, спасал от смерти, заносил на листки их рассказы, собирал воровские слова и выражения (это потом легло в основу двух научных работ). Там написал даже свою первую «научную» работу — «Воровская игра в карты» (которая, кстати говоря, недавно издана). Тогда еще не было озлобленности уголовников против «политических», такую озлобленность позднее власти вызывали искусственно, натравливая на «политических», — я рассказывал об этом Солженицыну, но он подобной ситуации в лагере уже не застал и поверить в нее не желал... Далее я оказался на строительстве Беломоро-Балтийского канала и в августе 1932-го — как «ударник Белбалтлага» — был досрочно освобожден с правом проживания по всей территории СССР. Из всей этой передыжки я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим людям, добро, полученное от самих солдагеров, опыт всего виденного создали какое-то очень глубоко залегающее во мне спокойствие и сохранили душевное здоровье...

Но в Ленинграде было все не просто. Найти работу долго не мог. К тому же чудом не погиб от тяжелой язвенной болезни. Несколько месяцев пришлось провести в больнице. Наконец, устроил-

ся в типографию «Коминтерн» корректором по иностранным языкам. Через два года — издательство Академии наук СССР, где меня назначили «ученым корректором». Здесь возник интерес к проблемам текстологии и, в частности, текстологии печатных изданий. Ну а в тридцать седьмом — Пушкинский дом, отдел древнерусской литературы. С этого момента я стал специалистом по древнерусской литературе.

— За что же вас, специалиста по древнерусской литературе, так невзлюбил Ленинградский обком? Вроде бы ваши проблемы столь далеки от их интересов...

— Однажды этот же вопрос мой покойный брат Юрий Сергеевич Лихачев (он был директором завода) задал секретарю горкома Аристову — будущему послу в Польше. Аристов ответил: «Ваш брат борется с советской властью путем защиты памятников культуры. Возбуждает интеллигенцию против советской власти». Действительно, я противостоял всяким решениям обкома о сносе, сломе... Как-то мне передали слова первого секретаря обкома Толстикова — будущего посла в Китае: «Ох и надоели же церковники во главе с Лихачевым...» — это потому, что я против уничтожения церкви возражал. Например, когда обком принял решение взорвать церковь на Сенной, я с единомышленниками отправил телеграмму Косыгину. Косыгин послал телеграфное распоряжение Толстикovu — «сохранить». Толстикov сказал своим сотрудникам: «Я этой телеграммы сегодня не получал, а завтра церкви чтоб не было». И за ночь снесли...

— Помнится, в середине шестидесятых, когда вдруг возник дикий проект повальной реконструкции многих зданий на Невском, вы тоже резко возражали...

— По этому проекту вдоль всего Невского должны были возникнуть «наклонные витрины». К счастью, архитекторов мы переубедили. Но, увы, уберечь на Неве Пироговский музей от сноса я не смог. На его месте взгромоздился «ящик» гостиницы «Ленинград». Спроектировано здание некрасиво, да и вообще высокому и новому строению в этом уголке Невы не место: ломается классический силуэт, нарушается перспектива. Единственное, чего я добился: гостиница стала на два этажа ниже...

— Но главный-то скандал с обкомом случился у вас, Дмитрий Сергеевич, кажется, в начале семидесятых, из-за царскосельских парков?

— О, это было та-ко-е... Дело в том, что ничтоже сумняшеся стали вырубать вековые деревья, дабы посадить новые — ровненько, по ранжиру... Вообще-то есть определенные способы реставрации парков. Например, еще в XVIII веке блестящий знаток этого дела Болотов великолепно видоизменил Богородицкий парк. Но как тщательно он к этому готовился! Сперва рисовал акварельки: как все будет выглядеть? Обдумывал каждый уголок: как и что насадить?.. Так вот, придя к реставраторам, я поинтересовался проектом. Они показали мне нечто вроде бильярдного стола, где были проведены «аллеи», а вместо деревьев — кусочки пенопласта, окрашенные в зеленый цвет. Я удивился: «Но это же вид сверху, хотя вообще-то назвать подобное «видом» сложно. А как все это будет выглядеть с высоты человеческого роста?» Показывавшая мне проект дама-реставратор изобразила на лице гримасу оскорбленности, достала платочек, приложила к глазам... Всем своим видом она демонстрировала: «Я —

специалистка, а вы — дилетант!»

— «Дилетант», у которого слуха некоторое время вышла книга «Поэзия садов». Вы там обратились к садовым стилям как к проявлениям художественного сознания той или иной эпохи, той или иной страны...

— Эта книга выходила в Японии, в Италии, в Польше... Ну а тогда я выступил в «Ленинградской правде». Сперва в 1971-м со статьей «Среди святых воспоминаний» — против вырубки в Екатерининском парке старых деревьев. Некоторые читатели мои слова восприняли близко к сердцу и устроили в парке, у деревьев, дежурство. А это уже «наверху» было расценено вполне однозначно: «Лихачев призвал к восстанию, к физическому сопротивлению советской власти». Но последней каплей в их чаше терпения стала вторая моя статья, осенью 1972-го, «Аллеи древних лип». Я писал, что Екатерининский парк — ни по своим размерам, ни по своим традициям — в Версаль, несмотря на все усилия определенных лиц, все равно не превратится. Надо сохранить деревья, которые видели Пушкина. Ведь уже во времена Пушкина этот парк из регулярного, каким он был первоначально при Елизавете, преобразился в романтический, пейзажный — вот таким нам надо его и оставить... Что после этой статьи началось!.. Первый секретарь Романов на бюро обкома, говорят, стучал кулаком. Многолетний редактор «Ленправды» Куртынин был снят с работы. Мне вообще запретили печататься на невских берегах...

— Но почему столь узкая, столь «не магистральная» проблема — рубить или не рубить деревья — так взволновала чиновников из Смольного? Почему они не доверили это дело специалистам?

— Потому что они считали себя специалистами во всех областях. И, кстати, в древнерусской литературе тоже. В 1952 году у меня выходила книга о возникновении древнерусской литературы. Вдруг — звонок из Смольного директору издательства: «Почему в книге нет высказывания товарища Сталина об Иване Грозном?» Отвечает: «Товарищ Сталин об Иване Грозном в печати не высказывался». На том конце провода суровый окрик: «Нет, высказывался!» Далее — новый звонок директору издательства: «Лихачев вводит и вас, и нас в заблуждение. Срочно найдите цитату товарища Сталина об Иване Грозном!» Послали редакторов в Библиотеку Академии наук, все тщательно проверили — ну нет такой цитаты! Сообщили в Смольный, а там и не смутились: «Все равно Лихачев никогда не цитирует товарища Сталина, и это наверняка неспроста...» Что же касается скандала по поводу Екатерининского парка, то тут для меня все ясно. Любое тираническое государство требует регулярных садов. Пейзажный сад — это свобода, а регулярный — символ абсолютизма. Именно так, нарезая сад определенными фигурами, создавал свой Версаль Людовик XIV.

Именно такое насилие над природой было по душе и большевикам...

— *«Мы не можем ждать милостей от природы».*

— Вот-вот... И еще: «Если враг не сдается, его уничтожают»...

— *Итак, волей Романова ваше перо оказалось под запретом в Ленинграде. Но Москва-то вас публиковала...*

— Только, пожалуй, «Литгазета». Что касается зарубежных поездок, то перекрыли дорогу даже в Болгарию. Тем более что в Болгарии, как раз в том, 1972-м,

я «провинился». Была у меня там среди прочих беседа с Лиловым — членом правительства, литературоведом по образованию. Вот и обсудили, какие новости на фоне литературоведения. Однако болгарские газеты тему нашего разговора несколько исказили: «Товарищ Лилев принял академика Лихачева и вел с ним беседу по поводу культурной политики...» Поскольку наше начальство считало, что «академик Лихачев вести беседу по поводу культурной политики права не имел», меня из Болгарии срочно выслали... Спустя годы, в 1980-м, болгарское правительство решило представить меня к ордену Димитрова. Узнав об этом, руководство нашей Академии наук воспротивилось, порекомендовало ограничиться орденом Кирилла и Мефодия (который, кстати говоря, у меня уже был, и не один). Тогда, в свою очередь, возмутились болгары: срочно учредили престижную Международную премию имени братьев Кирилла и Мефодия, которая должна присуждаться лишь раз в пять лет, и первым лауреатом объявили меня...

— *Значит, руководители отечественной Академии наук указания партбоссов выполняли неукоснительно?*

— Естественно. Ну, например, мне не позволили быть избранным почетным доктором Ягеллонского университета в Кракове. Вместо меня Академия наук срочно рекомендовала членкора Филина, однако кандидатуру Филина поляки дружно провалили... А какие совершенно idiotские выговоры объявляли мне наши вице-президенты! Однажды вызывает вице-президент Федосеев: «Под вашей редакцией вышла книга «Византийские легенды». Зачем же, товарищ Лихачев, обманываете читателя — под видом «легенд»

издаете жития святых!» Объясняю: «На Западе жития святых всегда назывались легендами». Федосеев не унимается: «А кто эта Полякова, которая подготовила книгу, небось богомольная старушка?» Объясняю: «Софья Викторовна Полякова — доцент Ленинградского университета и богомольной старушкой быть никак не может, поскольку по национальности еврейка». Федосеев вовсе оживился: «Ясно, почему ее комментарий далек от науки». Возражаю: «Комментарий очень хороший». Но Федосеева уже не оставив: «Хороший? Читайте: «Согласно Евангелию, Мария — это Мария Клеопова». При чем здесь Евангелие? Напишите, как это было на самом деле!» Объясняю: «Как это было на самом деле, неизвестно, потому что все три Марии являются только в Евангелии, в других исторических документах не упоминаются...» И такое приходилось разъяснять философу, академику! Более откровенный разговор на в общем-то подобную тему как-то вел со мной в Смольном Романов, который заявил: «У вас неправильная кадровая политика. Вы принимаете на работу не тех, кого нужно». Возражаю: «Я принимаю именно тех, кого нужно, кто талантливо занимается древнерусской литературой». Романов: «Нет, не тех»... Характерно, что вскоре после этого меня не выпустили на очередной Международный съезд славистов. Несколько лет я был заместителем председателя комиссии по текстологии Международного комитета славистов, а председателем — престарелый Конрад Гурский. И вот получаю известие: «Гурский из Варшавы сообщил, что в Белград не придет, просит снять с него бразды правления и передать их Лихачеву». Однако меня не пустили... Иностранные

коллеги на съезде недоумевали: «Почему нет Лихачева?» Им отвечали «наши», облаченные доверием советской власти: «Лихачев болен». «Чем же он болен? Мы с ним переписываемся», — тревожились те. «У него тайный запой, но это, конечно, между нами», — шептали «наши». А я, между прочим, водки терпеть не могу, да и вино — после язвы двенадцатиперстной кишки — пью весьма ограниченно...

— Дмитрий Сергеевич, но ведь на вас и нападение — в прямом, физическом смысле — было совершено...

— Это случилось в октябре 1976-го. В то утро позвонил из Москвы академик Храпченко: «Дмитрий Сергеевич, у вас есть шанс себя реабилитировать, и к вам никогда не будет уже никаких претензий, если подпишете наше общее письмо-протест против антисоветской деятельности Сахарова». Я: «Нет, этого делать не могу». Он: «Ну на нет и суда нет...» А через несколько часов, когда спускался из квартиры по лестнице, чтобы ехать в Пушкинский дом, получил удар. Потом еще и еще... Того, кто сломал мне два ребра, рассмотреть я успел: спортивная шапочка с козырьком, ярко-черные, явно наклеенные усы (еще на Соловках я узнал, как подобными приемами создается «ложная, отвлекающая улика»). В общем, после моего разговора с Храпченко товарищи из обкома и КГБ сработали оперативно. И громили милиция, естественно, не нашла. А через полгода — уверен, по их же указке — пытались поджечь квартиру. Когда мы были на даче, преступники подсунили под дверь квартиры трубки, по которым из канистры стали пропускать зажигательную смесь. Однако непредвиденный случай им помешал, заставил бежать, бросив

на месте преступления канистру со смесью керосина и ацетона...

— Теперь, после вашего рассказа, мне еще понятней, почему вы тогда, в августе 1991-го, пришли на Дворцовую площадь, поднялись на трибуну, обратились к людям...

— Мне было очень важно сказать им, что жертвовать наконец-то обретенной свободой нельзя ни в коем случае, что возвращение к диктатуре невыносимо...

— Вот вы говорите: «обрели свободу». Но живем-то, Дмитрий Сергеевич, плохо. Разве это то время, которое вы приближали?

— Не могу сказать, что «приближал это время». Просто я сохранил интерес среди ученых-литературоведов к древнерусской литературе...

— «Приближали это время» — в более широком смысле: раскрепощали мысль, уходили от догматов, сражались за русскую культуру, хранили традиции русской интеллигенции...

— Может, и так, но диссидентом я никогда не был. И Солженицын когда-то рассердился, поскольку я отказался участвовать в его подпольном журнале. Была у Александра Исаевича такая идея. Я сказал, что заниматься этим не могу. И не по той причине, что боюсь (трусом не был никогда), а потому, что в подобную работу необходимо уйти целиком. Для меня же все-таки главное — руководство отделом древнерусской литературы и целая область русской культуры, которую — ради публицистики — предать не могу. Да и публицист-то я неважный. Во всяком случае, таких, как я, десятки...

— И все-таки как вам в нынешнее время?

— Очень тревожно. Потому что падение культуры увеличивается с огромной быстротой. Эта неле-

пая, повальная коммерциализация... Она ведь уместна далеко не везде. Ни один большой театр — ни в Петербурге, ни в Париже, ни в Лондоне — не может существовать только на продаже билетов. И основные направления науки тоже везде пользуются поддержкой государства. И государство в ответ получает огромный доход — не денежный, а куда более высокий. Должна быть в стране элитарная культура, к которой подтягивается культура остальная, и научная тоже. А у нас, увы, элитарная культура поддержки лишена, и талантливые люди вынуждены из страны уезжать. Например, в аспирантуру таланты сейчас не идут, потому что эти люди обречены на полугодное существование...

— А в метро — объявления: «Требуются работники. Зарплата от шести тысяч...»

— Это, кстати, вдвое больше, чем получаю я... Так вот, все революции провозглашали свободу, равенство и братство. Что ж, свободу мы получили. И это крайне важно. Но неравенство растет. Я говорю не о неравенстве талантов — оно закономерно, оно должно быть, и люди, прекрасно работающие, гениально мыслящие, люди талантливые имеют полное право рассчитывать на уважение, почет и определенные материальные блага. Но неравенство, основанное просто на том, что человек обладает коммерческими способностями, ничего не производит, а где-то что-то перепродает и тем самым, на разнице между госценой и ценой рыночной, зарабатывает миллионы — это же дикость! Это создает общество арабо-африканского типа, где миллиарды долларов — у немногих и полная нищета — у всех остальных. То есть мы идем к капитализму не в его шведском варианте и не в английском,

а в самом-самом худшем... И культура, конечно, падает: рок- и поп-ансамбли на концертных площадках заглушают все остальные; порнофильмы и фильмы ужасов для юных становятся главным зрелищем; на дискотеках — нечто невообразимое; читают в основном детективы...

— Массовая культура...

— Не совсем понимаю этот термин «массовая культура». Всякая культура, по-моему, должна быть массовой. Что такое кино? Массовая культура. Телевидение? Тем более. Другое дело, что у нас через край бьет дурная массовая культура, рассчитанная на самые темные человеческие движения души: на жестокость, агрессивность, сексуальные инстинкты. И особенно тяжело сказывается это на подростках...

— А ваши внуки, правнуки тоже этому подвержены?

— Ни в коей мере.

— Ваше влияние? Объясняли? Запрещали?

— Никогда ничего не запрещал. Потому что убежден: никакими запретами, никакой категоричностью тона ничего путного не добьешься. Наверное, мои дочери стали бы искусствоведами и без моей подсказки.

— Однако, когда в студенческой блокаде в квартире вы читали им Пушкина, это ли не было воспитанием?

— Очевидно... Когда однажды, в один из тех трудных дней, к нам заглянул литературовед Василий Леонидович Комарович и мы с Зиной Александровной решили продемонстрировать гостю, как наши четырехлетняя Верочка и Милочка знают наизусть «Сон Татьяны» и «Бал у Лариных», он послушал, послушал и удивился: «Почему у девочек вдруг яхонтовские интонации?» А это я перед самой войной в Эрмитажном теа-

тре слушал, как Яхонтов читал всего «Евгения Онегина», и невольно интонации замечательного артиста передал дочерям... Внучка Зина стала художницей. (Недавно мне звонили из издательства, где познакомились с ее иллюстрациями к русским сказкам: «Поздравляем с талантливой внучкой!») Внучка Вера пишет диссертацию в Бирмингемском университете. Ну а правнуки еще маленькие...

— Хорошо, если им выпадет жить в свободной, по-настоящему демократической, да к тому же еще процветающей России...

— Увы, сейчас государственная, национальная нравственность приобретает формы каменного века. Потому что, как я это себе представляю, главным в каменном веке была физическая сила. Она давала возможность человеку существовать, защищать семью. Но ведь человечество с тех пор ушло далеко вперед, и все мы сейчас должны гордиться своей культурой, своей вежливостью, своей терпимостью, своими гуманитарными ценностями. И хотя бы тем, что защищаем слабых, уступаем дорогу женщине, пожилым людям... Так в частной жизни. А в государственной, в жизни страны, нации поступки совсем обратные: опять, словно в каменном веке, кичимся своей силой, количеством танков, самолетов. Но ведь в этом нет ничего, что в общечеловеческом смысле было бы действительно ценным. Ныне, когда все дело заключается в том, у кого больше танков, самолетов или, не дай Бог, атомных бомб, гордиться победами, по-моему, не следует... В мире нарастает какая-то странная агрессивность. И некультурность. Давно пора всем договориться, в чем заключается достоинство нации...

— В чем же, по-вашему, Дмитрий Сергеевич?

— Прежде всего в культуре. И в открытости, в гостеприимстве по отношению к другим народам. Владимир Соловьев когда-то сказал, перефразируя Евангелие: «Люби все другие народы как свой собственный». Для развития культуры чрезвычайно важно сочувственное вживание в культуру других народов... Я убежден, что все мы — и в России, и на Украине, и в Польше — должны гордиться тем, что в Киеве жили поляк Ивашкевич, русские Булгаков и Лесков, а в Петербурге, допустим, украинцы Мартос и Шевченко. И никак не уразумею мне, почему киевская интеллигенция допускает, чтобы местное хулиганье-оскверняло дом Булгакова на Андреевском спуске. Почему-то кое-кому там не нравится, что русские деятели культуры своею судьбой связаны с Киевом. Но ведь, повторяю, этим же гордиться надо, что они там жили — и русские, и польские, и еврейские, и разные другие: именно поэтому Киев — центр мировой культуры! И восхитительно, что в Киево-Печерскую лавру паломники когда-то шли со всей России... Теперь, к великому сожалению, все это будет гораздо недоступнее. Они от нас отделяются, и в церковном отношении тоже. Зачем? Почему? Потому что государства ведут себя на уровне каменного века. В их отношениях исчезает чувство порядочности. Это же чувство постепенно испаряется и во внутригосударственной политике, население начинают делить на «граждан» и «не граждан». Сегодня мы осуждаем за это эстонцев, но, боюсь, завтра столкнемся с подобным и в России...

— Все-таки грустно, что нельзя, как прежде, на выходной поехать в дивный Таллинн, или Ригу, или в Вильнюс...

— И мне тоже этого очень жаль. Если говорить о городах нашего бывшего Советского Союза, то Вильнюс, безусловно, один из самых европейских. (Очень беспокоюсь, сохранили ли литовцы музей в доме, где родился Мицкевич.) И Таллинн тоже очень красив — жаль, испортило его отвратительное здание гостиницы «Виру»...

— Но вернемся в Россию. Когда страна распадается, то и здесь кое-кто склонен посыпать голову пеплом: мол, все-то у нас плохо, и никогда хорошо не было, и настоящей культуры не было тоже...

— Конечно, это не так. Русская культура — великая европейская культура, и, чтобы утверждать подобное, совсем не надо быть сторонником пресловутой теории: «Россия — родина слонов». Достаточно вспомнить хотя бы, как русское искусство «Серебряного века» подвинуло европейский авангард. А влияние Мусоргского на мировое музыкальное искусство! А русское зодчество! А Пушкин! А вообще русская литература девятнадцатого века!.. У меня недавно была встреча с одной английской поэтессой. Сперва она писала по-русски. А теперь вдруг перестала — и по-русски, и по-английски. Почему? Потому что, как объясняет, английский язык к поэзии не приспособлен: он очень удобен для науки, для логического выражения мысли, но такого богатства обертонов, как в русском, в английском нет. Так что, «испорченная» русской поэзией, она английские стихи писать теперь не может. А для русских «все-таки недостаточно окружена русской средой...» Что ж, гостья из Англии права: русская поэзия действительно изумительна.

— Знаю, что Куоккалу, которая теперь зовется Репино, вы помните с детских лет. А Комарово?

— В Келломяках (так тогда именовалось нынешнее Комарово) мы с родителями провели лето 1915-го... Жили по ту сторону железной дороги и часто гуляли на Щучье озеро. Мимо кладбища, где теперь покоятся и родители (имя отца на памятнике есть тоже, хотя место захоронения неизвестно: погиб в блокаду), и брат, и дочь Вера...

Кроме Комарова, Дмитрий Сергеевич очень любит Павловск. А в городе — спуск к воде по Стрелке Васильевского острова... Истово верит в возрождение России: «Старая русская культура настолько богата! Пробьется сквозь асфальт, как трава... Поэтому так обеспокоен состоянием библиотек, так боюсь вывоза из страны редких книг, культурных ценностей, так озабочен состоянием издательского дела...» Добавляет задумчиво: «Экономика не может развиваться в стране воров. В стране воров никакие законы, кроме воровских, не действуют...»

Он сидит на своей любимой скамейке, обдумывает новую книгу по теории литературы — академик, председатель Российского фонда культуры, почетный член восьми иностранных академий, почетный доктор семи иностранных университетов — усталый, седовласый, красивый. За спиной — восемьдесят пять таких не простых лет. Дай ему Бог здоровья!..

Беседу вел
ЛЕВ СИДОРОВСКИЙ.

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

В январском номере «Смены» опубликованы условия конкурса «Незнакомые знакомцы» и задание первого тура.

Предлагая вашему вниманию еще семь портретов деятелей российской истории, жюри конкурса, так же как и в первом туре, просит ответить на два вопроса:

1. Кто изображен на каждом из представленных портретов?
2. Чем известен этот человек?

Ответы на вопросы февральского тура нужно отправить в редакцию «Смены» до 15 мая (срок отправки — по почтовому штемпелю). На конверте сделайте пометку: «На конкурс «Незнакомые знакомцы».

Второй тур.

ДМИТРИЙ ВЕРЕСОВ,

30 лет,
шофер,
Костюмушка

Ветер свирепствовал. Небо царапали сосны,
Падали волны, споткнувшись, на розовый плес,
Из-под стволов тополей и берез низкорослых
Синие тени ручьями текли под откос.

Ветер врывался в кустарник,
хрустя по-медвежьи,
Путая прутья, срывая больную листву,
Ветер, который бывает влюбленным и нежным,
Словно безумный метался в безумном лесу.

Чайки над пепельным озером зорко парили,
Горбились скалы, покрытые мхами на треть,
И, расплескав изумрудные крепкие крылья,
Сосны пытались в скользящее небо взлететь.

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВА,

31 год,
режиссер,
Санкт-Петербург

МОНОЛОГ ДОНА ХУАНА

Моя печаль, моя любовь, мой добрый гений...
Внутри петли сплошных исчезновений
Короткий вдох меня не оживит.
Тому больнее падать предстоит,
Кто выше поднимался по ступеням.
Еще глоток, еще ступень, еще свиданье.
Все больше — счет, все меньше — оправданье.
По белым клеткам крестики легли —
Считаю, сколько вынута земли,
И сколь жирна пустая яма станет...
Какая грусть, какая боль, судьба какая...
И ввысь, и вглубь — все только ближе к краю.
Печален опыт: только тем легко,
Кто в чувствах не заходит далеко
И спутника из ближних выбирает.
Моя печаль, моя любовь, мой добрый гений...
Нелепый призрак... Кольханье тени...
И жизни вкус... И тонкий аромат...
Мечта, приумноженная стократ,
И любящего сердца отраженье...

ТАТЬЯНА ПАУЛЬС,

20 лет,
секретарь-машинистка,
Орск

Опустошенная до дна
Домой я возвращаюсь.
И вечером опять одна
Я в тишине купаюсь.
И в грезах сладких я тону,
Тону душой и телом.
Но прочь гоню я сатану,
Чтоб мной не овладел он.

АЛЕКСЕЙ ДЬЯЧКОВ,

21 год,
студент,
Тула

РАДОСТЬ

Когда вставали утром рано
наложницы слепого хана,
они искали первым делом
сухие губы злого деда.
И черной ящеркой с бархана
лилась слеза слепого хана
по дряхлой, пожелтевшей коже
навстречу язычкам наложниц.

Легенде этой сто веков.
Я помню губы облаков.

ЛЕРА АВЕРЬБАХ,

16 лет,
студентка,
Челябинск

ВОКЗАЛЫ

Какая, право, канитель:
Вокзалы, улицы чужие,
И от домов горбатых тень,
И неба блики золотые...

А на вокзалах толчея,
И выраженья с лиц пропали,
У всех в глазах одна тоска
От бесприютности печали.

И отчего-то всех нас жаль:
Случайных, брошенных, похожих,

*Чего-то ждущих. И в прохожих
Я узнаю чужих друзей.*

*А поезда уносят вдаль
Гул недосказанных признаний,
Сумбур последних теплых дней,
И слезы первых расставаний.*

АНДРЕЙ ДЕМЕНЦОВ,

**33 года,
инженер,
Хабаровск**

СТАРУШКА

*Мокрый снег. Холодный дождь.
Грязь и бездорожье.
Милостей уже не ждет
Ни людских, ни божьих.*

*Крестик маленький окна
В темной комнатушке.
У окна — едва видна —
Темная старушка.*

*Темный рот. Угасших глаз
Темные провалы,
Может быть, последний раз
В мир глядят устало.*

*На погосте, у пруда,
Все кресты осели.
Может быть, ее туда
Скоро переселят.*

*Может, закопают так,
Чтобы не накладно.
Ей уже не важно как,
Приберут и ладно.*

*Бездорожье. Ни души.
Лишь в дырявой крыше
Полусгнивших камышин
Тихий шорох слышен.*

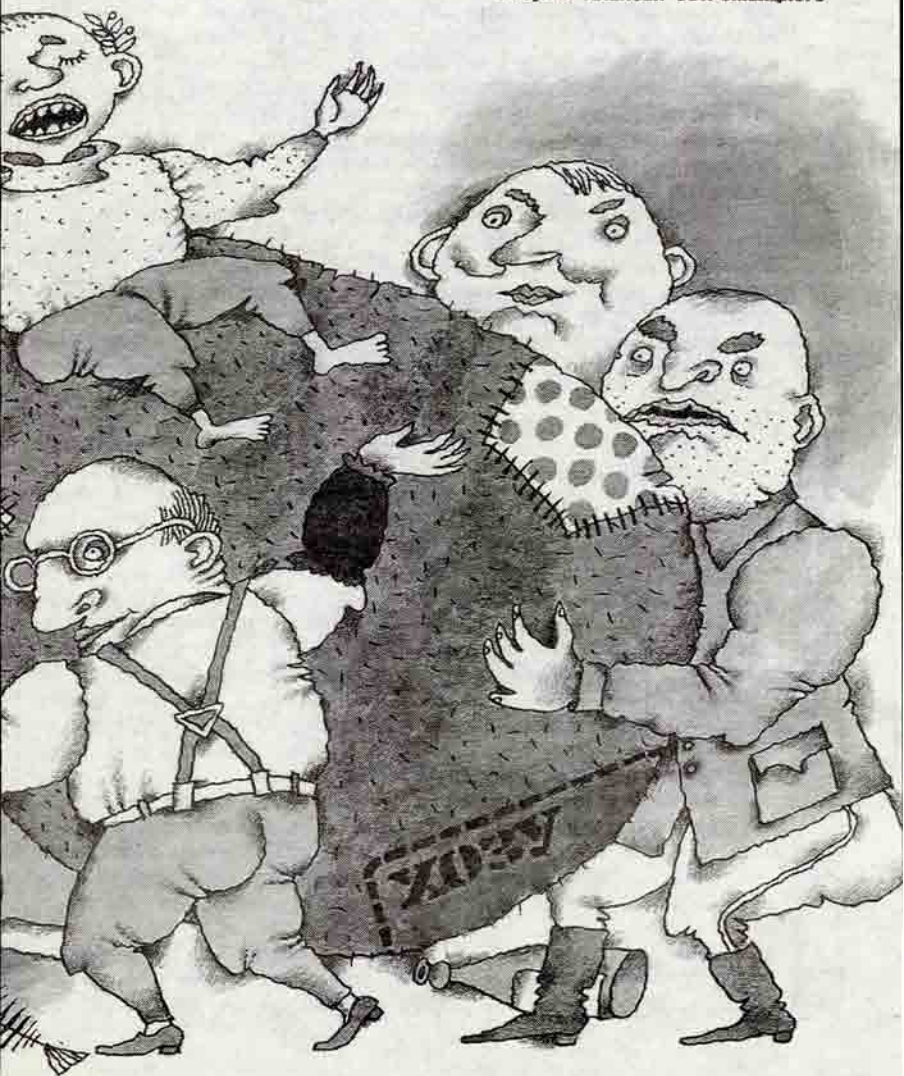
АЛЕКСАНДР ГЕРА

НАД ВСЕЙ РОССИЕЙ

ИМЕЙ СЕРОЕ НЕБО

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

*Матери моей, бедной женщине,
обманутой, как все мы, большевиками.*

Наш президент — величайшая бестия. До величайшего беса ему оставалось всего ничего, не случись событий, которые поставили на его карьере большой восклицательный знак, а наша жизнь превратилась в многоточие с вопросом. Все у нас вроде было, всем он нас снабдил, а чего-то недоставало, самой малости, без чего не вьют гнезда птицы, а зверье не обзаводится потомством.

Прежний наш лидер, Молочков Альберт Григорьевич, туповатая совковая скотинка-паргаппаратчик, пороху не сотворил. Его восхождение на Старую площадь ничем не отличалось от заурядного похода скалолазов к вершине: все повязаны одной веревкой, всем на ней висеть в случае срыва одного либо тянуть последнего ледащего до крайней точки подъема. Не будь этой веревки, он бы маму родную продал по сходной цене, поэтому не продавал, этим гордился, за что срамил про себя прежних своих товарищей по партии, забывших о веревке.

«В какое время, в какой стране живем, чем живы, если сын родной готов мать родную порадовать. «Мама, а я тебя, любимая, хорошо продал», — сокрушался Альберт Григорьевич наедине с собой, зато вместе с нами он продавал или перепродавал, не думая о веревке, все мало-мальски годное на продажу.

В комнате покойного о веревке не говорят. А покойник у нас случился самый настоящий, и с этого момента основные события зашпешили вокруг нас, как в забытом ныне фильме «Моя бедная, любимая мать», откуда пришла к нам «Марекьяра».

Возвращается в дом родной сын, а верный пес сбесился.

Пристрелили.

Гости съезжались в «Бабуин», уютный коммерческий ресторанчик, где все мы собрались в отдельном кабинете за эстрадкой. У нас вполне приличный офис на улице Готвальда, откупленный по дешевке через мэрию еще Альбертом Григорьевичем, им обставленный диванами, креслами, столами и шкапами в стиле современного делового дизайна, с четкими инвентарными номерами на тыльниках и штампами: «Собственность ХОЗУ ЦК КПСС». В офисе текла обычная рутинная работа, слегка подлакированная визитами зарубежных дельцов, а мозговая велась в «Бабуине», принадлежавшем нашей фирме «Олед»; в кабинете за эстрадкой ровно шесть кресел, по числу главкомов фирмы. Гостей и девочек в святое место не пускали.

В кабинете всегда покойно. Через двойные двери и антишумовую облицовку не слышен оркестр, а если захочется нашему боссу немного веселья, достаточно щелкнуть тумблером, и пятнадцативаттные колонки взорвутся хрипло голосом звезды «Бабуина» Лелика Сурина: «...А у меня все схвачено, за все везде заплачено!»

Нынче всем нам не до песен, у нас покойник. Пристрелили Ньюму Четырботского, верного пса нашего президента. Кто пристрелил, за что — пусть милиция разбирается. Мы знаем, но

молчим. Скорбь осталась на кладбище, там и помянули неплановой чаркой Ньюму, в «Бабуин» приехали только близкие убиенного: сам президент, разумеется, главбух, главкор, главпотех, главноэконом — светлая голова Федя Званский по кличке «Главпальто» — и Боба Мосюк на приставном стуле. Пустует кресло исполнительного директора Ньюмы Четырботского, в нем сиротливо белеет салфетка, и вопрос решается важный: кто займет это кресло, какая предстоит подвижка в руководстве «Оледа». Уж не Боба, конечно, Мосюк, сбоку припека, пустое место, введенный в святая святых «Оледа» волей самого президента. Хотя, как взглянуть на Бобу, наш президент дерьма не держит: любит Боба по всякому поводу затевать спор. Дебет от кредита не отличает, депозит от аккредитива, а послушать — вылитый Карл Маркс с теорией прибавочной стоимости. И с заведомой глупостью. Тут скорее всего Боба при рождении плана что шлепок акушерки по заднице младенца. Рожает, скажем, Главпальто идею, выношенный план, тужится терпеливо, а Боба уже на приставном стуле подпрыгивает, рвется замочить всю операцию на корню. Воды из его уст при этом обильные. А наш президент следит за секундной стрелкой своего «Лонжина». В начале шестого круга он жестом Бобу заткнет и всех нас по очереди опросит. Цари шутов не зря держали. Шут — фигура опасная: что дозволено Юпитеру, то дозволено шуту.

Вот и сейчас Боба готов доказать, какой Ньюма мудака, додумался перейти дорожку Шамилю из «Габриэлы» без нашего на то ведома с целью собственного обогащения.

Мы жалеем Ньюму так, как жалеем Бобу: дурак — это надолго. Президенту жаль своего исполнительного директора чисто по-человечески. Многое знал о своем патроне Наум Свиридович Четырботский, из многих финансовых ям выгаскивал силой своего коммерческого таланта. А из какой грязи денежки фирме отмывал, Коза Ностре не снилось. Наш совковый бизнес — постфактум самой коммунистической политики, наглой и вороватой, где все с ног на голову: не обгадишься, не подмоешься, в храм избранных не войдешь. А все мы, президент особенно, хотели туда.

Ехали как-то он, Наум Свиридович и главбух из банка. Первые двое в светлом настроении, удачные проценты под кредит выбили, главбух — как всегда, мрачная могила, пыхтит на заднем сиденье, к звукам в объемистом животе прислушивается, портит общее настроение. Высадили его у «Кировской», где он жил, проветрили салон и покатали дальше по Страстному бульвару. Тяготит нашего президента главбух своей немотой и мрачностью, но он скорее сам в могилу ляжет, чем расстанется со своим главбухом, гузкой своей, или пятнышко неуважения посадит на его персону. Кто такой главбух в нынешнем коммерческом совке? Это служитель морга, отмывающий покойника до пристойной кондиции, наряжающий его для всеобщего обозрения. Прости, Господи, нас, грешных, не мы грешим, обстоятельства подвигают. А жить хочется, налоги исправно готовы платить, но такие нам всюду препоны то от волосана Рыжкова, то от речистого Темурывокоманды, то тот обгадился, то этот замыва-

ется в Москве-реке, а катить бы независимо по бульвару в боссовской машине и не думать, кого в отместку охмурить, а радоваться светлому дню...

А тут собачонка у девочки с поводка сорвалась и под колеса президентского «мерса». Секундное происшествие — и черный слон-увалень «мерседес-250», АВС-систем — бенц и в чугунной ограде, хромированный передок от чугуна не отличишь. А моська его еще и облаивает... Зеваки, само собой, буржуев клянут. Президент ухом не повел. Передок «мерса» оглядел и к девочке. «Не плачь, жив твой мопсик». — «Это не мопсик, — рыдает та, — это ризеншнауцер, сука от Герделя и Дианы». — «Но жива ведь сука...» — растерялся президент. «Да? Хорошо вам говорить, а если у нее теперь течка от страха прекратится? Кто ее покроет?» Погладил президент девочку по голове, денег дал на покрытие, стало быть, расходов. «Пойдем, — говорит, — Наум Свиридович, на такси...» Ключ из зажигания не вынул, не оглянулся даже.

Собачка жива, а Ньюма мертвый, живой свидетель широты президентской души.

Сидим, молчим. Слышим, как у президента на душе скребет. И как у нашего Бобы Мосюка шарики-ролики в голове от бездействия скрежещут слышим. Тоже, видать, от Герделя и Дианы, кого угодно облает. Сам президент дал ему определение: «Единица наглости — 1 Мосюк». Тем не менее Боба — еще одно живое свидетельство широкой президентской природы, его президент в прямом смысле из мусорного ящика вытащил и к нам привел.

— Ладно, — прервал наше молчание президент. — Пора о живущих думать. Где будем исполнительного искать?

Где... На такую кузню, как в нашем «Оледе», с улицы не возьмешь, а свой под расстрелом не пойдет. Везде подпись исполнительного директора стоит, здесь талант сапера нужен.

— Боба, а что если тебе попробовать? — спросил наш президент при всеобщей немой сцене.

— Попытка — не пытка, — не особенно что-то обрадовался Боба, ерзнув на приставном стуле. — Грамотешки маловато.

— Подучим, — ковал свое железо президент. — Я тебе в помощники Татьяну из «Росса» переведу.

— Ой-ей, — спохватился Главпальто. — А не оголим «Росс»?

«Росс непобедимый» — следующее произведение нашего президента. РЭМ еще не бухал своим колоколом глупости про одевание раздетых в одежды «второй свежести», мы уже больше года торговали стиранным тряпьем, какое Армия Спасения собирала за бугром для своих неимущих. У них там чего-то с неимущими плохо, товар не шел даже бесплатно, а у нас двадцатифутовый контейнер дезинфицированных джинсов в тысячу долларов с доставкой расходился в месяц по триста целковых за пару. Этот бизнес Ньюма «Оледу» спроворил через своего давнего друга. Жили когда-то оба в одесском дворике, потом один в бруклинский перебрался и протянул оттуда руку помощи другому. Надо сказать, в обеих руках налипало прилично, так «Олед»-то процветал! Какой там РЭМ одевающий, «Росс непобедимый» в неде-

лю деревянный лимон наликом дает! Джинсы, куртки, трусишки-лифчики, все стираю, обезвошено и очень прилично называется по-иностранныму: «секонд хэнд» — товар, ну прямо от Герделя и Дианы.

— «Росс» пора продавать. Выдыхается, — неторопливо ответил президент.

— Зачем? — с недоумением главного делателя денег сводит бровки у переносья Боба. Его лысая черепушка, всегда полная кудых прожектов, светится благим недоумением. — Такие бабки!

— Бабки у дедки, дедка у репки, а репка вздорожала, — спокойно выговаривает Бобе Главпальто. Он понял сразу президента: какой дурак станет скупать «секонд хэнд» за зеленые при скачущем курсе и последнем заявлении тимурывокоманды ужесточить валютную политику? РЭМ и тот перестроился. Разве сам Тимурывокоманда, секонд хэнд Бориса Ельцина.

— На репке и надо сейчас деньгу делать! — не унимается Боба. — Перепрофилировать магазин на сельхозпродукты! Картошки нет в городе, скупить быстренько и попридержать до весны. Колоссальный навар, шеф! — кипит наш сувенирного образца самовар.

— А не занять ли мне место исполнительного? — спрашивает Главпальто. Простенько так спрашивает, бесцветно.

Теперь наш Боба, догадываемся мы, закусит удила и врежет-ся, подобно президентскому «мерсу», в чугунную ограду. Настал, выходит, его звездный час, для чего и пестовал Бобу президент: всем нужны матросовы, космодемьянских из них делают лешинские, а статью подбирает прокурор.

— Ты — исполнительным? — презирает Боба Главпальто. — Тут фантазия нужна, поэзия коммерции. Нет, шеф, назначайте меня.

Так чудесно и решилось болезненное мероприятие.

За двойной дверью течет обычный земной вечер, а нас занимают подсчеты в уме, какие делишки надо завершить, пока «Олед» на плаву. Пора, братцы, рога трубить.

У всех нас, кроме Бобы на приставном стуле, на черный день отложено стояще и только в СКВ, домики там и сям, земляца. Есть кое-что сокровенное за пределами Родины: личные счета в приличных банках — у Главпальто в Дженерал-банке, у главпотеха в Цюрихском, а в Люксембурге по дачке на брата. «Олед» — он и есть «Олед»: пока мосюки митинговали, умные люди дела делали. Они и сейчас митингуют, да и коммуняки зашевелились, того и гляди, заорут эти оратаи не от сохи: «Мужики, в топоры!» Опять ильичи на страну навалятся — зачем это приличным людям? В семнадцатом было что делить, ныне только наши шкуры и «мерседесы». Не густо мы Россию-матушку обогатили, не много и с нас возьмешь.

«Олед», каких много, контора тихая. Ничего мы не производим. Скупаем, перепродаем, посредничаем в купле-продаже. Есть под крылом нашей фирмы ресторан, этот самый, магазин «Росс непобедимый», торгует за деревянные и валютное казино — веселенький такой карусельчик, деньги туда-сюда по кругу, чтобы налоговая инспекция шибок рта не открывала на наш

каравай. Зато фирма занимается меценатством: слилась с Фондом ветеранов-генералов и законно налог не платит. Ну, подкармливаем авиаклуб, они нас на рыбалку возят, летать учат. Наш президент не хуже любого дипломированного аса пилотирует. И Главпальто умеет, и главюр, главпотеху — сам Бог велел, один Ньюма летать не любил. Сауна с девочками — в порядке вещей, а самолет — блажь. Как-то наш главбух, в очередной раз переводя деньги на содержание авиаклуба, обмолвился ворчливо: «Пруста им мало, не жалуют денег».

Что поделаешь, у каждого своя Красная площадь. Кто в наше глупое перестроечное безвременье кинулся в бурное море коммерции, должен загодя подумать, как потом на твердый берег выйти.

Многие кидались и ныне: искус велик денег заработать как бы из ничего. Да не копеечный интерес — миллионы крутят по телефону, обзванивая того-другого знакомого на предмет перепродажи партии видеотроек, КамАЗов, цемента и арматуры. С вечера женам докладывают: вот эта сделка — верная, не сорвется, лимончик налом получим. А утром исчезают куда-то воздушные миллионы — опять испорченный телефон подвел. Но искус-то остается! И выстраиваются в очереди вчерашние мэнэсы, помзавы, инженеры и техники по исполкомовским приемным на регистрацию, чтобы — в этот раз повезет! — легально окунуться в коммерческую стихию. Подобно леммингам, идут они гуртом топиться, и не втемяшить им в головы, что без начального капитала нечего делать в этой сырости и непредсказуемости. Верит каждый в свою счастливую звезду, что сосед-то по очереди глупее, а он — кандидат таких-то наук или кстати на бухгалтерше женился. Ах, сколько их, крутых и речистых, каждый со своим «ноу-хау» толчется по исполкомам, регистрируя каждый свой «Олед»! Подуставшие от безденежья, отчего мало-словные, сходятся они поредевшим числом в другой очереди у Минфиновской приемной, чтобы исчезнуть вскоре навсегда, так и не обогатившись на шару. Выплывают единицы. Есть и патриоты — фермеры, поделщики, надевшие хомут по привычке трудиться честно. Ну и что? О поле, кто тебя усеял белыми костями! Нет морковки. Пшеница канадская. Баранина австралийская. Бараны наши. Кредитов не дают.

«Олед» зачинался в счастливую пору прятания партийной кассы. Куда угодно, лишь бы холопам не досталась! Зачинатель, Альберт Григорьевич, застенчивый тупица со Старой площади, бабой обладал нахрапистой. Как только прямой эфир перестал скрывать огрехи генсековской речи, она созвонилась с подругами по дачам в Красногорске, вызнала необходимое и объявила мужу решение: пора создавать «фирму». И взять исполнительным директором одного знакомого ее подруги, который Крым и рым прошел. А деньги для уставного фонда и на обзаведение выколотить у того знакомого, который им туалет заблевал в позапрошлый Новый год. Он у Кручины в отделе. А если заупрямится, то она ему напомнит, как в 1977 году на майские праздники она, еще не замужем за таким балбесом, и Зойка с Каляевской... В общем, напоминать не пришлось. Пока реги-

страция, то да се, на расчетный счет фирмы упало полтора миллиона рублей, деньги до августа девяносто первого крупные. Через год расторопный исполнительный директор накрутил к начальной сумме пару ноликов, открыл ресторан, магазин и с почетом выпроводил Альберта Григорьевича из учредителей. Тут прежние связи не помогли. Новый глава фирмы на Зойку с Каляевской не ссылался бы, Альберт Григорьевич в его силках запутался сразу.

Разошлись полюбовно, с хорошей компенсацией за молчок.

Но раньше-то Альберт Григорьевич насилывал телефонный аппарат для себя, для общего дела, так сказать, теперь выполнял просьбы своего бывшего зама. Кляня тот день, когда свела их нелегкая, он обзванивал дружков-приятелей, терпеливо торя дорожку к единственно нужному человеку. Коммуняки-аппаратчики — самое прочное полковое товарищество из ныне существующих. Таких не водилось в ордене Иисуса Сладчайшего, Игнатий Лойола и не подозревал, сколь продуктивно расхристаные большевистские вожди использовали его генеральную линию «цель оправдывает средства». Тот обогащал свой орден, аскетствуя, эти себя не обделяли в первую очередь. Тот обирал сиятельных владык, эти драли шкуры с единственного — своего народа. Народ и партия едины. Вступим в светлое будущее, там и поделимся. Чудненько устроились. Мелкий августовский озноб перемогли и опять народ смущают, еще и огрызаются.

«Как так, — сокрушался Альберт Григорьевич, исполняя очередную просьбу своего бывшего зама, — такая силища была, в один день типчики, подобные моему заму, растоптали! Меня, до мозга костей осторожного, как непотребную девку, подмял под себя за три целковых!»

Ну, не за три рубля, а за три тысячи зеленых, но подмял — точно. Уговорил он Альберта Григорьевича подмахнуть немцам вполне невинный контракт на поставку промышленных отходов. И проскочили за бугор некоторые редкоземельные металлы. Что такое благородные металлы, Альберт Григорьевич понимал, а редкоземельные относил наивно к «никуда не годным». Таблица Менделеева из его головы давно выветрилась, а в Университете марксизма-ленинизма учили руководить. Потом он обучался в Академии внешней торговли и приналег было на английский язык, но крепко опарафинился, доказывая на приеме в американском посольстве, что *extraordinary* в переводе с английского означает «самый обычный, заурядный». Экстра — самый, все это знают, а ординари — пардон, заурядный. С тех пор он подобные потуги оставил. Его дело — руководить, а географию пусть извозчики учат, им платят за это.

Примерно так он вычислял своего зама. Еще и радовался, как ему толково служит зам, с какого-то дрянного контракта обещал долларов дать, нигде не учтенных. Контейнер с осьмием по сорок пять тысяч долларов наличными за грамм благополучно пересек границу, но Альберт Григорьевич волновался очень: не забудет ли зам выполнить обещание, не обманет ли с долларами, три тысячи посулил...

Не облапошил зам. В одно прекрасное утро вручил ему три-

дцать бумажек с портретом президента Франклина. Разулыбался Альберт Григорьевич: верно служит беспородный! На Старой площади всякого вида довольствия хватало, но все оно подотчетное, везде инструкция, кому, чего и сколько положено, а тут живые доллары без росписи в ведомости, ноги домой просятся, жену порадовать и вместе в «Ирландский дом» махнуть, а зам невинно бросает: «Только никому, Альберт Григорьевич, ни слова, будто и не было никакого контракта». «Как это — не было? — из благостных грез вернулся Альберт Григорьевич. — Семен, приятель мой, замминистра, его курировал, Николай Петрович опять же пробивал, пусть и отдуваются в случае чего»; «Что вы, — наставляет зам, — тут хищением пахнет в крупных размерах, Сеня и Коля контрактов не подписывали».

С небес на брентную землю, называется. Там и добровольный уход с поста главы фирмы, и отлучение из учредителей, и служил он потом своему бывшему заму бесплатно, лишь бы не всплыл злополучный контракт, а три зеленые тысячи хранил без огласки в «Справочнике по экономике для партийных работников», обходя его взглядом.

«Вот тебе и «Олед», семейная фирма!» — нет-нет да вспомнит Альберт Григорьевич свой казус. Никогда ему это название не нравилось, зам придумал. Не лежала душа, партийное чутье не подводило, а почему — натаска притупилась, грамотешки мало.

Мы, оледовские, без объяснений поняли, чего вдруг Альберт Григорьевич оставляет фирму. Собирал нас в команду не он, сверх зарплаты подбрасывал не он, и служили мы не ему, а «Оледу», душой которого с первого дня был нынешний президент.

44
Без подсказок мы поняли: Бобу наш президент избрал для заключительного аккорда. Дураку ключи от города вверяют только в одном случае — для сдачи города. Умные от ключиков загодя освобождаются. Вон Гаврила Попов, главный стольник: поморжевал на публику, пожировал для близких, Москву в поймаку превратил, а теперь, говорит, чистым делом займусь, в политику душа рвется. Будто великую державу по миру пустить — не политика... Все эти местечковые дельцы, квазидемократы из одной жуликоватой команды вышли, из КПСС, а наш президент политику у лагерной профессуры постигал, десять лет на свои университеты потратил. Вор в законе. Честнее воров в законе дельцов нет. Сказал — сделал. За что жулье их и побаивается, зато нормальный деловой мир уважает. С нашим такие боссы ручкаются, какие вороватой нынешней знати и не снились. Ротшильдово семя — не слабо? Кто, к примеру, Бурбулиса в потайную картинную галерею пригласит? А нашего приглашали. Богатый человек с кем попало не водится, отменный нюх. У всех нас чутье навалом, да что с того, когда мы по телевизору видим Бурбулиса и понимаем — вылитый Бурбулис. Все мы — как те борзые: гоним лису, а шапочки другие носят, зайца затравим, а мяско хозяину, нам краешка черствого. Вот и наловчились приворовывать да помалкивать, когда ключи от города у дурня. Еще хуже, когда они у проходимца. Такой полцар-

ства за коня отдаст не моргнув глазом, а за свое хлебное место страну кровью зальет.

Наш Боба из первой категории властителей. Оно и лучше. Сидим, помалкиваем, кандидатуру Бобы поддержали беззвучно. Пусть его. «...Так ты палкой, что в углу, проскочить пособи ему», — точно, каждому из нас вспомнилось, все усмехнулись. А стишата Бобовы, много нам веселых минут доставили.

Тут все просто. «Бабуин» открывали на бойком месте для состоятельных клиентов и для своих незаметных сходов за эстрадкой. Занюханное прежде помещеньице двадцать на сорок отделали зеркалами, дубом, кабинеты встроили для интима, швейцар-привратник в красивой фуражке, ребят наняли в гигиенной форме, входной билет десять штук стоит, не всяк в «Бабуин» сунется. Зато сервис на любой извращенный вкус. Парное мясо, шампиньоны, шампанское и рябчики, само собой, девочки «ню» встречают гостей, клиентами они становятся в процессе активного отдыха, было бы желание. И все пристойно. Кто с кунилингом и прочими штучками — под стол, кто купчихку без фантазии прихватил — пожалте в специальный кабинет, за отдельную плату.

С чем нам не повезло, так это с туалетом. Общій, с кафелем и дезодорантом, работал исправно, а наш персональный — мало того что узкий, как гроб на попа, так еще и забивался ежедневно. Не мозолить же глаза гостям, не ходить через весь зал в общій. Чего только ни предпринимали, каких сантехников ни обвораживали, а наша «белая лебедь» корм слдатывала плохо и сплевывала его на пол. Видать, сработали фановую систему в нашем здании еще рабы Древнего Рима, завезенные царем Горохом по культурному обмену. Или, что одинаково, в пору развитого социализма очередной перестройкой загробили. Нам не легче, президент от несносного характера белой лебеди бесился.

Как раз в пору очередного президентского гнева в «Бабуине» появился Боба, спасенный президентом на помойке. Отмытый и накормленный, он рьяно желал отработать свое спасение.

Выходил наш президент к белой лебеди чего-то не в духе, мы к дальнейшей беде приготовились, а вернулся в слезах от смеха.

— Ты автор? — пригвоздил он пальцем Бобу.

— Я, — с достоинством подтвердил Боба.

Мы в непонятии головами вертим.

— Главпальто, иди в белую лебедь, ты у нас, пожалуй, самый тонкий ценитель прекрасного, — хохочет президент и Бобе пачку десятирублевков кидает, — ох, развеселил...

Возвращается Главпальто, пачку десятирублевков Бобе и от смеха давится. Мы — не исключение. Туда с удивлением, обратно — пачка денег наготове и в хохот. А Боба наши дары с достоинством во внутренний карман свежешкупленного пиджака отправляет.

В общем, так: закрываешь дверь, готовый осесть на белую лебедь, а на двери в семь цветов радуги текст. Вначале что-то там про общественное, что белоручки России ни к чему, поэтому вам дружеский совет: «...Если масса велика сброшенного кала,

так ты палкой, что в углу, проскочить пособь ему». В баночке сбоку действительно квач. Авторская работа, нарочно не придумашь.

С того дня Боба вошел в авторитет, гигиена коллектива легла на его узкие плечики. В грязные делишки президент его не пускал — поэт, он и есть поэт, трешло, — зато на переговоры с зарубежными гостями Бобу возили регулярно. Порой казалось, что от шлепка его ладошки по столу зависело подписание контракта. Как ни странно, границ дозволенного он на людях не переходил. Сидел в позе мудрого аксакала и помалкивал. Вовремя президенту или Главпальто поддакнет, и опять молчок, а заморские дуралеи все речи к нему обращали, переводчик только в его сторону переводил. Недурной имидж Боря себе среди иностранцев составил.

Нашел его наш президент форменным образом на помойке. Задним ходом сдавал «мерса» во дворике на Арбате, а тот уперся во что-то. Пришлось выходить, глянуть. Асбестовые трубы лежат. А метром дальше мусорный ящик, и что-то из него торчит и вроде шевелится. Президент на всякий случай газовый баллончик в кармане сжал. Живое в ящике существо, а время позднее.

— Чего уставился, нэпман сраный? — произнесло оно тоскливо. — Последнего российского пиита не видел? Душегубы проклятые, разорили страну, росс гордый обнищал.

Это последнее вызвало созвучие в душе президента, он проникился к существу в ящике.

— Но зачем же гордому росу в ящик забираться?

— На ночь устраиваюсь, не понятно, что ли? — отвечало оно. — Гостиничный номер в центре столицы. — И Есенина продекламировало про бездомных собак и лошадей.

— Я дам вам денег, найдите место попрличней.

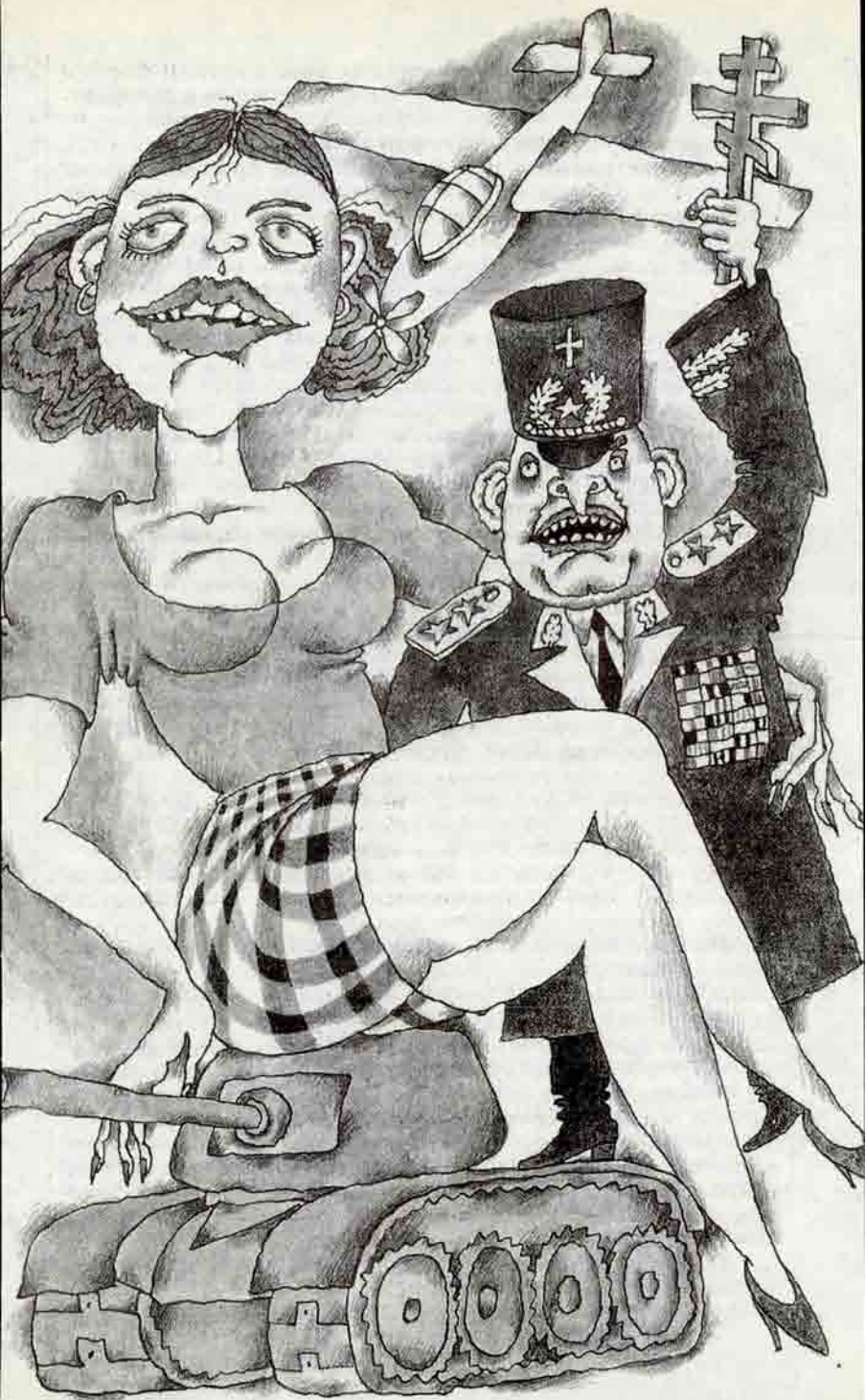
— Денег он мне даст... Три рубля на опохмелку? Я гордый, меньше тысячи не беру. Плыви отсюда, дерьмо зеленое!

И не обиделся ведь на такую отповедь президент! Когда человек от трех рублей отказывается — это уже позиция, имидж. Не стал он пиита дензнаками соблазнять, а уговорил престиж русской поэзии в фирме поднимать. В «мерса» усадил и вывез в другую жизнь.

Мы-то сначала думали, президент очередную собачонку спасает, очередную часовенку за грехи наши возводит, ан нет. В бизнесе такие вещи — рядовой случай. Обычные коммерческие операции просчитываются в денежном измерении, крупные аферы — в единицах наглости. Поэтому Боба пересел с приставного стула в кресло исполнительного директора.

По обыкновению, мы, перекусив и обговорив дела на завтра, разбегались всяк в свою сторону. Не принято у нас в отсутствие патрона кучковаться, как бы ни свербило почесать языки. Телефон — милый друг, доверенное лицо, трепись сколько хочешь, а мы терялись в догадках, ради какого дельца отдавал на заклятие гадкого агнца босс.

Поздравили Бобу и после кофе-капуцино разъехались вслед за президентом. А Боба задержался. Не утерпел!

Утром в офисе на Готвальда мы узнали подробности презентации вновь испеченного исполнительного директора и радовались бы событию не менее, чем стихатам про белую лебедь, но вот беда, президент нашей готовности не разделял.

— Ты чего, курвий пух, натворил? — допрашивал он свою секонд хэнд с пристраиваем и в нашем присутствии. — Любовницу Шамиля по заднице хлопнул — ладно, свои люди, она тебе сдачу на физиономию выложила. Швейцара увольнял, куртки тебе не подал — тоже приемлемо, чихал он на тебя с высоты ворот, как на рядового барана. Каратиста перед охраной изображал — это твое личное спортивное счастье, им чучело для тренировок сгодится. Но кто тебе позволил шеф-повара учить готовить?

— Непрожаренный беф подал, — дрожал слезой голос Бобы.

— Так тебя мэтр спросил: вам лондонский или обычный? Обычный вашему благородию не подошел, лондонского захотелось, а он с кровью и подается. Понял, балбес эдакий?

— Непорядок, босс, в «Павиане», когда вас нет, — не унимался Боба. — Полный бардак, темные личности, минетчицы под столами, у нас престижное заведение — как это, как это, не могу, хоть увольте, а повар хоть бы объяснил, я ему по-русски, а он драться полез... — круче заплакал Боба.

48
Наши зачерствевшие на звериных коммерческих тропях души жалели его натурально, когда мы представили здоровенную, как американский бифштекс, ладонь повара-афганца, немого от рождения и незаменимого спеца, которой он отшлепал Бобу по заднице. Ссадины и синяки на его физиономии вызывали недоумение: наш повар — существо мирное. Не иначе с белой лебедью лобзался, куда охрана спровадила Бобу до выяснения обстоятельств.

— Запомни на будущее, — прервал сентенции Бобы президент, — кухня — удел посвященных. Отныне ты в «Бабуин» не ходок. Сиди в офисе. Топай, осваивай рабочее место.

На потуги остаться в посвященных президент внимания не обратил. От Бобы отмахнулся. Всех отпустил. Главпальто остался.

Маленько шеф не прав, считали мы. Ранимая душа пинта может кровоточить бесконечно и мало ли какую заразу подхватит. И это в то время, когда станция метро «Речной вокзал» закрылась на очередной ремонт. Ну, не осилил мужик пьянящих ветров на вершине, сорвался, бывает. Его вельможный тезка при невыясненных обстоятельствах где-то за городом очень недорого в осенней водичке полоскался — сошло. Не в Штатах, чай, живем. А сколько Майклу нашему сходило за отлучки? Как исчезает речистая птица, жди событий. Кто-то скажет: так, доисчезался! Так и вотчины нет. И это не наша мораль, у партийцев своя: ворон ворону глаз не выклюет. А Боба беспородный, без морали живет, его ранимая индивидуальность могла всем нам стоить дорого.

Отсутствие морали — тоже мораль. Из уст самого Бобы мы неплохо знали послужной список его подвигов. В застойные годы, живя в глубинке, слыл он диссидентом. Шумел по всякому

случаю, авторитет нарабатывал среди обывателя. Этаким справедливцем в партийных рядах, буревестник: куда хочу, туда лечу. Но за кормом к партийным бонзам летал. Дадут новую квартиру, он отдохнет от летаний немного. Машину из партийцев выколотит, еще отдохнет. Надоело, исключили из рядов. Так не важно, что ростом мелок, фигурой хлипок — бульдозером въехал на Старую площадь, первые же дубовые двери с ходу протаранил. Едва от партийцев перестроечным душком понесло, Боба кинул свой партбилет — и в горнило событий, в Москву, в «Апрель» записываться, телефон Приставкину оборвал. Записали, деваться некуда, у Маринки Приставкиной от слов «Это я, Мосюк» аллергия началась. Апрельская кампания завершилась, но Боба коня не расседлывал и в августе подъехал к «Белому дому». Он так активно требовал допустить его в ряды ближайших сподвижников Ельцина, что сподвижники забеспокоились не на шутку: а как этот нахрапистый потеснит их у пирога, подобных себе шустряков соберет — ради чего тогда весь спектакль затевался? Нетушки, чужаков не надо, у самой кормушки орать не принято, тут давай глотай сколько сможешь, пока не оттеснили. Стащили Бобу с коня, подальше за баррикады оттащили, на всякий случай набив морду. В демократах Боба разочаровался немедленно. На голодный желудок в демократы не записываются. Голодная, израненная душа последнего пиита России не заживала до самой встречи с нашим президентом.

И вот очередной ляп, рана открылась, жди разворота в неведомом направлении.

— Патрон, на мой взгляд, пиит не та фигура для завершающей комбинации, — перво-наперво выложил свое мнение президенту Главпальто. Ему полярное суждение разрешалось.

Главпальто пользовался особым доверием президента. Все мы были в особом доверии в зависимости от сути дела. Главпальто имел тонко чувствующую душу на колебание цен и ценностей. Он имел толк в смесях, будь то прозрачная заметка в «Правде», грузин с чемо таном или предложение купить недорого партию дорогих автомобилей. Выходец из уважаемой знати валютных барменов, он артистично вел свое дело, подобно мэтру сцены не заглядывал в роль, импровизируя по ходу действия. Начинал большой бизнес Федя Званский с покупки двух мешков «арабики», по газетам вычислив предстоящее повышение закупочных цен. В «Оледе» Главпальто первым открыл личный счет в зарубежном банке, первым купил домик в Бенилюксе. Для нашего президента он был безотказной отмычкой для тех помещений, где ладно сидящий костюм стоит больше дорогой английской тройки. О вкусах не спорят, президент тотчас повторил шаг Званского, не вдаваясь в подробности. Советов не спрашивал: сам артист, он талантливо подражал Феде и превыше всего ценил его вежливую независимость.

— А я Борьку не для этой цели брал, — скрестил свой прищур глаз президент с открытым взглядом Званского. Главпальто не потупился. — Последнее время нашего пиита потянуло к сильным людям. Жириновского он в грош не ставит, сам такой, а Проханов со Стерлиговым ему импонируют. Кстати, по его

совету я перевел некоторую сумму активистам Гражданского Собора или как его там.

— Ваши дела, — аккуратно повел плечами Главпальто.

— Федя, после смерти Ньюмы Четырботского ты моя главная опора. Я в тебе не усомнился. Разве ты во мне?

— Ни в коем случае.

— Тогда потерпи. — Президент помолчал, и Главпальто помолчал. — В зоне у подобных крикунов были четко определенные обязанности. Смекаешь?

— Не сидел, но дагадываюсь.

— Ол рихт, как сказал самостоятельно изучающий английский язык, закрывая журнал «Нев тимес», — пошутил президент. — Присядь, дело есть. Завершающая, как ты выразился, комбинация.

Правы были все мы, предчувствуя последний рейс «Оледа».

— Есть отличная устная оферта моего давнего дружка из Лас Вегаса...

Недурно, оценили мы, раскладывая позже интересный пасьянс. Тузы к тузам, короли к королям, шестерки к шестеркам. Складывалось. Беневито Арнольди, король шоу-бизнеса и рулетки, в свое время помог нашему президенту открыть валютное казино. Как они делились — их дело, нам перепадало стабильно, будто одновременный выигрыш на чет и нечет, на красное и черное. Не много, но стабильно. Однако что можно выжать из рулетки больше?

— А ты не торопись, — перехватил наш президент немой взгляд Званского. — Наш общий знакомый хотел бы купить...

«Хотел бы купить...» — затаив дыхание, трепетали все мы над интересным пасьянсом.

— Хотел бы купить, — повторил президент, — тело Ленина.

— Вот это да! — сгребли мы сошедший пасьянс в кучу.

— Блажь, — усомнился в пасьянсе Главпальто.

— А десять зеленых лимонов наличными?

— Интересно, — не торопился с выводом Главпальто.

— И зачем для всего этого Боба? — недоумевали мы. Понятно, у Беневито масса неотмытых долларов, сейчас в России только и отмывать их, скупая стоящие цапки и расплачиваясь наличными — русские нувориши охотней доверяют наличности, «оплате по факту», и закон тяготения таков: скупается все, что еще не продано; продается все, что попало в поле зрения и плохо лежит; завтра будет поздно, если не поспешить.

— А завтра может быть поздно, — заключил президент.

— Но при чем тут Боба? — ничего мы не поняли.

— Да, скажи главпотеху, пусть он выведет нашего пиита на «Память», на Гражданский Собор, познакомит с кем надо... Пора.

Главпальто помедлил с ответом, чуть склонив голову, словно прислушиваясь к мелодии заключительного аккорда издалика, и ответил уверенно:

— Понял, шеф. А звонить Альберту Григорьевичу вы сами станете?

— Нет слов, — развел руками президент, улыбаясь.

Звонку бывшего зама Альберт Григорьевич, конечно, не обрадовался, а вопрос о драгоценном здоровье вовсе игнорировал.

— На службу хожу, скриплю, — отвечал он уклончиво.

— Куда? НПО «Прогресс»? Советник? И сколько это в деньгах? Три штуки? Альберт Григорьевич, вы шутите. В «Оледе» курьер получает пять. Я шучу? Ничего подобного. Давно вам предлагал место советника. Да, прямо на дому, по совместительству. Десять штук в месяц. Первый раз слышите? Короткая память, Альберт Григорьевич. Кстати, вас зарплата уже два месяца ждет с последней услуги... Конечно, приходите, получайте.

Куснув пирожок, Альберт Григорьевич отказываться от лакомства не хотел. Подвоха боялся, но объявили новое повышение цен на энергоносители, а еда — самый первый энергоноситель, и Альберт Григорьевич принял дар.

— И что я должен делать? — на всякий случай позондировал он почву. Стремительные новации в стране отучили привередничать, но научили среди наживок выбирать пожирнее.

— Ничего особенного. У меня чисто спортивный интерес. Слух прошел, будто скоро мавзолей порушат, и хорошо бы оказаться рядом, собрать кирпичики. Помните, что творилось, когда ломали Берлинскую стену? Абсолютно верно: пять марок за кусочек бетона давали. Расстарайтесь, Альберт Григорьевич. Без шума узнайте, что, когда, куда тело вождя перевозят...

Президент улыбнулся, представив унылый нос Альберта Григорьевича, которым он примется рыть подкоп под мавзолей. Обязательно будет! Наш президент знал сокровенную тайну Альберта Григорьевича и уверенно пользовался этим — бывший партаппаратчик с детства мечтал стать разведчиком, и лишь природная серость мешала проявиться его таланту, а может, нос, которого он всегда стыдился. Мечты детства остались мечтами в юности, потом кто-то из комсомольских вожаков института обратил внимание на одну особенность: при всей неспособности Альберта Молочкова к наукам конспекты он вел с особой педантичностью — все по полочкам, все аккуратно разлинеено, расчерчено, записано четким почерком. Молочкова пристроили вести картотеки в секторе учета, заполнять анкеты на комсомольцев. Орготдел райкома явился для него тем местом, где развернулся его талант вширь и вглубь. Таких досе на учитываемых коммунистов не имело гестапо, заслуга целиком Альберта Григорьевича. Он неустанно корректировал их, внося новые данные, но умение по этим данным предопределить поступок так и оставалось в тени, и тогда Альберт Григорьевич завел отдельную картотеку для себя, где и делал заключение: этот сопьется, этот разведется, этот не сопьется, не разведется, но ни в коем случае нельзя назначать его на руководящую работу. Ни разу он не ошибся. Цветок его таланта рос и цвел, заполняя все свободное пространство квартиры, а на свободу не выбрался. Можно констатировать: загублена еще одна яркая судьба коммунистическим режимом.

Зато наш президент мимо талантов проходить не привык. Наконец-то способности стали приносить Альберту Григорьевичу

ощутимый доход. По личной картотеке он разыскивал нужного человека и, неплохо интригуя, добивался искомого.

Предопределить поступки бывшего зама он не мог — не вели в фирме досье на ее работников, чему Альберт Григорьевич сожалел. А без анкетных данных много не вычислишь.

Время бежало стремительно, Альберт Григорьевич видел это по исчезновению неведомо куда своих респондентов, и он торопился разрабатывать единственный свой пласт с максимальной для себя пользой.

К Новому году принято дарить и принимать подарки. Тимуровокоманда одарил всех нас новым повышением цен, пока левые и правые ждали съезда, мы отдарились повышением цен на харчи и шмотки, будто раскланялись за любезность, на чем официальная часть новогодних торжеств завершилась, если не брать во внимание ожесточенных перестрелок на Кавказе и в Средней Азии, волнений в самой России, открытых бунтов, полнейшего развала всего государства. Салюты, фейерверки да народные гулянья — не более чем. Так читалось на лицах первых лиц государства. Совковое правительство тем и примечательно — оно может жить автономно от самого народа, он даже мешает ему работать, раздражает. От такой напасти помогают прежние рецепты: спецтранспорт, спецбуфеты, спецдачи и держиморды на кордонах. Нормальный ход, с Новым годом, дорогие товарищи!

Кому-то стало не хватать на бензин, кому-то на водку, кто-то клялся в микрофон, что последний раз ел три дня назад, и всему этому можно верить, как верили мы много лет про загнивание капитализма и бедствия рабочего класса за бугром.

Одарил нашего президента Альберт Григорьевич сообщением о действительно предстоящем сносе мавзолея. О перезахоронении тела вождя умолчал. Стал он скуп и прижимист, информацию отторгал кусочками. Президент посулил премию в размере трех окладов и поторопил с завершением подкупа. Через день Альберт Григорьевич докладывал, покручивая в руках карандаш, которым только что расписался в ведомости на получение премии: вынос тела решено приурочить ко дню рождения вождя, когда оголодавший за зиму народ истово займется огородами, и плевать ему на всех вождей, кроме собственного желудка.

Неплохо накопил Альберт Григорьевич. А вот пиит наш зарылся. Какой-то он надменный стал, на козе не подъедешь. Ни хрена в «Оледе» не делал, а восседал в своем кабинете с видом унтера Пришибеева, и лишь щеточки усов не хватало для сходства со знаменитым фельдфебелем.

Президенту жаловались на Бобу: хамит, во все дырки суется, а он отмахивался и благосклонно замечал: «Матереет наш пиит, матереет...»

Мы-то понимали, что все это игра кошки с мышкой, но вдруг та ускользнет в норку из-под когтистой лапки? А президент совещался с главпотехом с глазу на глаз и мер не принимал.

Пост главпотеха у нас занимал отставной чекист, для него эту должность и ввели. Ушли его с Лубянки при Андропове в чине подполковника, молодого и перспективного: не во время гавкнул.

Посчитал, новые времена пришли, и ошибся на шесть лет. За эти годы он намытарился в дворниках, в слесарях, в грузчиках и озверел на советскую власть. Перестройку он принял как очередной трюк партийных верхов. По пивным он не философствовал, но в звездный час, видать, прорезался в нем дар речи, когда услышал его наш президент у пивной на Курском вокзале. Дело было сразу после окончания знаменитой партийной конференции, где два игрока блестяще разыграли на публике ферзевую пешку. Один соответственно прошел в ферзи, другой взял тайм-аут. Оба играли одну беспроигрышную партию, а в таймауты публиковали многочисленным тиражом записки из серии «Моя партия: как я дошел до жизни такой». Оболваненная публика их почитывала.

У пивной морально озверевший бывший гэбист взъярился на сторонников Ельцина.

— Вы где видели честных коммунистов? — наседали на него. — Это звучит так же, как честный бандит!

«Правильно, — уловил президент созвучие своих мыслей со словами будущего зампотеха. — Только говорить такие вещи надо на приличном расстоянии от банды».

А приглянувшийся ему мужик не унимался:

— Кому поверили? Горбачев понял, что дни его шайки сочтены, вот он и сделал обходной маневр — делает святого из Ельцина. Потом его на свое место, а пока суд да дело, шайку свою оба пристроят на хлебные места и опять народ доить до крови.

— Да ты че, ты че! — прихватили ручки пивных кружек на манер курков сторонники опального Ельцина. — Боря честный коммунист и примазавшимся к партии головы скрутит!

— Э-э, заладили, — сплюнул от злости оппонент Ельцина. — Хоть одного назовите, кому из них когда-либо голову скручивали?

— При Сталине скручивали! Всем подряд проходимцам!

— Оно и видно, какие вы с тех пор безголовые...

Заявление опасное для такого места, и президент вмешался:

— Мужики, по четвертной на нос, пиво разгружать на дворе! — И тихо критикану: — Давай отсюда, сейчас клюв нащелкают.

Нашего президента везде принимали за своего. Мужики ринулись на двор, критикан дал увлечь себя к «мерседесу» и дальше — в «Олед».

— Да что же я делать здесь буду! — взмолился бывший чекист Николай Петрович Крюков, услышав, что с завтрашнего дня он становится заместителем президента по технической проработке операций с окладом в три тысячи рублей. Сумма в конце восьмидесятых дай Бог каждому.

— Не кипятись, Николай Петрович, — успокаивал президент. — Ты правильно мыслишь, а это главное. Едва ты наденешь костюм от «Марка и Спенсера» да сядешь за руль «вольво-740», к тебе потянутся люди. Те, кто вычеркнул тебя из списков ныне здравствующих, теперь сами опасаются той же

участи. Вот ты и руководи массами. Кто владеет информацией, тот владеет амуницией. Ясна мысль?

Мысль отставному чекисту понравилась, но за рулем иномарки он себя представить не мог.

«Мафия здесь», — решил он, подыскивая повод, чтобы уйти и не вернуться. К мафии он питал не меньшую ненависть, чем к коммунякам, всосанную вместе с бормотухой за шесть лет вхождения в рабочий класс. Это-то сейчас и проявилось на его лице.

— Боишься, к ворам попал, народ обжуливаем?

— Есть такой резон, — кашлянул в кулак бывший чекист.

— Тогда слушай. Я вор в законе, десять лет мотал срок по лагерям. Но той животной ненависти к советскому режиму не питаю, какую, наверно, питаешь ты. А потому что не позволил из себя сделать быдло, как ни старались мои лагерные Хиггинсы и лагерное начальство. Я остался человеком благодаря неистовому желанию пожить человеком, когда настанет мой черед. Сейчас мне сорок три, я знаю литературу, искусство, музыку — ту музыку, которую называют классической, — подчеркнул наш президент. — Если можешь, проверь. Я изучал это, чтобы управлять своими эмоциями и пороками тех, кто неисправимое быдло, из каких бы золотых корыт оно ни хлебало. И мое время пришло. Если же ты думаешь, что мои руки грабят Россию, ошибаешься снова. Здесь все давным-давно разграблено или превращено в хлам. Мы одни крохи подчищаем.

— А простых людей не жалко? Последнее у народа тянешь.

54 — Народ? Какой народ? Тех, кому вроде бы платили, а они вроде бы работали? Не жалко, Николай Петрович. Это быдло. Ты вспомни, к чему этот народ приучили: не лезь куда не просят, помалкивай и будешь жить, как все. А как жили? В бетонных каморках с унитазом в изголовье от тесноты. Поел и в стойло. А что ели? Нитраты и гнилую картошку. И помалкивали... Как же можно уважать такой народ? Нет, Николай Петрович, ты мне «Рабыню Изауру» не крути, плакать не стану, я богатый. Пусть теперь плачут все чванливые дешевки, успевшие обзавестись «жигулятами», дачами и дебильным потомством, считавшие, что их уклад жизни никогда не изменится. Изменился, Николай Петрович. Я «мерседесы», как перчатки, меняю, а их сраные «жигулята» на решето похожи, у меня вилла в Люксембурге, а им в бетонках вековать. И так им и надо, пусть сосут двадцать первую лапу, если не заставят себя думать иначе, стало быть, работать, а не придуриваться, тогда у них кое-какой шанс появится выбиться в люди из быдла. А я делаю деньги не для одного собственного обогащения, мне в скором будущем отстраивать захезанную территорию с вечным именем Россия. И деньги эти у меня никто не отымет, поскольку лично для меня уравниловка отменяется, я своего кровного быдлу не отдам.

— Складно излагаешь, — кивнул отставной чекист. — Я бы поверил тебе, да больно название твоей конторы доверия не внушает.

— Так мы пока в Зазеркалье находимся, — усмехнулся наш президент. — А ты хотел, чтобы я трудягой фермером надорвал-

ся, так и не взрастив пшеницы, прибитый бывшими аппаратчиками и бездарными законами? Или ты знаешь способ обогащения с незамазанной задницей?

— Так обогащаешься все-таки? Наворуешь и за бугор? — гнул прежнюю линию отставной чекист.

— А тебе классовое происхождение не велит обогащаться? Или наш дорогой Ильич до поры до времени в Мытищах отсиживался?

— Претит. Мне от жизни много не надо.

— «Жигуль», квартиру и бабу на сносях?

— А этого мало?

— Так ты для такого минимума и работать станешь вполсилы! — засмеялся наш президент, а отставной чекист обиделся:

— Для нормального человека хватает... Впрочем...

— Что впрочем?

— Разного мы поля ягоды.

— Присловье. Все ягоды с одного поля. Только одна созрела, а другая недоспелая. Давай-ка, Николай Петрович, дозревай и приходи. Либо у тебя появятся деньги для нормальной жизни, либо останется упрямая башка, умная, между прочим. А с какой стороны баррикад в нее пулю всадят, разницы нет. Ты, как я понял, не за левых, не за правых — в последней стадии созревания.

— Подумаю, — буркнул отставной чекист. — Ты, кстати, за какие подвиги десятку отсидел?

— Сел за мелкое хулиганство на три года, субчика одного отделал, остальное в зоне намотал: побег, сопротивление охране. Вот тебе и первое задание, Николай Петрович, проверь сам, за что сидел, разузнай через старых друзей. Через неделю жду.

В назначенный срок мы со всей душой приняли Колю Крюкова в фирму. Оказалось, шьет мужик классно и не пьянеет, язык попусту не дронит, компанейский на все сто, а работает — недорого. Что там рассусоливать, добрая закваска в чекистах! И только вечное наше скотство превращает крюковых в крючковых. Это зампотех приучил нашего босса интересоваться ремонтом станций метро. На всякий случай, вдруг «мерс» подведет, а такси нет.

Да, кстати: «740-ю» из нашего гаража зампотех не взял. Обычную «девятку» куда-то сгонял, движок отрегулировал, заодно телефончик «сателлит» установил. И с этим ясно: практика.

Боба, пришедший в «Олед» годом позже, Крюкова невзлюбил. Без году неделя, а фыркал. Завсегда бараны перед волками кручеными рогами похваляются. На шестилетнее пребывание отставного подполковника в рабочем классе внимания не обращал. А ведь оба в те доледовские поры хаживали на митинги. Видать, разные пружины толкали. Первый к трибуне рвался, в ближайшее окружение, будто ему ниспослано свыше руководить. Другой молча слушал в толпе, грамотно отделяя семена от плевел, но заслушивался и упускал момент, когда трибуны-оратаи перепыхивали толпу в ревущее стадо. С этого момента его можно кормить исключительно плевелами, резать на шеренги или прогонять сквозь мясорубку на коммунистические котле-

ты. Но что-то ведь гонит недовольных на Манеж, под Останкинскую башню, всюду, где подобные им, обиженные и оттесненные? Именно: им подобные — стадное чувство! Мы с тобой одной крови, у тебя нет денег, у меня нет, это ммм-у-учительно. А забодаем всякого, кто не с нами! И закипит мутная кровь, сдобренная бормотенью, и давит стадо копытами старушек, прошедших сочувствовать, а рога крушат витрины за их холодную отчужденность, за то, что отделяют неведомый и недоступный мир, потому и ненавистный.

Неприязнь Бобы к зампотеху мы разглядели сразу. Она сочилась вместе с эпитетами, до которых пиит был горазд. «Недобиток», «отставной гэбист»... А сидели ведь разно! Боба на приставном стульчике, а зампотех, если не одесскую от президента, то ошую точно.

Мы с интересом ожидали, каким образом установится статус-кво. Президент не вмешивался: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Таков закон, выверенный им в зоне.

Забодать Бобу отставной чекист мог изощренным способом, мог и грубо, но чувствительно. По опыту мы знали: едва Бобе наколотят задницу, он на некоторое время обретал стабильность, замечал окружающих и выпрашивал сочувствия.

56
Замирились они восхитительно просто. В вечер своей неудачной презентации и бодания с белой лебедью вызволял Бобу из «Павиана» зампотех. Вывел его через запасной выход во всем непотребстве и лебязьем пуху на свежкупленном пиджаке, в обход сглаза и злорадства челяди «Павиана». Ключ от этой двери имели только президент и зампотех. Первый плюс. Он завез Бобу в сауну, омыл и высушил слезы. Второй плюс. Боба читал ему стихи и с удивлением слушал целые поэтические главы из Пушкина, Блока, Есенина в ответ, что автоматически тянуло на плюс третий. С той сауны Боба называл зампотеха исключительно Николаем Петровичем, бодаться прекратил, пока над его губой не стали пробиваться фюрерские усики, и это означало: Боба всех нас не уважает, он на голову выше и покажет еще всем.

Эх, плоть человеческая! Невдомек же Бобе, кто его в фюреры подсаживал. Решил, за бойцовские качества — петушок новой революции, красный перчик в российскую бурлящую похлебку. Вышло, наш президент сберег его для собственного варева не перчиком для остроты, о мясе и говорить нечего, а тем, что японцы называют «адзи-но-мото», «основание вкуса». Добавишь в блюдо и понятней оно: мясо — мясистее, курица — куристее, рыба — рыбистее, как утверждал большой правдист и знаток японской кухни Всеволод Овчинников. Другой классик современности подобный проявитель искомого расшифровал иначе и вынес в название романа. «Наш человек из Гаваны». Вот кем довелось стать нашему пииту, чего он не подозревал, в стане российских шикльгуберов и полозковых под нинюандреевским флагом. Почему-то их тайные сходки вызывали болезненный интерес нашего президента. Может быть, старая истина — «История повторяется дважды: один раз, как трагедия, другой — как фарс» — сыграла свою роль, кто знает. Августовский фарс

видели все, нашему президенту было с чего готовиться на всякий случай к трагедии.

От нас он ничего никогда не скрывал. Бывало, чтобы не обременять всех ради узкого задания, он вызывал к себе одного из нас, а позже по мере необходимости подключались другие. Ни одна копейка не проходила мимо рук нашего главбуха, ни один документ — мимо главюра, ничто не решалось без Федора Званского, только главпотех был дальним краем нашей обороны и наступления. Он один мог знать от президента контуры предполагаемой сделки, если это касалось коммерческих тайн фирмы, а выносить на общее обсуждение было рановато.

После смерти Нюмы Четырботского право первой подписи взял президент, а Боба наивно полагал, что исполнительный директор обязан обеспечивать порядок в офисе. «Ой, уберите этого козла!» — хором требовали секретарши и референточки. «Сами убирайте», — отмахивался президент. Референточки склонялись к мысли устроить Бобе «темную», как вдруг Луиза, программистка Главпальто, самый высокооплачиваемый специалист в «Оледе», крупная статная блондинка, обуздала Бобу. Очередной разнос стал последним. Луиза, которая не носила лифчика и принципиально до самого седьмого ноября трусиков, встретила Бобу приподнятым подолом юбочки-клеш. «Это что такое!» — взвыл Боба, замороженный видом стройных ног, по всем канонам классической красоты сходящихся в семи точках с мохнатым чубом в седьмой. «Друг мой, ну почему вы такой нервный?» — спросила она бархатно. Боба попятился прочь. «Куда же вы? Напайте меня вином и угостите яблоками, ибо я изнемогаю от любви». «Какие яблоки!» — схватился за голову наш моралист, убегая вон.

Выходка сошла с рук Луизе. Она была сверхклассным программистом, и, ходи она хоть голяком, никто бы ее не упрекнул. А Боба заперся в своем кабинете и стонал там от боли или от борения с дьяволом. Мы его увидели покидающим офис в шесть часов вечера ослабевшим и бледным.

— Доброе утро, — приветствовал он секретарш утром следующего дня и шустро мелькнул к себе. И правильно: весь женский персонал «Оледа» собирался заласкать Бобу до смерти, затискать в свальном порыве, для чего подготовились основательно: таких мини не придумал бы сам Слава Зайцев, такой максиоголенности не знавали знаменитые Содом и Гоморра. Все обошлось. А вскоре наш принт остыл к административной деятельности, сидел запершись у себя целый день. «Стишата кропаёт», — решили мы. Президент поразмыслил над этой новостью и решил: «Женить пора, упустим жениха».

Так и мы не пальцем деланы! По мерам предосторожности президента, по накалу растущих страстей в государстве догадывались о какой-то грядущей гадости. Симптомов навалом.

Ну, совместная атака правых и левых на главу страны, беззубое правительство и узколобый парламент — это не симптом, это болезнь нации. Россия — занятая невеста: выбирает себе суженого, выбирает, а потом как выберет! Народ после такого обручения в наглядку лезет ей под подол, сиськи крутит и пуп царапа-

ет. Избранник ни гугу. Но ведь это нас лапают, а не тетю из Сан-Франциско, наши резинки трещат, оголяя срамные места. И мы сами ратовали за такого жениха, никто не подталкивал. Вот ведь росс-чудило! Сам себя трахает, сам орет от боли, сам подначивает: «Давай, давай!» и сам на себя всему свету жалуется. А мазохист какой! Сначала дает себя очаровать краснобаям, потом расчихается и кричит — долой! А ему в ответ: «Коней на переправе не меняют!» Вот те на... Какие кони, где! От Гердели и Дианы, что ли? Ну, братцы, плакать хочется, а вы смешите. Это у Врангеля были кони, а мы своих Герделю скормили.

И как на зло, отплакались по телевизору богатые — вообще нечем занять народ перед голодной зимой. Ну, над Лигачевым потешились, потом Косноязычный наш поехал лекции куда-то читать, с переводчиком, разумеется, иначе никто не поймет — опять весело, но не то. Раз хлеба стало не хватать, нужны отменные зрелища. Маленькая победоносная война, например.

«Пора, — сказал наш президент. — Женим мальчика».

Невеста сыскалась в своем коллективе. Зашла как-то Луиза-программистка к Бобе извиниться за былую бестактность и застряла там на весь рабочий день. А на другой день Боба переехал на жительство к своей избраннице и явился на работу в цветном галстуке-итальяшке. Дело явно шло к свадьбе, в чем все мы не сомневались. Луиза сразу поделилась с подружками: «Карлик, а о-го-го!» Мы так и поняли: «и-го-го» — это конь, «о-го-го» — ишак.

Дело шло к развязке.

Президент распорядился всю наличность «Оледа» в валюте перевести на счет офшеровской компании в Сингапуре. Ее учредителями были ясно кто — мы. Президент со товарищи.

Запаслись визами, кто куда, ждали крайнего предела. Не крови боялись, не голодных бунтов, не погромов чернорубашечников, не диктатуры рабочих дружин с расстрелами на месте, не картавых проходимцев, мобилизующих толпу криком «Глаб наглабленное!» и не армейских полковников, доведенных нищетой до белого каления. Опасались мы ползучей серятины, бурбулисов, очередной смены руководящих инфузорий с их единственно жизненной позицией — делиться, делиться, делиться.

Ну не хотим мы делиться, не хотим! Познавши иную, не нищенскую жизнь, когда работа окупается заработком, когда довелось глотнуть свежего воздуха, как-то нет желания вновь окунаться в болото, кишашее безысходностью бытия. И пропади она пропадом, такая родина, где мошенничая слаще и проще жить, где Гермесу не помогают крылатые сандалии облетать грязь и бездорожье российских широт. Никаких дележей. Правило капитала — множиться. Никто из нас не отдаст своего, каких бы чрезвычайных комиссий не создавало затюканное и беспомощное наше правительство.

Мы ждали последней крайности, когда от слов «Пропади ты пропадом!» уже не веет кощунством.

Итак, грянул Новый год. Все материли правительство и гиперинфляцию, депутатов и коммерцию, сволочную жизнь и приватизацию, которую уже окрестили «презерватизацией». Однако

в новогоднюю ночь, как всегда, пили шампанское, очень закусывали и веселились традиционно. Потрясения последних месяцев ушедшего года многих выбили из седла, но кляч на переправе так и не поменяли.

К полудню первого мы собрались в сауне чисто мужской компанией. Выгривались, попивали жасминовый чай и пиво «Сан Мигуэль», лениво луща подсолненный миндаль. Лениво текла беседа, как бы ожидая выхода шлаков новогодней ночи. Один Боба приналег на водочку. Выпьет стаканчик, килечку в раззубленный рот опустит и покручивает хилыми мускулами, картинно принимая позу супермена. Показывает всем нам, какое мы оно, а он первую красавицу на шпагу взял. Шпага у нашего пиита, вот те крест, в самом деле аховый инструмент. Что поделаешь, корявое дерево в сучок растет.

— Шеф, — нарушил нашу ленность Боба, — а почему у всех есть загранпаспорта, а у меня нету? Начальник я или нет? Мы с Луизой решили в Сингапур прошвырнуться, косточки погреть, себя показать.

Луиза обожала выезды. Кого-нибудь из нас она регулярно сопровождала в экзотические края.

— Красивый город, — прочувствованно вздохнул президент. И мы тоже. — Валей. Анкету заполни, четыре фотки и три тыщи целковых паспортисту сдай, а через неделю увидишь славный город Сингапур.

— И все? — не поверил простоте исполнения бывший диссидент Боба Мосюк. — Ну, взяточники! Ну, прохвосты!

Точно. На Смоленской площади взятки брали без стеснения. «Неутоленная страсть, — высказался как-то наш президент. — И я их понимаю. Раньше, кроме элитных работничков, мало кто за бугор выезжал регулярно, сытой жизни касался, теперь всяк кому не лень еще и в пятизвездочных отелях живет, стриптиз без утайки посещает — не обидно ли наследным тварям партийной знати? Вот и торопятся эти завистники урвать что-либо, пока под зад коленом не дали. Ведь их по причине полной бездарности никто не возьмет».

Не любит наш патрон мидовских по другой причине. Был у нас свой человек в здании на Смоленской площади — Коля Мельник. Мзду за визы и прочее в зеленых брал, всякий раз тарифы повышал, ссылаясь на опасность промысла. Шеф ему верил, пока не узнал, что за все это в пять раз дешевле берут, и притом официально. Ох, гневался... Тогда мы наняли по договору бывшего мидовца, он нам визы проворачивал за обычную зарплату, еще и благодарил.

— И все, — подтвердил президент, направляясь в парилку.

Мы лущили миндаль, молчали, Боба потянулся за шефом, где достал его разговорами о моральной несовместимости желания ехать за границу и нежелании давать взятку за какой-то паспорт.

— Неужели вам, грамотному человеку, нравится этот бардак? Куда ни сунься, всюду взятки, всюду деньги, деньги, деньги!

— Джентльмены не говорят о деньгах, они у них просто есть, — заметил президент, — а бардак — святое место, созданное

для санитарии. А я такой, как все. Стихи помните? «Я иду по росе, босы ноги мочу, я — такой же, как все...»

— А я не такой, мне за державу обидно, — оскорбился Боба.

— Ваше благородие, господа поэты, как котики. Их отстреливают до тридцати лет, а вам полвека стукнуло. Зажились на белом свете. Из долгожителей этой опасной профессии знаю только мэтра Евтушенко. Он так петлял по жизненному полю, что не нашлось охотника стрелять столь тощего зайца. Это раз. Дальше: не дело подмастерья учить жизни мастера. Дела у прокурора, у вас делишки, которые поручает босс. А в-третьих, чего вдруг ваше благородие заговорило языком новых спасителей России? Поздновато краснеть, ваше благородие. Как наслышан, бывшие обкомовские, горкомовские и прочие красные набело анкеты под дворянство и казачество переписывают. Вы и там опоздали пристроиться.

— Вранье, — надулся Боба. — Там ребята за Русь болеют.

— Лучше бы они поработали на Русь! — разозлился президент. — Всю жизнь на больничном сидеть любой дурак сможет!

— А ты полдержавы за бугор вывез, — пер на красный свет Боба.

— Родной вы мой, — умилился президент, и Бобе невдомек, какие страсти прячутся за вежливостью. Мы такое слышали весьма редко. Раз, когда Шамиль из «Габриэлы» рассказал боссу о грехопадении Ньюмы Четырботского, другой, когда жадный Коля Мельник поел в «Бабуине» грибков. Мы в родню к президенту не набивались: лущили себе миндаль да пивко потягивали. — А конкретно перечислишь, из чего состоит полдержавы? Коня дам. Лучше Луизы.

— Какого коня? — не усек сразу мрачного юмора Боба. — Это зачем так? Патрон, ты любовь не марай, — нравоучительно и пьяно заметил Боба.

«Не доедет малец до Сингапура», — решили мы.

— Ладно, ладно, — мимо ушей пропустил его замечание президент. — Не теряй времени, выкладывай.

Поципывало тело от сухого жара, гудели тени под камнями.

— Тишком ртуть без лицензии продавал?

— Было, — уверенно кивнул президент.

— А чуть не кило алмазов?

— Было.

— А картины кисти Шишкина? Две штуки?

— Правильно, — одобрил президент. — От весовых показателей к количественным в поштучном измерении. Луиза рассказала?

— Не-а, — естественно ответил Боба. — Умный человек такие штучки вычисляет по намекам. А ты меня год на приставном стуле держал... — выразил обиду Боба.

— А надо было на стульчаке... — обиделся и президент.

— А мне все равно. Я теперь на верном пути, — овладела Бобом пьяная бравада. — Нет, ты скажи, я тебе все правильно сказал? Тянет на полдержавы? Грех на душу берешь?

— Не возьму.

— Как не возьмешь?

— Очень просто. Не в коня корм, но объясню. Все еще надеюсь, что своими руками не полного мудака вытащил из отбросов. Для тебя Россия — место, где можно валять дурака, лия при этом патриотические слезы. Для меня — территория земного шара. Поэтому висит Рембрандт в Государственном русском музее, а Шишкин в Национальной картинной галерее Соединенных Штатов, противоречия не вижу. Меня интересуют Рембрандт и Шишкин, а не место, где они находятся. Культура — достояние всех людей. Поэтому я жизни не пожалею для разрушения надолбов, мешающих людям выезжать туда, куда душе угодно. При мне парень в Бельгию выезжал, художник со своими пожитками. Одежда — вылитый ты в момент изъятия из мусорного ящика. Так вот его картины не выпускали. Таможня говорит: национальная ценность, достояние республики. А его твои красные партийные братья лет двадцать травили, мужик с хлеба на квас перебивался. И выезжал он не при демократах, а при малахольном Горбачеве. И я помог ему вывезти все до последнего этюда. Бесплатно помог.

— Ты про себя давай, шеф, про себя, — хихикнул Боба.

— Это все про меня, — промокнул пот на теле президент. Бобе хоть бы хны. — Ты плакался, что я алмазы продал за бугор, а сам пальцем в жизни не шевельнул, чтобы нагнуться и поднять драгоценный камешек, которыми Россия густо усыпана. Гордый ты, не царское это дело спину гнуть. Ты — поэт, трибун, так сказать, а работают пусть холопы. Поэтому тебе за державу обидно, где ты хотел бы, ничего не делая, жить в хоромах; и за любым пойдешь, кто тебе посулит синекуру; и продашь любого, едва тебя обяжут отработать.

— Да я-то, я-то, шеф, ладно, — загорячился Боба, — а народ, ты его весь в холопы записал.

— В самую точку! Народ действительно холопы. Потому что нигде такого понятия нет. По-английски «пипл» — «люди», по-японски «хито-бито» — «человеки» и так далее. Индивидуалы, то бишь соединенные законностью в гражданство. А советские законы призваны сгонять народ в стадо, которое потом можно гонять с пастбища на пастбище, резать и стричь. Чего-то не очень твои бурбулисы законы для людей принимают.

— Бурбулисы — не мои, — откrestился Боба.

— А кто твой? Оппозиция? Хрен редьки не слаще. Возьмут власть, в те же черные «волги» сядут, история повторится. Не фильздипи, Боря, умнеть пора. Не может нищий, дорвавшийся до власти, освободить людей. Первым долгом он станет набивать собственные карманы, чтобы снова не впасть в нищенство. Это временщики, Боря. Не всякому богатому власть по плечу. Но богатые берут власть навсегда, они оседлость любят, прочность. А такие, как ты, ни богатым, ни нищим не нужны. Пойдемте, ваше благородие, вы перегрелись, пора макнуться в бассейн...

Ага, уразумели мы, рожденный утонуть летать не будет.

Мы следили за движением ног президента, мы видели его крепкие руки, скототившие приличное состояние, мы знали его, давшего нам возможность уйти из стада, мы одобряли его поступок.

За ним телепался Боба, пытаюсь сохранить равновесие. МАЗовский кардан тянул нашего «Запорожца» то вправо, то влево. Жалко расставаться с такой роскошью, России принадлежит она или Африканскому содружеству. Мы провожали Бобу в последний путь с откровенной жалостью, как будто провожали «Явление Христа народу» из Третьяковки в Вашингтон навсегда. Земной шар — это прекрасно, а пятак на метро — и ты в Лаврушинском переулке — оно как-то ближе. Наша местечковость до президентской глобальности еще не доросла. Жалко Бобу, упокой, Господь, его душу, прости метания.

И Господу, видать, жалко стало творение рук своих: зазвонил телефон. Просили нашего президента.

— И вас с новым счастьем, Альберт Григорьевич, — ответил на поздравления он. — Что новенького?

Мы застыли в ожидании. Тишину нарушало одно фырчание Бобы в бассейне. Счастливчик...

— Это не по телефону, я лучше намекну, — сообщал Альберт Григорьевич. — Нет его там.

— Кого нет? — соображал президент.

— Тела нет.

— Как нет?

— Вот так. И это абсолютно точно установлено.

— Куда же оно делось? Может, ретушь наводят, то да се, — нервно зачесал грудь наш президент. Сообщение его огорошило.

— Нет. Умники из моих прежних коллег постарались. Ниточка ой куда ведет. Муляж остался. Года три как...

— Ну не суки ли, а? — сказал президент, промедлив больше минуты с окончания разговора. — Ничего святого!

Боба покряхтывал в бассейне, рыхля красным телом воду, а мы рассеянно взирали на миндальную шелуху. Последний приз уплыл из наших рук. Нищие временщики обошли нас, опытных коммерсантов, на распродаже вторсырья. Не зевай, Фомка, на то и ярмарка. Утешились мы.

Этой вороватой цеховской команде мы сами и развязали руки. Со времен смерти Сталина они боялись потерять достаток и блюли друг друга, для чего заурядного охламона подсаживали на самый верх, получая возможность наполнять собственные норки. Мышиная в принципе возня, большие деньги в щелочку не затащишь. А тут демократизация развязала руки. Кому как не сидящим на мешках с добром распорядиться оным с толком при открывшихся дверях? Пока в эти двери с триумфом въезжал новый правитель, там уже полушки не осталось. Нас там еще и близко не стояло. А мы, что ли, придумали запастись счетами за бугром, домишками и служебными паспортами с многократными визами на всякий пожарный случай? А теперь и спросить не с кого, куда главная святыня страны делась. Нет, что ни говори, а хороший партиец — это мертвый партиец. Так пока еще навоз после них выветрится, не одно поколение замаранным жить будет.

Крутили мы всякие такие обиды в мыслях, а наш президент телефонный диск насиловал многозначным набором. Наконец связь скоммутировалась и пошла беседа на английском языке:

хэлло, хау ар ю, пожелания всех благ в новом году и — из-за такта — главная тема. Для президента и всех нас. Боба в английском не петрил.

— Беневито, а товара-то нет.

С минуту разговор в предыдущем ключе: как нет, куда оно делось, вот это да и всякое такое.

— Ты честный парень, мой друг, — ответил нашему президенту собеседник. — И я тебе как честному парню скажу следующее: за твою честность и неполученную прибыль я перевожу на твой счет сто тысяч долларов. Оно у меня. Я лишний раз хотел убедиться, что большевики меня не надули. Ты не обиделся?

Мы рты и открыли. Только наш президент свой так стиснул, что сквозь зубы еле протиснулось «ноу».

— Чудесно, мой друг. Прилетай ко мне побыстрее, есть о чем поговорить, тебе пора настоящим бизнесом заниматься. А парней своих отправь отдохнуть. На Кипр, на Багамы, куда захотят. У вас там гнилой сезон приближается...

Во информация! Мы, балбесы, предположения строим, чего это вдруг опять станция метро «Речной вокзал» на ремонт закрылась — совсем недавно, как раз Горбачева в президенты аппаратчики пропихивали, был ремонт, — а в далеком Лас-Вегасе давно подсчитали, сколько рот молодчиков в гиенной форме с полной боевой выкладкой просиживают в подземке бюджет и ждут время «че». Чего? Да того самого — последний довод королей! Когда все доводы исчерпаны, а обозленный народ продолжает выражать свое недовольство битьем витрин, а также близок к возможности бития разъявшихся и приевшихся морд.

— Зачехляемся, — раздельно произнес наш президент.

— Ага, пора, мне к Луизе пора, — поддержал президента Боба. Красный и счастливый.

Никто ухом не повел. Плотские дела ушли на второй план.

После праздников «Олед» трудился в обычном ритме. Трещали и рушились непрочные подпорки старых конструкций, рубль сдох в гонках за долларом, система пошла вразнос, вокруг молились, матерились, а в «Павиане» Лелек Сурин пел прежнюю песенку и, жуя рябчики с ананасами, ему хлопала купечествующая публика. «Росс непобедимый» торговал стираными портками, в валютном казино «Шанс» крутилось колесо рулетки.

На какое число ставить?

Президент знал определенно, знали и мы. Одиннадцатого к нам прибывал товар, последний из большой партии, дожидаться его смысл имелся. Билеты, кому куда, решили брать на двенадцатое. И неожиданно тормознулись из-за нашей Луизы.

— Шеф, моего козла приглашают на встречу старого Нового года в известную вам компанию. Он берет и меня, — бархатно доложила Луиза поутру девятого.

— А я при чем? — не понял президент.

— Главпальто велел лично вам повторить...

— Ага, — сказал президент. Немного поизучал крупное тело программистки в приличном миди и завершил. — Так иди. Только, смотри, без эпатажа.

— Скажете тоже... А билеты? На какое заказывать?

— Черт! — ладонью по столу хлопнул президент. Он раздумывал: шабаш свой красно-коричневые решили устроить с тринадцатого на четырнадцатое, выходит, Шереметьево с утра не перекроют. — Ладно, бери на четырнадцатое.

Позже мы поймем, что отсрочка окажется роковой.

Товар прибыл без опозданий. Каких-то десять граммов в трех ампулах. Трижды два шесть. Шесть миллионов долларов. Нам давно такие цифры рассудка не мучили. Реальный товар, реальные цены. За товар уплачено, осталось получить свою разницу. По зеленому лимону на брата, один на издержки — доля покойного Ньюмы. Мы брали свой последний приз перед неизвестностью.

Серое небо за окном не хотело синеть, ничего не обещало. Тяготина непредсказуемости. Скука.

Три дня все мы пребывали в ностальгической прострации. Переулки старой Москвы не казались запущенными, а лица прохожих злыми. Генеральские мундиры на прилавках Арбата не вызывали усмешки: хотелось разыскать хозяина, вернуть форму без упреков. Духовые оркестрики в подземных переходах играли «Прощание славянки»... Скорее всего наши сердца подобрались, замедлили свой остервенелый бег перед неожиданной преградой. Что сердцу надобней? Свобода? Куда более — возможность услышать рядом другое сердце. Тут-тук, заходите, не заперто.

Видимо, такое испытывали сердца безусых поручиков и бородатых казаков, следящих с палубы последнего парохода, как ширится полоска воды между бортом и берегом. Когда берег потеряет очертания, они сожмутся до предела, способные гонять лишь кровь, а души останутся там цепляться за причал, превращаясь в бесполох медуз.

Пропади оно все пропадом. Тщета, тоска одна и бездушное фарисейство вокруг.

Хватит об этом. Контуры мутились. Мы уезжали не от России, мы уезжали, чтобы вернуться в Россию без сусаниных. Пусть уж праздник хрустальной ночи и длинных ножей пройдет без нас.

Итак, наш пиит в черной рубашке с отложным воротничком отправился к месту встречи старого Нового года.

На улице Воровского в студии художника-русософила народу собралось с лишком, закусок в избытке, всяких лафитничков с квасом, графинчиков с морсом, а крепких напитков явно мало. Квасы и морсы наготовили хозяева, закуски гости несли с собой, несли и выпивку во внутренних карманах своих пальто, курток, шинелей, оставляя все в прихожей, дабы не отравить торжества схода преждевременно.

На стенах и переходах из трапезной в мастерню, из мастерни в опочивальню, из опочивальни в омывальню висели маслом писанные славянской суровости лики воителей на фоне копий и мечей, акварелью светились тихие местечки у русских речушек. В красном углу трапезной красовалась икона Егория победоносца в золотом окладе, с горящей лампадой внизу и льняными утиральниками по бокам. Стену напротив занимало «Послание Шамбалы», и загадочно мерцали изумрудью картины

рериховского письма, привезенные, видимо, ради торжественного случая из музея Рериха. Икон, иконок хватало везде, там и сям крестился народ, прикладываясь к некоторым. Склоняясь к иконам, можно различить на стенах выпцветшие прямоугольники, следы чего-то висевшего ранее. Возможно, тех самых портретов партийных вождей, выставленных на антресоли в мастер-не.

В народе не меньшее изобилие, чем среди икон и картин. Узнаваемые по частым выступлениям на телевидении писатели-русоборцы, депутаты оппозиции, люд, припоминаемый по фотографиям в журналах, стоявший за спинами вождей на официозах, среди гостей похаживали мальчики в черных косоворотках, не известные никому, но готовые по первому зову стать за спины новых вождей. Эта готовность сквозила в их поспешных поклонах то маршалу, закованному в звезды и орденские колодки, то грудастой певичке, отпавшей свое вместе с последней тризной по Сулову, то еще кому-нибудь, от кого возможна известность, на худой конец — возможность пристроиться к доходному месту. Эти мальчишки чересчур живо восхищались вольностям мужчины лет за тридцать, который вопреки остальным зело набрался, скакал всюду, время от времени изрекая ни к кому персонально не обращаясь: «Над всей Испанией чистое небо!» Народ вокруг незлобливо протестовал и посмеивался. Муж сей уже прославился писанием на славянские и церковные темы, хотя фамилию имел схожую с названием того местечка, где некогда потерял атомную бомбу американский самолет. В том самом небе, которое чистое. Тогда все обошлось без жертв, чему-то, может быть, научив неразумных империалистов, а звезда Польнь рухнула к нам на четвертый энергоблок, ничему так и не научив коммуняк, не приведшая их к покаянию, коли собрались они в пестром единстве ныне, истово славят Христа и столь же истово проклиная жидов. Скажи им: Христос — самый взаправдашный еврей, забьют. Христос — славянин потому, что так нужно. Заслышав: «Над всей Испанией чистое небо!», они довольно потирают руки.

Неисповедимы пути Господни! Да знай все мы, что в партбилетах своих бывшие секретари и секретаришки хранили втуне слова истовой молитвы за всех нас, да мы бы их, родненьких наших, распинали на крестах от Москвы до самых до окраин, чтобы детям нашим показывать — вот они, христы-спасители, заступники народные! И не пришлось бы сейчас разбредаться по белу свету тем, кто вкус отечества познал не языком, не со старой отцовской буденовки и кроенного под очередного вождя государственного гимна, а естественно, как пьется вода, без которой житья нет.

И не пришлось бы сейчас всем нам путаться, где левая сторона, где правая, а старушкам судачить в очередях: «Что дееется-то! Геращенко, антихриста партийного, опять на Банк поставили, а Примакова этого на ЧеКа. Этот денежки наши поворует, а тот документики изобличающие попрячет. Ой, Маркеловна, запасайся солью, на питанье сгодится и мужикам в дробовики...»

Шумело общество, гулянье шло своим чередом.

Луиза поразила встречающих с порога. В шубейке по пояс, в сарафане до пят, с русой косой на плече, она вплыла в двери и осыпала всех улыбкой.

— Краса-девица, свет отроковица, не вели казнить, реки имя, бо нет мя, ручку тебе не лобызавши,— дьячком проскороговорил лысый дедушко с окладистой бородой, будто бы внук Толстого. Какого — не уточняли.

— Любаша,— приласкала его бархатным напевом Луиза, и дедушко рухнул на колени, лобызая не токмо длань, но и чело свое зарыв в промежность.

— А это суженый ее,— поспешно представила хозяйка Бобу,— большой поэт и генеральный директор крупной фирмы.

— Что еще за хрен в золотой оправе? — вмешался с допросом маршал. Его оттянули прочь:

— Наш человек...

Луизу умыкнули в одну сторону, счастливого Бобу в другую, веселье и беседы продолжились.

— Помолдися Господу нашему,— пророкотал бородатый некто в черной сутане, и слаженный хор грянул: «Коль славен наш Господь в Сионе...» Поставленным голосом вела партию грудастая певица, женки гостей уверенно подпевали, гнусавили матитые русоборцы, чего-то там озвучивали маршал с генералами, штатские и прочие переодетые партийцы шевелили губами, по стойке смирно вытянулись мальчики в черных косоворотках, от напряжения облизывая губы. Даже Боба надувал щеки. Терпеливо улыбалась Луиза.

Отпелись, прочувствовали, выпили, поснедали, задвигались по комнатам и переходам туда-сюда. Мужская часть общества чаще принялась нырять в прихожую, потеплели носы, окреп гомон.

То там, то здесь по обрывкам фраз свивался жгут, какой свел вместе лишенных прежних привилегий, хлебных мест и синекур, кого скovyрнуло неожиданно с находенной к благам лестницы и мальчиков, которым давалась возможность приблизиться к живой музейной рухляди и, даст Бог, вернуть ее в прежние пантеоны. «Давить этих жидов пархатых, гусеницами давить!.. Демократы поганые, Русь продали, у сына дачу отнимают... Говнюки, меня, секретаря обкома, не избрать...» Над всей Испанией чистое небо! «Нам, душеприказчикам русского народа... Давай по маленькой за успех нового крестового похода... Детей об стенку башкой, баб десанникам, а дочь его лично в задницу трахну!» Над всей Испанией чистое небо! «Е-мое, погуляем с топориками... Атомную бомбу — неинтересно. Интересно своими руками... Народ поддержит, водки побольше — и поддержит...» Над всей компанией гулял дух зла.

Уморился народ часам к шести утра. Стали расходиться, а Луизу все мылили глазами два полковника из Академии Жуковского, щупали коленки руками, да Бобу не отпускал разговор в закутке у трапезной. Разговор вроде заканчивался обычными по такому случаю заверениями:

— В общем, Борис свет Иванович, мы тебе доверяем и сказа-

ли все. Спасешь нашего товарища, в долгу не останемся. Многие тайны он хранит, а ты свою береги. Вернешься, ждет тебя достойное место,— увещевал Бобу бывший цековский тип.

— Мне бы здесь в такое время,— сжимал кулачки Боба,— есть с кого должки получить...

— Взыщем, не бойся,— успокаивал генерал бронетанковых войск.— Хрен в нос и танки наши быстры.

— Ты свое делай,— поддержал генерала-танкиста генерал без формы.— Все расписаны по местам, готовность «ноль».

Уходил Боба из хлебосольного застолья, бережно прижимая к груди три ампулы. Такие же точно были у нас, препарат АФП. Трижды два шесть. Только наши ждал к обмену в Швейцарии внушительный кейс с долларовой начинкой, а Боба вез свои для поправки здоровья верного брежневца товарища Хоннекера. Так ему объяснили: передашь в аэропорту такому-то такому-то, погуляешь до рейса и возвращайся. В ампулах препарат, способный рассасывать раковые опухоли. Товарищу Хоннекеру этот препарат годился как мертвому припарки, по нему веревка плакала, и снабдившие Бобу в дорогу билетом и красивыми словами отлично знали цену ампул и место назначения. Любому из нас такую лашпу на уши не повесишь, но Боба, «навозну кучу разрываая», нашел, что искал. Чего еще надо маленькому задроченному существу? Ты наш, давай, шуруй, а вернешься в светлое будущее. Партийцы, они такие... Пока мы в очередь за светлым будущим, они позанимали все места в настоящем, устроили броуновское движение — и хрен с ним, опыт, мол. Подопытных всегда хватает, как лягушек или мышей.

И чего недоставало человеку... Из помойки вынули, жилье дали, оклад в тридцать штук положили, а раскрасавицу в постель, нет же, звуком погремушки соблазнился. Верно сказано, умом Россию не понять, аршином сколько по головам не хлопай, последние мозги выбьешь. Не та методика, а времени не остается на другую, опять хаос, кровь и последние пожитки на кон. Перестанем водку пить, будем денежки копить, а накопим рублей пять, выпьем водочки опять. Скучно. Тоска.

Сгущались тучи, свинцовая серятина спустилась до самых крыш. И будто хороводили громы или танковые гусеницы рубили асфальт, темень кромешная, стылость. Пора.

Разлетались мы, как решено, четырнадцатого. Ждать доле нечего. Не себя спасать пора, а капитал на будущее. Глядишь, развиднеется над Россией, перестанет она подставлять свой лоб под заморский аршин, дабы свои собственные недоумки и авантюристы не ставили опыты на согражданах.

Ранним утром потемну собрались мы в нашем авиаклубе. Как водится, летуны встречали спонсоров радушно. Шеф-инструктор предложил сгонять на вертолете в ближайшие пределы рыбки половить, попариться и попить водчонки.

— Другие планы,— отказался наш президент.— Лучше...— И увлек шеф-инструктора в сторону от прочей клубной челяди.— До Богослова не слабо слетать?

— Хе,— засмеялся шеф-инструктор.— Знаю тебя, патрон. Где Богослов, там Индра.

— Разумеется.

— Развернулись над ней после сброса, в Витебске заправка и назад, да?

— Как в прошлый раз,— подтвердил президент.

— Так в прошлый еще таможни не было.

— А что тебе таможня? Тебе ж не садиться?

— Засекут и посадят.

— Ну и чех с ним. А ты уже пустой. Главюр с тобой летит со всеми бумагами, как положено. Так, мол, и так, тятили-потятили, инди-руси, бхай-бхай, совместно с витебскими коллегами по спорту проводим отработку полетов по большому кругу и малость с маршрута уклонились. Маршрут, сам понимаешь, согласован. Юрий Александрович, иди сюда,— позвал главюра президент.

Наш главюр тоже не крайняя сошка в «Оледе». Юрист-международник, на трех языках шпарит без акцента, еще пять лет назад его имя с уважением произносили крупные зарубежные бизнесмены. Тогда он занимал крупный пост во внешней торговле, да не пришлось ко двору новому начальству. «Баста,— сказал он,— на дядю поработал бесплатно, пора себе пару копеек наковать». Попытались его различные менатепы соблазнять, всякие полупартийные морды, он пришел в «Олед». Пришел сам, первый человек без личного отбора президента нашего. Мы как раз обсасывали интересную операцию с привлечением иностранного инвестора, а он разложил нашу затею по косточкам, и каждый огрех сам по себе вылез. Это не он такой грамотный, а мы валенки — тот инвестор его старым приятелем был, и вообще он всегда с улыбкой подчеркивал: «У меня большой жизненный опыт».

В «Оледе» он за год имел столько, сколько за всю жизнь в совке не заработал. Его знали везде, ему верили, а честность в бизнесе — самый дорогостоящий товар. Мы, воруя и оплакивая бедную матушку Русь, никогда бы не имели такого чистого фейса, не будь в штате «Оледа» такого юриста. С его приходом из фирмы ушла суета, какая сопровождает действия дилетантов; мы, бесспорно, были стоящими камешками, он огранял нас и делал привлекательную оправу. Два года он не визировал ни одного сомнительного контракта, не одобрял ни одной сделки с душком криминала. А после... «Я так долго надеялся, что в этой стране не все воры и проходимцы и хотя бы одна разумная голова есть наверху», — сказал он и сам предложил покопать глубже стиранных джинсов и отмывания валюты. Когда в стране начался ажиотаж с редкоземельными, «Олед» встретил его на шаг впереди остальных джентльменов удачи. Сгодился наш подшефный авиаклуб, в коня корм оказался: две «аннушки» плюс «восьмерка» занимались самым прибыльным делом. Один полет в Каунас приносил русской церкви больше свечек, чем все остальные каюющиеся. Для покаяния мы могли бы спокойно держать свечной заводик и ежедневно слушать «Многая лета «Оледу» и штату его мучеников за святое дело...», но мутная водица отстаивалась, таможня и ОМОН перекрывали один за одним наши каналы, пришлось исхищряться методом сброса.

— Юрий Александрович, убедил шеф-пилота в безопасности, — сказал наш президент подошедшему главюру.

— А он не маленький, — усмехнулся главюр.

— И я так думаю, — кивнул президент. — А этот чемоданчик, — президент взял из рук главюра кейс, — подтверждение. Десять тысяч долларов детишкам не дают.

— Речистый! — засмеялся шеф-инструктор. — Ладно, с Юрой хоть на край света.

— На край света не надо. Ему ночью в Штаты улетать.

— Красиво живете, — опять засмеялся шеф-инструктор.

— Можно подумать, ты у нас сирота, — попенял ему президент.

— Нет, почему, — стушевался шеф-инструктор. — С таким патроном всегда в новых пополах ходим...

Немаловажная деталь: наш президент по совместительству был директором малого коммерческого предприятия «Крыло», куда входил этот любительский авиаклуб. Диверсификация называется, а не диверсия против экономики, как считает Рекунков.

— По коням, — скомандовал наш президент. — Счастливого полета, Юрий Александрович. Остальное — как договорились. Звони из Нью-Йорка мне в Цюрих.

Они трижды расцеловались.

Кашлянул выхлопом мотор «аннушки», закрутился пропеллер, нырнули в самолет главпотех и Главпальто с продолговатым ящичком, вынырнули тотчас, в проеме еще открытой двери улыбнулся нам и махал рукой главюр...

В промозглых сумерках зачинающегося дня в свете дальнего прожектора его улыбка была рассеянно печальной. Чего печалиться, думали мы, у него своя брокерская контора в Нью-Йорке, а в продолговатом ящичке, в хитрой штуковине с чувствительными амортизаторами, покоилось двадцать кило ртути. «Рэд Меркурий», четыре девятки, международный стандарт качества. В Литве контейнер превращался в четыре миллиона долларов чистоганом и наши литовские содруги имели столько же, да еще столько же все прочие перекупщики, пока не войдет наш меркурый составным компонентом в головки баллистических ракет и на недолгое время, как самолет перед взлетом, не замрет в злобещем ожидании.

«Выше голову, — казалось, подбадривает взглядом главюра наш президент. — Отмучился ты, Юрий Александрович, с завтрашнего дня начинаем честную жизнь».

«Аннушка» порулила на взлет. Обслуга ушла греться в каптерку с полосатым колдунчиком на крыше. Взлетит самолет, уедем мы. Возьмем приготовленные загранпаспорта с многократными визами и, «Прощай, немытая Россия...».

И тут, как водится в жанрах авантюрного романа, случилась накладка: путь «аннушки» пересекало такси. Из него — точь-в-точь Табаков из «Семнадцати мгновений весны» — стремительно вырвался наш Боба в длинном, развевающемся на ходу пальтеце с белыми обшлагами и ринулся прямо под винт.

— Господи! — вырвалось у президента. — Как этот охламон здесь очутился! — И погнался «мерседес» к «аннушке».

Когда мы подъехали, Боба колотил ладонями в дверь самолета, требуя открыть.

«ЧеКа, ОМОН, путч, ОБХСС!» — пронеслось в наших головах стремительным потоком.

— Верните мне мою Луизу! — надрылся Боба у закрытой двери.

Нам полегчало, мы захохотали. Наш президент за шиворот оттянул упрямого Бобу от самолета.

— С чего ты взял, что Луиза там? — орал ему в лицо президент под ревуший аккомпанемент мотора.

— Там, знаю! Верните по-хорошему! — орал и Боба, выкручиваясь из цепких рук президента.

Президент сделал руки крест-накрест, кивнул из фонаря шеф-инструктор, и «аннушка» сбавила обороты. Засвербило под нашими ложечками. Истинно говорят мудрые: не связывайся с дураками, самое путное, что из этого получится, станешь сам дураком.

— Иди, ищи, олух царя небесного! — выпустил Бобу президент.

Разумеется, нашу крупную Луизу в ящичек для ртути не упрячешь, хотя Боба удостоил вниманием и контейнерок.

— А это что? — спросил он тоном бдительного таможенника.

— А это не твоего ума дело! — разозлился президент.

— Наворовал и сбегать хочешь? — сорвался с тормозов Боба.

— Ах ты, тля! — озверел наш президент.

Вот сейчас, с надеждой ожидали мы, он даст Бобе приличного пинка, тот уймется, и не будет больше отступления от сценария.

Дальнейшее контролю и логике не поддавалось.

Бог его знает, зачем президент полез во внутренний карман, зачем вынул оттуда портмоне, загранпаспорт...

Боба выхватил из рук президента паспорт и побежал к такси. Таксист смекнул, что он лишний в этом сценарии, и, не дожидаясь своего клиента, дал газ. Только красные стоп-сигналы мигнули в серой мгле.

Боба оглянулся и рванул к ближнему леску.

— Ах ты, сучий потрох! — Перекосило лицо президента. Мгновение — и он в кабине самолета. — Руля! — заорал он, выволакивая шеф-инструктора из кресла.

Взревел двигатель, мы завороженно следили за ускоряющимся бегом «аннушки» поперек взлетного поля.

— Что он делает! — схватился за голову Главпальто.

— Да уж... — едва нашелся главпотех.

Самолет почти настиг Бобу, когда тот споткнулся и выстелился под колеса. «Аннушка» проревела над ним, Боба шустро откатился в сторону, и, догадались мы, президент потерял его из виду: резкие тормоза, разворот на сто восемьдесят градусов, ускоряющийся бег и... каждому на роду написана хотя бы одна роковая ошибка. На полной скорости самолет во что-то ткнулся, сделал свечу носом в землю, и следом ахнуло в небо огненным столпом рванувшегося топлива. Яркое пульсирующее пламя на

миг отделилось от зловещей, какой-то адско-зеленой кляксы под собою и опало.

— Мама моя, — первым опомнился Главпальто. — Двадцать кило ртути! Ходу, Петрович!

Президентский «мерседес» вынес нас со свистом под жесткой рукой главпотеха. Прочь отсюда, исчезнуть, раствориться...

Бедный наш президент, бедный главюр, которому так и не удалось пожить в охотку на старости лет. По-человечески пожить.

Мы не искали глазами Бобу. Чтоб ты околед, проклятый!

«Мерседес» мы бросили, не доезжая окружного шоссе. Метров двести прошли пешком и поймали частного.

Нас ждал другой самолет, надежный, не аэрофлотовское корыто с его дурными вкусами и правилами, — «Швиссэрровский» до Цюриха, а там видно будет, зря, что ли, столько наворочено...

Мы окаменели, когда у стойки регистрации увидели нашего сраного пиита. Он вальяжно пил «фанту» из баночки, будто не по его вине погибли сегодня люди, которым он в подметки не годился. Длинное пальто без следов драмы, длиннющий шарф белой шерсти, который поутру мы приняли за обшлага генеральской шинели Олега Табакова из «Семнадцати мгновений весны». Боба походил на Дурова.

Он пил «фанту» и, судя по всему, собирался лететь в Цюрих. Едва объявили регистрацию, он направился в сектор таможенного досмотра.

— Козя... — хмыкнул главпотех. — Что делать будем? — шепнул в ухо Главпальто главпотех.

— Не суетись, — ответил шепотом Главпальто. — Нам главное взлететь, а там видно будет...

Загудел компьютер в голове главпотеха, вычисляя один истинный маршрут Бобы.

— Слушай, — приник он к уху Главпальто, — не мы одни провожаем Бобу. Вон те двое у табло, видишь, помахали ему, одного я знаю как облупленного, генерал гэбэ, до отставки на цековских папочки заполнял.

— И что это может быть? — оживился Главпальто.

— Тише ты... Разрази меня гром, Боба от него чего-то на Запад перебрасывает. Смекаешь?

— Эге ж... — загудел и главпальтовский компьютер.

Мы томительно выжидали исчезновения Бобы за кабинками паспортного контроля.

— Ребята, я остаюсь, — неожиданно раздался голос нашего осторожного главбуха. Он улетал позже нас в Лондон.

— Ты чего, Арсентьич? — не поняли мы.

— А что Арсентьич? — спрятал глаза под веки главбух. — Не станет «Оледа», еще что-то будет. У меня все чисто, отсижусь...

— Да ты подумай лучше, — загорячились мы. — Танки у окружной, кровавая баня вот-вот.

— Я свое отпарился. Мне что красные, что белые... До моей деревеньки танки не пройдут. Да и вам я еще пригожусь. И не это главное. Мне тот Лондон что есть, что не было, кадка соленых огурцов дороже... Не верю я, что у мудаков наших что-

нибудь получится. Отжили свое красноперые, не поддержит их народ. А что ж, пару автоматов своим пацанам да ящик гранат дам. Пусть поболье красноперых изведут. Вся вышла советская власть. Не уговаривайте.

— Как знаешь, Арсентич,— попрощались мы с главбухом, и он степенно понес свой объемистый живот на выход. Оно и верно, старому человеку ни берег турецкий, ни паспорт канадский не нужны. Мы когда-то с удовольствием сжививали под его штрифелями в саду над Жиздрой, а после знатной баньки наслаждались мочеными арбузами. А помидоры какие из бочки, а огурчики, а гусек копченый! Эх... Дай Бог тебе и твоим пацанам, умница, что попутно к дензнакам ты гранат наскирдовал.

Мы двинулись на регистрацию.

Прошли формальности. Наши кейсы остались нашими, никому не приглянулись. Мальчики в зеленых погонах позыркали, сличая фото в паспортах с нашими лицами — главное начальство страны, не меньше. Унизительно, оттого привычно.

Боба не курил, мы расположились в салоне курищих. Он нас не видел, на его челе отложилась важность какой-то миссии, которую он с чувством глубокого удовлетворения выполнял.

Швиссэровский боинг стартовал, взлетел, забрался на заданную высоту. Главпотех чего-то там нацарапал на листке из записной книжки, подтолкнул Главпальто и поднялся.

— Пошли потрошить пиита.

Мы остановились у кресла Бобы. Подобная немая сцена не под силу даже великому Гоголю: самолетов тогда не было. Наш пиит словно вымачивался в соляной кислоте.

— Здравия желаю, товарищ майор,— подбодрил его главпотех.— Полковник Крюков.

— Здравствуйте, Борис Иванович,— добродушно улыбнулся Главпальто,— подполковник Званский.

Боба — ни звука, только исчезал блеск его глаз, как у снаудой рыбы. Сейчас помрет или обделается.

— Да не волнуйтесь вы так,— успокаивал главпотех.— Мы из группы прикрытия.— И шепнул Бобе на ухо фамилию генерала-гэбиста, страховавшего Бобу в Шереметьеве.

— Ничего не понимаю,— затрещали от напряжения костистые уши Бобы.

— И не надо,— позволил Главпальто.— Вы свою часть операции выполнили, честь вам и хвала, теперь наша очередь.

— Вот записка от генерала,— предъявил вещдок главпотех,— почерк, надеюсь, знаком? — И ткнул записку Бобе под нос.

— Я охреневаю,— застонал Боба.

— А вот это не надо,— уверенно запретил Главпальто.— Вы должны вести себя естественным образом и выполнять свою миссию естественным образом, согласно разработанному плану.

— Но как? — затряс головой Боба.— Здесь написано: «Подателю записки, полковнику Крюкову, сдать посылку в самолете», — а лично мне генерал велел сдать ее в аэропорту человеку в красном шарфе. Пароль — мой белый шарф.

— Мой красный шарф в кейсе,— заверил главпотех и улыб-

нулся. — Ход операции изменился. Стало известно, что в Цюрихском аэропорту вас ожидают Мосад и немецкая криминалполиция. Поэтому шарф спрятать, посылку сдать мне. Приказ генерала.

— Как хотите, мужики, я умываю руки, — полез Боба в карман пальто. Делал это он так резво и старательно, будто летел в личном самолете господина Примакова.

— Тише, тише, — прикрыл его от любопытных взглядов Главпальто. — Соблюдайте осторожность. — И через секунду коробочка с ценным грузом очутилась в его кармане. — Вот и все. Мы как будто не знаем друг друга. Встреча ваша отменена, а дальше действуйте по старому плану.

— Счастливого полета, — кинул два пальца ко лбу Главпальто и оставил Бобу следом за главпотехом.

— Похвастайся, — сказал он, усаживаясь в кресло.

— Проза, Главпальто, ничто не ново в старом мире. Все те же ампулы АФП, дважды три — шесть. Сплавить мы его и без Бобы сможем. Мадмазель, — окликнул он проходившую стюардессу. — Ту джин энд тоник... Помянем нашего президента со товарищи...

Мы выпили, не чокнувшись, съели по обеду, подремали. Наши виллы ждали нас и дождутся, как дождались они многих россиян: партийных, диссидентов, хитроумных, сволочных, с секретными папками и «ноу-хау», с деньгами — обязательно с деньгами, СКВ, иначе виллы ждать не будут. Нас не мучила совесть, как не мучила она тех, кто в Техасе с кольцом, в Мытищах с кистенем, в Марселе со стилетом выходили некогда на проезжую дорогу сколачивать свой первый миллион. Она тем более не мучила их позже, когда биографы отмыли их лики и подрастающее поколениешло за ними такими светлыми дорожками в большой бизнес. Кому-то везло, а чаще сонскатели первого миллиона упирались в невидимую преграду, отчаивались. Они раздумывали над поиском философского камня и ступали на объездные дорожки. Нет, без начального капитала в бизнесе делать нечего.

Покидая самолет, мы и не подумали попрощаться с Бобой. Где-то через неделю мы читали о нем в газетах. Слава нашла его.

Боба вернулся в Москву и, едва прошел формальности, кинулся звонить своему новому патрону:

— Товарищ генерал, докладываю: задание выполнено.

— Ты-ы здесь? — словно жаром полыхнуло в телефонной мембране.

— Да, товарищ генерал... — Боба славился поздним зажиганием.

— Козел, исчезни на время, потом сами найдем, — выдохнула жар какой-то обиды трубка.

— Понял... — неуверенно ответил Боба и ничего не понял.

Он пробовал дозвониться заново и наткнулся на противное «занято».

На последнюю пятнашку Боба звонил Луизе.

— Привет, девочка моя. Почему не встретила?

— Здравьете, — бархатно отвечала она. — Кто это?

— Боба, кто еще? Твой карлик с длинным носом.

— Я вас не знаю.

— Но ты-то мне лапшу на уши не вешай! — загорячился Боба. — Скажи еще, мы с тобой не подсыпали?

— Может быть, но это не повод для такого бесцеремонного знакомства. Я замужняя женщина, мой муж на кухне. Позвать?

— Какой муж?! Я твой муж! — заорал Боба, привлекая внимание опивающихся в Шереметьеве-2 таксистов и частников.

— Хороший мой, зачем вы так? Я в законном браке десять лет и своего мужа ни с кем не перепутаю. Не надо грубо шутить...

И опять болезненно противное «занято». Пятнашек больше не завалилось в карманах. Да и телефонов что-то в памяти не было.

— Охреневаю, — подытожил Боба и помотал головой. Наваждение не исчезло. И никаких десантников с автоматами. Ухмылялись таксисты и частники. Отработанный материал, из этого малого зеленых не вытрясти.

Сиротой он выбрался из аэропорта.

А ведь как мечталось в самолете! Прилетает, черная «Волга» с антеннами ближней и дальней связи у трапа, под ручки берут, усаживают, везут. Спасибо тебе, Борис свет Иванович, низкий поклон от всего ГКЧП! Бежит черная «Волга» в Кремль мимо колонн танков. На Красной площади счастливый народ, на лобном месте Ельцин, Тимурывокоманда, кто-то еще, вылитый Бурбулис и прочие иже с ними. Доигрались, псы? — плкнет в их сторону Боба. — Страну, холопы, продать хотели? Не дал вам народ державу бесчестить! Да, да, гудит народ, пусть им первый поэт России правду-матку покажет! Давай стихи, Борис свет Иванович, тебя хотим послушать! Память шевелит закрома, есть там кое-что, но по другому случаю писано, к другим событиям... Э-э, была не была, на мотив «Варяга», толпа эта не врубится: «Вставай, подымайся, собачий народ, намордники тесные дерни, иначе собачая жизнь не пройдет, иначе грядет живодерня!»

— Куда прешь, мудила! — обрывает мечты какой-то нувориш из «вольво». — Проезжая часть для тебя, что ли, потап немыйтый?

«О Боже! — ужаснулся Боба. — Ни хрена в этой стране измениться не может. Как жить дальше, куда податься...»

Взлетали самолеты из международного аэропорта, унося в своем чреве миллионеров и желающих стать таковыми, из иллюминаторов ничего заслуживающего внимания не видно. Ничего особого не видно и ближе к земле. По трассам катят «Волги» и «жигулята» вперемешку с иномарками, дорожники кладут асфальтовые нашлапки прямо на тающий снег, подымается парок от их кипучей деятельности, кое-где дымки из заводских труб, у винных лавок копится народ, в аэропорту за серебристым контейнером грузчики потрошат чемодан с иностранными лейблами, а над всем этим смиренным безобразием висит серое унылое небо. Падает серый снежок. Никаких танков. Подъедут если, ничего не изменится. Россия словно пропитана серым цветом.

Зарезали Бобу в подворотне. Не поделил с алкашами пустую поллитровку. Поллитровку об угол — бамс, по горлу — чик, и невысказанные слова клокотали в горле до самого приезда

«скорой помощи». А там длинная труба и космос, куда стреми-
лась душа поэта.

Газета «Тень» откликнулась на следующий день:

«Ушел из жизни еще один талантливый российский поэт,
тонкий знаток русского слога. Идет следствие, но без него ясно,
кому мешал худенький человечек с большой душой непобедимо-
го росса — жидомасонской мафии, прихлебателям империали-
стического капитала. Доколе? — спрашиваем мы и скорбим».

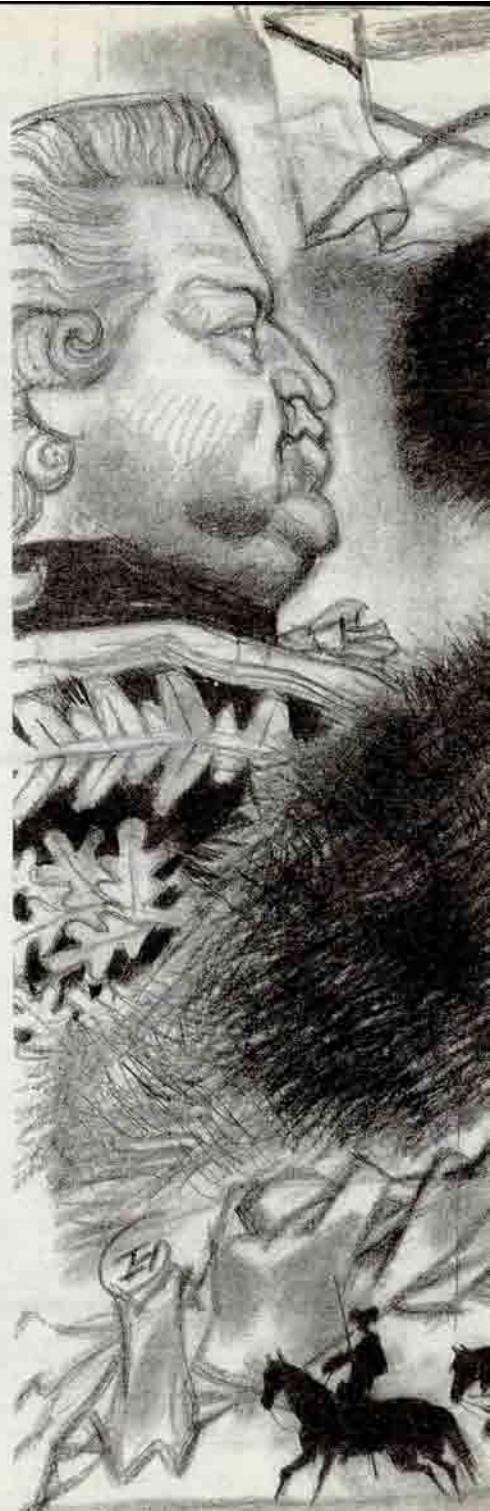
Мы прочитали эту заметку, сидя в кафе у Женевского озера.
Главпальто покупает и читает все русские газеты подряд.

Мы смотрим в небо и силится среди лазурной чистоты уловить
запах серенького российского дымка. Маленький бы такой, теп-
лый, как рукавичка.

“ТУБ НА ПОШУ”

МИХАИЛ КОВАЛЕНСКИЙ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

RUSSIAE

TAURARIA

Новороссия, куда собиралась ехать Екатерина, была для России действительно новой областью. В течение целого тысячелетия своей истории русский народ не мог свободно селиться в степи, где господствовали кочевники; весь южный край с его богатейшими черноземами был закрыт для русской колонизации; спускаться туда решались, да и то с большою оглядкой, одни беглецы-казаки, которым некуда было больше идти. Только с Ивана Грозного началось движение на юг, за Оку, где в степи стали строиться русские города — Тула, Орел и другие; и в течение двух веков выросли одна за другой пять укрепленных линий, пять рядов крепостей с валами, рвами и засеками, все дальше и дальше отводивших русский рубеж к югу.

До половины XVIII века пространства на юг от Киева и Чернигова, Полтавы и Харькова оставались еще пустыми, незаселенными. Украинская укрепленная черта, возведенная Минихом, была южной границей России. С половины XVIII века началось заселение степей южнее этой черты — Крым приходил в упадок и не внушал уже прежнего страха. При Елизавете Петровне сюда устремились поселенцы со славянского юга — сербы и хорваты. Екатерина разрешила селиться там русским беглым, раскольникам и иным, уходившим раньше за русский рубеж. К 1764 году здесь было уже до 200 селений и свыше ста тысяч жителей.

Восемьдесят лет назад в Москве была издана небольшая книжка историка М. Н. Коваленского «Путешествие Екатерины II в Крым». Само по себе событие — путешествие 1787 года — дало автору возможность показать последний шаг трехвековой истории освоения Новороссии и Крыма. Но главная особенность книги в том, что все сведения, в ней изложенные и свободные от позднейших комментариев, читатель получает из первых рук — в основу положены исключительно свидетельства и впечатления самих участников знаменитого путешествия. Среди них — посол Людовика XVI граф Сегюр, представитель той же миссии принц де Линь, австрийский посланник Кобенцель, два европейских монарха — польский и австрийский — и, конечно, сама российская императрица, записки и письма которой представляют собой незаменимый исторический источник.

Но прежде чем представить читателю страницы этой книги, нужно сказать несколько слов о положении дел в России в ту пору, когда было предпринято путешествие государыни к южным рубежам империи.

Для Екатерины это было время зенита ее славы. Крым присоединен, пугачевщина усмирена, издано Учреждение о губерниях, даны жалованные грамоты дворянству и городам. К тому же российская императрица сумела употребить честолюбие монархов Европы в свою пользу — разделила с союзниками Польшу, победила турок, и «падение

После первой турецкой войны южный предел России продвинулся еще дальше на юг и достиг уже Черного моря, двумя рукавами охватив с обеих сторон Крым. Затем стал русским владением и татарский Крым. Движение к Черному морю было завершено. Оставалось заселить новые области и закрепить их прочнее за Россией. Во главе этого дела поставлен Потемкин.

С 1774 года он сделался главным командиром Новороссии, а в 1777-м ему же были подчинены и две губернии Нижнего Поволжья — Саратовская и Астраханская. Теперь в его руках была вся южная Россия, а четыре больших русских реки — Буг, Днепр, Дон и Волга — в его наместничестве впадали в моря. Потемкин стал наместником и трех южных морей России — Черного, Азовского и Каспийского. Вся «обетованная страна» подчинялась единой его власти.

Первые шесть лет своего управления Новороссией Потемкин оставался в северной столице и правил из Петербурга. За это время он уничтожил окончательно Запорожскую сечь, тревожившую мирных поселенцев грабежами, призвал новых поселенцев — греков, участников турецкой войны России, переформировал местные полки, ввел подушную подать, выстроил новые верфи в Таганроге, основал новые большие города — Херсон и Екатеринослав.

С 1780 года Потемкин сам явился на юг и принялся с большим жаром за устройство Новороссии. Он усиленно привлекал в стра-

Порты было остановлено только несогласием христианских монархов». За шесть лет до путешествия, в 1781 году, секретарь императрицы составил краткий список ее деяний:

Губерний, по новому положению учрежденных . . .	29
Построенных городов	144
Заключенных договоров и соглашений	30
Одержанных побед,	78
Достопамятных указов о законах или учреждениях,	88
Указов, облегчающих участь народа	123

ИТОГО 492

Одних этих деяний с лихвой достало бы на несколько царствований. Но и они были не всё, что послужило причиной именовать Екатерину Великой не только в собственном отечестве. Тогда же увидела изумленная Европа, как «русский флот прошел через океан и Средиземное море, пробудил покоившуюся во прахе Спарту, возвестил грекам свободу и взорвал мусульманский флот в Чесменском заливе; наконец, великий визирь был осажден Румянцевым и тень Петра Великого отомщена».

Но Крым и Новороссия — особая страница царствования Екатерины. И тут время дать слово автору книги, об этих событиях повествующей.

ну новых колонистов, призывал русских беглецов, сулил им всякие облегчения и льготы, приглашал греков и армян из Крыма, корсиканцев с Корсики. Всем им раздавались казенные плодородные земли.

Потемкин заботился не только о заселении края, но и о развитии в нем хозяйства. Он выписывал из-за моря семена, устраивал сады и огороды, хлопчатые плантации и виноградники, сажал тутовые деревья и разводил шелковичных червей. В одном из писем к императрице, посылая ей дорогую шелковую материю, Потемкин писал: «Вы приказали червям работать на людей... Ахтуба приносит Вам на платье. Если моление мое услышано будет, то Бог продлит лета Ваши до позднейших времен, и Ты, милосердная мать, посещающая страны, мне подчиненные, увидишь шелками устлан путь».

Столицей нового края должен был сделаться новый город, основанный во славу Екатерины, — Екатеринослав. Целая армия русских рабочих строила его начиная с 1785 года.

Все делалось с размахом, на широкую ногу. За казенный счет строили каменные дома и сдавали всем желающим, чтобы привлечь побольше поселенцев. Должны были строиться 12 фабрик и «лавки полукружием, наподобие Прошлей или преддверия Афинского», с биржей посредине, «судилище наподобие древних базилик». Улицы должны были быть шириной в 30 сажен, а весь город должен раскинуться на 300 квадратных верстах и тянуться вдоль Днепра на 25 верст.

К 1787 году, когда Екатерина решила посетить Новороссию, в ней было населения уже 700 тысяч человек.

2 января 1787 года торжественно, при пушечной пальбе, императрица покинула Петербург и выехала в Царское Село. В Царском собрались все участники путешествия и 7 января в раззолоченных экипажах пустились в путь. «Поезд состоял из 14 карет и 124 саней с 40 запасными; на каждой станции нас ожидали по 560 лошадей», — рассказывает Сегюр.

Карета императрицы, запряженная 30 лошадьми, представляла из себя целый вагон; она состояла из нескольких отделений — кабинета, гостиной на 8 человек, игорного стола, небольшой библиотеки и была снабжена всеми удобствами. В этой карете сидели с императрицей граф Мамонов, Лев Нарышкин и фрейлина Протасова; «карманные министры» (иноземные послы) приглашались в карету поочередно — один день там ехал Кобенцель, другой — Сегюр, третий — Герберт и т. д. По словам последнего, движение возков «было так же плавно и покойно, как движение гондол».

Потемкин не ехал с императрицей, он был на юге и устраивал там все для ее приема. Вместо него руководил всем граф Безбородко. Весь Большой двор, то есть двор императрицы, выехал вместе с нею. Остался в Петербурге только Малый двор — наследника.

«Было 17 градусов мороза, — рассказывает в своих записках Сегюр, — дорога прекрасная, и мы ехали славно. Наши кареты на высоких полозьях как будто летели. Чтобы защищаться от холода, мы закутались в медвежьи шубы, надетые сверх другой

более нарядной и богатой, но тоже меховой одежды; на головах у нас были собольи шапки. Таким образом мы не замечали стужи, даже когда она доходила до 20 градусов. На станциях везде было так хорошо натоплено, что скорее мы могли подвергнуться излишнему жару, чем холоду. В это время самых коротких дней в году солнце вставало поздно и через 6 или 7 часов наступала уже темная ночь. Но для рассеяния этого мрака восточная роскошь доставила нам освещение: на небольших расстояниях по обеим сторонам дороги горели огромные костры из сваленных в кучи сосен, елей, берез, так что мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей. Так великая властительница севера среди ночного мрака изрекала свое: пусть будет свет! Обычный порядок, который императрица ввела в свой образ жизни, почти не изменился во время ее путешествия. В 6 часов она вставала и занималась делами с министрами, потом завтракала и принимала нас. В 9 часов мы отъезжали и в 2 останавливались для обеда; после того снова останавливались в 7. Везде она находила дворец или красивый дом, приготовленный для нее. Мы ежедневно обедали с нею. После нескольких минут, посвященных туалету, императрица выходила в залу, разговаривала, играла с нами; в 9 часов уходила к себе и занималась до 11-ти. В городах нам отводили покойные квартиры в домах зажиточных людей. В деревнях мне приходилось спать в избах, где иногда от жары нельзя было уснуть».

Народ всюду ожидал матушку императрицу. «Бедные поселене, — продолжает Сегюр, — с заиндевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы волшебной силой воздвигнутые посреди их хижин, дворцы, в которых веселая свита императрицы, сидя за роскошным столом и на покойных широких диванах, не замечала ни жестокости стужи, ни бедности окрестных мест. Везде находили мы теплые покои, отличные вина, редкие плоды и изысканные кушанья».

В городах устраивались иллюминации; императрица не совсем была этим довольна и, осведомившись, чего стоила иллюминация, «говорила о пустом блеске и ничего не значащем», как записал ее слова Храповицкий.

Сидя в своей карете, императрица беседовала со своими «карманными министрами». Сегюр записал несколько таких бесед.

«Екатерина знала, что многие, особенно французы, считали Россию страной азиатской, бедной, погрязшей в невежестве, во мраке варварства, и любила говорить о своей империи, чтобы рассеять такие обвинения. «Как вам нравится мое маленькое хозяйство? — спрашивала она. — Не правда ли, оно понемножку устраивается?»

Другой раз, обращаясь к Сегюру, она сказала: «Я уверена, граф, что ваши парижские красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалеют о вас, что вы принуждены путешествовать по стране медведей, между варварами, с какой-то скучною царицею. Я уважаю ваших ученых, но лучше люблю невежд; сама я хочу знать только то, что мне нужно для управления моим маленьким хозяйством».

«Ваше Величество изволите шутить на наш счет, — возразил Сегюр, — но вы лучше всех знаете, что думает о Вас Франция... Скорее Вы можете быть недовольны тем, что необычайное возрастание Вашего маленького хозяйства внушает некоторым образом страх и зависть даже значительным державам».

«Да, — говорила она иногда смеясь, — вы не хотите, чтобы я выгнала из моего соседства ваших детей-турок (французы покровительствовали Турции. — А. К.). Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они делают вам честь. Что если бы вы имели в Пьемонте или Испании таких соседей, которые ежегодно заносили бы к вам чуму и голод, истребляли бы и забирали бы у вас в плен по 20 тысяч человек в год, а я взяла бы их под свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, как бы вы стали тогда упрекать меня в варварстве!»

Много верст между тем осталось уже позади путешественников, когда поезд императрицы достиг Киева.

«Я приехала сюда 29 января, при 20 градусах мороза, — писала Екатерина Гримму, — несмотря на то, не было ни носов, ни ушей отмороженных. Мы провели все эти дни в балах, празднествах, маскарадах (была масленица), а сегодня, в понедельник, слава Богу, начался пост и положил конец всему этому шуму».

«В Киеве, — повествует Сегюр, — для Екатерины построили дворец, просторный, изящный и богато убранный. Она принимала в нем духовенство, правительственных лиц, представителей дворянства, купцов и иностранцев, приехавших во множестве в Киев, куда привлекло их величие и новость зрелища, здесь их ожидавшего. В самом деле, им представился великолепный двор, победоносная императрица, богатая и воинственная аристократия, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы в длинных кафтанах, с огромными бородами, офицеры в различных мундирах, знаменитые донские казаки в богатом азиатском наряде, татары, некогда владыки России, теперь подданные, князь грузинский, повергший к трону Екатерины дань Фасиза и Колхиды, несколько послов от бесчисленных орд киргизов, наконец, дикие калмыки, настоящее подобие гуннов... Весь Восток собрался здесь, чтоб увидеть новую Семирамиду, собирающую дань удивления всех монархов Запада».

Екатерина и в Киеве продолжала заниматься делами. Здесь она подписала, между прочим, указ о запрещении дуэлей, которым очень гордилась; здесь же состоялась ратификация торгового договора с Францией, о котором так хлопотал Сегюр.

Кроме дел государственных, Екатерина занималась в Киеве серьезным чтением. Она изучала работу английского юриста Блэкстона об английской свободе и писала замечания на нее. Храповицкий должен был доставать для императрицы «Наказ», составленный ею тому назад 20 лет. Она слыхала Блэкстона со своим «Наказом», секретарь должен был дополнить справками выписки из книги Блэкстона...

В Киеве пришлось пробыть три месяца, ждать, когда вскроется река и можно будет ехать дальше водой; к тому же Потемкин старался задержать Екатерину подольше в Киеве, чтобы его

агенты лучше успели приготовить все к приему императрицы в его наместничестве. Екатерина воспользовалась свободным временем, чтобы познакомиться с этим городом святынь. Она аккуратно обошла все святыни и после посещения пещер писала Гримму: «Кстати, я должна передать вам поклон от имени великого князя Владимира, которого мощи находятся здесь, в Печерском монастыре».

Вообще же Екатерина осталась недовольна Малороссией.

Императрица «была поражена невзрачным видом зданий в губерниях, состоявших в ведении Румянцева. В особенности в Киеве нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще в плохом состоянии и лишены всякого изящества. Досадно ей было видеть, что в Киеве не заботились об украшениях, которые она встречала проездом в других, менее значительных городах. Сама она не захотела говорить об этом с фельдмаршалом и поручила Мамонову дать почувствовать ее неудовольствие. Он исполнил щекотливое поручение с возможной осторожностью и намекнул фельдмаршалу, что государыня ожидала найти такой город, как Киев, в лучшем состоянии. Герой Кагула почтительно и терпеливо выслушал замечание и отвечал: «Скажите Ее Величеству, что я фельдмаршал ее войск, что мое дело — брать города, а не строить их и еще менее их украшать». В тот же вечер слова Румянцева были в точности переданы императрице. Сначала пораженная смелостью ответа, она приостановилась, на мгновение задумалась и сказала своему любимцу: «Он прав. И пусть Румянецв продолжает брать города, а мое дело будет строить».

Сегюр со своей стороны объясняет дело интригами Потемкина: «Фельдмаршал не получал никаких средств для управления Малороссией. Труды его подвигались медленно; солдаты его ходили в старой одежде, офицеры напрасно домогались повышения. Все милости, все поощрения падали на армию, над которой начальствовал Потемкин».

Едва ли не главной причиной этого путешествия императрицы, как, впрочем, быть может, и самой могучей фигурой всего ее царствования, был Григорий Александрович Потемкин.

Теперь здесь, в Киеве, он поселился в стороне от двора, не во дворце, а в Печерской обители, не среди царедворцев, а среди монахов. В Киев он явился с юга, из Крыма, где готовил все к приему императрицы. Он ждал своего часа, чтобы показать Семирамиде Севера все богатство полуденного края, во главе которого был ею поставлен.

Карьера Потемкина поистине удивительна! Сын небогатого смоленского дворянина, он с юных лет мечтал о блестящем будущем, хотел сделаться или министром, или архиереем. Учился в Московском университете одним из первых его студентов, был удостоен золотой медали и затем исключен за нехождение на лекции, так как слишком увлекся самостоятельным чтением и бросил профессорскую науку. Поступив в военную службу, был гвардейским унтер-офицером, когда разразился переворот, возведший на престол Екатерину, и неволью, в составе своего полка, оказался участником этого переворота; случайно услужив

новой императрице — подав ей темляк, — вышел сразу в люди, был пожалован в подпоручики и в камер-юнкеры, и награжден 400 душ крестьян. Когда началась первая турецкая война, он был уже камергером и пошел на войну волонтером. Заслужив на войне генеральский чин, скоро явился в столицу гонцом от Румянцева с реляцией о победе и имел счастье понравиться императрице. После этого началась между ними переписка. Наконец, в год окончания войны был выписан к государыне и назначен ее генерал-адъютантом. Это было в 1774 году.

С тех пор милости полились на Потемкина рекой. Екатерина возвела его в графское достоинство, Иосиф II — в князя Римской империи. Сверх того, он получил золотую шпагу с алмазами, портрет императрицы с бриллиантами, был украшен Георгием и андреевской лентой, а вдобавок — польскими, прусскими, датскими и шведскими орденами; не хватало только английского ордена Подвязки. В Петербурге был у него свой Аничков дворец, в Царском Селе — дворец Боболовский. Иностранные министры беседовали с ним о государственных делах, он был как бы главным министром императрицы.

Екатерина высоко ценила Потемкина, считая его настоящим дворянином, неподкупным своим слугой, неспособным ни на какое предательство, называла своим учеником, своим другом, своим идолом, в письмах звала его «Папой».

Богатства Потемкина были несметны. Деньги, имения, крестьяне, дома — всего этого было у него без числа. В имениях его работало несколько огромных фабрик и заводов, стеклянных, зеркальных, суконных и иных; заводы эти давали громадные доходы. Из своих имений Потемкин поставлял припасы в армию — это тоже давало большие барыши. В Крыму у него были соляные озера, дававшие до 300 тысяч рублей в год. И наконец, он мог бесчисленно черпать деньги из казны и так же бесчисленно распорядиться любыми казенными суммами: целые миллионы выдавались по первому его требованию. Сообразно этому он пользовался и кредитом: банкир Сутерлянд считал за ним сотни тысяч долгу. Даже петербургским извозчикам он ухитрился задолжать 19 тысяч. Один из его костюмов стоил — ни много ни мало — 280 тысяч. А однажды у него за обедом были поданы хрустальные чаши, наполненные бриллиантами, и бриллианты эти раздавались дамам целыми ложками. Такое мог себе позволить только Потемкин.

Оставаясь в течение 15 лет главным министром Екатерины, Потемкин был ее руководителем во всех важнейших делах, он направлял главным образом внешнюю ее политику. Греческий проект, план изгнания турок из Европы и восстановления Греческой империи с великим князем Константином (внуком императрицы) на престоле, создан был Потемкиным; он постоянно вспоминал о царградских походах Олега и Игоря и мечтал о таких же походах Екатерины. Особенно Потемкин настаивал на присоединении Крыма. «Поверьте, — писал он в докладе императрице, — что Вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе:

с Крымом достанется и господство на Черном море; от Вас зависеть будет запира́ть ход туркам и кормить их или морить с голоду. Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое скажет: вот она могла, да не хотела или упустила».

Крым был прямой дорогой в Константинополь. Екатерина охотно поддавалась этим внушениям Потемкина.

Крупной, колоритной этой личности тесно было и на широком государственном поприще. Занятость делами огромной империи оставляла время и для «своего», доказательством тому — удивлявшая современников начитанность и просвещенность Потемкина. С юных лет он читал запоем, особенно интересовали его богословские вопросы; серьезно занимался Потемкин историей церковных соборов, разделением церквей, расколом; читал Плутарха, увлекался одами Пиндара и приказывал переводить их для себя. В собственной его библиотеке было до двух тысяч книг отнюдь не «легкого чтения». Сегюр, отправляясь с императрицей в Крым, радовался, что встретится там с Потемкиным и прочтет с ним «несколько греческих трагедий и анакреонтических од» из библиотеки Екатерины (она везла с собой целую библиотеку).

Современники, в их числе и просвещенные иностранцы, единодушно свидетельствуют, что и в искусствах Потемкин знал толк: ценил живопись, скульптуру, архитектуру, особенно «легкость и простоту ионического стиля», а «музыке не учась, был в ней большой знаток», внимательнейшим образом следил за новыми произведениями музыкантов и посылал новинки, вышедшие из-под их пера, Гримму со своими примечаниями. Граф Разумовский из Вены собирался прислать ему на службу Моцарта. Поэты недаром называли его меценатом, и сам Державин в оде своей «Водопад» писал о нем:

*Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был,
Во храме Муз — друг Аполлона,
На поле Марса — вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире.*

Стоит ли говорить, сколь высоко ценила Потемкина Екатерина, знавшая его теснее других. «Ах, что за голова у этого человека! И эта хорошая голова забавна, как дьявол!» Это сочетание ей, по-видимому, особенно нравилось.

Не обошла Потемкина и тонкая наблюдательность Сегюра, в записках которого отведено ему значительное место.

«Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе нерешительного. Он представлял собою самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность. Везде этот человек был бы замечателен своею странностью. Но за предела-

ми России и без особенных обстоятельств, доставивших ему благоволение Екатерины II, он не только не мог бы приобрести такую огромную известность и достичь такого высокого сана, но едва ли бы дослужился до сколько-нибудь значащего чина... До мечтательности честолюбивый, он воображал себя то курляндским герцогом, то королем польским, то задумывал основать духовный орден или просто сделаться монахом. То, чем он обладал, ему надоело; чего достичь он не мог, возбуждало его желания. Ненасытный и пресыщенный, он был вполне любимец счастья и так же подвижен, непостоянен и прихотлив, как само счастье.

Иногда он обнаруживал гений орла, иногда легкомыслие ребенка, — продолжает Сегюр. — Великие предметы заставляли его действовать, мелочи останавливали его действия; никто не составлял какой-либо проект столь быстро, как он; никто не исполнил своих проектов столь медленно и не отказывался от их исполнения столь легко, как он. Занявшись устройством фабрик, он после о них не заботился; купив что-либо, он сейчас готов был продать эту вещь; часто он опрокидывал то, что только им самим было построено. Музыка или какое-либо стихотворение отвлекали его от занятий каким-либо политическим вопросом; своим легкомыслием он часто лишался доверия, необходимого при делах, требующих последовательности и постоянства».

Это какой-то пучок противоречий, думаешь невольно, читая характеристику Потемкина, сделанную де Линем. Вот как описывает он главного министра Екатерины: «Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; не имеет стола, кроме своих колен, другого гробня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предаётся сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она настала; унывает в удовольствиях; несчастен оттого, что счастлив; нетерпеливо желает — и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик и вместе избалованный 9-летний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас же их раздаёт; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид восточного сатрапа или любезного придворного века Людовика XIV и вместе изнеженного сибарита. Какая же это магия? Гений, потом и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздавании наград, чрезвычайная тонкость, дар угадывать то, что он сам не знает, и величайшее познание людей; это настоящий портрет Алкивиада».

«Великий человек, велик умом, велик и ростом», — говорил о Потемкине Суворов и прибавлял при этом, что у него чердак хорошо меблирован.

И внешность Потемкина полна противоречий и двойственности. Он самый прочный фаворит самой непостоянной из жен-

щин, а между тем он совсем не хорош собой, даже больше — «он страшен и противен», рассказывают о нем современники. Громадного роста, непропорционально сложенный; ноги у него кривые, один глаз косой, другой слепой — он потерял его в ссоре с Алексеем Орловым неизвестно каким образом; «одноглазый циклоп» — называют его придворные. Немудрено, что его нельзя было убедить позволить написать с себя портрет, как об этом свидетельствует Екатерина. И манеры его неязычны; в Эрмитаже для посетителей тесного круга императрицы были выработаны особые шуточные правила, как надо вести себя; специально для Потемкина там был такой параграф: «Просят быть веселыми, но ничего не уничтожать, не разбивать и не кусаться». В минуты хандры от светлейшего всего можно было дожидаться...

Путешествие между тем продолжалось.

«Зима миновала. Днепр избавился от ледяных оков; природа, сбросив траурный покров и засияв блеском весны, подавала Екатерине знак к отъезду, — продолжает свои записки Сегюр. — 22 апреля императрица пустилась в путь на галере в сопровождении великолепнейшей флотилии, которая когда-либо шла по широкой реке. Она состояла из 80 судов с 3 тысячами матросов и солдат. Впереди шли 7 нарядных галер огромной величины, искусно расписанных, с множеством ловких матросов в одинаковой одежде. Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками. Каждый из нас имел комнату и еще нарядный и роскошный кабинет, с покойными диванами, с чудесной кроватью под штофной занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега, вокруг зеленеющих островков, которыми усеяна река. Множество народа громкими кликами приветствовало императрицу, когда при громе пушек матросы мерно ударяли по волнам Борисфена (Днепра) своими блестящими, расписными веслами. Порою на береговых равнинах Днепра маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижинки так были изукрашены цветами, расписными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами... Когда мы подъезжали к большому городом, то перед нами выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат уже доказывала нам, что мы оставляем область этого маститого, знаменитого воина и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина»...

Сегюр записал беседы, какие велись во время этого плавания с императрицей. «В разговорах наших, — рассказывает он, — мы беспрестанно переходили от одного к другому. Мы сравнивали прежние времена с новыми, Францию с Грецией, Англию с Кар-

фагеном, Пруссию с Македонией, империю Екатерины с Кировой империей...»

Однажды она сказала «карманным» своим министрам: «Видите, господа! Вы свалите меня вообще за все; но если рассмотреть подробнее, то, конечно, станете бранить. Пожалуйста, заметьте, я обязана частью моей славы князю Орлову. Он присоветовал мне послать флот в Архипелаг. За Тавриду и за изгнание турок, угрожавших моему государству, я должна благодарить князя Потемкина. Я беру на свой счет только то, что образовала сих господ. За победы должна я признательностью фельдмаршалу Румянцеву. Верьте мне, что я только счастлива; если мною сколько-нибудь довольны, так это потому, что я несколько тверда и одинакова в моих правилах». Она говорила также: «Я уверена, что обо мне худо говорят в Европе. Твердят, что я готова разориться, что я много издерживаю. Нет нужды, маленькое мое хозяйство идет своим чередом».

Своим чередом шло и путешествие.

«Я выехала 22 этого месяца из Киева, — писала императрица Гримму, — и вот уже три дня, как мы плывем на веслах по Борисфену... Теперь мы между двумя берегами, из которых один принадлежит Польше; этот очень горист; русский же берег совершенно низменный... Надеюсь завтра или послезавтра видеть на своей галере короля Польского».

Еще раньше, из Киева, в марте месяце, Потемкин ездил в Фастов и виделся там с польским королем. Это было предварительное свидание. Теперь в Каневе предстояло свидание императрицы с прежним ее поклонником. Новый фаворит, Мамонов, делал вид, что жестоко ревнует к нему Екатерину. Сегюр и де Линь едва удерживались, глядя на это, от смеху — королю было 55, а Екатерине — 58 лет...

«Когда он вступил на императорскую галерею, мы окружили его, желая заметить первые впечатления и слышать первые слова двух державных особ, которые находились в положении, далеко не сходном с тем, в каком они были некогда. Но мы обманулись в наших ожиданиях, потому что, после взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала руку королю и они вошли в кабинет, в котором пробыли с полчаса... Когда они вышли, «в его глазах виднелся отпечаток грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка».

На большой галере был устроен парадный обед.

«За обедом мало ели, мало говорили, только смотрели друг на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здоровье короля при грохоте пушечного залпа. По выходе из-за стола король взял из рук пажа перчатки и веер императрицы и подал ей. После того он стал искать и никак не мог найти своей шляпы; императрица, заметив это, велела принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станислав сказал: «Когда-то, Ваше Величество, Вы пожаловали мне другую шляпу, которая была гораздо лучше этой» (он намекал на данную ему Екатериной польскую корону).

Прием королю был оказан достаточно холодный.

«Король дал великолепный бал, императрица отказалась уча-

ствовать в нем. Станислав упрашивал ее остаться еще хоть на сутки; Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора (Иосифа II), который должен был съехаться с нею в Херсоне... Пора милостей для короля миновала», — заключает Сегюр.

Король просил и Потемкина уговорить императрицу, чтобы она осталась еще в Каневе и согласилась у него отобедать; светлейший пытался ее убедить, но тщетно; Екатерина отвечала ему: «Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветру, как в Польше часто случалось; итак еду завтра, как назначила, а ему желаю всякого благополучия... Право, батенька, скучно».

Так минуло это свидание... «Король дожидался нас при Каневе, — рассказывает де Линь, — он прожил тут 3 месяца и 3 миллиона для свидания с императрицей»...

Это было за несколько лет до второго раздела Польши.

30 апреля флот императрицы прибыл в Кременчуг. Здесь начиналась уже Новороссия; путешественники вступали в наместничество Потемкина. Тут должен был светлейший развернуть свое старание и свое искусство царедворца и декоратора вовсю.

Сойдя при пушечной пальбе на берег, императрица в карете проследовала в дом, специально для нее приготовленный. Потемкин вместе с другими начальствующими лицами ехал верхом возле кареты. Вечером того же дня устроена была великолепная иллюминация в разноцветных огнях.

На другой день поутру, во время Высочайшего выхода в большую залу, «предстал императрице преосвященный Амвросий, архиепископ Екатеринославский и Херсонеса Таврического, и говорил речь, изъявляющую радость всего полуденного края, восхищенного посещением Монархини, превратившей неплодные пустыни в обитательные села и грады. Затем, когда императрица шествовала к обеденному столу, представлены были и жалованы к руке депутаты осетинского народа, племен, просящих св. крещения».

Так повествует официальный журнал путешествия. Сегюр дополняет личными впечатлениями: «Потемкин, необыкновенный всегда и во всем, явился здесь столько же деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолевать все возможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразные песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать вид жизни степям и пустыням. Станции были размещены таким образом, что путешественники не могли утомиться; флот останавливался всегда в виду селений и городов, расположенных в живописных местностях. По дугам паслись обильные стада; по берегам располагались толпы поселян; нас окружало множество шлопок с парнями и девушками, которые пели народные песни; одним словом, ничего не было забыто».

В Кременчуге были устроены большие маневры с участием 45 эскадронов конницы и многочисленной пехоты. «Я редко видел такое прекрасное и блестящее войско», — замечает Сегюр.

Екатерина в письмах к Еропкину и Салтыкову писала: «Здесь я нашла 3 легко-конных полка, про которых покойный Панин и многие иные старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные».

Все вообще, что видела здесь Екатерина, все, что показывал ей маг и волшебник Потемкин, вызывало у нее восторг и восхищение. «В Кременчуге нам всем весьма понравилось, — писала она Салтыкову, — наипаче после Киева, и если бы я знала, что Кременчуг таков, как я его нашла, я бы давно переехала... Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала кн. Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные их хвалят неложно; города строятся, недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях оттого, что ничему не дано движения, недоимки простираются до миллиона; города мерзкие, и ничего не делается».

Удовольствие тем, что увидела она в Новороссии, императрица сочла долгом высказать главному его виновнику, Потемкину: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления; здесь они в полной силе и действии».

Впереди императрицу ожидали другие земли, тоже преобразованные талантами Потемкина.

В Херсоне Екатерина должна была съехаться с австрийским императором Иосифом II.

Представитель блестящего дома Габсбургов не в первый раз собирался посетить Россию. Он был уже в гостях у Екатерины 7 лет назад, в 1780 году. Это была политическая поездка: Австрии надо было «отторгнуть Россию от союза с Пруссией»; австрийские дипломаты старались «восстановить прежние дружеские отношения между императорскими дворами», и для этого должны были «не щадить ни труда, ни денег». Для этого же ездил в Россию и Иосиф, тогда еще бывший наследником престола.

Он приезжал под именем графа Фалькенштейна. Екатерина с большим интересом и даже как будто страхом готовилась к этому приему царственного соседа; она жаловалась тогда сыну, что потеет от одной мысли о предстоящей встрече; когда же свидание состоялось, она старалась хорошенько изучить гостя. Граф Фалькенштейн очень понравился Екатерине, плененной его любезностью, красноречием и образованностью. Со своей стороны, чтобы понравиться Екатерине, Иосиф велел отслужить панихиду за упокой души Вольтера...

Тогда говорили и о политике. Екатерина спросила гостя, не собирается ли он, как будущий император, завладеть Римом. Он ответил ей в том же тоне, что ей легче захватить второй Рим (т. е. Константинополь), чем ему — первый. Второй Рим не сделался достоянием Екатерины; но Иосиф не помешал ей приобрести Крым, проникнуть к Черному морю. За это нужно было быть благодарной. Теперь предстояла новая война с Турцией,

надо было о многом столкнуться; Иосифу следовало ознакомиться с силами России, с готовностью ее к войне. Особенно важно было увидеть вновь приобретенные Новороссию и Тавриду. Туда он и ехал теперь на свидание с российской императрицей.

Еще в августе предыдущего года она известила Иосифа о своем предполагаемом путешествии на юг, во время которого надеялась с ним свидеться, но сделала это неофициально и даже недостаточно вежливо, а в приписке к письму, между прочим, Скандализованный такой странной формой приглашения, Иосиф решил «дать почувствовать Цербстской принцессе, превращенной в Екатерину II, что не следует располагать императором с таким пренебрежением и невниманием». Ответ свой он тоже послал ей в приписке к письму. Однако, решив ехать, он изменил тон и засыпал Екатерину выражениями своего восторга, своего восхищения, что снова ее увидит. Он приедет в Россию не как император, а как простой дворянин, приедет лишь для того, чтобы тысячу раз повторить Екатерине, как он ее уважает, как восторгается ею. Он считает дни и часы, оставшиеся для этого свидания. У него даже делается сердцебиение, когда он слышит название Херсона. Екатерина со своей стороны не оставалась в долгу, тоже считала дни и часы и поздравляла себя, что такой опытный знаток и беспристрастный судья увидит наконец ее империю.

Государыня обедала на своей галере, когда пришло известие «о вступлении в границы Российские знаменитого путешественника графа Фалькенштейна». Знаменитый путешественник проехал прямо в Херсон, с изумлением осмотрел там вновь возведенные постройки — крепость, верфи, склады — и на другой день выехал навстречу Екатерине. Надо было спешить принимать гостя, а препятствия и задержки на пути умножались. «По причине сильно упорствующих ветров галеры и прочие суда, флотилию составляющие, не могли продолжать плавание своего», — отмечено в дорожном журнале. Узнав же о выезде императора из Херсона, Екатерина переехала на берег, и в экипажах, с малой свитой отправилась навстречу. Встретились они у одинокого казачьего хутора.

«Первое слово, им сказанное мне: «Вот теперь все политики сбиты с толку, никто не видит нашего свидания».

Величества сели в одну карету и проскакали 30 верст до Кайдаков.

На другой день в присутствии обоих монархов состоялось давно подготовленное торжество. «9 мая, — рассказывает Сегюр, — мы расположились в палатках, в 8 верстах от Кайдака, на месте, где императрица хотела построить Екатеринослав. В царском шатре отслужили молебен, и государи совершили закладку собора нового города в чрезвычайно красивой местности. Он должен был быть построен на высоте, с которой далеко виден извивающийся Днепр с его лесистыми островками»...

Иосиф делал все, чтобы заслужить расположение Екатерины. Сегюр рассказывает, как австрийский император держал себя с фаворитами русской императрицы: «Стараясь понравиться Екатерине, он расточал Мамонову очень частые знаки внима-

ния и благосклонности, терпел даже прихотливое высокомерие Потемкина и не раз, подобно придворным императрицы, довольно долго ожидал выхода князя в его приемной»...

С Днепра, по пути к Херсону, Екатерина писала Еропкину и Салтыкову: «Хорошо видеть сии места своими глазами; нам сказали, что наедем на жары, несносные человечеству, а мы наехали на воздух теплый и ветер свежий, весьма приятный и самый весенний; степь, правда, что безлесная, но слой земли самый лучший и такой, что без многого труда все на свете произведет; почиталась она безводною, а мы видели повсюду ручьи и речки, при которых поселений уже не в малом числе. Здешние жители все без изъятия имеют вид свежий и здоровее, нежели киевские, и кажутся работающее и живее»...

Наконец, 12 мая прибыли в Херсон. Екатерина въехала в город в великолепной колеснице вместе с императором и Потемкиным. Народ отпряг лошадей и на себе ввез государыню в город. Тут пошли приемы, обеды, балы. Пять дней прожили в Херсоне и, по-видимому, остались довольны. Екатерина писала в Петербург: «Мы приехали в Херсон. Дитя сие не существовало 8 лет назад. Сначала проехали каменные казармы 6 полков, потом повернули направо, въехали в крепость, которая за себя постоит; внутри крепости военные строения многие окончены; некоторые приходят в отделку; церковь каменная, прекрасная. Выехав из крепости, повернули мы в адмиралтет, в котором все магазины и строения каменные, крыты железом. На стапеле нашли мы готовый 80-пушечный корабль, который в субботу, даст Бог здоровья, на воду спустим; возле него 66-пушечный, почти готовый; возле сего фрегат 50-пушечный. Сии корабли из моего дома, из той комнаты, в которой я вам пишу, видны, и сад сего дома возле адмиралтейства и стапеля. Купеческого города, который с другой стороны составляет предместье, я еще не видала; но сказывают — не хуже. Народу здесь, окромя военных, великое множество и разноязычные из большей части Европы».

Рассказывает о Херсоне и Сегюр: «После поездки по 400-верстному пространству нас неожиданно поразил вид Херсона. Но и без этого обстоятельства мы не могли не удивиться при виде стольких новых, величественных зданий. Мы увидели почти уже оконченную крепость, казармы на 24 тысячи человек, адмиралтейство со всеми принадлежностями, арсенал, заключающий в себе до 600 орудий, два военных корабля и фрегат, снаряженные к спуску, публичные здания, воздвигаемые в разных местах, несколько церквей прекрасной архитектуры, наконец, целый город, уже торговый, с 2 тысячами домов и лавками, полными греческих, константинопольских и французских товаров; в гавани его заходили и стояли до 200 купеческих судов... Понятны удивление присутствующих и восторг, с какими они превозносили дарование и подвиги Потемкина».

15 мая в присутствии ее величества и графа Фалькенштейна спущены были на воду два военных корабля и один фрегат. 80-пушечный наименован «Иосиф II» («Это галантно», — заметила Екатерина), 66-пушечный — «Владимир» и фрегат 50-пушечный — «Александр».

Спуск этот обставлен был роскошно. «Через Днепр, — рассказывает очевидец, — заранее были построены три плавучих моста с перилами, для защиты от солнца и дождя снабженные крышей, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обеими крайними местами, на которых помещались зрители, неходились подмости, с которых должны были сойти корабли. Средний помост, предназначенный для императрицы, графа Фалькенштейна и высших особ, отличался великолепием и с большим вкусом прибранными украшениями. От императорского дворца до верфи, находившейся почти в полуверсте, путь был уравнен и покрыт зеленым сукном на 2 сажени в ширину... Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласной шапочкой на голове. Граф Фалькенштейн также был одет в простой фрак. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом золотом мундире со всеми орденами»...

В Херсон явился из Константинополя русский посол Булгаков. Шли важные совещания о турецких делах, и все было очень похоже на настоящий конгресс. У Потемкина было тут собрано большое, в 150 тысяч, войско. Турки со своей стороны устроили морскую демонстрацию — их эскадра явилась около устья Днепра. Екатерине пришлось отложить предполагавшуюся поездку в Кинбурн. Войны, однако, не ждали еще так скоро.

О войне, надо полагать, мало еще думали, а все виденное здесь настраивало на мирный лад. «Однажды, — рассказывает Сегюр, — когда разошлись от императрицы, Иосиф II, желая воспользоваться прекрасной ночью, взял меня под руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнине, где взор не находил преград. При виде нескольких верблюдов и татарских пастухов, бродивших в степи, император сказал мне: «Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериной II, с французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница в истории».

— Мне скорее кажется, — отвечал Сегюр, — что это страница из тысячи и одной ночи, что меня зовут Джафаром и что я прогуливаюсь с халифом Гарун аль Рашидом, по обыкновению своему переодетым...

17 мая выехав из Херсона, Екатерина через два дня вступила в Крым, названный вновь, как в древние времена, Тавридой.

При самом въезде явился навстречу отряд татарских всадников, богато одетых и вооруженных. «Монархиня, — говорит Сегюр, — пожелала, чтобы во время пребывания в Крыму ее охраняли татары — презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг».

«Согласитесь, любезный Сегюр, — сказал, смеясь де Линь, — что 12 тысяч татар, которыми мы окружены, могли бы наделать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдруг потащить нас к берегу, посадить на суда августейшую государыню и могущественного императора и увести их в Константинополь, к величайшему удовольствию его величества Абдул Гамета, владыки

и повелителя правоверных!..» К счастью, эти мысли не пришли на ум великодушным сынам Магомета...

20 мая ввечеру прибыли в Бахчисарай. Императрица провела здесь только пять дней, но удовольствие выразалось во всех чертах лица ее: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христианки при мысли, что заняла трон ханов, которые некогда были владыками России».

Сама же Екатерина писала Еропкину: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с унижением бесславили приобретение сего края. Херсон и Таврида со временем не только окупятся, но и надеяться можно, что если Петербург приносит 8-ю часть дохода Империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодных мест».

Между тем Екатерина со всем двором прибыла в Инкерман. «Здесь, — записывает Сегюр, — высокие горы полукружием огибают широкий и глубокий залив, где некогда стояли древние города Херсонес и Евпатория. Эту пристань императрица назвала Севастополем»...

Здесь Потемкин и приготовил свой главный сюрприз.

«Их величества сидели за столом, при звуках торжественной музыки, когда внезапно отворились двери большого балкона и взором нашим представилось величественное зрелище: между двумя рядами татарских всадников мы увидели залив, верст на 12 в даль и на 4 в ширину. Посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в 2 года. Государыню приветствовали залпом пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Евксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более как через 30 часов флаги ее кораблей могут развеяться в виду Константинополя, а знамена ее армии водружаться на стенах его».

Это неожиданное зрелище было рассчитано и на Иосифа II, дабы показать ему, как приготовилась к новой войне Россия.

После обеда обоим Величествам подали плюшку, нарочно выписанную из Константинополя — точь-в-точь такую же, в какой катался турецкий султан, — и они поехали в Севастополь.

«Мы спустились в залив, — пишет Сегюр, — Екатерина обозрела корабли свои и дивилась глубине и ширине залива, вырытого природою, будто с намерением устроить здесь прекраснейшую пристань в мире. Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь. Несколькo зданий для складки товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь верфи, пристани, торговая и карантинная — все придавало Севастополю вид значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2 тысячах верст от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности».

Три корабля, спущенные при нас в Херсоне, и другие — из Таганрога должны были прибыть сюда вскоре. Но между тем

в заливе уже стояла эскадра из 25 военных кораблей, совершенно вооруженных, снабженных всем нужным и готовых по первому мановению Екатерины тотчас же стать под паруса».

Город и флот произвели сильное впечатление и на Иосифа II. Он писал австрийскому фельдмаршалу графу Ласси: «Севастополь — красивейший порт, какой я когда-либо видел. В нем могут удобно поместиться 150 кораблей, в совершенной безопасности от всяких случайностей со стороны моря и от неприятеля, который никогда не отважится проникнуть в бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить из бухты в море можно при трех ветрах... Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать таким образом в следующие 3 года, то, конечно, этот город делается весьма значительным. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и он смотрит страшно озадаченным».

Обыкновенный переход отсюда в Константинополь совершается в двое суток, а иногда даже в полтора суток. Судите же, мой любезный маршал, на какие неприятные размышления все это должно наводить моего собрата, повелителя правоверных, который никогда не может быть уверен, что эти молодцы не явятся не нынче так завтра разгромить у него окна пушечными выстрелами.

Императрица находится в восторженном состоянии по поводу всего, что она видит, и при мысли о новой степени величия и могущества, на которую она возводит Русскую Империю. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и его чествуют выше всякого представления. Будь у меня возможность так близко придвинуться к Берлину, да будь пруссаки такие же олухи, как турки, я бы не устоял против желания отделаться от таких соседей».

Содержание этого письма не было, конечно, известно Екатерине, но самый вид австрийского императора избавлял ее от желания его узнать. Но мнением представителя Франции (Сегюра), она поинтересовалась, не отказав себе в удовольствии прямо спросить его, что он об этом думает. Тот отвечал с любезностью, ему свойственной:

— Ваше Величество загладили тяжкое воспоминание о Прутском мире... Вы подчинили татар, прежних поработителей России. Основанием Севастополя вы довершили на юге то, что Петр начал на севере. Вам остается один только славный подвиг — одержать победу над природой, населить и оживить все эти завоеванные земли и обширные степи, через которые мы недавно проезжали.

Екатерина не могла не чувствовать, что любезные речи посланника французского двора выразили, однако, не все его чувства.

В Севастополь между тем явился посланец с острова Мальты. Гроссмейстер мальтийских рыцарей слал русской императрице свои дары — пальмовую ветвь с кустом цветов, украшенным трофеями, в знак победоносного приобретения Тавриды. Екатерина отдала эту ветвь Потемкину, а он послал ее на корабль «Слава Екатерины».

Севастополь был венец, но еще не конец путешествия. Императрицу встречали другие, радениями Потемкина обустроенные города Тавриды — Симферополь, Карасубазар, Судак, Старый Крым, Феодосия... А там и обратный — через всю Россию — лежал путь.

С дороги Екатерина писала Потемкину: «Мы здесь чванимся ездой и Тавридою, и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях. Тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты бесценной. Сие я говорю и думаю ежедневно... Ей Богу, ты молодец редкой, всем проповедую».

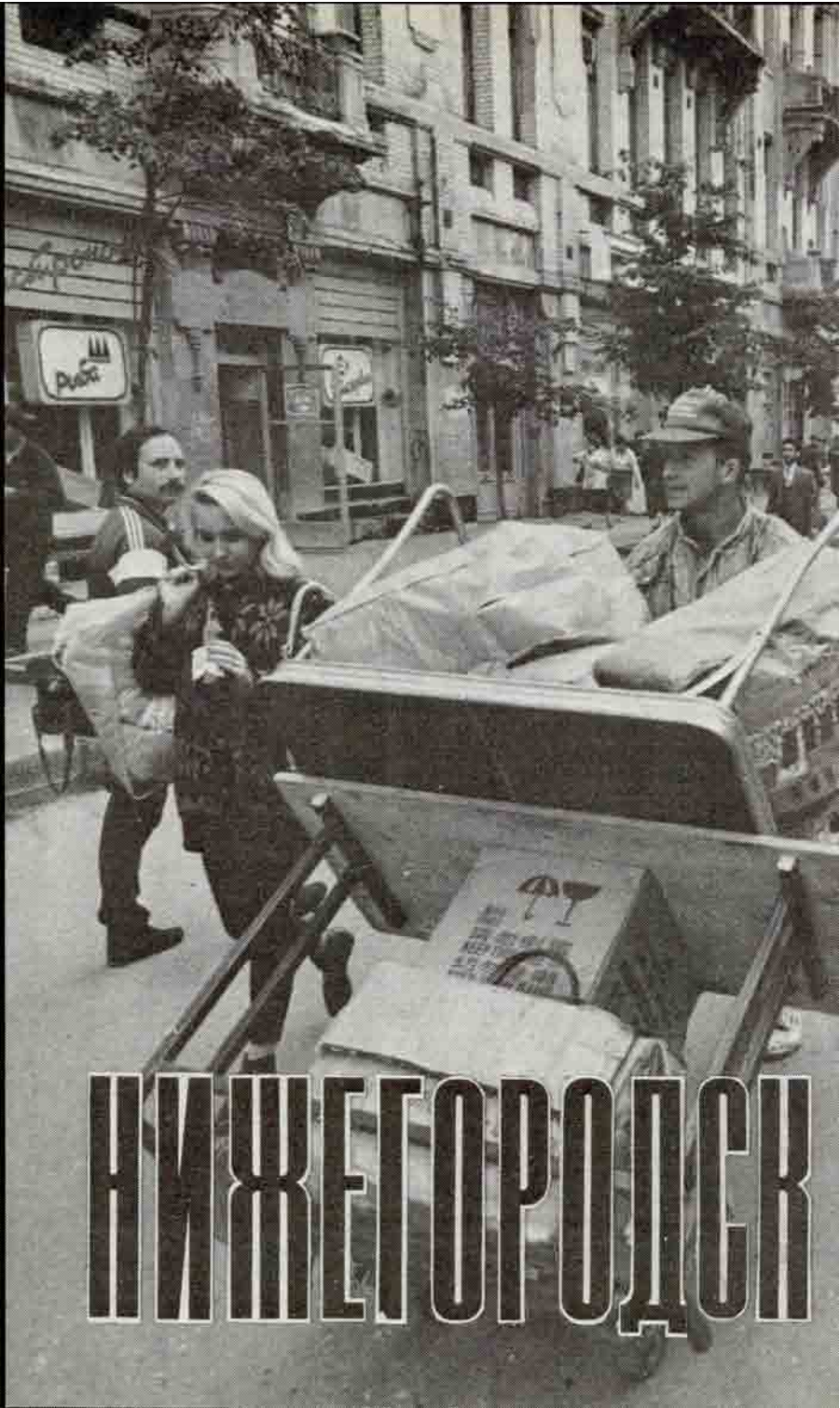
11 июня 1787 года поезд императрицы подкатил к Царскому Селу. И тотчас с фельдъегерем полетело на юг другое письмо.

«Друг мой сердечной, князь Григорий Александрович! Третьего дни окончили мы свое 6000-верстное путешествие, — писала Екатерина, — а с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. И так, друг мой, разговоры наши почти непрестанные, замыкают в себя либо прямо, либо с боку твое имя, либо твою работу»...

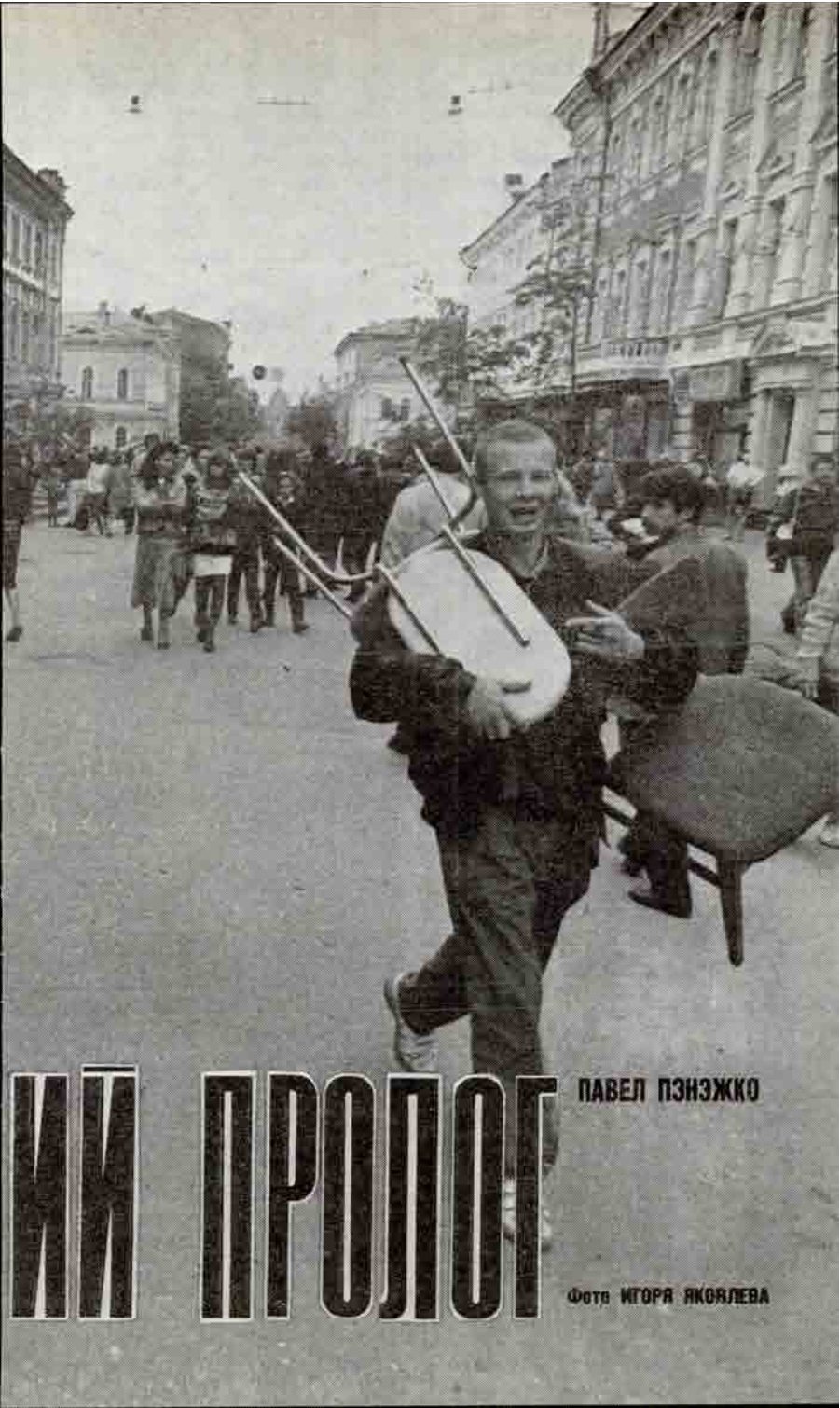
В память этого путешествия была скоро выбита медаль с профилем Екатерины на одной стороне и картой путешествия — на другой. Кругом карты вилась надпись: «ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ».

В пару первой отчеканили и другую медаль — с профилем Потемкина и картой устроенных им российских губерний.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

НИЖЕГОРОДСК

МЫ ПРОДОЛЖИМ

ПАВЕЛ ПИЗЖКО

Фото ИГОРЯ ЯКОЛЕВА

Знамена времени — в Россию возвращаются губернаторы...

На Сахалине правит Федоров и грозит со временем сделать из острова вторую Японию. В Нижегородчине Немцов вместе с известным экономистом и политологом Явлинским строят «локальный капитализм»...

Начальник губернии

Потомственный нижегородец Борис Немцов в 24 года защитил кандидатскую диссертацию по физике. Участвовал в борьбе нижегородских «зеленых» против строительства атомной теплоцентрали. (По тем временам это было достаточно рискованное предприятие, вполне могли пришить антисоветчину.) У него была самая радикальная предвыборная программа в 1989 году — многопартийность, равенство всех форм собственности, прямые выборы президента — и его, конечно же, не допустили до выборов. Зато взял реванш в девяностом, работал в Комитете по законодательству, а год спустя, на выборах первого российского Президента, стал доверенным лицом Ельцина.

Административную карьеру Немцову удалось сделать на баррикадах вокруг «Белого дома» в дни августовского путча. Тогда Борис заметил его высокопоставленный тезка. Да и нельзя было не заметить: тридцатилетний красавец кавалергардского роста, остроумен, смел, наверняка сможет и с физиками, и с лириками найти общий язык...

Борис вернулся в родной город и постарался не ударить в грязь лицом, не наделать глупостей. К тому же вокруг него собрались те, с кем вместе он «воевал» в батальонах «зеленых», его поддержала и местная пресса. И стены обкома,

в которых разместилась новая администрация, его нисколько не испортили. Главное — не травил людей, «запятнанных» работой в совпартаппарате, наоборот, старался привлечь наиболее способных к участию в реформах.

Нынешние нижегородские лидеры — Немцов, Бедняков, Крестьянинов, Скляр — при всем своем демократизме и рыночной убежденности, если надо, очень даже умеют «показать зубы». Когда в правительстве России возник вопрос о приоритетных ассигнованиях на конверсию, нижегородцы буквально «выгрызли» себе кусок — в первую очередь для «Красного Сормово», ЦНИИ «Буревестник», Арзамасского приборостроительного завода...

Но вот те же «гиганты: ВПК» надумали в целях экономии позакрывать свои садики-ясли, и мэр Нижнего Новгорода Бедняков издал тотчас грозный запрет. И хотя кое-кому из руководителей предприятий в этом почудился привкус прежних волевых нажимов, бесцеремонного вмешательства во внутреннюю жизнь их вотчины, пришлось покориться...

Когда прошлым летом в стране разразился кризис наличности, Приморский край решил сделать свой маленький бизнес на несчастье нижегородцев и предложил им миллиард рублей под возврат 1,35 миллиарда. В Нижегородском кремле прикинули: нет, кормить ростовщиков не будем. Вместо этого опять прибегли (увы!) к испытанному «волонтаризму». Перекрыли каналы возможной утечки рубля из области. Только аэропорт «дал» сразу более миллиона рублей, которые предприимчивые люди собирались вывезти в Литву и Армению. Банк, милиция и прокуратура принялись «трясти» торговлю и коммерцию. Каждую неделю это давало до полутора мил-

лионов «утаенных» денег, которые тут же возвращались в нормальный оборот. И последняя мера — жесткий разговор с правительством и с многоуважаемым банкиром всех банкиров Геращенко. В Москву полетела телеграмма: «...Рыночная экономика, как и любая другая, может работать только в условиях стабильности работы промышленности. Остановка промышленности положит конец реформам и оставит людей без средств к существованию. Просим принять срочные меры по проведению зачета и кредитованию оборотных средств».

И еще — губернатор обратился в Конституционный суд, ибо задержка зарплаты, как считает Борис Ефимович, является прямым нарушением конституционных прав россиян. В общем, к осени положение с наличностью более-менее нормализовалось!..

Но если без слабо шуршащего рубля еще как-то можно вывернуться (на заводе Фрунзе даже принялись собственную деньгу выпускать), то без хлеба насущного наступит то самое, о чем писал побывавший здесь сто лет назад Короленко: «Нужно, наконец, научиться признавать и видеть народную горе и бедствие там, где ни одна мать не съела еще своего ребенка...»

Дело в том, что «свободные» цены взяли за горло нижегородского земледельца, и ему ничего другого не оставалось, как проделывать то же самое с городом. Когда подоспела пора ссыпать хлеб в амбары, колхозы-совхозы заартачились: по 8 тысяч за тонну хлеба — ни в какую. Не меньше 15! В Кремле вытянулись лица: значит, буханка потянет на полсотни рублей?! В конце июля собрались во Дворце труда сельские «бароны», грозились обычным: мол, не выживет село, не выживет и го-

род! Однако принявшие на себя главный удар вице-губернатор Иван Скляров и председатель облсовета Евгений Крестьянинов понимали, что весь этот напор стимулируется главным образом некой публикой с очень большими деньгами, которая закупит хлеб хоть себе в убыток, зато потом с лихвой наверстает, «прокрутив» его несколько раз на бирже.

Но хлеб не должен «крутиться». Хлеб должен кормить. Кстати, это и аграрии прекрасно понимали, и для них не было секретом, что пятидесятирублевая буханка в конечном итоге отприкошетит по ним же. Крестьянинов говорил долго, и в конце концов ему удалось отстоять свой компромиссный вариант, цена от 9 до 12 тысяч за тонну, затем ежемесячная индексация. Что ж, победа?

Скляров безнадежно махнул рукой: мол, не может быть победы у города над селом или наоборот.

— Просто наступил небольшой антракт в написанной не нами пьесе абсурда. Можно перевести дух перед началом следующего акта...

Но никакие события не смогли отвлечь Бориса Немцова от видения перспективы, от продолжения реформ. Для этого он в начале лета завлек на нижегородскую землю Григория Явлинского со всем его Центром экономических и политических исследований и отпустил только в сентябре, получив от него программную разработку «Экономика и политика в России. Нижегородский пролог».

Есть ли пророк в своем отечестве?

Надо заметить, Григорию Явлинскому в определенном даре предвидения не откажешь. Значит, если он выбрал нижегородцев, то,

видимо, поверил, что у них может получиться...

Два года назад в программе «500 дней» госсветник Явлинский предостерегал президента Горбачева: если продолжать идти избранным им курсом, то неминуема в конечном итоге дезинтеграция политической системы, повальная суверенизация всех и каждого, вытеснение бартером окончательно захиревшего рубля. В результате придется выбирать между гиперинфляцией и прямым изъятием денег у населения и предприятий. Отсюда спад производства, остановка крупных заводов из-за разрыва связей с поставщиками, безуспешные попытки покрыть дефицит за счет импорта, упадок городского и сельского хозяйства, нормирование и разгул черного рынка, отсутствие единой программы и попытка каждого выбраться из тупика самостоятельно.

Не послушался тогда Михаил Сергеевич своего советника, и через год столица имела удовольствие брататься с танкистами, сам Горбачев прощаться с президентством, а все мы — с СССР.

И опять Явлинский со своими предостережениями. Мол, режьте хоть одеяла на суверенные флаги, но зачем по нефтегазопроводам, по рельсам как по живому?

— Я считал и считаю, — говорил Григорий Явлинский, — что реформы начались без какой-либо четкой программы. Все решалось с ходу, как будто дело касалось не огромной страны и сотен миллионов граждан, а собственного подворья, на котором перестраивается курятник...

Тут как раз к Григорию Алексеевичу и обратились нижегородцы: дескать, дальше терпеть мочи нет, нужно срочно принаравливать к непонятным условиям существования и все-таки продолжать ре-

Эти «туфельки» присланы из Италии в виде гуманитарной помощи.

формы. Иначе не выбраться из этого чертова тупика. То есть они как бы прочли мысли главы ЭПИ-центра, и тот с радостью пошел на сотрудничество.

Декорации для постановки «Нижегородского пролога»

К началу прошлой осени нижегородцы еще утешались тем, что в других регионах спад производства вдвое-втрое больше. Но и они почувствовали весьма болезненно сокращение «оборонки» на 20 процентов в сравнении с прошлым годом. Когда 12 тысяч квалифицированных рабочих увольняются или на грани увольнения, для области это серьезный «фактор дестабилизации». Правда, на «гражданке» дела получше. Здесь спад составил около восьми процентов. Но проценты эти касаются в первую очередь товаров

народного потребления. А тут еще «обвал» по мясу и молоку (лишь 50 и 70 процентов потребности); зерна собрали меньше половины, картофеля и овощей — 85 процентов к прошлогоднему урожаю...

Как уже говорилось, хозяйства области сидят по уши в долгах у государства и поставщиков и со своими тружениками скоро будут расплачиваться, как при Сталине — натуроплатой. Тем не менее сельские «бароны» фермеров встречают в штаны, и администрации области еле-еле удалось вырвать у них какой-то процент с хвостиком посевных площадей. Это 42 тысячи гектаров, на которых пытаются закрепиться около 2 тысяч фермерских хозяйств, испытывая невероятные трудности. Сорок из них уже сдались... А тем временем горожане стали почти вполнину меньше (против прошлого года) есть мяса, молочных продуктов и фруктов; на треть

меньше сахара. Объемы торговли практически сократились тоже на треть, зато цены выросли раз в шесть...

Как ни странно, но в этом сумраке экономики вполне уютно чувствуют себя нижегородские банкиры. В области трясут мощной 23 коммерческих банка с 58 филиалами своими и 7 филиалами из других регионов. Рентабельность их 1—2,5 процента, а процентная ставка за первое полугодие не превышала вполне сносных по нынешним временам 28 процентов. Правда, потом она стремительно поползла вверх, но все равно целых шесть месяцев нарождающемуся предпринимателю можно было кредитоваться на сравнительно сносных условиях. Однако запуганный инфляцией, прижатый налогами и депрессией народ брал мало: всего каких-то 56 миллиардов, из которых 233 миллиона рублей отважились взять фермеры.

И последнее утешение: к середине лета не оправдались устрашающие прогнозы по безработице. Все-таки 8 тысяч по отношению к двум миллионам занятых в народном хозяйстве нижегородцев паники не вызывают. Куда больше отцов города и области заботят, например, грузовые перевозки, которые снизились на четверть прошлогоднего объема, а парк автомобилей сократился с девяти тысяч машин до семи.

Чтобы справиться с этой бедой, решили «раскулачить» монополиста — «Нижегородавтотранс». Продать с молотка каждый пятый его грузовик. Это не было актом отчаяния или разновидностью экспроприации в духе 1917 года. Машины пошли на аукцион вслед за магазинами и прочим бытовым сервисом. Так был сделан первый шаг воплощения программы «выживания через приватизацию».

Впрочем, официально она называется иначе — «Нижегородский пролог». Ее, как уже говорилось, разработали совместными усилиями координационный совет области во главе с губернатором Б. Немцовым и сотрудники Центра экономических и политических исследований Г. Явлинского.

Сразу же возникает вопрос: почему именно «пролог»?

По замыслу создателей программы все, что они сегодня продвигают в области для возрождения, завтра должно лечь в основу программ возрождения России. Что для этого нужно в первую очередь? «Правым» и «левым», промышленникам и аграрникам, военным и штатским, патриотам и интернационалистам — всем группам давления на правительство заключить «пакт социального мира против разрухи», оставить до лучших времен сведения политических счетов.

Далее идут меры технического порядка: индексация бюджетных расходов, подоходного налога, банковского процента в соответствии с динамикой инфляции. Отныне рост цен и удешевление рубля мы принимаем как некую среду нашего экономического обитания и встраиваем в нее свои точки опоры. Первая — областной займ, зарегистрированный в Минфине. Благодаря ему происходит автоматическая индексация денежных вкладов нижегородцев. Затем, в расчете на то, что парламент все-таки примет Закон о собственности на землю, учреждается Межрегиональный земельный банк...

Кое-что приходится наверстывать. Например, создание конверсионного банка с уставным капиталом 600 миллионов рублей. Оказалось, что «переделать» самоходную гаубицу «Гиацинт» в установку для комплексной переработки мясных туш стоит немалых

денег. Строителям малых предприятий для мясо-молочной промышленности предоставляются льготные кредиты.

Чтобы нижегородец не просыпался каждое утро с чувством, что его обокрали, в газетах теперь публикуются показатели инфляции, цены, вакансии, данные о запасах продовольствия в области.

Впрочем, все это меры чисто административные, успех которых во многом зависит от эффективности работы аппарата. Но у «пролога» есть еще сверхзадача — сформировать слой собственников — опору стабилизации. А это безмерно сложнее. Людям можно предложить в собственность или в право владения магазин, сапожную мастерскую, взять в аренду землю на сто лет (пока нет на нее собственности). Но согласятся ли они взять — от аппарата не зависит.

— Любое наше действие, — поясняет губернатор Немцов, — поскольку оно новаторское, не проходит гладко. Вот наделяли фермеров землей, каждый пятый или четвертый не смог ее получить. Пресса нас за это ругала. Что ж, правильно. Сделаем так, что получат в конце концов все...

Конечно, никакими благими усилиями администрация не сделает в одночасье имущих из неимущих. Но она может упростить формальности, что немаловажно. Теперь нижегородец, открывающий свое дело, вместо бесконечных бумаг и беганья от одного чиновника к другому, не спеша идет на почту и посылает администрации уведомление. Затем платит пошлину, и все...

Как Немцов с Явлинским «формировали» собственников

Вообще-то «собственник» тем и хорош, что формирует себя сам.

Если, конечно, его не душат в зародыше. Татьяна и Михаил Тимофеевы, правда, еще не успели осознать своего сословного интереса. Зато у них полная ясность с экономическим. У них 30 гектаров земли в «бессрочное и бесплатное пользование».

Неподалеку от поселка Чугуны посреди леса поле, а посреди поля Тимофеевы построились хозяйством. Торгуют мясом, маслом, колбасой собственного изготовления, ранним картофелем. Все везут в Нижний. Прошлой осенью взяли неплохой урожай свеклы. Свезли на завод и обменяли на сахар. А начинал заводской электрик Тимофеев на селе с обыкновенной отпускной шабашки...

Глядя на них, три молодые семьи в Чугунах вышли «на отруба» из колхоза и что придумали?! Арендовали землю у двух десятков одиноких чугуновских старух, пообещав расплачиваться выращенной картошкой и зерном. Получилось солидно, две с лишним сотни гектаров. Решили создать питомник элитных семян для фермеров района (многие сегодня зерном занялись...). Дальше — больше. Уже планируют оборудовать молокозавод в заброшенном здании, а потом и комплексную мясопереработку. В перспективе звероферма, выделка кож, производство костной муки. Скооперировались, берут кредиты, строятся... Жизнь идет.

Основатель товарищества с ограниченной ответственностью «Нижегородец» Владимир Шангов закупил сразу 15 молокоперерабатывающих цехов. В Нижнем на аукционе приобрел право на аренду четырех фирменных магазинов «Молоко». Три завода у Шангова уже на полном ходу. Делают крестьянское масло и мягкий нижегородский сыр. Планируют произ-

водство твердых сыров и запуск колбасных цехов...

Кстати, совершенно неожиданно идеей, что «хлеб не должен крутиться на бирже — хлеб должен кормить», проникся не кто-нибудь, а управляющий по торгам биржи «Нижний Новгород» Юрий Евтеев. Оставив свое прежнее почтенное занятие, он возглавил новое акционерное общество «Нижегородагроотраст». Это малоудобоваримое название — дань крупному соучредителю и партнеру из Гамбурга, владельцу фирмы «Победа» Клаусу Маттисену. Его вклад акционерный почти в три раза больше, чем у пятерых отечественных пайщиков — 17,5 миллиона рублей. Наших — 6. Общество кредитует и обустроивает нижегородских фермеров, одновременно превращая их в своих акционеров. Любого горожанин, решивший последовать примеру тех же Тимофеевых, имеет теперь шанс через восемь месяцев получить двухэтажный коттедж с подворьем и необходимой для работы техникой. Только, вот где взять сто тысяч на приобретение акций?

Впрочем, возможности получить ссуду для нижегородских предпринимателей расширяются день ото дня. На волжские просторы вышел в плавание новый финансовый дредноут «Нижегородский банкирский дом», уставной капитал которого превышает все прочие авуары областных коммерческих банков. Среди учредителей «Завод «Красное Сормово», авиационный, телевизионный, предприятия Арзамаса, Дзержинска, Павлова, Кулебак... Набирается до шестидесяти! Операции будут вестись как в рублях, так и в валюте. Кстати, повивальной бабкой новорожденного богатыря был все тот же Григорий Явлинский. Так что «Нижегородский пролог»

даже сквозь густой туман гиперинфляции приобретает все более зримые очертания.

Сормовские страдания

— Оставьте вы эти штампы — капитализм, социализм, — просвещал меня Явлинский по дороге на «Красное Сормово», — считайте, что здесь строится то, что не вписывается ни в какие идеологические штампы... А если в масштабах страны, то дела обстоят примерно так: сначала замахнулись на дворец, потом оказалось, что возможности хватает лишь на «хрущеву». А теперь выходит, в лучшем случае, избушка на курьих ножках. Но жить все равно где-то надо!

...Разговор с сормовчанами получился долгим, и, как потом выяснилось, народ не пожалел, что ради него пренебрег поездкой за город выкапывать на зиму картошку и прочими неотложными домашними делами.

— Государство больше не даст вам денег, — вразумил сормовчан Явлинский. — Ни на зарплату, ни на развитие, ни на станки, ни на машины, ни на заказы. Значит, надо так произвести акционирование, чтобы привлечь средства, способные стабилизировать ситуацию на долгое время. Второе — изменить управление: раньше вами управляло министерство через директора, теперь этого не будет. Собственники сами нанимают управляющего, и он отчетывается только перед ними... Теперь об акционировании. Есть две схемы. Одна простая, за нее ратуют обычно директора, суля коллективу золотые горы и сохранение рабочих мест: завод выкупает 51 процент акций и становится практически собственностью директора. Другая сложнее: часть акций рабочим передается бесплатно, часть выкупается ими по льготной цене, часть

Здесь отдыхают бизнесмены.

отдается администрации. Все три составляют 40 процентов, а оставшиеся 60 передаются городскому Фонду имущества. Из них 20 он оставляет себе, а сорок процентов продает...

Вроде бы и вся премудрость. Но тут сразу становится ясно, почему директора столько тумана напустили вокруг этого дела! Далеко не многие из них уверены, что их рабочие согласятся на первый вариант, а, приняв второй, не попросят освободить кресло для более достойного...

Итак, необходимо привлечь солидного инвестора. Беда только, что на Западе, где (а именно там можно сегодня найти солидных партнеров) о заводе толком ничего не известно — до сих пор дает себя знать былая засекреченность в закрытом городе. А ведь здесь уникальное титановое производство, здесь могут делать атомные субмарины, суда на подводных крыльях и класса «река — море», трактора, манипуляторы, роботы, подводные рестораны. Здесь уникальное конструкторское бюро «Лазурит» и такие работники, о которых любой предприниматель может только мечтать.

Но есть у «Сормова» и то, чем промышленника можно испугать навеки — огромная доля социальности на балансе. Жилье, больницы, школы, пансионаты, детские сады, ясли... И все это «размещено» в зарплатке и страховке работников. Поэтому любой инвестор скажет: «Не считайте меня за осла, который позволит свои миллионы в канализацию спускать!» Значит, параллельно с акционированием на заводе нужно приватизировать всю сферу быта и обслуживания.

Все учитывают наши реформаторы. Коэффициенты изобретают — голову сломаешь. Одного не хотят принять в расчет, что

народ-то у нас бедный, в денежном плане совершенно несамостоятельный. И если уж он всю сознательную жизнь клепал эту самую атомную субмарину, то, значит, прирос к ней, как моллюск. И отъединять его надо бережно, чтобы жизненно важных органов не повредить. Вон, британский экс-премьер Тэтчер! Уж на что была «железная леди», но и она какие-то 7 процентов госсектора приватизировала десять, если не более, лет. А не как у нас, чохом за четыре месяца.

...В Нижнем я попал с вокзала прямо на пресс-конференцию, посвященную приватизации. Точнее, продаже с аукциона пятой части всех имеющихся в области грузовиков. Приблизительно столько машин простаивало без дела на автопредприятиях «Нижегородавтотранса». Но все равно были сомнения: мол, и при нынешней численности госавтопарка молоко и хлеб развозят абы как, а будут ли справляться в уменьшенном составе?

Мэр города Бедняков опасений не разделял: «Нам так же раньше говорили, что нельзя приватизировать хлебные и молочные магазины, парикмахерские, прачечные и ателье по ремонту обуви, потому что все мы оголодаем, завширеем, окажемся без обуви и чистого белья. Пока, как видим, за некоторым исключением, наши опасения оказались напрасны. Рынок в принципе все ставит на свои места. А разные спецмашины будем продавать на определенных условиях...»

Действительно, люди в большинстве своем оказались умнее, чем о них думали, и предпочли хоть и небольшой, но стабильный, ежедневный доход. Без шмоток и спиртного прожить можно, но без хлеба и молока...

— А вот если «кавказ» к вам

приедет на аукцион и все грузовики купит, чтобы патроны и мандарины возить?

— Не купит,— парировал Немцов,— мы определяем условия аукциона*.

И у нас — богатые плачут...

На древней улице Малая Покровка есть подвалчик в одряхлевшем за многие годы домишке. Ну и «подвалчик», я вам скажу — с рестораном-баром, сауной, бассейном, оздоровительным комплексом. Отделка как в пятизвездном европейском отеле. У нас так нигде не работают. А здесь вот «учудили» свои же нижегородские умельцы. Не для себя старались, а для хозяина Владимира Ивановича Седова, который входит в десятку богатейших нижегородцев.

Но, увы, Седова нельзя отнести к людям, безусловно довольным жизнью. Вот его страстный монолог... «Всевозможные госслужбы на каждом шагу чинят нам препятствия, зачастую занимают самым настоящим вымогательством. Примеров — море. Пожарные постоянно предъявляют нам претензии по поводу мнимых нарушений и параллельно с этим предлагают внести деньги на свой счет. А сколько чиновников вымогают прямые взятки! В этих условиях труднее всего тем коммерсантам, которые занимаются производством и услугами. Предпринимателей как будто бы толкают на то, чтобы они ограничивались только оптовой торговлей. Пока руководители города и области не смогут обуздать чиновничий произвол, ни о каких серьезных реформах не может быть и речи. Ведь чиновники бьют не только по нам. Они торпедируют все прогрессивные

* Этот аукцион прошел в Нижнем отменно. Не в ущерб ни городу, ни «частнику».

начинания губернатора и мэра. По их вине захлебнулась, например, кампания по приватизации»...

Фирма Седова — это строительство, торговля, фермерство, автосервис, индустрия развлечений. Свое издательство и газета. Седов — сорокалетний коренной нижегородец, по образованию юрист. Свой первый миллион он сколотил, наладив из типографских отходов производство охотничьих пыжей, игрой на одной из московских бирж и на выгодной сделке с Вьетнамом... Подкармливает пенсионеров, инвалидов и школьников, жертвует на бюст Пушкина в парке, на соборную мечеть, послал преподавателя консерватории на стажировку в Австрию, содержит камерный хор и капеллу мальчиков... Впрочем, седовский опыт первоначального накопления распространяется с каждым днем все шире.

И если далеко не каждому дано найти свой Эльдораде (вроде производства пыжей или игры на бирже), то гораздо доступнее стали поездки, если и не в Париж, то в Китай, откуда горами вывозится там уже дешевое и обильное, а здесь пока еще дорогое и редкое «шмотье» и бытовая электроника. Все это обращается в мешки рублей тут же, на центральной улице Большая Покровка (в большевистский период имени Свердлова), затем — в увесистые пачки СКВ, а с ними опять в Китай, куда еще далекие предки нынешних нижегородцев проложили караванные тропы по воде и посуху.

Итак, «Нижегородский пролог». В сущности, это лишь начало эпопеи, в которой все мы сегодня и актеры, и зрители одновременно.

Трудное время мы переживаем. Но, знаете, побывав в Нижнем, скорее поверишь — мы его переживем.

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

Г «Среди нас много подлых людей»
Г С кем поделиться бедой?

Г Дорогие читатели журнала «Смена»!

Пишу вам письмо из зоны и хочу поделиться своим мнением по поводу наших, читательских, писем. Я никогда не писал, но часто читаю в «Смене» письма мужчин, которые, находясь в заключении, пишут жалостливые письма женщинам, рассчитывая на знакомства и помощь. Не пойму одного: почему вы так унижаетесь? Я сам провёл здесь уже одиннадцать лет, хотя мне всего двадцать шесть. Ни разу не освобождался, не знаю, что такое свобода, но я хочу написать не о себе, а о вас. Мужики, отбывающие наказание, бросьте унижаться, имейте немного достоинства хотя бы перед теми, кто сидит рядом, понимает эту жизнь (я сам за весь срок не получил ни одного письма, не говоря уже о посылках, хотя у меня есть родные, — я их не виню, так как виноват во всем сам и знаю, что до конца срока ничего не получу), а вы, здоровые мужики, отсидите по пять лет и начинаете плакать — тяжело вам. Когда вы грабили, убивали, насиловали, забирали последние деньги у стариков, ведь тогда вам казалось, что все сойдет с рук и жизнь прекрасна?! Вам не брюки носить, а юбки — вы еще просите какой-то жалости,

снисхождения, вы сначала подумайте, заслуживаете ли вы этого? Я лично ни у кого пощады и помощи не прошу, потому что виноват сам: в восемнадцать с небольшим меня приговорили к вышаку, а в девятнадцать я уже ушел на особый и в данный момент нахожусь здесь, но еще раз повторяю, виноват во всем сам, и этот крест, уготованный судьбой, буду нести до конца сам. А вы плачете, что вас бросили родные, близкие. Да какая женщина будет вас ждать, если вы жили в двух шхурат: ворую, насилюя, прикидывались порядочными? Да, есть такие женщины, которые верят преступникам, готовы отдать им жизнь, но вы их не цените там, на воле, зато вспоминаете, как только попадаете в зону.

Берегите женщин на свободе, не делайте им больно, они этого не заслуживают. Вы их должны на руках носить, да что об этом писать — здоровые, молодые, свободные ребята, думайте о будущем, о жизни, не живите одним днем.

Я, конечно, тоже хочу найти хорошую добрую женщину, хочу иметь семью, детей, любить и быть любимым, но понимаю, что женщины боятся зэков и правильно, кстати, делают — среди нас очень много подлых людей, которые в тяжелую ми-

нуту ноют, что им плохо, но не задумываются, когда делают что-то плохое, как больно близким, и, выйдя на свободу, быстро забывают свои клятвы.

СЕРГЕЙ

Прочитав очерк «Трое в лодке» Евгения Стецко в номере 7 за прошлый год, не смогла властяться равнодушной к судьбе Владимира и его малышей.

Моя жизнь чем-то схожа с жизнью этого человека. Я тоже вот уже 5 лет воспитываю свою сестренку. Мать наша спилась, и я решила: пусть будет тяжело, но я буду воспитывать ребенка и дам ей все, чтобы она была счастлива. Мой муж при появлении ее в нашем доме сильно изменился: ревновал ко мне, пил, жизнь для меня стала невыносимой. Мне пришлось сделать выбор между сестрой и мужем, и я выбрала сестренку. И никогда не расстанусь с ней.

Мне сейчас 24, а ей 13 лет, и я ни о чем не жалею. Мы любим ходить в театр, в кино. Но больше — заниматься домашними делами, вязать, немного шьем или читаем. Вот так живем и растем...

А Владимир молодец, немного найдется в наше время таких людей... Я была бы очень рада познакомиться с вами, Володя!

Прошу передать мое письмо и адрес Владимиру, буду очень признательна его письму.

СВЕТЛАНА БОРОШ

Я постоянная читательница «Смены», но пишу впервые — решила поделиться своей бедой. С кем еще поделиться, как не с любимым журналом?

Живем мы с мужем и дочкой шести лет в маленькой комнатке рабоче-молодежного общежития в Брянске. У меня серьезное заболевание: рассеянный склероз. Началось это заболевание

с появлением на свет дочки. Сначала в легкой форме, так, небольшое пошатывание, а в последние годы все хуже. Не помогли и знаменитая московская Боткинская больница, и экстра-сенсы. Пришлось оставить любимую работу — теперь я инвалид II группы. В этом году стало еще хуже: с трудом перетаскиваю ноги на кухню, которая в конце коридора — надо же приготовить еду. Назад кастрюлю помогает принести кто-нибудь из жильцов. Душевые у нас и вовсе в подвальной помещенки — каждая ступенька туда мне дается с большим трудом. Муж мне помогает, чем может, но все же дела домашние — женские дела. И дочка, еще хоть и малышка, тоже старается помочь.

Мне подсказали врачи, что якобы с моим заболеванием есть льгота на получение квартиры, но главный врач ВТЭКа взглянула на меня поверх очков и расшрифровала этот закон так: мое заболевание не связано с нечистотами, окружающие со мной могут существовать, и ничего мне не положено. А как я могу существовать, это никого не интересует. Да я и сама понимаю, что сейчас все для богатых, а такие, как я, никому не нужны.

Как тяжело! Но поделилась я своим горем не затем, чтобы просить тебя, «Смена», хлопотать за меня. Нет. Просто я однажды натолкнулась в журнале на письмо одного такого же больного, как я. Он рассказывал, что борется с этой болезнью. Так, может, он прочитает мое письмо и напишет, как это делает, может, откликнется кто-нибудь еще, кто без врачебной помощи обходится.

Мир не без добрых людей! Помогите!

ГАЛИНА ЩЕЛОКОВА,
Брянск

Рисунки АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

МИХАИЛ АЛЕКСИДЗЕ

ОТЛЭ,

ИЛИ НЕСКОНЧАЕМЫЕ
НОЧИ

Город куда-то ускользал, дождливый, тихий, привычный... Старый город, которому Бог весть когда еще понадобится Гио.

А между тем шел дождь... Все было таким же, как прежде... Те же лица, та же пивная, то же пиво и та же Кура.

Город под дождем всегда казался покосившимся, и поэтому, когда клубился по осени туман, пространство становилось хрупким, как фарфор, и бледными матовыми контурами сгущалось у подножия Метехи.

Так возникал миниатюрный ноябрьский город, казалось, старательно вырезанный из картона именно таким, чтобы уместиться на ладони.

У Гио же были большие, теплые и сильные руки...

В непогоду пивная превращалась в тихую обитель, удивительно равнодушную ко всему, что происходило за окнами. Зато там было тепло. Поднималось вверх клубящееся облако дыма, лилось в высокие деревянные кружки холодное, пенящееся пиво и плыли в блеклом тумане однообразные силуэты...

Город — с улицами, домами, с Метехи и с Курой — казался словно опрокинутым и, отражаясь в свете подвешенных в небе ламп, срывался вдаль, словно строптивый необъезженный жеребенок, которому надоело стоять на одном месте.

Сейчас Гио уже не видел всего этого, словно и вправду за пределами окон не было ничего, лишь мутное небо, чьи-то непомерные шаги по небу, и все. Не считая дождя...

«Нет, не ожидал я, — упорно твердил какой-то человек. — Нет, брат, не ожидал!»

Уже целый час слышал Гио одни и те же слова и никак не мог понять, что же все-таки потрясло этого человека, пока не почувствовал — он не должен больше слушать его... С ним и раньше так бывало, когда вынужден был выслушивать долгие излияния или нравоучения... Нравоучения никогда ничего не меняли. Пустая трата времени, которое могло бы пригодиться...

Да, Гио не должен больше слушать. Сейчас у него были свои заботы и своя боль. В углу сидел Отлз — сухощавый, тщедушный старик, напоминающий лошадь, — такое же длинное лицо, большие, щербатые зубы, вечно слюнявая губа и, что самое главное, спина, согбенная, сутулая, изнуренная.

Вот и сейчас в насквозь промокшем сером плаще сидел он, странно съежившись и уставившись в стакан с водкой.

Сидел Отлз — этот старый кентавр, глушил свою водку, и не было ему дела до того, что творилось вокруг. Как и всегда после двух стаканов, лицо его еще сильнее вытягивалось, становилось землистым, кожа обтягивала скулы, и глаза блестели, как два зеркальных осколка.

Гио знал, что Отлз уже не было дела до того, что происходило вокруг, но очень нуждался в нем сейчас — в трезвом, в таком же пронзительном, каким знал его в лучшие времена, Отлз же упорно молчал. Он, наверное, молчал бы так до утра, и Гио ничего не в силах был поделать.

А все вокруг сидели с размытыми хмелем лицами и, влекомые

жаждой выговориться, бессвязно шлепали губами. Лысый толстяк, сидевший напротив Гио, отчаянно твердил одно и то же... «Не ожидал!» — повторял он, нервно постукивая по столу пухлыми пальцами.

— Поступить тем, что любишь, — значит, всю жизнь прожить во лжи, — произнес он наконец. — Раньше, наверное, посмеелее был. Как-то раз приперли к стене трое, требуя, чтобы ты проиграл забег. Они свободно могли прикончить кого угодно. Да, чему ты удивляешься? Ведь они поставили на другую лошадь столько денег, что и нас с тобой можно было купить со всеми потрохами.

Лысый плеснул себе водки, подал знак принести еще пива и вновь нервно забарабанил пальцами по столу.

— Ты все же выиграл тогда, помнишь?

— И что? — застоявшимся, сдавленным голосом выдавил из себя Гио.

— И что? — улыбнулся лысый, и такая печаль была в его широко раскрытых медовых глазах, что Гио понял — не надо было ничего говорить.

А Отлз сидел, свесив голову, и дремал с открытыми глазами.

— Тем более... ты больше ничего не можешь, ты родился всего лишь для одного дела, для одного-единственного!.. Пей пиво!

Гио машинально потянулся к кружке.

— Помню, у дверей ипподрома встретился мне Отлз, с большим, свернутым из газеты кульком семечек. Лицо его прямо-таки сияло. При виде меня он так обрадовался, что чуть было не пустился в пляс. Чему это он радуется, подумал я, вроде не пьяный? Бог знает, чего он ожидал. Словом, когда я поравнялся с ним, он вдруг повернулся ко мне и, хихикая, прошептал: «Он все же выиграл!» Ты бы обалдел, если бы видел, какие он выделявал при этом коленца...

В ту ночь Отлз, пьяный в стельку, танцевал на столе и все время проигрывал на бильярде, проигрывал нарочно, чтобы не портить никому настроение. А спустив последнее, вышел на середину комнаты, громко расхохотался, сверкнув своими лошадиными зубами, и взволнованно и игриво провозгласил: «Господа, сегодня родился еще один человек! Родился у меня на глазах!» И все. Взял плащ и, пошатываясь, ушел... А я смотрел ему вслед, и мне было радостно, оттого что Отлз, который всю свою жизнь только и делает, что выигрывает и проигрывает, счастлив. Никогда — ни до, ни после — не слышал я от него ничего подобного и понял, что отныне он полюбил тебя до конца своих дней... И не только он, да и каждый из нас... А ведь они могли убить тебя. Но тогда ты...

«Тогда ты был мужчиной...» Наверное, это он хотел сказать, но всего лишь нервно забарабанил пальцами по столу.

«Настоящим мужчиной?! — подумал Гио. — Что же изменилось с тех пор? Наверное, ничего. Только кажется, что что-то изменилось... Ну, а если даже изменилось, к чему сейчас рассуждать...»

Гио встал, жалостливо оглядел сомлевшие лица и пошел платить. Денег у него было как раз столько, чтобы рассчитаться

и добраться до дому. «Отлз, наверное, кто-нибудь проводит», — решил он, сожалея о том, что после стольких лет знакомства у него было так мало общего с этими людьми.

Отлз нельзя было забыть, как нельзя было где-то оставить. Он был таким по природе — вольным, свободным, никого ничем не утруждающим, он был частицей города и вместе с городом старел. Не вместе с его людьми, а вместе с выпоревшими под жарким солнцем домами, парками, дворами, забегаловками старел незаметно, тихо, никого не беспокоя и не теребя. Отлз не боялся старости (похоже, что он ничего не боялся), он шел своей, однажды избранной дорогой, которую предстояло пройти именно ему, и никому другому.

Гио с самого же начала заметил, как стоял неподалеку этот тщедушный человек с лошадиным лицом, как он то и дело поправлял на голове засаленный цилиндр, как из-за щербатых его зубов выльвала тонкая струйка папиросного дыма, когда он улыбался, и как он искоса поглядывал на него своими серовато-голубыми глазами (Отлз косил на один глаз и ловко скрывал это своей ухмылкой).

— Ты опять пришел? — первое, что сказал Отлз маленькому Гио, которого никогда раньше не видел и с которым впервые столкнулся в воротах ипподрома. Гио и сейчас не мог объяснить, почему кивнул ему тогда в знак согласия.

Отлз же стоял со своим неизменным кульком семечек в руках и покачивал головой. Затем он расправил грязную, сжатую в кулак ладонку Гио и насыпал в нее семечек.

— Лошадей любишь? — шамкая, спросил Отлз, наклонившись к мальчику.

— Не знаю, — тихо, но твердо ответил Гио.

— Значит, любишь! — сквозь улыбку прошамкал Отлз.

...В тот день у Отлз не было денег на ужин (зато у него всегда находились деньги на семечки).

— Есть хочешь? — неожиданно спросил он Гио, и тот незамедлительно кивнул.

— И я хочу, — тихо проговорил Отлз, старательно сложил пакетик с оставшимися семечками, спрятал в свой широкий карман, потер рукавом цилиндр, слегка приподнял поля и, заглянув в низкое пыльное окно, вновь водрузил на голову.

— Вот так-то, — удовлетворенно проговорил он, — вот так-то, дружище.

Гио промолчал.

Так или иначе, в тот вечер в кармане у Отлз не было ни гроша, и он шел, обняв Гио за плечи, и тихо, протяжно насвистывал.

Тогда Гио еще не знал цены этому великому целенаправленному упрямству, называемому сотвореннем; он был юн, подавлив, но внутренне зрел и тверд, ни мысль чья-либо, ни рука не успели его изуродовать.

Отлз, легко ступая по усыпанной гравием дорожке, вел Гио к белому круглому дому, скрытому в высоком ельнике тут же, за ипподромом.

— Вон в той волшебной шкатулке мы и поужинаем, — промол-

вил он наконец,— и на каких-нибудь два часа перестанем существовать для мира...

Гио улыбнулся, ведь в ту пору единственной волшебной шкатулкой для него был цирк. А там, как он помнил, не кормили.

Зал был наполовину пуст. Отлэ усадил Гио у окна, исчез на каких-нибудь несколько минут и вернулся странно довольным. Следом за ним шел гладко выбритый официант с подносом в руке.

— Вот это есть жизнь,— громко сказал Отлэ,— большая жизнь в малюсенькой шкатулке.

Прошло два часа, затем три. Гио наелся, ему не хотелось оставаться здесь, а Отлэ напряженно следил за тем, как наполнялся зал. Он пил понемногу из своей бутылки и очень мало, воровато отщипывая, ел.

Потом кто-то указал ему на часы, пора, мол, и Отлэ кивнул в ответ.

— Прости, дружище, я покину тебя на полчасака...

Терпение Гио было на исходе, он только и думал о том, как бы выбраться отсюда.

Отлэ неловко нахлобучил цилиндр на затылок, поправил воротник серого дождевика и незаметно направился к возвышению в центре зала. Некоторое время он с чем-то возился, потом взял маленькую золотистую трубу и тихо заиграл. Это было истинным одиночеством, недоступным никому, кроме Отлэ, нежным, далеким, взлелеянным одиночеством, которое, постепенно набирая силу, заполнило собой все окрест и, срываясь с покрытого потом лба и щеки Отлэ, тихим звучанием уносилось вдаль.

Гио и представить себе не мог, что эта маленькая железяка способна на нечто подобное.

А Отлэ стоял перед замершим залом со вздувшимися на висках и руках венами, и щеки его дрожали, и дрожь эта, разливаясь по всему телу, передавалась золотистой меди, которая также дрожала, повторяя трепет рук Отлэ и его тишину...

Потом Отлэ облизнул высохшие губы, двумя руками приложил к лицу белоснежный платок и замер на мгновение... И вдруг мелькнули у Гио перед глазами знакомые щербатые зубы... Отлэ улыбался ему и тихо, на цыпочках, словно крадучись, возвращался на свое место.... Возвращался точно таким же, каким лужгал семечки из газетного кулька в воротах ишподрома.

— До завтра нам этого хватит,— негромко проговорил он.

В ту пору уже редко кто соглашался составить Отлэ партию на бильярде... К тому же сами бильярдные исчезали с поразительной быстротой, во всем городе их было раз-два и обчелся. Там хорошо знали Отлэ, а старик все чаще и чаще оставался без гроша. Вот и сейчас ему не оставалось ничего иного, как дожидаться сезона скачек. Он любил лошадей, и лошади, казалось, чувствовали эту любовь и беспрекословно подчинялись ему.

Гио всегда помнил один разговор. Как-то за ужином Отлэ был не по обычаю многословен.

— Какие у тебя отношения с женщинами, дружище? — неожиданно спросил Отлэ.

Гио в удивлении оглядел себя и, убедившись в том, что выглядел довольно элегантно, ответил:

— Обыкновенные.

— Э, нет, дружище, с женщинами и с лошадьми не может быть обыкновенных отношений, только лишь особенные, дружище, только особенные... Ты ведь понимаешь, что ни в коем случае нельзя подходить к лошадям расхлябанным, нельзя приближаться к ним в страхе. Ну, а к женщине? Так уж сложилось, дружище, что жизнь познакомила нас сначала с лошадьми, а уж потом с женщинами, не правда ли?

Гио не мог понять, почему Отлэ говорил ему это и что он имел в виду. К тому же он хорошо знал, что Отлэ не станет зря утруждать себя разговорами. Он говорил ровно столько, сколько считал нужным сказать, а когда ему нечего было сказать, он просто молча напивался.

— Почему же, я рано познакомился с ними, — прервал его Гио, — еще раньше, чем с тобой.

— Это уже интересно, — улыбнулся Отлэ, — значит, прежде чем сесть на лошадь, тебе уже довелось, а?.. Почему я это не понял? И к тому же, как помнится, ты казался непорочным, как ягненок... Да, трудно нынче, брат, разобраться в ягнятах...

Отлэ был пьян и патетически размахивал руками...

— А ты думал! Ягнята уже сожрали весь мир!

— Видно, нынче ягнята пожирают волков, но... ты, хоть ты скалишься над волками?!

— Да, я, наверное, другой породы, — улыбнулся Гио.

— Слава Богу! — громко расхохотался Отлэ. — Слава Богу! Слушай, а чего это пристали к волкам?..

Отлэ долго хохотал, повторяя: «Вспомнил, вспомнил».

Бог знает, что он вспомнил!

И все же однажды Гио оплошал, а точнее, Отлэ объегорил его, заставил рассказать... После этого Отлэ то и дело подкрадывался к нему и тихонько, так, чтобы никто не услышал, нашептывал: «Лестница вела в небо, да, Гио?»

...Гио, усталый, сидел в маленькой продолговатой комнате... На нем были запыленные сапоги и белые галифе, а в широко расставленных ногах его валялась разобранная лошадиная упряжь. Он сидел и бессмысленными, налитыми кровью глазами глядел в низкое, мутно-зеленое, треугольное окно, где виднелась ведущая к стойлу дорожка, по которой конюхи прогуливали взмысленных лошадей.

Сквозь стекло конюхи казались Гио привязанными к уздечкам маленькими и хлипкими уродцами, несовместимыми с лошадьми — статными, стройными, с гармонией их упругих мускулов...

В тот день Гио выиграл в седьмой раз, ему уже надоело выигрывать, и он не испытывал ни малейшей радости. Напротив, был опустошен и подавлен, и ему все обрыдло, даже собственные удачи.

Вдруг кто-то присел перед ним на корточки. У этого человека были бледное лицо, круглые белесые глазки без ресниц, редкие, словно опаленные, брови и большие, несурзные ладони... Пот-

ное лицо его пересекали черные полосы пыли. Выглядел он стариком, хотя ему не было и двадцати.

— Дай мне выиграть, — прошептал парень, — хотя бы раз дай мне выиграть.

У Гио от удивления расширились глаза, но он решил, что ему послышалось.

— Дай мне выиграть, — повторил парень.

Гио, не шелохнувшись, уставился в зеленое окно.

— Хотя бы раз...

Гио следил за буланным конем по ту сторону стекла, за тем, как обмывал его конюх набрякшей от воды губкой.

— Хотя бы раз. — Парень подался вперед на носках, и тело его медленно покачивалось. Гио понял, что ему не мерещится, медленно приблизил правую руку к левому плечу, на какую-то долю секунды задержал ее у шеи, словно собираясь почесать затылок, и отрывистым резким движением ударил парня ребром ладони по скуле. Затем тяжело поднялся, пошел к выходу и, остановившись в дверях, сдавленным от волнения голосом произнес:

— Плохо начинаешь!

Не найдя больше слов, он вышел, закурил папиросу и свернул к газонам.

За спиной раздался голос Отлэ. «Пора переодеваться, — кричал он ему, — чего тянешь?» Сейчас он подойдет и, улыбаясь, скажет: «Лестница вела в небо, да, Гио? На небе играли в «дом-дом», да, Гио?»

Иногда Гио казалось, что «дом-дом» развлекал Отлэ даже больше, чем скачки.

А для десятилетнего мальчика эта игра обернулась неизменным, по-детски обостренным ожиданием. Поначалу и ожидание, да и сама она, девочка, были всего лишь игрой — теплой, светлой и чистой, но все-таки игрой, которая завершилась так же внезапно, как и началась. Но слишком поздно Гио понял, что в этой игре был не игроком, а игрушкой, которая исполняет свою незаменимую роль, а затем, как это часто происходит в жизни, как случается с каждой игрушкой, даже с самой любимой, его забыли.

Гио было десять лет, когда он постиг, что и у игры в «дом-дом» есть свои правила. Быть может, ему невольно льстило, что он, десятилетний мальчуган в коротких штанишках, должен был забыть о своем возрасте и стать взрослым, должен был быть умным и ловким, а это чувство было неразделимо с величайшей гордостью, пронизанной страстью и самоуверенностью первооткрывателя.

Бог знает, где скрывалось то неистовство (которое пришло затем, вместе с возмужанием), когда соседская четырнадцатилетняя девчонка поманила его пальцем и, смеясь, предложила: «Давай поиграем!»

— Во что? — спросил он.

— В «дом-дом», — рассмеялась она и за руку повлекла его вверх по деревянной лестнице... А затем Гио с удивительным постоянством каждый полдень взбирался по скрипучей лестнице, прилежно приучая слух и шаг к этому скрипу; у него в это время

бывали такие пристальные и задумчивые глаза, словно он боялся что-либо упустить, такие же, как тогда, когда Отлз учил его, уже взрослого юношу, играть на трубе, или седлать коня, или ставить на ту или иную лошадь именно столько денег, сколько было нужно, сколько она могла отыграть.

— Я поднимался все выше, и мне начинало казаться, что эти ступеньки бесконечны и что не я поднимался по лестнице, а сама она влекла меня куда-то вверх...

— А небо было какое? — то и дело перебивал его улыбающийся Отлз. — Ведь и оно, дружище, было скрипучим, как лестница?

Гио не обижался на него, понимая, что Отлз не насмеяется над ним, а прикидывается, подобно человеку, делающему вид, что не понимает в сотый раз рассказанную ему историю и все переспрашивает — ну и что, мол, с того?

Было лето, была жара. Отлз стоял босиком у маленького бассейна в беседке возле бильярдной и кормил рыбок.

Гио сидел на теплом каменном парапете перед бильярдной. Все дни напролет таскался он по городу за Отлз, который каждые полчаса заглядывал в какой-нибудь кабачок и пропускал стаканчик. А Гио ждал, потому что Отлз не давал ему ни есть, ни пить, боясь, что он прибавит в весе. «Он и со мной обращается, как с лошастью, — думал Гио, — да и не только со мной».

— Ну и что? — спросил Отлз.

— Что «ну и что»?

— Про «дом-дом».

— Все.

— Нет, дружище, лжешь, так никогда ничего не кончается, а эта игра — тем более.

Отлз смотрел на серебристую воду, время от времени опуская в бассейн руку и омывая лицо.

Это и вправду странно кончилось... В тот вечер у девочки было много гостей, и все они поднимались по скрипучим ступеням. Но лестница теперь скрипела иначе — раздражительно, изнуряюще, открыисто и резко... Наверху отмечали день рождения. Доносящиеся оттуда звуки казались странными, тревожными, и оставшемуся в одиночестве посреди двора мальчику вдруг страшно захотелось поиграть в «дом-дом». Она, улыбаясь, прошла мимо в окружении гостей и удостила его лишь беглым взглядом. А затем из ярко освещенного окна допоздна доносился до Гио ее звонкий смех. Никто не пригласил его подняться, о нем просто забыли. Поначалу Гио так и думал. Потом понял, что никому до него и вовсе не было дела, словно все сговорились, словно порешили разом, что он должен был спать в это время. Именно тогда впервые обуяла его ярость, что рождается где-то у самых ног, затем кружит вихрем по всему телу, егозит беспокойно на влажных губах и, обдавая мучительным жаром оскорбления, выбрасывает в крошечный уличный мрак... Там царил удивительное спокойствие, там шел дождь... А он мчался по улице, оставляя позади себя и дождь, и шелест деревьев, неся собственное промокшее и продрогшее, словно постылая темница, тело, которое никак не могло найти приюта. Вспоминалось дымное

небо, маленькое, величиной с ладонь... Словно впервые узрел он дождь, такой обыкновенный, теплый и желанный, но жесткий и непроницаемый. И когда какой-то незнакомец, высунувшись из окна, с насмешливым сочувствием спросил: чего, мол, мокнешь? — Гю, сверкнув перекошенным яростью лицом, размахнулся и ударил в оконное стекло крепко сжатыми кулаками. И все смеялось вокруг... И маленький Гю плюнул на обступившую его тьму...

Потом с израненными руками валялся он на размытой ливнем дороге. Потом, истекающего кровью, его вели куда-то, а он видел лишь темные, занавешенные окна, и маячил впереди контур чьей-то головы, и слышалось — чего, мол, мокнешь? Хотелось плакать, слезы подступали к глазам ребенка, а волк хоронил их в собственной утробе. Оказывается, всего лишь крошечное расстояние отделяет детскую непорочность от жестокости, что заставляет пребывать в страхе перед очередным приступом собственной ярости, собственного «я». И Бог знает, что оно, это «я», может совершить в минуты растерянности, в минуты духовной пустоты.

Медленно, словно факел, угасло сознание. Казалось, что задремал среди голубоватых стен. «Мальчик душевно болен», — многоголосым эхом прокатились чьи-то слова. Это была мысль о нем совершенно незнакомых ему людей, и сквозь сон почувствовал Гю, каким безграничным удивлением отозвалась она в нем.

...А Отлэ по-прежнему стоял у бассейна. Глаза безмолвствовали — лишь холодное зеркальное дно... А тонкие, бледные губы его все же улыбались...

Никто и понятия не имел о том, что Отлэ был тем юрким яликом, которому никогда не суждено стать большим кораблем и который, однако, прекрасно осознает собственные преимущества. Отлэ не привлекали моря и океаны, у него были свои заливы, узкие, неглубокие, они бы не смогли принять огромные лайнеры, и потому, возможно, все то, что знал Отлэ, этот юркий ялик, было недоступно величавым кораблям.

Зато Отлэ никогда не стоял в дрейфе и благодаря своей энергии и терпению постоянно находился в пути, а зачастую, оказавшись в кольце своих маленьких увлечений и разочарований, втихаря подсмеивался над кораблями-гигантами, которым недоступны были прелести легких суденышек.

Гю не ошибся, когда, увидев Отлэ у ворот ипподрома, понял, что познакомился с человеком, который может все... Позже он не раз убеждался в этом. Но, когда Отлэ заставил его впервые задуматься, Гю вдруг осознал, с какой удивительной быстротой затягивался тиной залив, предназначенный жизнью для этого ялика.

В ту ночь Отлэ, прислонившись к фонарному столбу и то и дело запуская руку в пустой кулек из-под семечек, стоял с открытыми глазами, как лошадь, и дремал. К тому же шел дождь, струями стекая по его тощей фигуре, а он, промокший до нитки, казалось, не замечал ничего — ни дождя, ни висящего над головой яркого фонаря, отбрасывающего на асфальте его

удлиненную тень. И тут впервые Гио ощутил — что-то изменилось в его жизни. Он пересек улицу, подошел к Отлэ и потряс его за плечи. Голова Отлэ поникла, и подбородок уперся в костлявую грудь, казалось, подперев собой не только голову Отлэ, но и всю его жизнь — и минувшую, и грядущую.

Гио понял, что Отлэ опять оставляет его, словно постепенно приучая к мысли о том, что каждый человек самое важное для себя дело должен делать сам, один на один оставаться с главными событиями жизни, так же, как с рождением и со смертью...

Да, несомненно, что-то изменилось с того дня, думал Гио. Великая действительность начала разлагаться... И запахло навозом.

То и дело вспоминалась Гио первая проигранная скачка, как безжалостно хлестал он коня, как всю жизнь потом раскаивался в этом своем грехе, и всякий раз потом, подходя к коню, помнил о том, что когда-то, пусть еще зеленым юнцом, поправил он эту безграничную любовь.

В тот день Гио сидел у ворот конюшни и долго размышлял о том, что, наверное, не существует надежды без раскаяния. Потное лицо его пересекали черные полосы грязи, из ссадины на руке текла кровь, а на лице застыл гнев. Все молча проходили мимо. Гио провожал взглядом бывалых жокеев, которых давно уже не задевали столь остро проигранные заезды, они знали, как постепенно, исподволь приучает жизнь к проигрышам и уступкам и как люди невольно смиряются с ней. Вероятно, они даже смеялись над Гио: рано или поздно, но когда-то ведь он должен был проиграть... Отлэ же исчез, и Гио даже не успел заметить куда. Он всегда чувствовал, где сидит во время забега Отлэ, — на самом верху, там, где его труднее всего можно было заметить, в полном одиночестве, козырьком приставив ладонь ко лбу, прикрывая тем самым глаза и делая вид, что не видит ничего окрест. Гио же во время каждого круга чувствовал на себе его острый взгляд. Отлэ прекрасно понимал, что в таком скопище возбужденных болельщиков никто бы не догадался, что скромно сидящий где-то на верхотуре сухопарый человек держит в своих руках вожжи всего забега, что только он мог безошибочно определить, сколько и на какого коня надо поставить или какой выигрыш принес бы ему буланый, что с самого начала увяз в хвосте, или серый, что замылся на секунду, пропуская вперед жеребца с тщедушным и краснолицым жокеем. А с первого взгляда могло показаться, что Отлэ и вовсе ничего не видит. Он незаметно проскальзывал на ипподром, зажав под мышкой газеты и программу, и сидел как вкопанный. Наверное, уснул, думали сидящие рядом и, случалось, даже слегка теребили его за плечи, чтобы разбудить.

Гио же чувствовал его взгляд каждой клеточкой своего тела. Знал, что обязательно заметит Отлэ, где круп коня очертил неверную дугу, и сколько секунд он проиграл на этом, на сколько сантиметров удалено стремя от лошадиного бока, или где потерял он равновесие и сколько времени ушло на то, чтобы исправить оплошность... Эти и многие другие мелочи Отлэ обязательно взял бы на заметку, впрочем, как и каждый просчет устрой-

шихся на трибунах болельщиков, их отчаяние или преждевременное, поспешное ликование.

Эти люди не знали Отлэ, зато Отлэ знал всех; и победителей и побежденных, и истинных игроков и шулеров, знал, кто пришел впервые на ипподром, кто сколько проиграл на предыдущих бегах, а кто выиграл. Он и болельщиков квалифицировал подобно лошадям, следил за ними, подбадривал их и подшучивал над ними, и в то же время умел оставаться до конца честным с самим собой... Это было высочайшее искусство, которым Отлэ, прикрывая ладонью глаза, владел всю свою жизнь.

После скачек Отлэ всегда поджидал Гио в назначенном месте, стоял у окна какого-нибудь кабака и ждал. Он делил с ним выигрыш, полушутя указывал на просчеты и, случалось, слегка надувал, обделял при этом.

В тот день, когда Гио впервые проиграл, Отлэ куда-то исчез, словно сквозь землю провалился. Гио помнил, однако, что сидел он на своем обычном месте, покачивая головой, сидел до самого конца...

В тот вечер Гио страшно напился. Никто не останавливал его. Ночь он провел у какой-то женщины, так и не узнав, насколько она была уродлива и неопытна.

Утром он ничего не помнил, утром он уже знал, что такое поражение и каково же, когда тебя сильно, очень сильно бьют, даже если есть за что.

А женщина спала, отвернувшись к стене, опустошенная и вся словно созданная для одной ночи. Он и раньше знал ее, она постоянно вертелась возле ипподрома и с липкой улыбкой шарилась по разгоряченным телам и карманам жокеев.

Гио провел рукой по обнаженной спине и подумал, что вчера она была не так уж и безобразна и что он, измученный и растерянный, очень нуждался в ней, но сейчас она была отвратительна ему, и он почему-то избегал смотреть ей в глаза. «Вставай, — сказал он, — умойся». И вышел босиком на балкон.

Женщина покорно поднялась, недоумевающая, почему все они так неприветливы с ней всякий раз, почему наутро она становится невыносимой для каждого из них. И именно поэтому столь доверчиво, со всей страстью любила она ночи. От Гио она слышала вчера самые сокровенные, самые ласковые слова, и ей вдруг стало обидно, что она уснула, не в силах превозмочь дремоту. Было горько от того, что эта ночь кончилась и не продлится вечно. Она осторожно плеснула в лицо водой и вернулась в комнату. Гио по-прежнему стоял на балконе, в который раз кляня себя и ощущая одно-единственное желание — преодолеть свою беспомощность.

«Неужели стоило из-за одного поражения?!» — мысленно повторял он и улыбался.

Женщина незаметно подкралась к нему. Очень хотелось коснуться его широких плеч. Но вдруг, испугавшись чего-то, она отпрянула и едва слышно проговорила: «Я пойду».

Гио молча смотрел на спящих по улице людей — в нем все еще длилось вчерашнее поражение. Вспоминалась ее улыбка, когда, стоя под лампами и целуя ее, он непрестанно спраши-

вал: «Ты меня любишь, правда?» И она, смеясь, повторяла одно и то же, удивляясь, с чего вдруг понадобилась этому парню ее любовь. Она льнула к его разгоряченному телу и чувствовала на плече тяжесть его руки. Ей доставляла наслаждение близость этого скупого на слова незнакомца, который беспрестанно просил ее о любви, просил о том, что мог получить очень легко, даже и словом не обмолвившись.

Ей все время хотелось что-то сказать, но робость удерживала. Гио наклонился и поцеловал ее в лоб, погладил по длинным, неряшливо расчесанным волосам, так же бережно, как прикасался бывало к новорожденным жеребяткам, и ему почудилось, что и эта женщина источает тепло и запах стойла.

Отлз не появился и на следующее утро, хотя и прежде он почти никогда не приходил к Гио домой, и Гио очень удивился, когда однажды, выйдя из парадного, заметил его в сквере неподалеку. Отлз сидел на скамье вполоборота к нему и, улыбаясь и фырча, как лошадь, манил Гио пальцем.

Гио тяжело опустился с ним рядом и достал папиросу.

— Есть хочешь? — спросил Отлз.

Гио невольно, так же, как когда-то в детстве, кивнул. В кармане у него не было ни гроша, и есть ему не хотелось, но еда сейчас была именно тем делом, которое годилось для того, чтобы отвести душу. Он не мог сейчас думать.

— Придет зима, дружище, и еще раз укроет нас, — едва слышно говорил Отлз, — и потом каждое снежное утро станут появляться на свет маленькие пьяные мальчишки из тех, что по душе нам с тобой, или, быть может, такие же, какими были мы. Гулками, тягучими, словно звук трубы, шагами зашагают они по улицам. Протяжно, словно нехотя... Но ведь ты помнишь этот звук, как он тянется, правда?.. Просто и легко... И вот однажды зимой выйдут эти ребята, и снег заскрипит у них на зубах, не под ногами, как у остальных, а на зубах, как табуи породистых скакунов, потекут они по затонувшему в белизне городу, разбредутся по улицам, и каждый из них присвоит снег... Вот так-то, каждую зиму кто-то впервые выходит на улицу, чтобы присвоить снег. Так уж повелось — тихо и плавно, как звук трубы, легко и вольно...

Отлз вновь зафыркал, обнажая свои шербатые зубы, и это именовалось смехом Отлз, неповторимым, единственным в мире смехом....

И падал снег. Падал косо и спокойно. И Гио думал о том, с каким безграничным, первородным восторгом ощущал он свое удивительное единство с Отлз, о том, с какой нежностью встречал Отлз каждую новую зиму, каждую дрожащую снежинку, словно внезапно выигранный забег, которого он долго ждал и на который можно было поставить всю свою жизнь, да, именно так, всю свою жизнь... А снег все шел, валил медленно и споро обволакивал город белизной и спокойствием.

— Хочешь, научу тебя к старости хорошему развлечению, — поделился в тот день Отлз еще одним, быть может, последним своим открытием. — Нужно поселиться где-нибудь возле бань... Хотя я, конечно, чушь порю. Сейчас тебе не понять... Ничто

в жизни не похоже одно на другое, а тем более старость... Чего оставился?..

Он казался расстроенным и недовольным. Гюо понял, что дела обстояли из рук вон плохо и могло случиться так, что Отлз не встретил бы его, выходящего из подъезда, сидя на скамейке в сквере...

Завернувшись в простыни, они сидели в бане и наслаждались холодным пивом. На улице было снежно и морозно. А вокруг сновали какие-то люди, вставали на весы, обтирались, брали пиво. А они все сидели и сидели весь вечер, меньше всех говорили, меньше всего обращали внимание и на окружающих, и на самих себя, словно самые беззаботные и беспечные люди. Сидели бок о бок на длинной, узкой деревянной скамье и медленно, большими глотками, прихлебывали холодное пиво. Отлз тянул папиросу за папиросой, и на усыпанное капельками пота его лицо то и дело набегало ужасающее, незаметное чужому глазу спокойствие, опасное и твердое, не имеющее ни начала, ни конца, а точнее, ни прошлого, ни будущего, ужасающее, родное... И Гюо не признавался себе в том, что именно следы этого спокойствия искал он с таким тщанием на лице Отлз.

Отлз отпил пиво, протянул руку с полной кружкой в сторону разносчика, очертил ею странный круг перед его носом и произнес:

— Вот эти и женщины никогда не должны знать, что ты все проиграл, что тебе уже вообще нечего больше проигрывать... Видишь, какие у него глаза... Волосьи... Мутные, туповатые, подобострастно глядящие снизу вверх. Бойся этих глаз, дружище, от них ничего не скроется, в них все просчитано, вот и мы с тобой в скором времени станем для них ничемными клячами. А эти люди всегда знают наперед, что случится в скором времени. У таких вот, как и у баб, звериное чутье. К тому же и те, и другие любопытны, бесстыжи и немного подлы. Ты понимаешь, что значит подобный букет свойств человеческих.

Таких глаз я боялся всю свою жизнь; только посмотрят на тебя, и уже знают, сколько в тебе весу, где у тебя оторвалась пуговица, в каком году разбогател или разорился твой дедушка и какое приданое принесла ему бабушка. Хотя сам я примерно так же смотрю на лошадей, но у меня есть одно оправдание: я их люблю.

А для этих мы с тобой всего лишь машины, которые пожирают не только холодное пиво, но и их интуицию, любопытство, подлость и презрение. «Не так ли, маэстро?» — вдруг громкогласно обратился он к проносающемуся мимо с подносом в руках взопрежнему краснощекому разносчику... (Подобным образом обращался к нему лишь Отлз.) Тот, обернувшись на звук его голоса, растянул в улыбке обвислые, как старые галлифе, щеки — мол, а как же, как пожелаете, так, мол, и будет.

— Вот так-то, дружище, — покачивая головой и улыбаясь, сказал Отлз, — вот так-то.

Как-то (после своего первого поражения) Отлз сказал ему нечто подобное: женщины и лошади чем-то похожи, ни те, ни другие не должны видеть, что тебе трудно, что не можешь ты быть очень ласковым, что устал и тоскливо у тебя на душе. И те,

и другие ищут в мужчине примерно одно и то же, хотя бы ту силу, которая способна сокрыть все это. В итоге они все же приходят к тому, чтобы признать тебя,— кто с осторожностью и недоверием, кто безоговорочно, а кто после долгих колебаний. Ну, если тебе это не удастся, то плохи дела: такой ты никому не нужен — ни коню, ни женщине... Хотя исключения встречаются и среди тех, и других. Но все же...

После подобных сумбурных излияний Гио каждый раз все больше убеждался в том, что Отлэ столь же ненавидел женщин, как и любил лошадей, хотя для подобной ненависти у него не было никаких причин, даже наоборот, несмотря на свой преклонный возраст, он с лихвой пользовался дамской благосклонностью.

Прошло много времени, прежде чем Гио усвоил, что произнесенные Отлэ полшутя туманные речи свидетельствовали совсем о другом.

И все же иначе пришла к Гио настоящая любовь. Усталый, он и не заметил ее. Может, думал, что все начинается вовсе не так; Отлэ и здесь упредил его, оставил по обычаю одного.

А любовь пришла сама по себе, внезапно и открыто, как снег. Гио и представить себе не мог, что женщины приходят так же тихо, как все истинное, приходят для того, чтобы остаться...

Он заметил ее одним осенним утром у ворот ипподрома. Девочка и раньше частенько попадалась ему на глаза. Она была ребенком, который с восторгом, во все глаза глядел на каждого коня и на каждого жокея. Что в этом удивительного?.. Гио всех на ипподроме знал в лицо, встречалась ему и эта девочка — маленькая, бледная, невзрачная, с большими серыми удивленными глазами, она походила на ухоженного пушистого котенка.

Хотя для Гио все они были на одно лицо, и он не замечал ее удивленных и восторженных взглядов. Может, и к лучшему (а вообще-то Гио терпеть не мог кошек). Порой, проходя мимо, он гладил ее по голове и молча шел своей дорогой. В этом не было ничего странного — он со всеми так обращался, и вдруг — прошло всего лишь одно лето. Три привычных месяца, которые, оказывается, равнялись для девочки целой жизни.

Однако в то осеннее утро на ипподроме появилась уже другая девочка, которая твердо знала, зачем она сюда пришла... И еще глубже стало удивление сероглазой кошечки, и она изящно, легко шла в своем коротеньком платьице по усыпанной гравием дорожке, и разве что колени напоминали в ней недавнего ребенка.

— Посади меня на коня,— тихо попросила она Гио. Гио смутил ее голос, ибо не просьба звучала в нем, а требование чего-то давно и по праву принадлежащего... Гио, замешкавшись на мгновение, посмотрел на нее сверху вниз.

— Рано еще,— проговорил он.

Тут-то все и началось... А пока ему казалось, что этому сероглазому диву далеко еще до настоящей женщины. Быть может, он просто бежал, стремился спрятаться от нее. Ему было тяжело. А впереди ждала еще большая тяжесть, и ему было жаль маленькую пушистую кошечку... (Девочка не должна была начинать с этого жизнь.)

Вечерами Гио пил, а за дверью его подстерегали эти глаза, терпеливо выжидая, когда же он наконец появится... И так было всюду... На бегах его постоянно утнетало ощущение того, что с минуты на минуту взгляд девочки на скаку остановит его коня, а на улице — что он вот-вот подвернет ногу. Поначалу он думал, что это скоро пройдет, но, однако, глаза не оставляли его. И Гио немного испугался, ибо маленькая ухоженная кошечка выпарапала и уняла его боль, и, пока ее по-прежнему считали маленькой, пока ей не разрешили сидеть верхом на коне, она, оказывается, стала женщиной, которая возникла вдруг из собственного же взгляда и которая может вынести все. А Гио, казалось, и вправду страшился настоящей любви, а может, он устал, устал от себя самого, а может, просто не верил... Он об одном думал, он думал непрестанно, и кто знает, быть может, это и есть самое честное, самое достойное оправдание тому, почему он бежал. Ведь любовь пришла к ней вместе с огромным, добрым удивлением. А Гио уже тогда был измучен и опустошен. Но чувствовал, как неизбежно влекли его ее удивление и восторженность, молча и терпеливо подстерегающие повсюду. И кто знает, чем бы все это кончилось...

Гио любил. И бежал. Это была его правда, пусть не правая, но он верил в нее и знал, что девочка, которую он помнил еще ребенком, не должна была начинать свою жизнь с боли. А Гио был уже сама огромная боль.

...Вот и сейчас, выходя из пивной, Гио знал, что на какой-нибудь из улиц обязательно наткнется на эти глаза. Но в эту ночь Гио было не до них...

...Город словно на цыпочках ускользал куда-то, старый город, дождливый, безмолвный и ясный.

Сейчас Гио должен был много ходить, очень много, пусть до самого конца земли, только так он мог что-либо спасти. «Отлэ, наверное, кто-нибудь проводит», — непрестанно проносилось в сознании. Одно он помнил твердо — Отлэ нельзя оставлять, Отлэ, который был для него той глыбой, к которой он прикован. И вокруг которой ходил бы весь свой век, куда бы ни заносила его жизнь. Но сейчас он нуждался в другом Отлэ, в трезвом, прозорливом, в том, который нашептывал ему на ухо, подкраившись незаметно: «Лестница вела в небо, да, Гио?!»

А в действительности Отлэ больше не существовало, он лишь подразумевался в Гио — человек, который мог все.

Отлэ умер в одиночестве, в полном одиночестве, умер, как мог умереть один только Отлэ. Он просто ушел так, что все думали — это лишь очередное его исчезновение, еще одно уединение, но, оказывается, он ушел для того великого дела, которое никто, кроме него, не мог взвалить себе на плечи.

Одно время он совершенно отошел от скачек, и никто не видел его на ипподроме. Вечерами Гио иногда встречался с ним в банях. Выглядел он неважно, большей частью молчал, мало пил, никого не видел вокруг, и Гио не мог понять, что же все-таки с ним происходит. Однажды он увидел его лежащим на каменном полу под льющей из душа водой. «Умер», — промелькнуло

в мозгу. Но он спал. Тут впервые смутился и задумался Гио — никогда не производила на него подобного впечатления нагота Отлэ, словно не Отлэ вовсе, а сама предельно обнаженная жизнь распростерлась под струей воды. Затем это стало повторяться — Отлэ, задремав под душем, сползал по стене и, съжившись, ничком падал на теплые, дышащие паром плиты. Быть может, именно поэтому у Гио возникло чувство, что Отлэ нельзя оставлять одного. Он поздно постиг суть открытия Отлэ, которым тот не смог поделиться с ним раньше. Отлэ жил возле бани, и, когда Гио провожал его домой, тот постоянно считал. Отлэ точно знал, сколько шагов от бани до его дома, и все же каждый день еще и еще раз неуклонно удостоверивался в этом, так же, как когда-то высчитывал ритм движения коня, высчитывал или просто чувствовал нутром. Он был точен во всех своих играх, думал Гио, это была игра великого мастера.

Оказывается, Отлэ пил в бане снотворное, ровно столько, чтобы рухнуть в сон, едва переступив порог дома. Но когда распалась эта цепь, когда изменило чувство меры и он распластался тут же, под душем, Отлэ понял, что и отсюда должен был уйти так же, как когда-то с ипподрома.

И однажды Отлэ исчез. Исчез так, что никому и словом не обмолвился. Лишь через месяц нашел его Гио. Но Отлэ уже вышел на свою орбиту и кружился в отведенном ему пространстве бесконечности. Гио представил себе те зеленые домики, безумно захотелось хотя бы мельком взглянуть на Отлэ.

...Отлэ и там был одет в свой неизменный цилиндр и серый дождевик, из широкого кармана которого торчал кулечек семечек, а между щербатыми зубами его, как всегда, была зажата папироса. Часами сидел он в пустой комнате, смоля папиросу за папиросой, разглядывая усыпанный окурками пол или тупо уставившись в одну точку. А Гио улыбался ему, как ребенок, только и его уже не узнавал Отлэ.

Вот и пришла смерть, словно ритуальное восшествие, медленно, беззвучно, безотчетно, так, как выносят из церкви на Пасху иконы. Отлэ предстал перед Гио во весь рост, как тогда, в ресторане, стряхнул напряженной рукой плащ, поправил цилиндр, тяжелым, размеренным шагом направился в угол комнаты, замешкался на мгновение, прикурил погасшую папиросу, затем медленно, осторожно стал опускаться и, ко всему и вся повернувшись спиной, сел на пол, широко расставив ноги. Гио смотрел на все это и радостно улыбался. А Отлэ прильнул лбом к углу и, громко пыхтя, выпускал клочья папиросного дыма. Потом дым растаял... И не стало Отлэ...

Прошло время, прежде чем Гио узнал причину его исчезновения, узнал совершенно случайно от одного маленького мальчика. Он катал его на коне и спросил: «Впервые сидишь верхом?»

— Да нет, — ответил он, — когда я был совсем-совсем маленьким, меня посадил на коня Отлэ, был здесь такой человек, веселый, семечками нас угощал. Вы его не знали?

Гио молчал.

— И в последний раз я его здесь видел, — продолжал мальчик. — Кто-то ударил его по лицу. Сначала он спорил с ним, а Отлэ улыбался, а затем тот неожиданно размахнулся и ударил. Отлэ даже не шелохнулся. А тот поспешно вытащил у него из кармана какие-то бумаги (Гио понял, что это была программа

сезона с пометками Отлэ). Отлэ не заметил, он громко хохотал, вот так вот раскачиваясь на месте и громко хохотал. Тот, с заячьей губой и шепелявый, скукожился. А Отлэ схватил его двумя пальцами за мочку уха, как сумасшедший. А шепелявый вдруг вырвал у него из рук кулек с семечками, вышвырнул и побежал, оглядываясь, не гонится ли за ним Отлэ. Отлэ еще долго стоял так, молча, отрывисто улыбаясь, а вокруг валялись рассыпанные семечки.

«Отрывисто улыбаясь, — промелькнуло у Гио в сознании. — Вот и дождался Отлэ... Нашлась-таки одна паршивая овечка...»

Гио не помнил того, с заячьей губой, но он обязательно должен был знать, что у Гио большие, теплые и сильные руки.

Сейчас город у Метехи и вправду казался старательно вырезанным из картона именно таким, чтобы уместиться на ладони. И Гио шел по покатым дождливым улицам и чувствовал, что не существовало больше той чуткости, которая так далека от осторожности и так близка к исповеди, это было то же чувство, что рождалось в нем, когда он оставался наедине со своим конем, — ревнивая любовь, тишина и запах, тяжелый, затхлый, но привычный и теплый. Он покидал город. Разыгрался ветер, разордал мутную темень, затем прильнул к земле и замер. Гио миновал редкий ольшаник, где-то вдаль у ворот конюшен тонкой струйкой струился свет. Одолея небольшой подъем, со скрипом отпер ворота конюшни, с наслаждением вдохнул знакомый запах. Вздрыблились при его появлении кони, заржали. Гио помнил, что в углу висела лампа, но, усталому и опустошенному, ему не хотелось яркого света. Он наклонился, поднял пучок сена и, словно оголодавший жеребец, жадно втянул запах. Лишь один не встретил его ржанием. Тот, единственный, вместе с ним выросший и им выстрадавший, он присел на передние ноги в углу конюшни, а из слепых глаз его по капле стекала вязкая и мутная жидкость. И все-таки конь не был похож на того, кому суждено было умереть на рассвете, на слепую, смирившуюся со смертью клячу. Гио поднес к его губам сено. Жеребец даже не прикоснулся к нему, лишь положил голову Гио на плечо. Завтра на заре, за лесом все свершится, а ему, Гио, предложат наблюдать за всем этим. «Это никогда не длится долго, — утешительно промелькнуло в сознании, — всего лишь одно мгновение... Придется еще раз напрячься, всего лишь раз, и все окончится само собой».

Встав перед конем на колени, Гио молча обнял его за шею. Почувствовал, что ярче стал свет у него за спиной — занималась заря.

И Гио вместо тихого голоса Отлэ — «Лестница вела в небо, да, Гио?» — услышал совсем иное, далекое и недостижимое: не бойтесь ночей, они все-таки похожи друг на друга, хотя каждой из них по-своему приходится тяжело, ибо ночи — это те вечные роженницы, которым предстоит произвести на свет один и тот же плод, но мучиться и страдать при этом им суждено каждой по-своему.

Это уже становилось для Гио не просто знанием, но, как когда-то для Отлэ, верой.

**Перевод с грузинского
ДИНАРЫ КОНДАХСАЗОВОЙ.**

Анатолий МОСИЙЧУК

Судьба Анатолия Мосийчука во многом типична. В ней отразились судьбы целого поколения, пережившего войну, психологическую ломку «хрущевской оттепели», моральную депрессию застойного периода и нынешнюю перестройку.

Медленно отвыкая от конъюнктурных стереотипов недавнего прошлого, мы по инерции продолжаем делить наше искусство на «официальное» и «неофициаль-

ное», на «красное» и «белое» с той лишь разницей, что их герои как бы поменялись местами. С позиций прежних лет московского художника Анатолия Мосийчука можно назвать типичным представителем «официальной» культуры.

Действительно, вскоре после окончания Строгановки в 1970 году он становится участником почти всех крупных московских, республиканских и всесоюзных выставок. Получает ответственные государственные заказы: оформление станций столичного метрополитена — «Бабушкинская», «Нахимовский бульвар», «Крылатское», «Владыкино», создание в Гамбурге памятника погибшим в нацистских лагерях советским гражданам и других престижных объектов.

За ним прочно утверждается репутация одного из лидеров отечественного монументального искусства. Но неожиданным откровением стала прошедшая в Центральном Доме художника в Москве выставка станковой живописи, скульптуры и графики, высветившая новые грани творческого дара Мосийчука. Посетители не скупилась на восторженные эпитеты, критики подчеркивали особый драматизм и символический смысл его произведений.

Работы Мосийчука подобны притчам, но в них отсутствует назидательность. Они полны неосознанных воспоминаний и предчувствий. Ощущение внутреннего напряжения, изначально возникающее у зрителя, внезапно сменяется умиротворенным созерцанием полуфантастических образов.

Мосийчук не перегружает полотна персонажами и деталями, внешне они немногословны, даже скупы. Действие их — в движении цвета, пластике форм, в источни-

ках света. По сути дела, герои этих полотен — не что иное, как плод воображения художника. Но так ли далек он от нашей действительности, от сегодняшних проблем? Напротив, он реагирует на них как философ, пытающийся осознать происходящее на уровне глобальных проблем. Очевидно, поэтому Мосийчук и обращается к художественной традиции, к классическому наследию, к разным открытиям искусства XX века. Он не скрывает своих пристрастий и эстетических предпочтений. Но при этом художник не копирует известные образцы, а творчески исследует, осмысливает опыт предшественников. Так, в некоторых живописных работах, полных гротескной глубины и силы, угадывается импульсивное воздействие полотен Франсиско Гойи, а в ряде монотипий чувствуется прочная связь с традициями отечественной художественной культуры конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Художник не стремится дать ответы на множество вопросов, стоящих перед нами сегодня, он не претендует на роль мессии, он лишь взывает к сердцу и разуму, пытаясь пробудить в нас чувства благородные и возвышенные.

Александр Сергеевич Пушкин писал: «Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство». Следуя пушкинской мысли, Анатолий Мосийчук пытается показать своим зрителям, как отличить подлинное от мнимого, не утратить свое человеческое достоинство и не попираť достоинство других.

АЛЕКСАНДР РОЖИН

Поколения.

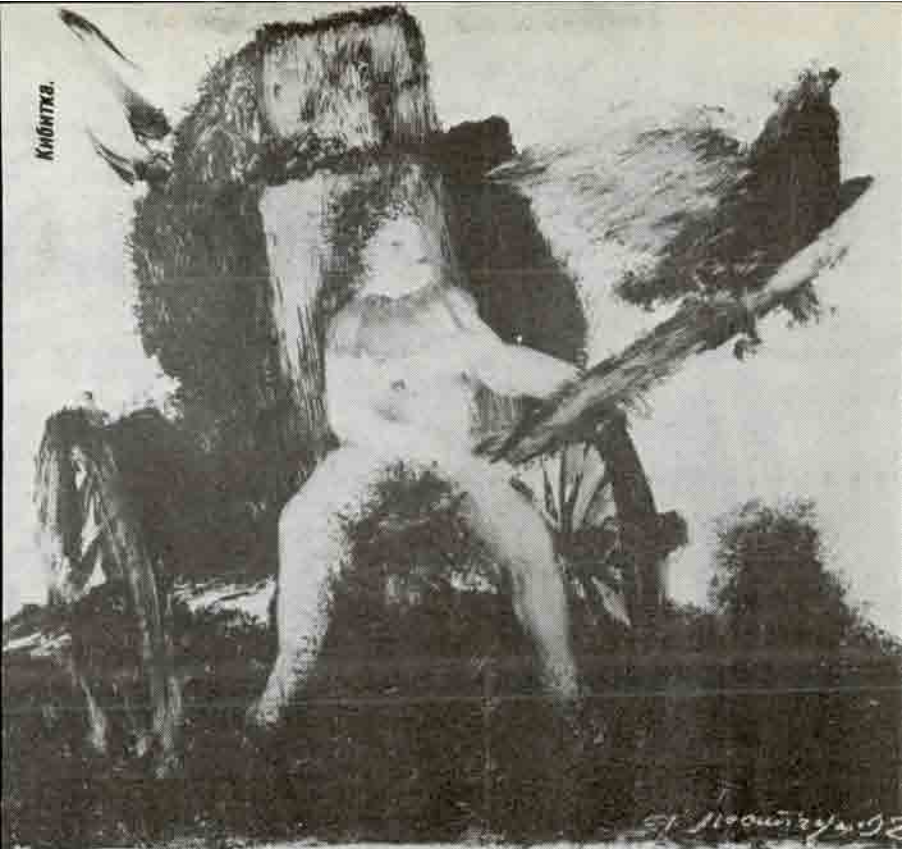
Чудной.

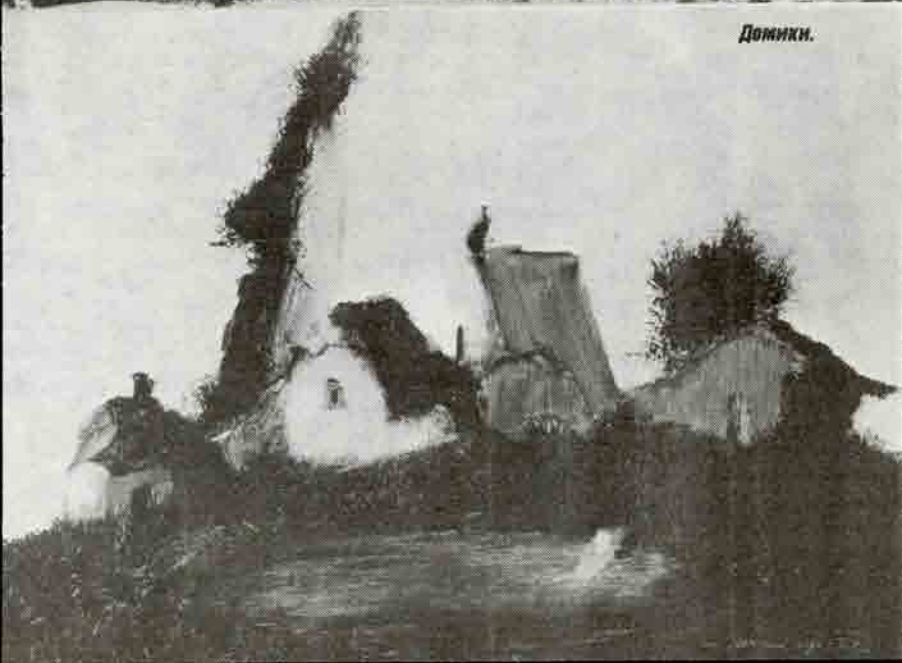
Попытка.

Крибтка.

Домики.

W
T
P
A

Booth

ФОТО ВИКТОРА БАЖЕНОВА

САЩЕ

АЛЕКСАНДР СОКОЛЯНСКИЙ

Главное для критика, собирается ли писать он о театре или о чем другом, — не впасть в наиболее распространенные тона: истощенного крика и развязного ехидства. Причин кричать и ехидничать — выше головы, но если ты хочешь, чтобы тебя расслышали в общем хоре, нужно помнить простую вещь. Перевизжать или перегундосить всех сразу невозможно, а будешь очень стараться — сорвешь голос. В журналистике, в молодежной особенно, сейчас много сорванных голосов. Шумно.

Короче: я хочу быть услышанным и поэтому говорить постараюсь спокойно.

Разберемся для начала, почему кричат о гибели театральной культуры, как, впрочем, и культуры вообще. Одни делают на этом карьеру. Другие стараются попасть в общий тон занимательной апокалиптики. Интересны лишь третьи — осведомленные и искренние. Кое в чем они правы.

Действительно, наша театральная — специальная, репертуарная, общедоступная и легендарная — система рухнула, и в смысле художественных достижений, и в смысле денег, и во всех остальных смыслах. Оглушительно разорившийся Союз театральных деятелей России находится в безысходном и унижительном положении. Театры будут закрываться. Денег нет и взять нигде. Инфраструктура донельзя разлажена.

Однако гибель системы и гибель культуры — разные вещи, их могут путать лишь те, кому это выгодно. Система, по общему определению, — упорядоченные связи между чем-то и чем-то. Связи, конечно, порвались, но ведь эти самые «что-то» и «что-то» никуда не делись.

Человек, выбирая артистическую профессию, рискует оказат-

ся нераскрытым, неинтересным, ненужным. В условиях рынка плата за бесталанность (включая в это понятие и неодаренность, и невезучесть) сильно возросла.

Когда закроются десятки посредственных театров, сотни посредственных актеров останутся без работы. По-человечески их очень жаль, но театральному искусству (мы ведь говорим об искусстве?) это, видимо, большого ущерба не причинит.

Не получится ли так, что под развалинами задохнется и перекалечится какое-то число талантливых людей? Наверное, хотя вряд ли их будет много. В недрах действующей системы задохнулось и перекалечилось куда больше толкового народа.

Жизнь искусства обладает способностью к саморегуляции. И это не единственное основание для оптимизма. Прежде чем система пошла насмарку, она катапультировала почти все действительно ценное и живое. Так она охраняла свою стабильность, сохранила же не себя, а именно тех, кого отбрасывала.

Загляните в театральную афишу. Честно сказать, по тем привычным адресам, где проживало большое искусство, сегодня не найдется и полусотни спектаклей, о которых — сойди они с репертуара — стоило бы жалеть. И то большинство из них дорого как память.

Некогда замечательные спектакли Таганки, «Современника», МХАТа, Малой Бронной, «Ленкома» и т. д. играют так, что в зале сидишь как обмороженный: и больно, и смешно... По преимуществу все-таки больно: старая театральная Москва на глазах превратилась в музей, в гербарий отживших, отцветших манер и мыслей.

Восьмидесятые годы в нашем

театре были годами медленного, некрасивого умирания больших легенд. Смириться с происходящим было трудно, но сейчас уже деваться некуда. Пусть жизнь без легенд грустна, — еще грустнее выглядит то, что от них осталось.

Красивые старики есть среди актеров. Но среди театров, за вычетом Камерного музыкального, — честь и хвала Борису Покровскому! — я не могу назвать ни единого. Стареют чудовищно — крикливо, жадно, амбициозно. Запрещая себе смотреть в зеркало. Запрещая другим замечать свою немощь.

Нельзя потешаться над стариком, лежащим в непотребстве. Это в точнейшем смысле хамство — именно так библейский Хам повел себя со своим отцом, Ноем. Но и лгать в глаза, делая вид, что все чин по чину, тоже нельзя. И хорошо, когда есть чем прикрыть срам.

Лет десять назад у театральной системы, у театральной Москвы в особенности, был замечательный шанс не то что «прикрыться», а разрядиться в пух и в прах. Легендарные театры уже тогда сильно одрябли. Но на рубеже 70 — 80-х возникла реальная надежда на обновление.

Появились не только новые идеи, новые имена в режиссуре и драматургии, появились новые театральные вкусы. «...Принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов — значит не сделать новой школы, а лишь основать полемику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей» (О. Мандельштам «О природе слова»). Это правда. Русский театр задним умом крепок. Поэтому трудно усмотреть какое-то поступательное, логическое движение в судьбах людей и в судьбах идей. В театральной жизни как будто все время тянутся, доигрываются незавершенные сюжеты, додумыва-

ются мысли, не пришедшиеся в прошлом ко двору, недооформившиеся и вытесненные другими — столь же существенными и опять же недоосуществленными. Все держится на припоминаниях и переигровках, все ставится в профиль ко несостоявшемуся настоящему: вот если бы...

Если бы.

Эти дымчатые «если бы» застыт зрение. Ни картину целиком не схватишь, ни перспективу не проследишь — остается вглядываться в то, что поближе, угадывать силуэт, облепленный туманом. Что в нем — твердое, что — от лукавого?

В туманных зарослях «если бы» водятся легендарные театральные зомби. Но и замечательнейшее режиссерское поколение — не нынешнее, предыдущее — живет словно в сослагательном наклонении.

Их имена с разной степенью яркости, но почти одновременно засверкали в самом начале 80-х: Анатолий Васильев, Кама Гинкас, Юрий Погребничко, Гарий Черняховский, Иосиф Райхельгауз, Михаил Левитин, да ведь и Виктюк Роман Григорьевич, которого в этот ряд нужно вписывать не через запятую, но через точку с запятой, — тех, тех времен. Борис Морозов. Валерий Фокин. Генриэтта Яновская.

С необыкновенной, но объяснимой настойчивостью они — многие и, может быть, лучшие из них — возвращаются к одним и тем же темам, одним и тем же, не доигранным тогда, мотивам. Эти возвращения и вариации бываю-т настолько ослепительны, что поневоле задумаешься: а не слаще, не дороже ли так кружиться, чем двигаться вперед по ступеням? В лабораторных работах Васильева, в «Пушкинском доме» Черняховского, в «Играем «Пре-

ступление» у Гинкаса, везде и всегда у Погребничко припоминания наслаивались друг на друга и становились открытиями. Постоянство памяти — залог свободы. «Как в прошедшем грядущее зреет. Так в грядущем прошедшее тлеет...»

Как могли бы выстроиться судьбы режиссеров и судьба российской сцены, если бы контуры не искривились, если бы это поколение заняло свои места на театральной магистрали. — гадать уже поздно. Нам остается искать закономерность в случившемся: почему потенциальные лидеры 80-х стали, каждый на свой манер, фигурами периферийного, обочинного пространства? Попробуем, ища ответ, вспомнить спектакль: один, но, может быть, самый важный — «Взрослая дочь молодого человека», поставленный Васильевым в Театре имени Станиславского. Спектакль, поразительно новый, сложный и тонкий по технике, а кроме того, отличавшийся каким-то особым отношением к жизни — и к обыкновенной, и к сценической.

Коротко (и в силу краткости грубо) можно сказать так: Васильев сделал две совершенно небывалые вещи. Первое: живым содержанием и сутью спектакля стала не некая история (как в простодушном искусстве общего пользования) и не некая социально-психологическая, философская и пр. проблема (как в искусстве, по-тогдашнему серьезном). Сутью стал стиль. Форма эстетического существования.

Васильеву каким-то магическим образом удалось напитать художественной энергией все самое простейшее, современное, бытовое, сделать пронизываемой границу между бытом и бытием, художественным стилем и стилем жизни. И никоим образом «Взрослая

дочь...» не была эстетским спектаклем для умников! Она была изощренно простодушна. Все как-то в ней совмещалось — жизнь искусства, жизнь в искусстве, жизнь как искусство...

Второе: этот спектакль, такой цельный и гармоничный, нельзя было свести к какой-то единой манере, природе, «сверхзадаче». В нем жили — не боролись, а играли меж собою — как минимум две разные театральные правды. Вместо прямого пути от причины к следствию — развилки, чередования возможностей, и нет никакого выбора, никакого конфликта между «так» и «этак» — и так хорошо, и этак...

Все это было настолько ново, что тогда почти не осознавалось. Творчество как бесконфликтная игра художественных правд, причем игривость не идет в ущерб правдивости! Лишь потом, уже после открытия «Школы драматического искусства» в 1987 году, когда подспудно стала складываться новая театральная ситуация, стало ясно: в работах Васильева как бы преломляется опыт русского психологического театра (а через него — весь опыт культуры). Так луч белого света преломляется в призме и дает новые цвета.

Какие? О, каждый охотник желал бы знать...

С появлением «Взрослой дочери...» все начало 80-х как будто осветилось: и рядом, и вдали были обнаружены замечательные — и новые, новые! — спектакли. «Первый вариант «Вассы Железновой», выпущенный Васильевым на год раньше, рикошетом привлек внимание и оказался — да, — гениальной работой. «Смотрите, кто пришел!» в Театре имени Маяковского — Морозов. «Пять углов» в Моссовете и «Вагончик» во МХАТе — Гинкас. Погребничко на Таганке работал над

«Тремя сестрами». Издали вспыхнуло имя: Эймонтас Някрошюс, Литва. Понесся слух: запрещенная пьеса Петрушевской... ДК «Замоскворечье» — Виктюк. И так далее. Масса нового была близка к критической.

Ничего не произошло. Пути нормального театра остались прежними, а новые режиссеры пошли каждый своим — искать персональные островки свободы.

Если не предполагать, что против театра втихую проводилась какая-то специальная кампания (вроде кампании 1983—1984 гг. по борьбе с рок-музыкой), остается пожать плечами: система... Те, кто в конце концов к ней подсоединился (Фокин пытался, Яновская, Морозов), ничего не выиграли.

Очень долго, да и ни к чему здесь перечислять обстоятельства, в силу которых посты «системных» главрежей и худруков утратили заманчивость. Сегодня, зови не зови, они не вернуться. Сегодня у Васильева — «Школа», живущая без соприкосновений с общетеатральной судьбой и афишей. У Погребничко, Райхельгауза, Левитина — свои маленькие, маргинальные театры («Эрмитаж», конечно, здание крупное, но сама театральная идея Левитина, его аморфное «обэриутство», — идея обособленная и, скажем так, сугубо частная). Лучшие спектакли Кама Гинкас ставит с маленькой труппой своих актеров, Гарий Черняховский — со студентами-щужинцами, а не с маститыми ваханговцами. Виктюк основал «Театр Романа Виктюка», хотя его наперебой заывают на самые престижные академические сцены.

С конца 80-х главные театральные события происходят не на магистрали — на «обочине». А с начала 90-х на магистрали,

пожалуй, вообще ничего не происходит.

Она по-прежнему богата актерами, знаменитыми и замечательными, но, Боже ты мой, как плоско и грубо научились работать эти актеры — даже лучшие из них! Как поверхностна и стандартна игра Александра Калягина в «Игроках-XXI», Александра Филиппенко в «Соборях», Инны Чуриковой в «Sorry», Екатерины Васильевой в «Электре». Я называю лишь тех, перед кем благоговел. Лишь тех, кто, может быть, еще сыграет...

Увы, во всем звездном скоплении не найдешь ни одного артиста, о котором можно было бы сказать: в таком-то спектакле, только что поставленном на большой сцене такого-то театра, он сейчас играет свою лучшую роль. Боюсь, что все лучшие роли в «системе» уже сыграны.

И еще одно обстоятельство.

Вера в свою духовную значимость, метафизическая амбиция всегда была для нашего театра дополнительным источником питания. Если не жечь сердца людей, которые приходят в театр как на сходку и на литургию одновременно, то вообще незачем заниматься высоким искусством.

Все бы хорошо, если б параллельно не терялось умение заниматься, радостно и самоотверженно, невысоким искусством. Сегодняшняя столичная сцена почти не предлагает зрителю самого нужного и дорогого — доброкачественного развлечения. Возникает ощущение, что великих художников у нас мало, но все-таки больше, чем надежных ремесленников («У нас честных нет, у нас все святые»). Когда нужно заняться простым ремеслом, и никудашные, и замечательные играют одинаково: из рук вон плохо.

Единственное, может быть,

исключение — веселый музыкальный спектакль «А чой-то ты во фраке», поставленный в «Школе современной пьесы» Иосифом Райхельгаузом. Алексей Петренко и Альберт Филозов работают в нем, конечно, куда ниже своих возможностей (не будем вспоминать «Серсо», ради всего святого, не будем вспоминать их потрясающую игру в «Серсо» — в той, вассильевской, «Школе»!), но все же в рамках профессиональной добротности. И благодарный зритель ломится в этот театр, как ломился в еще не подорожавший «Макдоналдс».

Здесь не кормят ничем особенно вкусным и изысканным. Но здесь хотя бы не пахнет тухлятиной.

Новое театральное поколение ощутило на себе радость и рискованность разброда: не выбранного, а уже случившегося. На вопрос «что такое театр?» уже не было ни одного готового ответа, и новые режиссеры вступали в театральную жизнь, заранее зная, что существование на отшибе — не только вполне плодотворная, но и наиболее привлекательная, почти привилегированная творческая позиция.

Естественно, при таком раскладе определять общие черты поколения довольно трудно. Не то чтобы их вовсе не было, но именно общее, рядовое оказывается сугубо второстепенным. Действительно, важно то, что у каждого наособицу.

Конечно, это поколение фанатиков, которое строит свой театр (свои театры), начиная с азав, с поиска общих оснований. Но и какой-то новый, «стильный» фанатизм — не расхристанно-бурный, а сосредоточенный и изящный.

Конечно, это театр, который никогда ни о чем не договорится

с нормальным театром посредственно-академического типа. Но ему уже и спорить не о чем. Уровень независимости близок к состоянию невесомости: ни силы притяжения, ни энергии отталкивания, ни опробованных точек опоры, — ничего нет. И не надо. Идет поиск метода — личного, как почерк, как отпечатки пальцев. Театральная игра затевается там, где, по старым правилам, играть уже нельзя и не во что.

Это — трудный театр. Он требует от зрителя встречных усилий мысли, воли и вкуса. Он не бывает готовым к употреблению, и к нему нельзя примериться заранее — непонятно будет.

Художники давно уже научили зрителя принимать их личные, индивидуальные правила игры. Все понимают, что к двум картинам — одна, допустим, Кандинского, а другая Шагала — нельзя приноровиться ни с одним общим критерием. Отсутствуют основания для сравнения.

То, что для живописи аксиома, для театра, покамест, гипотеза. В привычной логике молодому режиссеру подобает несколько лет поэкспериментировать, поиграть в новаторство, а затем предложить свои умения «настоящему театру», который их испробует, измерит, изменит, употребит по правильному назначению, — и в общей картине появится еще один, более или менее яркий штрих.

Так вот: никакой общей картины больше не будет. Каждый сам по себе и сам за себя. В сущности, словом «театр» сегодня называются несколько принципиально разных видов искусства.

Наиболее традиционный (хотя бы внешне) театр строит Сергей Женовач, поставивший два спектакля в студии «Человек» («Иллюзия» и «Панночка»), один — со студентами ГИТИСа («Владимир

III-ей степени») и один — со своими актерами в театре на Малой Бронной («Король Лир»). К тому времени, как появится эта статья, на Бронной же выйдет еще один спектакль, «Пучина».

Женовач — очень умный и грациозный рационалист. Его режиссерские построения, как правило, актерам не удается воплотить вчистую: он сознательно ставит задачи, требующие чрезмерного, незнакомого еще усилия. Это режиссер-педагог, обладающий даром терпения и самоотверженности.

«Король Лир» — самый знаменитый его спектакль, лучшая премьера прошлого сезона, если верить опросу критики. Спектакль о том, как на глазах беспомощных и запутавшихся людей разваливается жизнь целого мира: сами они мало в чем виноваты. С каждым из них, таким маленьким, происходит что-то ужасное, но то, что происходит со всеми, хорошими, дурными, никакими. Те, кто решил заранее, что это очень мрачная постановка, ошиблись. Гармоничная, опрятная, отчетливая сценическая работа — в ней есть спокойствие и изящество сложной математической формулы, впервые выведенной. Никаких экстазов самомучительства — новому театру вообще свойственно идущее к лицу душевное здоровье.

Незадолго до Сергея Женовача на другой «нормальной» сцене, в театре имени Станиславского, пытался что-то сделать Роман Козак. Он рискнул отказаться от автономии, стал главным режиссером, слил свою команду с артистами театра и успеха не добился: новое вино, старые мехи... Однако до неудачного «Дон Кихота» и своего ухода в отставку он выпустил на сцену Петра Мамонова (пьеса Д. Гинка «Лысый брюнет», режиссер Э. Бабицкий) — россий-

ские рокеры до сих пор ему благодарны.

Шутки шутками, а Козак — режиссер интереснейший. Его актерская команда, какое-то время называвшаяся «5-й студией МХАТ», выпустила один из самых тонких и пленительных спектаклей начала 90-х — «Маскарад» Лермонтова с замечательным Арбениным — А. Феклистовым. Честь, ревность, отмщение — все в нем принималось каким-то флером учтивой влюбленности в чужую, неправдоподобно гордую жизнь XIX века, в русский ампир, в русский язык. Редко кому удается весело и нежно тронуть прошлое, как струну, поймать отзвук, собственным голосом отозваться в унисон, — здесь это удалось вполне. Тем обиднее, что прошлым летом МХАТ имени А. П. Чехова ликвидировал 5-ю студию по соображениям, не имеющим отношения к искусству.

Жизнь будущей студии начиналась когда-то с полулегального спектакля «Эмигранты» по пьесе Мрожека: это было острое, нервное, скрупулезное искусство психологического реализма, искусство мелких деталей, живых чувств и многослойных подтекстов. Ставил спектакль Михаил Мокеев — мастер сценической подробности, режиссер из тончайших.

Когда Союз театральных деятелей, еще богатый и мощный, открыл свои «Творческие мастерские» (нечто среднее между инкубатором, полигоном и дурдомом — поле самых неожиданных театральных экспериментов, вызывавших то интерес, то опаску), Мокеев поставил там два совершенно неожиданных спектакля: «О «Преступлении» и «Лес». Его словно подменили: вместо выверенной конструкции и тщательно

продуманного жизнелюбия — раскованная, рискованная, головоломная игра. Одна выдумка в ней теснила другую, сминая иногда смысл и терроризируя зрителя невнятицей. Все казалось неустойчивым и бликующим: ритмы, образы, режиссерские намерения. Но уже в «Лесе» было очевидно: ничто в этих спектаклях не делается зазря. Просто, помимо игры с текстом и со зрителем, мокеевские актеры постоянно ведут какую-то сложную и интимную игру меж собою — не для всех, не для зала. Это принципиально: давать ключи не ко всем шифрам, дразнить, тормозить и взбадривать. Интеллектуальная планка мокеевских спектаклей действительно очень высока — без такого допинга ее не взять.

После «Леса» Мокеев долго работал над «Тремя сестрами» — уже вне «Мастерских». Фирма «Улисс» (не путать с «Лис'сом»!) субсидировала не только выпуск премьеры, но и открытие нового театра. Пошли ей за это Бог процветание и долголетие! Театр Мокеева обещает стать театром не коммерческой, а обыкновенной элиты.

Почти одновременно с труппой Мокеева из «Творческих мастерских» вышел театр «Чет—Нечет», созданный Александром Пономаревым: состав объединения экспериментаторов должен, естественно, обновляться. Пономарева и его актеров взял на содержание уже знаменитый «Дягилевъ Центр». И вряд ли ошибся.

«Чет—Нечет» — театр с узкой специальностью. Он сосредоточенно пропахивает одну-единственную борозду в поле культуры: назовем ее, удобства ради, линией русского абсурда. Гоголь — Хлебников — Хармс и Введенский — Владимир Казаков (замечательный писатель 70-х,

ученик Алексея Крученых, архивист-новатор с непредсказуемыми скачками логики и острейшим чувством трагикомического). И вне «Мастерских» — вновь Хлебников, сверхповесть «Зангези».

Для Пономарева в литературном тексте все сказано и все показано. Строением фраз определяется актерская пластика. Звучанием букв управляются сценические конфликты. Все, что происходит на театральной сцене, — лишь жизнь слова в дополнительных измерениях: в цвете, в линии, в движении. Актер у Пономарева — не столько «носитель текста», сколько человек, текстом несомый, пловец в звукопаде. Само собой, такая театральная концепция не отменяет ни зрелищности, ни щедрого артистизма, но это удивительно дисциплинированная, выверенная зрелищность, щедрость с безупречным вкусом. «Чет—Нечет» совершенно особое театральное наслаждение: не для всех, опять же.

И уж тем более не на всех расчитано нежнейшее, нескончаемое, в особом времени текущее действо Мастерской Клима. Образец и урок учивой театральной свободы. Импровизация на тему счастья. Путешествие в божественных пространствах.

Клим работает в очень тихом и очень чистом подвале на Среднекаретном переулке. Работает медленно — репетиции сами собой перерастают в спектакли; никаких конкретных сроков здесь нет и быть не может.

Он выпестовал актеров, умеющих импровизировать непрерывно. Театральные люди знают, что это вещь принципиально невозможная, недостижимая. Однако театр Клима, по замыслу своему, театр чуда — всегда ожидаемого и иногда совершающегося.

Играя «Ревизора», актеры Кли-

ма с ангельской легкостью перебрасывали друг другу лучистые реплики, случайно и свободно оказавшиеся на губах, — из первого ли акта, из четвертого ли, мужские, женские... И с той же свободой отвечали: всегда впопад, с великолепной точностью и ласковостью смысла.

Казалось, что каждая фраза из комедии (божественной комедии!) обладает тысячью и тысячью значений, облакает любую мысль — безразмерная, таинственная. Казалось, что «Ревизор» — та самая магическая Голубиная книга, где сказано все обо всем, но прежде всего — о любви, которая всему верит, все прощает, все претерпевает.

В этом подвале и вправду все любят друг друга: кто ослабевает — уходит, и не по моральному, а по профессиональному соображениям. Просто ему на долю перестают выпадать те секунды артистической гениальности, ради которых люди и работают с Климом. По шесть, по восемь часов в день. За 300 (триста) рублей в месяц на сентябрь девяносто второго года.

Отыграв «Ревизора», Мастерская Клима стала вчитываться в «Персов» Эсхила и в «Слово о полку Игореве». Что-то прорастет, скоро уже прорастет...

Я позволю себе обойти двух очень талантливых режиссеров — Бориса Юханова (Театр Театр) и Владимира Космачевского (Открытый театр). В октябре, когда я пишу, первый работает над гигантским многодневным спектаклем по «Вишневому саду», второй — над драматургией Клоделя. Что будет с ними, когда выйдет журнал, — не знаю совершенно: люди они оба непредсказуемые, судьбы у них витиеватые... Боюсь ненароком соврать и умолкнуть.

Зато грех было бы промолчать об Иване Поповском, уроженце

Македонии, выпускнике ГИТИСа. Два спектакля им сделанные — «Приключение» М. Цветаевой и «Ваятель масок» Ф. Кроммелинка — едва ли не самое многообещающее начало театральной судьбы на моей памяти. Поповский, как и Пономарев, идет в спектакле от слова, от звука, но ищет прежде всего музыкальную основу речи. Его театр необыкновенно, восторженно певуч, его постановки похожи на гармонизированные сновидения — с причудливыми фигурами, появляющимися ниоткуда, с неожиданными вспышками ассоциаций, с волшебным ощущением невесомости: такая узорчатая, такая вольная жизнь!

Первый спектакль Иван Поповский поставил со студентами ГИТИСа, второй, спродюсированный Культурным центром моды «Пашкин Дом» («Пашка» — это П. Каплевич, дивный художник по костюмам, и теперь, стало быть, кутюрье), с артистами Независимой труппы Аллы Сигаловой. «Приключение» — работа более цельная, «Ваятель масок» — более яркая. Но обе они появились очень и очень кстати — как прививка романтизма, как дерзкая заявка на спектакль большого стиля: долгожданный, необходимый, никому пока не удающийся.

В сущности, новое режиссерское поколение, поколение 90-х, уже определилось и ясно обозначило свои цели. Конечно, они работают не так, как привычно, и не там, где принято. Собственно, резкие свистки — дескать, игра в оф-сайте! — уже не раз звучали.

Отвечать на них нужно по старинке, тихо и вежливо: «Судью — на мыло».

Я, один из постоянных, давних читателей «Смены», хочу рассказать о своей тяжелой жизни — не в назидание, а с одной лишь целью: чтобы живущие в тепле и под надежным родительским крылышком, сытые молодые люди меньше хныкали и стонали оттого, что не могут, к примеру, отдохнуть на Багамских островах или пошниковать в ресторанах, а призадумались бы о ценности данной им жизни да поблагодарили Бога за здоровье.

Когда началась война, мне было три года, брату шесть. В 1943 году получили похоронку на отца, а через две недели мать уехала, бросив нас на бабушку и тетю, инвалида второй группы. Дали нам с бабушкой на троих пенсию — 210 рублей (теми еще деньгами), сколько получала тетя — не знаю, думаю, не больше нас. Как выжить на эти крохи (мне смешно слушать, как сейчас по телевизору о «выживании» толкуют)? Так вот, я надевал на ноги рукава от фуфайки, зашивые внизу, и калоши, ну и брат что-то похуже, а мы шли собирать все, что может гореть в печке: дров-то купить было не на что. Возвращались домой — руки-ноги в тепле отходили, и наш вой был слышен на улице. Сил не было терпеть, да и какие у нас были силы, а на завтра все сначала. Так вот мы и «выживали».

Работать пошел — мне еще шестнадцати не было. Потом армия. Прослужил год, комиссовали, оперировали — отняли две трети желудка, а через пять дней ногу и две трети бедра.

Вот так в тридцать лет я стал инвалидом. К этому времени я был женат, имел двоих детей. Дали вторую группу инвалидности и пенсию 44 рубля 46 копеек. Через год сделал протез, взял третью группу и стал работать. Четырнадцать лет был штукатуром, а теперь пошел на фабрику учетчиком меры. Работа нетрудная, но ходьба — муки да слезы, особенно зимой и весной. Ночью снег выпадет, а я иду утром с ночной и плачу, потому что тащить по сугробам протез сил нет. Но и это не все. В сорок один год мне отняли вторую ногу и две трети бедра. Так и закончился мой рабочий стаж, стал я инвалидом первой группы общего заболевания — самое незащищенное определение. Конечно же, все это результаты голодного и холодного детства. Многие мои ровесники давно умерли. А я вот жив, и умирать страшно. Страшна не смерть, за живых близких страшно. Было у нас с женой, и сейчас есть, три тысячи на сберкнижке, думал, на похороны, но это уже не деньги. Иногда подступает обида, когда видишь, что кто-то легко получает то, что нужно тебе. Впрочем, стараюсь не думать о таких вещах, отгораживаюсь литературой, много читаю. Правда, сейчас книги и журналы такие дорогие, что от цен дух захватывает.

Перечитал я это письмо — надо же, годы мучений уместились в страничку. К чему я это написал? Да просто для того, чтобы люди не кляли жизнь зря, как это стало модно в последнее время, не скулили и не обижали друг друга. Все в сравнении познается. Счастья вы своего не понимаете, молодые, здоровые, красивые...

ВЯЧЕСЛАВ ШЕСТОПАЛОВ,
Иваново

КОНСТАНТИН МАЛАХОВ,
студент Академии биологических
технологий

"Выхожу из коллапса"

Я стою у магазина «Детские товары», что на Хорошевке, и продаю женские сапоги. Приобрел их у знакомого «купца» за три куска*, а продам за три с половиной. Так я зарабатываю, чтобы не просить у предков — им теперь не до меня.

На мне железнодорожная фуражка и галифе: это для маскировки... Ибо на самом деле я студент. Учусь на втором курсе, недавно стукнуло девятнадцать. Много это или мало? Если подсчитать, что я появился на свет еще в первые годы «застоя», то, конечно, много. Если же учесть, что в жизни, по сути, ничего не успел...

Может, не в ту эпоху родился? Думаю, в наши времена и самым «замечательным» пришлось бы туго, хотя, судя по книжкам, которые о них пишут, такие были ста-

* Цены на сентябрь 1992 г.

рательные и способные мальчики!

...Я Цицерона по-латыни не читал — в школе не учили. Скажу по-русски: «О времена, о нравы!» Одна «перестройка» чего стоила. Запомнились только километровые очереди за водкой. Поставили гениальную задачу: запретить обществу пить. А общество искало решение — как бы достать вина. А потом все рванули на митинги — начался «разгул демократии». Все будто с ума посходили. Может, и я рехнулся бы со всеми, но меня от этого бреда спасла болезнь. Остеомиелит. Почти на два года отключился.

Философы утверждают, что человеком движет страдание. Если это так, значит, я и в больнице продолжал куда-то двигаться. Причем с гораздо большей скоростью, чем в прежней жизни. Но это я сейчас так думаю. А тогда мне казалось: время остановилось, и жизнь потеряла всякий смысл. Боли были страшные. Кажется, я их переносил лишь потому, что толком не знал — насколько серьезна моя болезнь. Если бы знал, может быть, и умер.

Многим людям болезнь тягостна еще тем, что отрывает от важных дел: один не закончил картину, другой не дописал книгу, третий не успел достроить дачу... У меня, четырнадцатилетнего, особо важных дел не было. Не считать же занятий в театральной студии, где как раз перед болезнью я получил роль Лудильщика в политической сказке Джанни Родари. Этот рабочий чинил кофейники и без конца болтал про неравенство. Корчась в болях, я вдруг ясно понял, как ничтожна эта роль — ведь неравны только больные и здоровые.

Почему столько говорю о болезни? Ведь нынче я здоров... Да потому что с самых ранних лет решил стать врачом. Помню, когда

я учился в шестом классе, в нашем доме какой-то человек выбросился из окна.

Думайте что хотите, но смерть этого несчастного мне была совершенно безразлична. А вот мозги, оставшиеся на асфальте после того, как мертвого увезли, я аккуратно собрал в бумажный кулек и унес домой. Меня занимало одно: что помещается в человеческой голове?

Итак, я хотел стать врачом. И вот неожиданно-негаданно попадаю в царство волшебников моих детских грез. Но эти «волшебники» бессильны: не могут поставить меня даже на костыли. Восемь раз диагноз меняли — каждый свое лечение назначал. И все без толку. В больнице я узнал поразившую меня вещь: врачи — это тоже люди, причем среди них попадаются даже идиоты. Но тогда я еще был дурак, и все удивлялся: эти-то что здесь делают? Откуда взялись?

А спас меня обыкновенный ветеринар. Из тех, кого раньше называли коновалами. Однажды, когда моя мать была уже в полном отчаянии, кто-то подсказал ей адрес: село Калиновка в Винницкой области, спросить Василия Яковлевича Полищука.

Честно говоря, я тогда не понял, что этот кряжистый молчаливый дядька для меня сделал. Дал каких-то травяных настоев, указал, что принимать, что втирать. И все! Конечно, я ему не поверил. И только позже, когда помогло, вспомнил его слова: «Живое надо живым лечить».

Впрочем, на этом не кончилось. Года три еще жил под десятком запретов: ходи медленно, то-то не ешь, в реке не купайся... Все исполнял. Для матери. Сам-то уже ничего не боялся — болезнь отняла чувство страха.

Вздоровев, я, конечно, тут же

забыл своего спасителя: ведь юность не знает благодарности. А снова вспомнил уже совсем при других обстоятельствах...

Несмотря на больничные разочарования, после школы все же решил поступать в медицинский. И тут вдруг понял, откуда среди врачей берутся бараны. С одной стороны, вроде бы странно, — 20 абитуриентов на место, выбирай — не хочу. А с другой... Пролетел слух, что из двадцати на место — десять «блатных». Я не романтик. Время, в которое живем, делает рациональным. Чего соваться, если шансы ниже нуля? Но поступать надо. И не только потому, что желаю стать врачом, срок подходит — в армию заберут!

Тут мать сообщает: «Бывший мясо-молочный переквалифицировался в институт прикладной биотехники. Там есть даже кафедра для тебя подходящая — ветеринарной санитарии. Пойдешь?» Я сначала разорался — мол, что же на этой кафедре для меня подходящего? А она: «Между прочим, тебя не хирург, а ветеринар вылечил». Задумался. И — будто ангел толкнул — подал документы. Оказалось, что и здесь конкурс — человек пять на место. Не добрал до проходного балла. Но сообщают, что есть еще три места, на одно из которых могут принять с моими баллами, да таких, как я, еще пятьдесят! И снова мой «ангел» меня толкает: иди к декану. Пошел. И все как на духу, ему рассказал — и про свою бывшую болезнь, и про своего спасителя. Декан слушал вроде бы без интереса. И вдруг спрашивает: «А вы кого лечить собираетесь? Людей или животных?» Отвечаю: «Больных. Кто болен — того и лечить надо». Он усмехнулся, я понял — все пропало. А потом свою фамилию в списках увидел...

В моей группе учатся 20 человек. Все на своем месте. Один я, так сказать, случайный. Почти все пришли сюда, пролетев в ветеринарную академию, — там тоже «блатных» навалом... Почти все москвичи либо из ближнего Подмосковья — в общем, горожане. Как же так, спросите вы, зачем они на ветеринаров учатся, если коров и лошадей до сих пор только в кино или из окна поезда видели?

Однако все нормально. Иначе говоря, в духе времени. Кроме коров, есть ведь собачки и кошечки. За последние десять лет в Москве, например, количество домашних животных в шесть раз выросло. За породистых щенков и котят баснословные деньги платят. А уж коли такие деньги заплатил — будешь и холить, и лелеять. Короче, животных в городе миллион, а ветеринаров... Вот и выходит, что городской ветеринар — дело очень перспективное. Без куска хлеба уж никак не останешься.

Но, справедливости ради, скажу, что наши ребята животных и в самом деле любят. Конечно, «бабки» зарабатывать — это первое дело, этого только наши предки никак не могли в толк взять — их еще в школе учили, как быть бедными. Однако без симпатии к «меньшим братьям» тоже нельзя: долго не протянешь и, само собой, много не заработаешь.

Впрочем, если уж совсем откровенно, наше отношение к профессии своего рода «брак по расчету». Мое поколение не из фанатов. В нашей группе лишь одна «белая ворона» учится. Эта студентка живет в общежитии, но ей со всей округи носят битых щенков и галчат. Одного птенца даже на лекции носила — его надо было кормить через каждые полчаса.

Каково наше имущественное по-

ложение?.. Ну, тут вы, наверное, уже и сами догадались: ведь богатые учатся совсем в других вузах. Эти на кафедре ветеринарной санитарии не пойдут, если бы даже сдуру захотели — родители не пустят. Да, мы не элита. Это раньше, при большевиках, таких, как мы, иногда даже в МГИМО принимали — создавали иллюзию равенства. Нынче же все решают только богатство и связи — такова уж наша демократия. Кто-то ее окрестил «диким капитализмом». Помоему, верно. Но меня лично это не пугает: все цивилизные страны прошли через «пещерную» стадию развития... Во всяком случае, теперь, когда все встало на свои места, я знаю, чего хочу: я не хочу быть бедным.

При этом я не завидую своим сверстникам, которые уже ездят на иномарках. Не завидую. Потому что они ездят на чужих машинах. А я хочу ездить на своей!

Я без комплексов: могу в одних носках пройти по Красной площади. Если, конечно, дадут гарантии, что милиция не сделает меня инвалидом...

Хотя таких гарантий сегодня никто не даст, даже Указ Президента. Тут-то и возникает вопрос: на кого и на что я надеюсь? Ни на кого и ни на что. Я не верю даже в свое поколение — оно ведь тоже пока между небом и землей. Сегодня каждый может надеяться только на самого себя. И пусть будет что будет. Я не из мечтателей, я не думаю о будущем. К чему заранее переживать то, чего еще не случилось? А у нас в стране большинство только этим и занимается. Как в сказке «Умная Эльза». Там она сидит и гадает: что будет, если эта кирха вдруг упадет и убьет ее ребенка? Бесплодные мысли. Такие же бесплодные, как и мысли о прошлом.

Где наше прошлое? Смотришь

телевизор, читаешь газеты — всюду одно и то же: вроде вчера мы и не жили вовсе. И сегодня не живем, а только еще хотим жить.

Хотим, например, верить в Бога. Казалось бы, чего проще — верь. Чуть не на каждой улице храмы открываются: входи. Иногда захожу. Но молиться не могу. Мать меня еще ребенком исподтишка крестила, но от этого я верующим не стал. И вряд ли стану. В наших жилах течет кровь атеистов, мы дети и внуки массовых движений. Вера в Бога — вещь глубоко индивидуальная. Мы же и к Богу хотим идти колонной. Верить — не верим, а крестики на грудь, на серебряных цепочках, все, как один, повнашали. Нынче это модный стандарт: юноши без креста у девушек не котируются. И наоборот.

Я говорю «мы». Но теперь это не совсем так. Я недавно свой крест снял — решил выйти из коллектива.

Смогу ли я жить один? Вполне. Смогу даже без семьи. Вот только мать жалко: если уйду, лишу ее светлых перспектив — ведь она, наивная, до сих пор меня планирует.

Что касается заработка на жизнь, тут меня моральные вопросы не волнуют. Для бедного студента все средства хороши. Кроме, пожалуй, воровства. А когда я спекулирую, моя совесть чиста. Покупают-то по своей воле. Здесь я заодно с О'Генри. Помните «Трест, который лопнул»? «Когда я беру у человека деньги, я даю ему что-то: либо речной песок под видом порошка, либо воду под видом пива, либо хотя бы надежду, что из того, что я ему дал, что-то получится».

Есть у меня приятели, которые, не выдержав такой жизни, смылись за рубеж. И я бы мог, но никуда не поеду. Не потому что

такой уж патриот. Просто уверен, что человеку на этой земле нынче нигде не лучше — даже в самых демократических Штатах.

Как-то в одной компании затеяли игру в желания. Каждый имел право загадать себе то, чего ему больше всего хочется, но не больше трех. Предложили и мне. А я вдруг растерялся, ничего в голову не шло... Так и остался без желаний. А что было выбирать: деньги, власть, любовь? Все это уже до меня выбрали.

Некоторые астрологи предсказывают, что в нашей стране все изменится к лучшему лет эдак через двадцать, когда к власти придет мое поколение. Ох, уж эти мечтатели! Верят в кого угодно, только не в себя...

Ладно, придем и спасем. Если еще раньше не начнется Второе Пришествие.

АЛАН НУРС

152

ПОШТА

Рисунок БОРИСА СОПИНА

П роваляясь в черноту Млечного пути, космический корабль стремительно преодолевал пространство. Его путешествие было долгим. И вот, наконец, близка цель — третья планета Солнечной системы.

Возле навигационных приборов сидел Дональд Шавер, иногда поглядывая на схему Космоса. Вдруг лицо его побледнело, и дрожь сотрясла узкие плечи.

С размаху открыв дверь, в рубку вошел светловолосый великан. Дружелюбно улыбувшись, он зычно произнес:

— Ну как, Донни! Выбрались ли мы, наконец, из этой чертовой космической дыры, а? Что скажешь?

Улыбаясь, он привычным взглядом окинул пульт со светящейся красной точкой, посмотрел в иллюминатор, и от удовольствия потер руки:

— До Земли не так уж и далеко!

— Я хочу домой, — тоскливо произнес Шавер.

— Не только ты, но и восемьдесят других парней. — Светловолосый гигант рассмеялся: — Не волнуйся, мы близки к цели. Еще несколько дней и...

— Я хочу быть дома сейчас же! — тонким мальчишеским голосом закричал Шавер.

У него перехватило дыхание, и дрожь волной прошла по всему телу. Блондин встревоженно посмотрел на него:

— Донни, — сказал он мягко. — Что случилось, парень?

— Мне плохо, Скотти. Я совсем болен. Пожалуйста, вызови доктора.

Снова дрожь сотрясла его тело. Руки, вцепившиеся в край стола, разжались, и Шавер начал падать.

С неожиданной для своего роста ловкостью гигант подхватил его и бережно положил на палубу.

— Держись, Донни, — прошептал он. — Все будет в порядке.

Шавер вдруг согнулся, задыхаясь в приступе кашля. Лицо его посинело. Тело задергалось в конвульсиях. Внезапно он затих.

Скотт, метнувшись, схватил телефонную трубку:

— Немедленно соедините меня с центральным пультом. Скорее пошлите сюда доктора! Мне кажется... — Широко открытыми от ужаса глазами гигант посмотрел на неподвижное тело. — Мне кажется, он умер!

Вытянув длинные ноги, доктор Джон Крофорд сидел в удобном кресле, курил и хмуро смотрел в иллюминатор. Трехдневная щетина и огромная копна нечесаных волос придавали ему неприятный вид. Один из членов экипажа назвал его за внешний облик «многодумом». Он был худ и долговяз, но, если бы побрился и причесался, его можно было бы назвать красивым.

Он сидел здесь уже около часа, мрачный, встревоженный. Впервые за долгое время полета доктор чувствовал себя усталым и одиноким. Тонкие пальцы машинально перебирали медицинские карточки.

Этот человек казался слишком большим, когда шел коридорами космического корабля. Речь его была вялой, некоторым он, возможно, казался слишком дотошным и даже придиричивым. На самом же деле Крофорд был внимательным к каждой мелочи врачом-аналитиком. Не случайно на его кораблях не бывало массовых заболеваний. А на других... Болезни зачастую выкашивали чуть не половину экипажа.

Доктор смотрел на черный бархат неба, усеянный яркими звездами. Полет нельзя было назвать удачным. Пожалуй, это даже слишком мягко звучит. Ничемное путешествие от начала и до конца. Сколько было ожиданий, надежд... А в результате ни одного открытия. Этот полет не принесет им славы. Столько потрачено усилий и — ничего стоящего, мало-мальски значительного. Ничего. До самого последнего мгновения.

Он снова задумчиво уставился на карточки. Их принес взволнованный лаборант Йенсен. Крофорд просмотрел результаты анализов — от удивления и страха спазматически сжался желудок.

...Вскочив с кресла, он выглянул в полутемный коридор, ведущий к каюте капитана Джеффи. Сквозь неплотно затворенную дверь пробивался свет. Значит, капитан у себя. Руки Крофорда мелко тряслись.

Маловероятно, что капитан его поймет, но выбора не было.

Входя, доктор нагнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, и направился к капитану. Круглое темное лицо Роберта Джеффи озарилось улыбкой. Как ни старался, доктор Крофорд не мог ответить тем же — он был слишком озабочен. Капитан посерьезнел.

— Что случилось, док? — спросил он, когда Крофорд уселся в кресло.

— У нас большие неприятности, Боб.

— Неприятности? Когда полет вот-вот окончится? — Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла. — Не выдумывай. Что может случиться?

— У нас на борту необычный человек, Боб.

Капитан, подняв брови, недоуменно пожал плечами:

— У нас на борту восемьдесят один необычный человек. Именно поэтому они и отправились в такой полет.

— Я говорю совсем не об этом... Случилось нечто из ряда вон выходящее, Боб. У нас на корабле живет крепкий здоровый парень, который по всем данным должен был давно умереть...

— Что за странные для доктора вещи ты говоришь? — осторожно спросил капитан. — Что ты имеешь в виду?

— Это как раз здесь. — Крофорд помахал карточками. — Здесь результаты лабораторных анализов. Как тебе известно, я приказал провести полное обследование каждого члена экипажа за день до взлета с Венеры. Обычная процедура — мы должны быть уверены, что никто не подцепил заразы. Кроме того, после взлета у каждого взяли на анализ кровь, мочу и так далее. И получили неожиданный результат...

Закурив сигарету, капитан Джеффи напряженно смотрел на доктора.

— Экипаж состоит из восьмидесяти одного человека. У восьмидесяти все анализы в норме. Они обычные люди. Но один... — Крофорд постучал по карточкам тонким пальцем. — У него содержание хлоридов, кальция, соотношение белка и глобулина тоже было в норме. Но вот анализ крови на сахар... У этого человека в крови не было сахара! Никакого следа!

Капитан Джеффи от удивления широко раскрыл глаза.

— Погоди, погоди. Я не врач, и то знаю, что...

— Что человек без сахара в крови не может жить. Ты прав. Но это еще не все. Мы взяли пробу на креатинин. Если его содержание составляет 10 миллиграммов на 100 кубических сантиметров крови, то человек в опасности. Если выше 25-ти, то человек погибает. — Он помолчал, смахнул со лба капельки пота. — У этого же содержание креатинина — 135.

Удивленно посмотрев на доктора, капитан взял лабораторные карточки и стал молча их рассматривать.

— Может быть, ошибка? Или реактивы подпорчены...

— Исключено! — твердо заявил Крофорд. — Результаты анализов мы получили вчера. Естественно, я тотчас пригласил этого человека в лабораторию. Здоровый вид, хорошее дыхание... Я на всякий случай сверил номер и сличил отпечатки пальцев, чтобы исключить путаницу. Взял больше крови, сделал анализ сам и попросил проверить Йенсена. Меня поразило то, что я обнаружил: кровь у него была абсолютно нормальной!

У капитана Джеффи дрогнули пальцы:

— Мог ли состав крови так быстро измениться?

— Исключено. И тем не менее это произошло! Всего за двадцать часов между двумя анализами!

Загудел селектор. Капитан прижал трубку к уху.

— Хорошо. Немедленно идем! — И обратился к доктору: — Ты действительно обнаружил нечто необычное. Этот человек только что умер прямо в навигационной рубке. Его звали Дональд Шавер.

Без сомнения, человек был мертв. Доктор Крофорд расстегнул на его груди рубашку. Тяжело вздохнув, сказал высокому блондину:

— Очень сожалею, Скотти. Он был уже мертв, когда ты позвонил.

Глядя на неподвижное тело, Скотт растерянно сжимал и разжимал кулаки.

— Могу поклясться, что он был в полном порядке. Я его видел почти весь день и ничего такого не замечал. До последних двадцати минут...

Засунув руки в карманы, капитан спросил:

— На что это похоже, док?

Жестом выпроводив Скотта из рубки, доктор повернулся к Джеффи:

— Лабораторные анализы при тебе? — Капитан протянул ему карточки. Доктор схватил их. Глаза его сузились. Он тупо читал: «Сахар в крови — ноль, уровень креатинина — около 130. Он должен был умереть...»

— Так это тот человек, о котором ты говорил? Мне кажется, ты сказал, что у него все анализы в норме.

Глядя на труп, доктор Крофорд нахмурился:

— Извини, капитан, но это не тот человек!

— Не тот человек? Так кто же?

— Человека, о котором я говорил, звали Вескотт. При обследовании он оказался совершенно здоровым.

— Док, мы в чем-то ошиблись. Мы должны понять, в чем. Не говорит ли эта непонятная болезнь о том, что наш экипаж был заражен?

— Глупости! — резко бросил Крофорд. — Мы произвели посев культур, прежде чем хоть один человек покинул корабль на Венере. Людей, побывавших на поверхности, проверяли в течение трех месяцев, и каждого обрабатывали ультрафиолетом, прежде чем он вернулся на корабль. Не наблюдалось проявления никакой болезни, все люди были здоровы. А по-твоему, выходит, больны?

Капитан вздрогнул:

— Я видел, док, другие корабли, подобные вернувшемуся с Титана. С зараженным экипажем. Вспомни вирус, разъедавший их легкие и распространившийся по кораблю за шесть часов. Подумай, док, не происходит ли у нас подобное?

Не слушая его, Крофорд наклонился над трупом. Осмотрев глаза и уши, он долго вглядывался в руку. Затем хлопнул себя ладонью по бедру и пробормотал:

— Какая глупость... Мне кажется, я уже видел этого парня... Дай-ка мне еще раз посмотреть на карточки.

Он тщательно просмотрел их, сверил с теми, что вынул из своего кармана:

— Невероятно, Боб, здесь не отмечена болезнь.

— Но если он и Вескотт заразились, и этот человек умер...

— Этот человек никогда не соприкасался с поверхностью Венеры, не вступал в контакт с чем-либо. Через три дня после взлета с Земли его поместили в изолятор с инфекционным монокулезом. Пока мы находились на Венере, он лежал в постели. Последний укол я сделал ему вчера утром. Он никогда не покидал корабль.

— В таком случае я не понимаю... — растерянно произнес капитан Джеффи.

— К сожалению, я тоже. Да-а, что-то неладное происходит на корабле. Но к болезни это не имеет никакого отношения...

Началась ночная вахта. Доктор Крофорд приготовил кофе. Капитан Джеффи нервно шагал взад-вперед по каюте. Наконец опустился в кресло. Доктор достал бутылку рома и плеснул ему в кофе.

— Совсем немного, — сказал он мягко. — Ты слишком волнуешься.

Джеффи отхлебнул напиток и проворчал:

— Не могу не волноваться. Это мой космический корабль, и я отвечаю за всех людей. Этот полет может поставить крест на

моей карьере капитана. Посуди сам — путешествие было самым бесплодным, самым безрезультатным космическим предприятием, из когда-либо осуществленных. Мы исследовали планету, ее поверхность и атмосферу. Произвели без успеха посев культур. Сделали все, а каков результат? Формы животной жизни? Нет. Растительная жизнь? Полностью отсутствует. Ценные минералы? Пусто. — Его голос зазвенел. — Мы получили полную картину планеты. Составили отчеты, упаковали образцы и взлетели. Чтобы получить такие данные, не стоило затевать дорогостоящий полет. С таким же успехом мы могли бы сидеть дома. А теперь, когда мы почти на подходе к земной орбите, начинается непонятная болезнь...

— Запомни раз и навсегда, Боб, — живо откликнулся Крофорд, — нет ничего, напоминающего болезнь. Пойми, обмен веществ у человека может приспособиться к разным условиям существования. Но нет в нашем мире таких условий, при которых сахар в крови живого человека может подойти к нулю. Еще задолго до этого он умрет. То же самое и с креатинином. Живой человеческий организм не может создать такую чудовищную концентрацию — 135 миллиграммов.

— Но я уверен, что болезнь инородная.

— Нет. Подобный феномен невозможен в метаболической системе человека. Это нечто иное. Но что?

Долгое время Крофорд молча наблюдал через иллюминатор черноту космоса. «Как одинок в нем маленький корабль, сплав человека и машины», — думал доктор. — «Ничтожная щепка... Но она пролетает через недосигаемое ранее пространство...»

— Можно сделать только один возможный вывод, — наконец заговорил он. — Я не знаю, что такое Роджер Вексфорд сейчас, но он не был человеком!

Джеффи вскочил. В глазах блеснула тревога. Он невнятно пробормотал:

— Слушай, док. Это же... безумие. Полный идиотизм.

— Без сомнения, идея безумная. Но давай, капитан, предположим, что планета совсем не мертва, как мы думаем. Предположим, там существует разумная жизнь, высокоразвитая, легко приспособляющаяся к любым условиям. Мы прибыли к ним нежеланными гостями и сами находились под наблюдением разумных существ, по разным причинам не желавших, чтобы их обнаружили. Предположим, что те районы планеты, которые мы исследовали, были так подготовлены, чтобы мы ничего не увидели и отправились домой с пустыми руками, как и прилетели. И предположим, в оправдание сказанному, что их формы разумной жизни не обладают такой жесткой анатомией, как наша. Скажем, они что-то вроде студенистой протоплазмы, способной видоизменяться под влиянием условий существования. Возможно, они способны превращаться в то, что хотят скопировать. И наблюдали за нами, приняв облик скалы, глины или... человека.

Взъерошив волосы, Джеффи испуганно посмотрел на доктора:

— Чушь! Я видел эту планету собственными глазами. Там ничего не было!

— Пусть будет чушь. — Крофорд согласно кивнул головой, но в его голосе чувствовалась убежденность. — Если эта чушь — правда, то можно предположить следующее. Жители Венеры хотели больше узнать о нас, о космическом корабле, о нашей планете. Каким образом они могли бы это сделать? Скажем, один из них отправился в чуждый мир, приняв облик человека. Не исключено, что убив Роджера Вескотта, он скопировал его наружность, его поведение, уверенный, что мы не отличим подделку от Вескотта и, естественно, возьмем его с собой.

Но он мог ошибиться в копировании. Не знал вначале состав человеческой крови. Это все-таки требует времени. И он отправился с нами идеальной копией. Внешне. Что же касается внутреннего строения... У него была взята на анализ кровь, какой не бывает, не может быть. Он узнал о своих ошибках и постарался их исправить. Возможно, с помощью убийства человека — Шавера, например. И в его облике «умер», чтобы мы думали, что причина смерти — таинственная болезнь. Самому же надо постараться провести оставшееся время полета, изображая труп... Предположим, что это было так...

— Предположим, что это было так, — пробурчал капитан. — Значит, Вескотт — не Вескотт... Но как ты сможешь это доказать?

— Хороший вопрос. Мы не знаем, на какие «подделки» способны жители Венеры, и не знаем, как они добывают необходимую информацию. Но, предположим, он проникает в тело человека, изучает каждый нерв и клеточку, химические соотношения, механизм сознания. В таком случае копия должна быть без изъяна, выглядеть, как прототип, реагировать, как он, до последней клеточки быть им. Кроме чужого сознания, разумеется. Им движут свои принципы и интересы. «Подделка» может быть совершенной во всех отношениях.

Капитан и доктор посмотрели друг на друга. Оба они почувствовали страх и беспомощность. Джеффи задумался.

— Они могут причинить большое зло, не так ли? Делать что-либо подобное можно только с недобрыми намерениями, верно?

— Да.

— И мы можем это привезти домой?

— Да.

Капитан поставил чашечку с недопитым кофе.

— Док, ты уверен, что твой бред — правда?

— Боюсь, что да.

— Но что мы в состоянии сделать?

После долгого молчания Крофорд произнес:

— Не знаю. Пока не знаю. Но у меня возникла догадка. Хочу попытаться проверить на Вескотте. Я еще не слыхивал о подделке, которую нельзя было бы обнаружить. Вызови, пожалуйста, его.

Постучав, в каюту вошел розовощекий голубоглазый парень. В руке шляпа, голова гордо вскинута, смотрит уверенно.

— Роджер Вескотт прибыл по вашему приказанию, сэр!

Бросив предостерегающий взгляд на побледневшего капитана, доктор Крофорд оглядел вошедшего. Это был обыкновенный здоровый, жизнерадостный парень.

— Я просил тебя вызвать. Какую работу ты выполняешь на корабле?

— Навигационную, сэр. Я работаю со Скоттом Мак Интайром и... работал с Доном Шавером.

Доктор переложил листок бумаги из руки в руку.

— Ты дурак, Вескотт! — резко произнес он. — Должен был понимать, в каком месте пытаешься воровать!

Парень растерянно взглянул на доктора. В каюте установилась напряженная тишина.

— Пытаться воровать? Я... я не понимаю.

— Ты хорошо знаешь, что я имею в виду. Деньги, собранные для вдовы Шавера, две тысячи кредитов, лежали в конверте на моем столе. Час назад я вышел из каюты. Через шесть минут ты вошел и сразу удалился. Деньги исчезли вместе с тобой. Не думаешь ли, что для тебя было бы лучше их вернуть?

Лицо парня вспыхнуло. Он умоляюще посмотрел на Джеффи, потом на доктора:

— Сэр, я не понимаю, о чем вы говорите! Меня послали в вашу каюту, вас там не было, и я сразу вышел. Я не видел никаких денег.

— Тебя послали? Я догадываюсь... Пойми, Вескотт, кроме тебя, никто в каюту не входил. Ты должен понять, что будет проще, если сейчас же вернешь деньги. Это мое последнее слово. Мы выследили тебя и хотим, чтобы ты вернул деньги.

— Доктор, я ничего об этом не знаю. — Вескотт умоляюще посмотрел на Джеффи: — Капитан, вы были моим руководителем с самого начала моей службы. Вы же знаете, я не брал эти деньги. Я... я не способен украсть!

Капитан отвел глаза:

— Ты слышал, что сказал доктор... Думаю, тебе лучше последовать его совету.

С несчастным видом Вескотт переводил взгляд с одного на другого. На глазах выступили слезы.

— Вы не верите мне, — сдавленным голосом произнес он. — Считаете, что я лгу... Клянусь, я не брал эти деньги! И как я их могу вернуть обратно — у меня нет двух тысяч кредитов...

Доктор в негодовании хлопнул ладонью по столу:

— Ладно, Вескотт! Возвращайся на дежурство. Мы обыщем весь корабль. Деньги здесь, на борту, и мы докажем, что их взял ты. Мы найдем их, и тебе плохо придется.

Парень удалился с поникшей головой.

— Я не могу позволить разыгрывать подобные штучки! — вскричал капитан. — Это низко! Я не представлял, чем это обернется, пока не увидел парня. Это жестоко!

— Мы имеем дело с чем-то еще более жестоким. Разве обязательно видеть то, что наводит ужас? Разве радиация менее ужасна оттого, что ты ее не видишь? Или чума, полиомиелит? Обо всем этом я думаю до изнеможения. Прямо скажу, Боб, я в таком ужасе, что не могу спать. Эта безжалостная креатура

здесь, она свободно бродит по кораблю. А мы не только не можем ее обезвредить, но даже обнаружить. Если бы ее намерения были дружелюбными, она бы вела себя иначе. Ты не можешь этого не понимать. Она совершила два убийства, два, и вернется на Венеру, где двое из нашего экипажа лежат мертвые. И эта «подделка», о которой мы говорили, убила их!

— Но он выглядит абсолютно нормальным. И поведение естественное...

— Послушай, Боб! Неизвестно, какие ужасные вещи он может натворить на корабле, если мы его не разоблачим. Мы же не знаем его сил и способностей. Но здесь он по крайней мере ограничен в действиях. А что будет, когда вернемся на свою планету?.. Мы не имеем права привезти его с собой!

— В таком случае сообщим экипажу, предупредим, чтобы остерегались...

— И потеряем возможность поймать его... Не будь наивным, Боб. Думаю, найду способ подстроить ловушку. Пока это только рассуждения, но, кажется, я что-то придумал. Разреши мне попытаться.

На лице Джеффи выразилось отвращение.

— Хорошо,— произнес он неохотно.— Надеюсь, что ты окажешься прав, ибо на корабле нет более оскорбительного слова, чем «вор».

— Есть еще худшее,— спокойно сказал Крофорд.

— Какое же?

— Шпион!

Когда капитан Джеффи и доктор Крофорд поднялись на возвышение, гул голосов в офицерской столовой стих.

— Я собрал всех, чтобы сообщить, что среди вас есть вор! — Голос Джеффи звучал резко. Рокот негодования поднялся среди экипажа. Взгляды устремились на капитана.— Деньги, собранные для вдовы вашего товарища, украдены — две тысячи кредитов.— Он переждал взрыв возмущения.— Если виновный вернет деньги доктору Крофорду, он не будет наказан. Пока деньги не найдутся, все передвижения на корабле воспрещены, игровые комнаты и библиотека закрыты. Даже когда мы приземлимся в Лос-Аламосе, ни один человек не покинет корабль, пока деньги не будут найдены. Все свободны!

Собравшись группами, люди возбужденно переговаривались, возмущались, грозили расправиться с вором. Крофорда как хлестнуло: он представил, что значит это клеймо для члена экипажа.

Возвращаясь в свою каюту, он увидел бледного Роджера Вескотта, стоявшего в одиночестве.

«Это единственное, что я мог сделать,— в сотый раз внушал себе доктор Крофорд.— Я должен так поступить и как врач, и как представитель человечества. Но капитан прав — так поступать низко... если Вескотт человек...»

В его голове мелькали картины: избитое лицо Вескотта... презрительные лица команды... ужас в глазах капитана. Если бы

он мог рассказать все, что терзает его мозг, рассказать, ради чего это затеял! Если бы он мог со всеми разделить свою ношу! Но она целиком его...

Вескотт — подделка человека, умерщвленного на Венере... Но если он ошибается, настоящий Роджер Вескотт будет носить клеймо вора всю оставшуюся жизнь... Неужели он, Крофорд, ошибается?

Он взглянул на табло, показывающее время, оставшееся до приземления.

Доктор Крофорд принял решение.

Когда он шагал к изолятору, кулаки его были так крепко сжаты, что ногти почти впились в ладони. В лаборатории он запер за собою дверь и начал осматривать полки с реактивами, разыскивая бутылочку с белым порошком. Найдя, положил ее в карман.

— Боже, пожалуйста, не дай мне ошибиться, — бормотал он, тяжело дыша. — Пожалуйста, пожалуйста...

Человеческое тело неподвижно лежало на палубе. Глаза были закрыты, но чуждый, злой мозг напряженно пульсировал, посылая лучи жестоких мыслей, разыскивая в глубинах корабля родственный мозг. И тот откликнулся:

— Мы должны возвращаться... возвращаться... Мы обнаружены... он напал на след...

— Ни за что! — коротко и гневно послал сигнал первый мозг.

— Сейчас самый выгодный момент. Иначе мы будем далеко от дома, и никогда не сможем отсюда вырваться.

— Изменник! Трус! — заходясь в пароксизме злобы, вопил мозг. — Я тебя уничтожу!

— Но он выследил меня, этот доктор. Что он пытается сделать? Я скопировал человека очень тщательно, он не мог меня разоблачить, но все-таки что он пытается сделать?

Вернулся презрительный отклик:

— Доктор болван, безмозглый олух! Ничего он не сможет.

— Но он что-то задумал! — в страхе металась ответная мысль. — Мы должны вернуться назад. Я ничем не отличаюсь от человека, но он подозревает...

Главный мозг, казалось, задохнулся в глумливом, жестком смехе:

— Он же не выследил меня, верит, что я человек. Он глуп. Не бойся. Скоро они приземлятся. — Мысль как бы вскипела в отворотительном восторге: — Подумай о множестве людей, в которых мы проникнем. Как это будет великолепно! Они попадут в нашу власть, мы захватим их корабль, возьмем их всех с собой.

— Но доктор... Мы должны убить его...

— Ни в коем случае! Они не посадят корабль, сожгут его, если заподозрят неладное. Нет, доктор, ха-ха, очень умен, пусть развлекается своими «ловушками». Не бойся!

— Но он загоняет меня в угол — не знаю, как, но ясно чувствую... Мы должны вернуться, вернуться, пока еще можем...

Злобный мозг как бы корчился от смеха, рассыпая в разные стороны ненависть.

— Не бойся, ты не один.

— Надеюсь, ты доволен, док? — угрюмо произнес капитан Джеффи. — Весь экипаж взбудоражен. Так затравили бедного Вескотта, что он не знает, куда деваться. Какова цель этой затей? Если бы я знал, было бы легче. Дело зашло слишком далеко. Я почти не сплю — постоянно вижу затравленного Вескотта, и чувствую себя Иудой.

Он протянул руку, чтобы взять у доктора зажигалку. Крофорд дернулся, будто его ужалили:

— Не прикасайся ко мне!

Джеффи в испуге усталился на него. Доктор, тяжело вздохнув, пододвинул зажигалку:

— Извини. Я подпрыгнул как испуганная кошка. У меня разыгрались нервы, замучили кошмары. Я боюсь всех и самого себя. Не забывай, Боб, Роджер Вескотт погиб совсем недавно под палящим солнцем Венеры. Я не ошибаюсь. Вот увидишь, все это не может долго продолжаться. Единственное, что мне нужно, — время и некоторое количество известного только мне порошка. И я получу ответ.

Он стоял, опасно поглядывая на дверь.

— Можешь ты наконец сказать, что ищешь?

— Извини, — ухмыльнулся доктор. — После того, что я узнал, почему не предположить, что и ты «подделка»?

«Идиот! — возмущался собой доктор, направляясь в изолятор. — Идиот, идиот, идиот! Так проговориться! Дать понять капитану, что Роджер Вескотт, возможно, не единственная «подделка» на борту. И он, доктор, об этом догадывается! Нет, впредь он не позволит себе такой ошибки. Никто не должен знать о его подозрениях».

За дверью изолятора послышались шаги.

Вошел Роджер Вескотт. Парень осунулся, глаза запали. Доктор усилием воли подавил возникшую жалость.

Несколько мгновений парень молча смотрел на него, затем сдавленно произнес:

— Доктор, я не брал деньги, и вы знаете: я не брал. Прошу, прекратите это!

Вскинув брови, Крофорд высокомерно спросил:

— Что — это?

— Обвинять меня в воровстве. Вы знаете, что я не вор. Вы начали эту клевету, и вы единственный человек на борту, кто может ее прекратить. В последнее время я не слышал ни одного человеческого слова. Больше не смогу это вынести.

— За человеческим сочувствием ты обратился не к тому человеку. Попытайся найти его в другом месте.

Поблуднев, Вескотт закусил губу:

— Я больше не могу все это вынести, доктор. Если вы не прекратите, я повешусь.

Крофорд пожал плечами, насмешливо улыбнулся и холодно произнес:

— Ну что же, Вескотт, сходи с ума, вешайся, не буду мешать. Ступай.

Со слезами на глазах юноша удалился из лаборатории.

Вздыхнув, доктор выдвинул ящик стола и достал маленькую бутылочку. Она была почти пуста, только немного белого порошка осталось на доньшке. «Тебе лучше со мной не связываться, детка», — прошептал он, покачивая головой.

— Экипажу объявляется предпосадочная готовность! Приготовиться к уменьшению скорости в течение трех часов, — передала команду капитана трансляционная установка.

Осунувшийся, с воспаленными глазами доктор находился в каюте капитана Джеффи. Положив большой черный конверт ему на стол, он опустился в кресло.

— Значит, через несколько часов будем приземляться... Кажется, я успел вовремя. — Он показал на конверт. — Вот доказательство, Боб. Я поймал его с поличным.

— Вескотта?

— Вескотта... Он в ловушке... Я только что приказал ему вычистить воздушный шлюз. Тебе лучше пойти со мной, я хочу, чтобы ты увидел сам.

Осторожно вскрыв конверт, Джеффи вынул негатив:

— Это касается Вескотта?

— Да. Позже все объясню. А теперь пойдем со мной.

Отпустив офицера, проверявшего снаружи воздушный шлюз, они подошли к толстому стеклу барокамеры и заглянули в него. Вескотт находился там и чистил палубу.

С проворством кошки доктор защелкнул замок люка и нажал кнопку на панели. Вспыхнул красный свет, заработали компрессоры, выкачивающие воздух.

Сквозь стекло доктор и капитан видели, как Вескотт в ужасе вскочил. Донесся его приглушенный голос:

— Доктор, выключите машину — на мне же нет скафандра!

Тяжело дыша, капитан завороченно смотрел на Крофорда:

— Что ты делаешь? Ты убьешь его!

— Самое время! — прорычал доктор.

Лицо человека в камере было искажено ужасом.

— Выключите насосы, скорее выключите! — Его глаза вылезли из орбит, лицо дергалось в бессильной ярости. — Остановите, я задыхаюсь!

Он бился головой о стену. Выступила кровь и, стекая по стене, превратилась в нечто, совсем не похожее на кровь. Руки вцепились в горло, он опустился на колени. Давление в камере падало и падало. Тело Вескотта извивалось, он задыхался от кашля. Кровь хлынула из ноздрей. Рухнув на палубу, он забился в конвульсиях и затих.

Тело Вескотта видоизменялось, теряло четкие очертания, превращаясь в сгусток липкой студенистой массы, похожей на гигантскую красноватую амёбу. Она собиралась в густой комок,

несколько мгновений вздрагивала и, наконец, замерла.

Крофорд оторвал взгляд от иллюминатора, обессиленно опустился на палубу и еле слышно произнес:

— Видишь, я не ошибся...

— Нет фальшивки, которую нельзя было бы разоблачить, — сказал доктор, — если найти правильный подход. Обычно обнаруживаются недостатки строения или чужеродный материал. Но тут другой случай. Перед нами была подделка человека. Интуиция и анализ подсказали мне: мы имеем дело с копией человека, столь совершенной, что даже под микроскопом в тканях невозможно было обнаружить изъяна. Да, это был крепкий орешек... — Он налил себе и капитану кофе. — Можно было сделать несколько предположений. Это создание — житель Венеры — скопировало Вескотта, а затем поместило часть себя в Шавера, на случай, если мы разоблачим его «копирование». Морфологическая копия была выполнена превосходно. Оно скопировало нервные схемы Вескотта и предусмотрело его реакции в разных ситуациях.

Все это было сделано искусно. Когда требовалось, он казался испуганным, сердитым, возмущенным. Креатура имела мозг Вескотта, воспринимала мир его глазами. Но несколько вещей, которые даже мозг Вескотта не контролировал, она не могла получить от его разума. Кроме того, сохранился его собственный защитный механизм, собственные бессознательные реакции. Чужак не смог скопировать только одно...

Перед ним возникли серьезные проблемы, когда «Вескотт» был обвинен в воровстве. Он вел себя превосходно, так, как диктовал ему мозг Вескотта. Он возмущался, беспокоился, жаловался, сердился — все совершенно правильно. И пишу он ел с отвращением, как это делал бы Вескотт. Он в точности подражал ему от момента обвинения в воровстве. Но одно он не учел... — Доктор улыбнулся и показал на негатив, лежавший на большом черном конверте. — Это я вынул из-под его матраца. Последнее доказательство. Монстр разоблачил себя тем, что недостаточно хорошо знал реакции организма. Он не страдал тем, чем неизбежно страдал весь экипаж.

Джеффи мельком взглянул на негатив.

— Ты имеешь в виду...

— Конечно, — широко улыбнулся доктор. — У него не было расстройства желудка... А мой порошок действовал безотказно.

Теперь Земля была видна в иллюминатор голубее и ярче, чем когда-либо после вылета на Венеру. Каждый член экипажа занимался своим делом по обеспечению посадки.

Доктор Крофорд спешил по темному коридору в кормовую часть корабля. Он постарался уверить капитана, что считает проблему чужака закрытой. Он не хотел, чтобы о его подозрениях знал кто-либо еще. Он не мог позволить капитану испортить свой замысел. Наверное, стыдно не доверять Бобу Джеффи, но капитан, как и другие члены команды, должен оставаться в неведении.

Повозившись немного с люком, Крофорд попал в элинг, где находились спасательные модули. Подсвечивая карманным фонариком, он быстро действовал отверткой, выводя их из строя один за другим, и настороженно озирался, боясь появления кого-то или чего-то. Наконец все восемь модулей были испорчены. На их ремонт уйдет несколько часов.

Подавив внутреннее сопротивление, доктор забрался внутрь девятого модуля и направил его к открывшемуся бортовому люку. Не было слышно ни звука, кроме посвистывания крошечного двигателя. Когда модуль оторвался от корабля и вышел в свободное пространство, показалось, что двигатель облегченно вздохнул. Модуль полого спускался на теплую, зеленую Землю.

Все-таки они уязвимы, эти беспощадные выродки, уверял себя Крофорд. Смог же он обнаружить одного из них на борту, перехитрить и уничтожить. Почему же не сможет этого сделать со вторым или с третьим? Он содрогнулся, вспомнив дикую ярость «Вескотта», когда тот умирал, его смертельно ненавидящий взгляд.

А ведь по чистой случайности он обнаружил чужака. Глупо считать, будто тот был одиночкой.

... Час спустя модуль приземлился на космодроме Лос-Аламос. После шумных приветствий Крофорд с несколькими сопровождающими шагал подземным переходом к зданию космопорта.

Огромный космический корабль стоял, подняв в небо серебристый нос, подобный прекрасной птице, и готовый снова взлететь.

Доктор Крофорд вошел в кабинет начальника охраны космопорта.

— Вы можете отдать приказ команде?

Начальник кивнул и протянул голубой лист.

— Это его копия для вас, доктор Крофорд.

Доктор прочел и довольно улыбнулся.

«Все офицеры и рядовые космического корабля, исследовавшего Венеру, должны быть под охраной препровождены в госпиталь, где будут находиться в строгой изоляции. Доктор Крофорд обязан осуществлять контроль и обеспечить обследование каждого члена экипажа. Абель Фрэнсис, комендант космопорта».

Это действительно крепкий орешек, думал Крофорд. Выродки хитры, способны принимать любой облик, но их можно разоблачить. Каждый член экипажа будет тщательно обследован. Он, доктор, использует все способы, чтобы поймать чужаков. Он имеет некоторое преимущество перед ними — они не способны узнать, что он придумает для их разоблачения. Потребуется время и упорство, каждый космонавт будет тщательно охраняться. Чужаки не смогут ускользнуть.

Начальник охраны показал список:

— Вот, доктор. Все они изолированы и надежно охраняются.

Крофорд остро взглянул на него:

— Все?

— Все. Я проверил каждого по фамилии и отпечаткам пальцев. Каковы будут дальнейшие действия?

— Я поднимусь на борт корабля за документами и своими заметками. — Он имел в виду шар красноватого желе, засыхающий в плюзе. Нужно самому его исследовать. — Поставьте охрану и следите, чтобы никто больше не попал на корабль.

Он ступил на подъемник, двигатель заработал, платформа начала подниматься.

С грустью Крофорд посмотрел вниз, на здания Лос-Аламоса. Увидел в предместье улицу Кораллов, ведущую к его дому, к жене. Теперь недолго ждать встречи — нужно только сдать коменданту порта документы, и он сможет отправиться домой и спать, спать...

Откинулся люк, и Крофорд вошел на затемненный корабль. Привычного шума двигателей не было слышно, и он ощутил душевную пустоту, тоску по космическому полету. Он свернул в коридор, ведущий к его каюте. Эхом отдавались шаги. Звуки последних шагов повторились и затихли. Крофорд напряженно прислушался. Что-то его насторожило — не то звук, не то предчувствие. Холодея от ужаса, он вглядывался в могильную темноту коридора. Ладони вспотели от волнения. Он услышал звук, подобный слабому вздоху. Через минуту раздалось шуршание осторожных шагов.

На корабле кто-то был.

«Ты дурак. — кричал рассудок. — Ты не должен был подниматься на корабль». Он затаил дыхание. Кто здесь? Никого не должно быть, но кто-то был. Кто?

Тот, кто знал всю историю с «Вескоттом», знал о чужаках на борту, знал, почему команда под охраной. Он побоялся покинуть корабль, потому что рано или поздно будет разоблачен. Тот, кто знал, что доктор подозревает его.

Крофорд крикнул:

— Джеффи!

Отразившись от стен, крик прозвучал идиотским смехом и затих. Доктор бросился к выходу. Тяжелый люк с грохотом захлопнулся перед ним.

— Джеффи! — завопил он. — Это твоя работа? Ты все равно не спасешься, слышишь меня? Корабль полностью блокирован. Я рассказал все. Они знают, что среди экипажа есть чужак. Ты разоблачен!

Сердце бешено колотилось. Он весь дрожал. Эхо замерло в коридорах. Крофорд подавил рыдание, вытер пот со лба. Как он мог забыть, на что они способны, забыть, что они могут копировать людей, забыть смерть Дональда Шавера, такой же подделки, как и Вескотт. Ведь капитан покинул корабль вместе с командой. Но нечто, его двойник, остался здесь, выжидая.

Чего?

С холодной обреченностью Крофорд достал из кармана бластер и двинулся по коридору, настороженно вглядываясь в полумрак, улавливая тихие, как вздох, чужие шаги.

Он сознавал, что чужак на корабле беспомощен и тщетно ищет способы выбраться на свободу. Монстр безжалостен, и Крофорд первым должен его обнаружить.

С верхней палубы раздался еле слышный звук. Задыхаясь, Крофорд взбирался по лестнице. Он услышал, как со скрежетом открылась дверь капитанской каюты и затем закрылась.

Крофорд осторожно поднялся на палубу. Из двери капитанской каюты пробивалась полоска света. Прокравшись вдоль стены, Крофорд приблизился к каюте.

— Выходи, Джеффи! — заорал он. — Тебе не спастись! Охрана схватит тебя или сожжет корабль и тебя вместе с ним.

Ответа он не услышал. Толкнув ногой дверь так, что она ударилась о стену, Крофорд вошел в каюту, поводя вокруг бластером. Каюта была пуста.

Вдруг он закричал от огненной боли в плече. Бластер с грохотом упал на пол. Крофорд обернулся и завопил от ужаса. В дверях стоял высокий худой человек с копной нечесаных волос, с воспаленными глазами, заросшим черной щетиной подбородком. Легкая улыбка скользила по его губам.

Крофорд кричал, обезумев от ужаса. Он кричал и знал, что никто его не слышит, — из дверного проема на него смотрело собственное лицо.

Скрипел подъемник, извещая мир о своей усталости. Платформа опускалась все ниже и ниже. Доктор Крофорд ступил на землю. Его лицо исказила искусственная улыбка. Он потер щетинистый подбородок и сказал начальнику охраны:

— Пойду домой и побреюсь. Вернусь завтра и передам все документы. Усильте охрану изолятора и корабля.

Начальник согласно кивнул и пошел к посадочной площадке. Доктор медленно спустился к зданию космопорта и через вестибюль вышел на площадь.

Он помедлил — его инстинктивно повлекло на улицу Кораллов, к дому, к жене. Но глаза жестко блеснули. Он нетерпеливо спустился в туннель и исчез в толпе, направившейся к сердцу города.

**Перевод с английского
НИКОЛАЯ ШУМАКОВА.**

У кого ностальгия по прошлому? Кого тянет в 50-е? Концерты группы «Браво» перенесут вас в атмосферу того прекрасного времени...

Со дня рождения группы состав ее менялся неоднократно, и лишь Женя Хафтан, путь которого из строителей в музыканты был тернистым, но все же удачным, по-прежнему остается ее руководителем. После ухода из коллектива Жанны Агузаровой первым ярким явлением в группе стал Валерий Сюткин. Вот уже два года он радует своих почитателей стихами, пением и сценическим обаянием.

— Ребята! Расскажите немного о себе.

Евгений Хафтан: Я родился в московском районе Кузьминки. В шестом классе пошел в музыкальную школу, играл на классической гитаре. После окончания школы поступил в МИИТ и проучился там целых десять лет, параллельно занимаясь музыкой. Именно из-за нее меня трижды выгоняли из института. И тем не менее увлечение музыкой не прошло. В 1983 году родилась группа «Браво», в которой я играю до сих пор.

Валерий Сюткин: А я окончил Костромское заочное училище по дирижерско-хоровому классу. Но считаю себя самоучкой, так как, кроме чисто студенческих воспоминаний, от тех лет ничего не осталось. Многому научился интуитивно, а многое взял у мастеров, слушая их пение. К тому времени я создал свою группу «Телефон». Случай свел меня с Женей Хафтаном, за работой которого

я в течение нескольких лет наблюдал как бы со стороны. В 1989 году, когда из группы ушла Жанна Агузарова, Женя пригласил меня попробовать свои силы в «Браво». Но поставил условие: срочно постричься. Женя любил, чтобы все было стильно и аккуратно. Когда я приехал в первый раз на репетицию, в глаза бросилась надпись на стене дома: «Здесь репетирует группа рок-н-ролла, шейка и твиста «Браво»...»

— Нужна ли слушателю подготовка для восприятия вашей музыки?

Е.Х.: Это абсолютно индивидуально. Есть люди, которые не принимают поп- и рок-музыку, а слушают только классику, и наоборот. Все зависит от склада человека, от того, что в нем заложено. Рок — общедоступная форма самовыражения, и его может слушать любой человек.

В.С.: К тому же люди все разные. Одному нужна специальная подготовка, а другому такая подготовка совершенно ни к чему. Мы считаем, что у нас есть «свой» слушатель. Раньше было принято просто ходить на любой концерт, а сейчас, когда цены на билеты достаточно высоки, люди уже выбирают. Получился некий вынужденный показатель популярности, требующий от музыкантов добросовестной работы.

— Какое воздействие вы оказываете на аудиторию?

В.С.: Стремимся доставлять зрителям радость.

Е.Х.: Самое главное — контакт с залом, что у нас в общем-то и бывает всегда.

— Вы чувствуете различие между концертом и студийной работой?

Е.Х.: Конечно! С точки зрения профессионала, у нас не очень хорошие студийные записи. «Живые» концерты гораздо интерес-

нее. К тому же мы по возможности избегаем участвовать в больших программах, а стараемся делать сольные концерты, которые дают более полное представление о нас.

В.С.: Мы еще на пути к тому, чтобы найти «свой звук». Хотим записываться не методом «слоеного пирога», а играть одновременно, как было принято в 60-е.

Е.Х.: Да! Например, песни, записанные Жанной Агузаровой на непрофессиональной студии, мне нравятся все больше и больше. Я нахожу в них тот неподдельный «кайф», которого трудно добиться, и думаю, что лучшие наши записи были сделаны в 1983—1985 годах.

— Тексты и музыка ваших песен соответствуют друг другу?

В.С.: Наша задача несколько проще. Женя считает, что в рок-ролле музыка сильнее слов, а слова вообще не имеют никакого значения. Моя же задача, как автора песен, сводится к тому, чтобы не испортить Жениных музыкальных произведений. Вот и все. Я не поэт в классическом понимании. Меня можно назвать «стабильным ремесленником». Я пишу долго и тяжело. В основном сочиняю тексты для «Браво», но случается, что работаю и для других групп. С Мировым мы написали «Блюз-Шанхай» специально для Маргулиса.

Е.Х.: Задача текста — создать настроение. Если в тексте есть хоть несколько фраз, попадающих «в десятку», — этого достаточно, чтобы текст стал удачным.

— Вы учитываете вкус аудитории?

Е.Х.: Стараемся ничего не учитывать и не высчитывать. Мелодии, которые нравятся, обладают, видимо, какой-то энергетикой. А все подсчеты — дело коммерческой попсы.

— В последнее время проводится огромное количество всевозможных музыкальных конкурсов. На ваш взгляд, они не превращают музыку в чисто спортивное явление?

В.С.: Нам больше нравятся фестивали, когда близкие по духу и направлению музыканты получают удовольствие от совместной игры, естественного звучания и свежей, эмоциональной музыки.

Е.Х.: У нас горький опыт участия в каких-либо конкурсах. Мы, как правило, никаких мест не занимали и решили отказаться от них. А если участвуем, то только по приглашению, как гости.

— «Браво» — одна из немногих групп, которая не касается политики...

В.С.: Мне не безразлично, что происходит в стране. Но это волнует меня как гражданина. А как автора текстов больше интересуют рок-н-ролл, дружба, любовь и та атмосфера, в которой мы творим. И поскольку большую часть времени мы уделяем именно этому, то живем в некоем оптимистическом микроклимате.

Е.Х.: Кроме того, музыкантов, которые могут петь о политике, — единицы. Это мог делать Высоцкий, делает Шевчук. У остальных, на мой взгляд, фальшь и подделка. Политика — не в традициях рок-н-ролла. Когда рок-н-ролл коснулся политики, он начал умирать.

— Вы выступаете с гастроями за рубежом?

В.С.: Сейчас зарубежных поездок стало намного меньше, видимо, оттого, что время изменилось. Ездили в круиз Греция — Турция, но не как музыканты, а как туристы. Тамошней, как правило, эмигрантской, аудитории интересна другая, так называемая ностальгическая музыка. А петь для них на английском языке просто смешно.

Чтобы писать тексты на английском, нам, русским, недостаточно знать его на уровне обихода. На нем надо думать, жить, чувствовать. На концертах за рубежом мы стараемся перед исполнением песни рассказать по-английски, о чем она, а затем исполняем ее на русском.

— Как вы считаете, чем привлекают молодежь, воспитанную на современном тяжелом роке, ваши «ностальгические» концерты?

Е.Х.: Существует некая тенденция в моде. Так же и рок-н-ролл. На мой взгляд, это такое явление, которое может забыться на время, а затем вернуться и восприниматься гораздо сильнее, чем прежде.

В.С.: Джон Леннон говорил, что рок-н-ролл — наиболее естественный вид музыки после классики и джаза. Он активно воздействует на человека. Я не встречал людей, которые бы считали, что рок-н-ролл — «погремушка». Он приемлем для всех и во все времена.

— То, что вы исполняете, — это стилизация под 60-е или же прямое возвращение на тот круг?

Е.Х.: Мы продолжаем традиции тех песен, которые пели в переулках, в подворотнях и коммуналках нашей Москвы. И хотим доказать, что рок-н-ролл жив. Ведь он умирает тогда, когда на него перестают ходить. А на наши концерты ходят!

— Каким образом вам удается сохранять атмосферу того времени?

В.С.: Нас интересует все старое. У меня обширная фонотека с музыкой тех лет. И вообще мне нравится все, что относится к тому времени: мода, машины, даже овальные холодильники.

— Сейчас много говорят о том, что такое интеллигентность и интеллигентный человек. А что вы вкладываете в это понятие?

В.С.: Интеллигент — человек, который, прежде чем что-то сделать, всегда думает, не навредят ли его действия другим и не вызовут ли они неприятных эмоций.

Е.Х.: Да просто нормально воспитанный человек, что, к сожалению, сейчас не модно. Сегодня надо быть хамом или Остапом Бендером...

— *А вы верите, что престиж интеллигенции возродится?*

Е.Х.: Конечно! Другого пути нет. Если престиж порядочных людей не вернется, наша страна просто погибнет. Или же все нормальные люди уедут отсюда, а остальные перестреляют друг друга.

— *Как вы думаете, уход из жизни многих талантливых людей в молодом возрасте — знак судьбы или естественное явление?*

Е.Х.: Это противостоит. Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что нет с нами Башлачева, Науменко... И мне трудно объяснить происшедшее.

В.С.: Полагаю, либо злая судьба, либо действие каких-то высших сил. Но я отношусь к этому несколько философски, понимая, что изменить ничего нельзя. В жизни я придерживаюсь знаменитой американской молитвы: «Господи! Дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай мне терпение принять то, что я не могу изменить, и дай мне мудрости отличить первое от второго!» Это мое кредо.

— *Если бы вы были всемогущими, что бы вы сделали?*

В.С.: Попросил бы Бога, чтобы в нашей стране была хоть какая-нибудь логика. Например, Америка — логичная страна профессионалов. И хочу, чтобы у нас было так же. Я часто вспоминаю слова профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца»: «Давайте каждый заниматься своим делом».

— *Женя, а что сделал бы ты?*

Е.Х.: Во-первых, выпустил бы из зоопарков на волю всех животных. Во-вторых, сделал бы бесплатными туалеты. И, в-третьих, отреставрировал бы Москву так, как она выглядела в 50-е годы...

**Беседу вел
АНДРЕЙ КРАВЧЕНКО.**

**Фото на 4-й обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.**

ОДИНОКАЯ

Плакала в холодную подушку,
 Утром улыбалась всем подряд.
 Мяла в пальцах старенькую двушку,
 Провожала взглядом детский сад.
 Как прекрасно шли чужие дети,
 Громкие и тихие подчас.
 И сачком они ловили ветер —
 Ей соринка попала в глаз.
 Женская тоска, как плод, созрела,
 Сердце близкий чуяло закат.
 Если в небеса она летела —
 Ей казалось:
 аисты летят.

Я для тебя букет нарву —
 Избавься от улыбки строгой.
 Стрижи летают над дорогой,
 И солнце падает в траву...
 И сердце вдруг кольнет в груди —
 Мне под ноги ромашка ляжет:
 Хоть всю поляну обойди,
 А «любит»
 ни одна не скажет.

Глаза мои тебя похоронили —
 Не вижу, даже если ты напротив,
 Не вижу, даже если говоришь,
 Глаза мои ты выжег отреченьем,
 Ты крепостную стену сам построил,
 Что выше и китайской, и кремлевской,
 Ты столько положил трудов на это,
 Что, если б даже тысячную долю
 Вниманья этого мне подарил,
 Я видела тебя бы через камни,
 И даже и на дне могилы чудном
 Я ощущала б: ты с любимой новой
 Бредешь травой, что из меня восходит,
 Она все мягче с каждым божьим днем...

Все труднее сходиться с людьми,
 Все труднее смеяться сквозь плач.
 Каждый день, начиная с семи,
 Верить в белые стаи удач,
 И глазами опять их искать,

Поднимая свой взгляд от забот,
И по лицам друзей узнавать,
Что иначе никто не живет.

Я стал стареть, я стал сентиментальным,
Я душу в горле чувствую все чаще.
Я стал седым, обрюзгим; идеальным
Клиентом древа, произросшим в чаще.

Как весело листва гудит на ветках,
Хоть гусеницей в них бы затеряться.
Меня не боги принесли, а ветры,
И дьявола в тоске мне не бояться.

У черенка листа хочу прилечь я,
Почуять дух его, меня подъявший.
Мощны у дуба гордые предплечья,
И вечен дух дупла, всех птиц приявший.

Я с радостью объеблю смерти древо,
Морщины на стволе, над лобной костью,
Неужто здесь, не испытавши гнева,
Со ржавою косою седую гостью
Я встречу?..

ЕЛЕНА ШЕРСТОБИТОВА

...и потеряны мы, как потери,
о которых не помнится даже,
только есть ощущение пропажи,
словно в доме, в котором все двери
настежь открыты и... никого,
лишь обломки от старого стула,
и выходишь из дома сутуло,
а ведь раньше не знал про него...

ОСЕННИЕ РАЗДУМЬЯ

Вторая осень без тебя. Я никогда
Не ощущала раньше зримо время:
Оно бредет, как люди-тени
Вкруг Патриаршьего пруда.
Все мимо, мимо... я не привлеку
Надежд того, кому не верю.
Вороны дремлют начеку
В переплетениях деревьев.

Вторая осень... Что же за напасть —
Все видеть, словно зреньем обожженным?..

*Вороны, как пресыщенные жены,
С высот деревьев обозревают власть
Свою над городом, уверенные в ней.
Что город ни подбросит — все им первым,
Поскольку чувствуют все перемены дней
Мгновенно их вороны нервы.*

*Учись у них?.. Уж нет! Не потому,
Что все равно счастливее не стану,
А потому, что все равно не перестану
К любви печальной плыть... пока не утону.
И дело не в тебе. Пойми меня: зачем
Мне, постигающей азы бетховенского ада,
Оглохшей среди бетонных стен,
Вороний рай? Нет. Мне его не надо.*

*Как холодно... Так вечность холодна.
Пора привыкнуть. Ждать спокойно вьюгу.
И понимать: со всеми и повсюду
Я буду все равно одна.
Как здесь — у кромки каменной воды,
Под небом выше птицы погребальной,
Когда мгновенные и вечные труды
Смешались временем реальным.*

≡

*Когда о любви вспоминают с досадой —
А мы бы могли... — словно маги в веригах,
Гиганты картофеля — русские бабы
Бредут по обочинам мертвых религий,
И плетет зола в медвежачьей утробе
Тяжелого леса корыстных наитий,
И тихая ненависть ухо коробит
Касательной речью густых общежитий.
И прячут мужчины танталовы муки,
Как руки карманный вокзальный воришка,
Мельчают великие Луки разлуки,
И ластится, ластится к сердцу сберкнижка.*

≡

*В ван-гоговском безумье маясь
среди заброшенных свидетельств
надежд несчастных и убогих
достоинств смертников эпохи,
как будто сам с собою в прятки
играя среди запретов строгих,
незрелую взрываешь завязь
души, неверием отмечая во времени, текущем мимо.
И даже не отрежешь уха.*

СКВОЗНЯК

Стихи метались по квартире,
Им куб жилья казался мал.
И чтобы зря не суетились,
Я камнем рукопись прижал.
Когда же груз переместится
И ляжет автору на грудь,
Пусть разлетаются, как птицы,
Авось найдутся где-нибудь.

ПОРОЗНЬ

Длинна разлучная верста,
Но в глубине ночных просторов
Всегда отыщется звезда
На перекрестке наших взоров.

К обеим тянется она,
И два луча терпенье дали
Нам у небесного огня
Сидеть, прижавшись далью к дали.

А с кем-то не пересеклись —
И долго будет скорость света
Нести глаза разлуки этой,
Вникать в пустующую высь.

И если где сведет их нежно,
Звезда мигнет тебе и мне,
Но только нас уже, конечно,
Давно не будет на земле.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

После выстрела в упор
Через пару поколений
Отменяем приговор,
Приведенный в исполнение.

И от залежей архива
До Урала грунт разрыт —
Пуля давнего отлива
В полом черепе гремит.

Шьются новые надежды
Из отходчивости русской,
А хулителя утешим,
Как ребенка, погремушкой.

ВОРОХ—ШОРОХ

Не нам ли ворох алых писем?
Не нас ли ищет в сентябре
Весь листопад последних чисел
На отрывном календаре?

Отполированную палкой
Лесную опаль вороша,
Об увядаемости яркой
Подумай: чем не хороша?

Паденье, трепет и пыланье
Тончат сердечную броню,
А холодок воспоминанья
Сродни хождению по огню.

И хоть не ведает предела
Даруемая благодать,
Но, если время пролетело,
Пространство надо покидать.

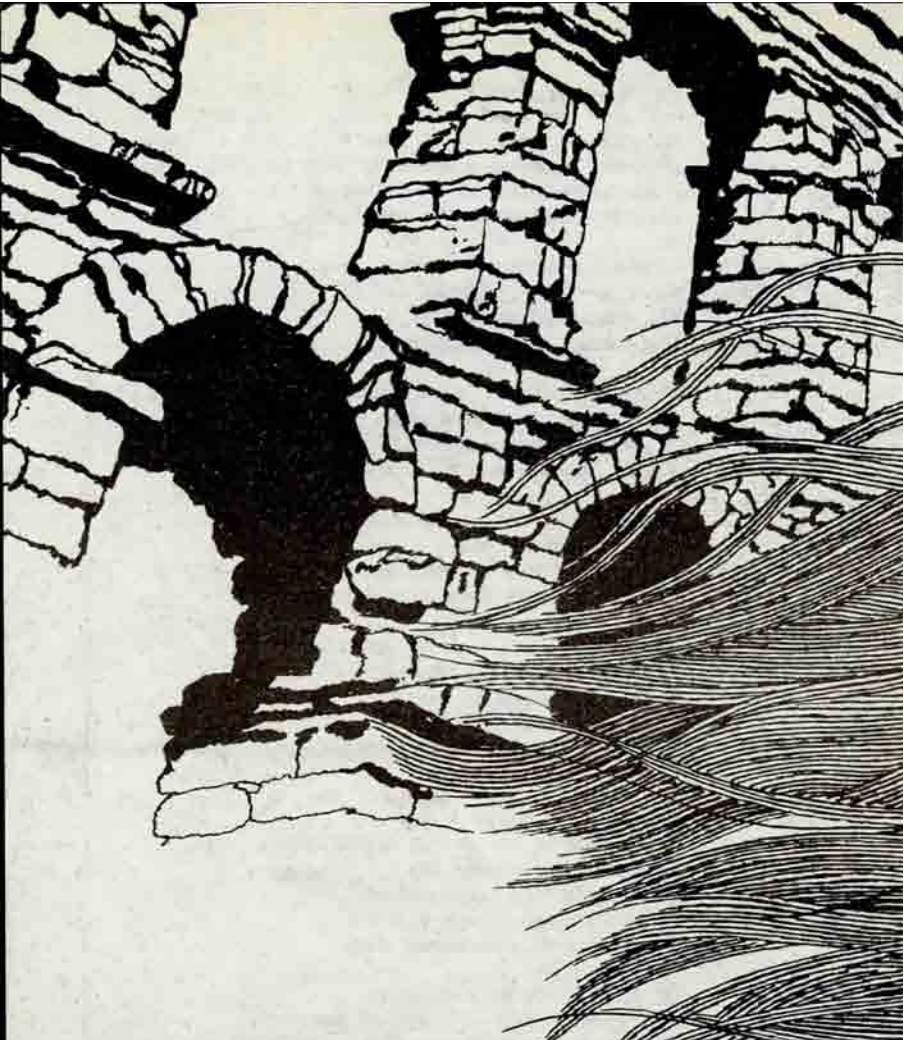
А ветер прямо в душу вносит
Всю эту красную казну,
И мы надеемся на осень,
Как не умели на весну.

==

Не спал на нарах у параши,
Но в списке без вести пропавших
Я тоже строчкою увяз.
Березняки под небосводом
Я просквозил своим уходом
Из всех невыплаканных глаз.

И ведь нигде не хоронили,
Но чуть копни — в любой могиле
Торчу истлевшим сапогом.
А сколько у меня фамилий —
Перебери светинки пыли
И, может, сведаешь о том.

В эксперименте социальном
Со всех небес мерцала даль нам.
И растворятся в той дали
Мои шаги, мечты, поэмы
И сроки обичие, где все мы
Осуществиться не могли.

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН

ЗАСТАВА

Рисунки ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Варшава, Польша
 Понедельник, 28 апреля 1941 года
 Время: 08.15

Полтора года назад на двери было другое имя, польское. Рядом с ним — должность сотрудника и название одного из польских министерств. Но Польша больше не принадлежала полякам, и табличка была грубо замазана густой черной краской. Эрик Кэмпфер на секунду остановился перед дверью, пытаясь припомнить, что здесь было написано раньше. Не потому, что это как-то касалось его, а просто для тренировки памяти. Но вспомнить ему так и не удалось. Теперь же здесь висела другая, тщательно вырезанная табличка из красного дерева, из-за которой по углам проглядывала та самая черная краска. Надпись на табличке гласила:

«ГРУППЕНФЮРЕР СС В. ХОССБАХ, РСХА.

Отделение рас и перемещения населения. Варшавский округ».

Кэмпфер глубоко вздохнул, принял спокойный вид и решительно открыл дверь. Капрал, выполняющий роль секретаря генерала Хоссбаха, встал и вежливо поприветствовал его. Это был новый здесь человек, и по его реакции Кэмпфер понял, что солдат еще не знает его. Впрочем, это легко объяснялось: весь прошлый год Кэмпфер проработал помощником коменданта в Аушвице.

— Штурмбанфюрер Кэмпфер, — представился он, считая, что этого будет вполне достаточно.

Секретарь повернулся, вошел в кабинет Хоссбаха и тут же вышел обратно:

— Группенфюрер готов принять вас, герр майор.

Кэмпфер прошел мимо капрала в открытую дверь и застал генерала сидящим на письменном столе.

— А, Эрик! Доброе утро! — с непривычным радушием улыбнулся Хоссбах. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо. — Вплоть до этой минуты Кэмпфер очень хотел выпить кофе, но слащавая улыбка шефа тут же заставила его насторожиться. Сейчас стоило держать ухо востро.

— Ну, хорошо. Тогда раздевайтесь и устривайтесь поудобней.

Уже кончался апрель, но погода в Варшаве стояла на редкость холодная, поэтому на Кэмпфере была зимняя форма СС. Он аккуратно снял свою спшитую на заказ шинель, щегольскую парадную фуражку с лихо загнутым полем и настолько бережно повесил их на вешалку, что Хоссбах невольно вынужден был сделать паузу и, наблюдая за Кэмпфером, еще раз обратить внимание на различия в их фигурах. Генерал был полным лысеющим мужчиной, уже за пятьдесят. Кэмпфер же выглядел лет на десять моложе его, был идеально сложен и, несмотря на

свой возраст, сумел сохранить прекрасную густую светлую шедевр. Карьера Эрика Кэмпфера в последние годы была сплошным взлетом.

— Кстати, поздравляю вас с повышением и очередным назначением. Служба в Плоешти — просто лакомый кусочек, — не без доли ехидства улыбнулся Хоссбах.

— Да, спасибо. — Кэмпферу удалось сохранить безразличный тон. — Хотя, конечно, мне будет непросто оправдать такое доверие Берлина.

— Уверен, вы справитесь.

В напряженной тишине, последовавшей за репликой генерала, Кэмпфер начал бесцельно оглядывать стены и едва сдержал ядовитую ухмылку, заметив на выцветших обоях контрастные квадраты и прямоугольники там, где раньше висели грамоты и дипломы предыдущего хозяина кабинета.

— Могу я чем-нибудь быть полезен? — наконец нарушил молчание Кэмпфер.

— По сути дела, уже не мне, а вышестоящему командованию, — задумчиво ответил Хоссбах. — В Румынии возникла небольшая проблема; так сказать, маленькое неудобство...

— Да?

— Да. В отдельном подразделении регулярной армии, несущем службу на заставе в Трансильванских Альпах севернее Плоешти, появились потери. Вероятно, в результате действий местных партизан. И тамошний командир хочет передислоцироваться.

— Но ведь это чисто армейские дела. — Кэмпферу начинал не нравиться такой поворот событий. — И они не имеют к СС ни малейшего отношения.

— Боюсь, что имеют. — Хоссбах подошел к столу и взял небольшой лист бумаги. — По приказу Ставки дело передано под контроль обергруппенфюрера СС Гейдриха. Поэтому вполне логично будет передать этот документ вам.

— А почему именно мне?

— Офицер, о котором пойдет речь, — капитан Клаус Ворманн. Тот самый, на которого вы обратили мое внимание еще год назад из-за его нежелания вступать в партию...

Кэмпфер позволил себе на секунду расслабиться.

— И так как я буду в Румынии, то это дело неминуемо попадет в мои руки? Вы это имели в виду?

— Совершенно верно. К тому же «обучение» в Аусшвице должно было сделать из вас не только отличного коменданта. Вы, наверное, научились там и обращению с местными партизанами... Так что я уверен: вы быстро справитесь с этим заданием.

— Можно мне взглянуть на бумаги?

— Конечно.

Кэмпфер взял протянутый ему лист и обнаружил на нем всего две строки. Он внимательно прочитал их. Потом еще один раз.

— Расшифровка правильная?

— Да. Мне тоже эта формулировка показалась странной, поэтому я перепроверил. Все точно.

Кэмпфер снова перечитал донесение:

«Прошу немедленной передислокации.
Что-то убивает моих людей».

Тревожный сигнал. Кэмпфер знал Ворманна еще по первой мировой как человека удивительной стойкости. Теперь же, в новой войне, уже будучи офицером вермахта, Ворманн несколько раз отказывался вступать в партию, несмотря на многочисленные беседы с ним и постоянное давление начальства. Но все же он был не из тех людей, кто способен бросить позиции, если они уже заняты. Видимо, произошло что-то действительно серьезное, раз он требует передислокации.

— Думаю, нет смысла напоминать вам, — прервал его размышления Хоссбах, — что Румыния — наш союзник, а не оккупированная территория. Поэтому там необходимо соблюдать некоторую тактичность.

— Да, я в курсе.

Некоторую тактичность следовало соблюдать, имея дело и с самим Ворманном. Кэмпфер давно уже хотел свести с ним счеты.

Хоссбах попытался улыбнуться, но улыбка вышла весьма плотоядной.

— Мы все здесь, включая и генерала Гейдриха, будем с большим вниманием и интересом следить, как вы справитесь с этой работой... перед тем, как отправиться в Плоешти.

Кэмпфер уловил некоторое ударение на слове «перед» и небольшую паузу, отделившую его от начала фразы. Не оставалось сомнений, что Хоссбах хочет превратить эту короткую поездку в Альпы в своего рода испытание огнем. Кэмпфер должен был ехать в Плоешти уже через неделю. И если за этот срок он не успеет разобраться с проблемой Ворманна, то начнутся сомнения: тот ли это человек, который способен безукоризненно управлять крупным лагерем, промышленным объектом и так далее... И тогда уж недостатка в конкурентах не будет.

Кэмпфер резко поднялся и направился к вешалке.

— Не думаю, что там могут возникнуть особые сложности. Я планирую убыть через час с двумя взводами солдат. Если не будет задержки с самолетом и движение по железной дороге не нарушено, то мы будем на месте сегодня же вечером.

— Вот и отлично! — бодро подытожил Хоссбах и, не переставая ехидно улыбаться, с легкой иронией отсалютовал в ответ Кэмпферу.

Перевал Дилу, Румыния
28 апреля 1941 года
Время: 13.22

Капитан Клаус Ворманн шагнул к распахнутому настежь окну своей спальни и выплюнул в воздух густую белую струю.

Козье молоко — ну и гадость! Для сыра, может, и сгодится, но только не для питья.

Наблюдая за струйкой, которая, рассыпаясь на мелкие капли, падала вниз на добрую сотню футов, Ворманн мечтательно представил себе полную до краев кружку холодного немецкого

пива. Единственное, чего ему хотелось сейчас сильнее пива, так это убраться ко всем чертям из ненавистного замка.

Взгляд Ворманна остановился на маленькой румынской деревушке, тающей в туманной дымке за высокими стенами замка. Крохотные домишки купались в солнечном свете и стояли, казалось, за целый мир от него. Отойдя от окна, он еще раз прошелся по комнате. На мрачных стенах, выложенных из грубых каменных блоков, повсюду виднелись кресты из меди и никеля. Всего их в комнате было сорок девять. Он знал это точно. За последние несколько дней Ворманн не раз пересчитывал их. Он в задумчивости прошел мимо мольберта с почти готовой картиной, потом на секунду задержался возле раскладного походного стола и направился к противоположному окну, выходящему во внутренний дворик замка.

Под окном стояли его солдаты. Те, кто не заступил в караул, собрались в небольшие группы. Некоторые тихо переговаривались, но большинство угрюмо молчало. Все старались держаться подальше от темных мест. Надвигалась ночь. Еще одна ночь. И еще одному из них суждено умереть.

В дальнем углу двора сидел на корточках бледный молодой солдат и что-то яростно строгал. Ворманн прищурился и различил в руках строгальщика небольшой деревянный крест. Как будто вокруг не хватало крестов!

Люди боялись. И сам он тоже. Такая разительная перемена произошла в них меньше чем за неделю. Неожиданно Ворманн вспомнил, как они входили в ворота замка — гордые солдаты вермахта, воины великой армии, покорившей Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию.

Но все это было неделю назад. Просто удивительно, что могут сделать с гордыми покорителями мира шесть страшных и необъяснимых смертей... В течение недели мир словно сжался, и теперь для Ворманна и его солдат не существовало более ничего, кроме этого крошечного замка, этой холодной гранитной могилы. Они наткнулись на нечто такое, что не могло быть остановлено никакими известными им способами; оно убивало и растворялось, чтобы позже вернуться и снова убить. И постепенно они теряли присутствие духа...

Ворманн отошел от окна и вернулся к столу. С тоской посмотрев на фотографию жены и двух сыновей, он медленно перевел взгляд на расшифрованное донесение, лежащее на краю стола:

«Штурмбанфюрер СС Кэмпфер с приданным спецподразделением откомандирован к вам 28.04.41 г. До его прибытия оставаться на прежних позициях».

Почему, черт возьми, они послали майора СС? Ведь это позиция обыкновенной армейской части, к тому же в глубоком тылу на территории союзников. И СС, по мнению Ворманна, не имела к ним никакого отношения, как, впрочем, и вообще в Румынии. Но он многого не понимал в этой войне... И потом, неужели там не нашлось никого, кроме этого Кэмпфера? Из всех офицеров почему-то выбрали именно его! Никуда не годный в бою, он, конечно, был первоклассным эсэсовцем. Но что ему делать здесь? Да еще со своими подчиненными... Ведь это,

в сущности, даже не солдаты, а настоящие палачи и могильщики — опорная сила концлагерей. Профессиональные каратели, приученные убивать безоружных и штатских. Это за их работой он наблюдал в предместье Познани. Но зачем их направили сюда?.. Хотя... Пусть приезжают... и почувствуют на своей шкуре страх, который сами так любят сеять. Пусть они поверят в невероятное.

Ворманн верил. Еще неделю назад он рассмеялся бы при одной мысли об этом. Но теперь, чем ближе солнце склонилось к мрачным вершинам гор, тем сильнее он верил... и боялся.

Всего неделя... Неужели так мало? Ему казалось, что с той минуты, как он впервые увидел этот замок, прошла целая вечность...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Перевал Дину, Румыния
Вторник, 22 апреля
Время: 12.00

Длинных дней здесь не бывает ни в какое время года, размышлял Ворманн, глядя на горные цепи по тысяче футов высотой, возвышающиеся с обеих сторон перевала. Солнцу надо карабкаться над горизонтом градусов тридцать, прежде чем оно осветит восточную сторону хребта и, проделав короткое путешествие в девяносто градусов, снова скроется из виду.

104 Из окна командирского «опеля» Ворманн слышал монотонный рокот двух тяжелых грузовиков с солдатами, а немного подальше — лязг и грохот бронемашин, везущей оружие и провиант. Все четыре автомобиля ползли гуськом вдоль подножия западного склона хребта, где с течением лет основание скалы превратилось в некое подобие дороги. Перевал Дину был на удивление узким по сравнению со всеми предыдущими перевалами, которые Ворманн преодолел уже с десяток, медленно продвигаясь по разбитому серпантину этой единственной в Трансильванских Альпах дороги, ведущей в самое сердце таинственной подковы Южных Карпат — самого дикого и неизведанного места Европы. Ворманн рассеянно посмотрел на дно ущелья, лежащее футах в пятидесяти справа от дороги. Оно было гладким и зеленым от свежей, молодой травы, по центру бежала едва различимая тропинка. Там путь был бы короче, но его предупредили, что добраться до конечного пункта на колесах он сможет только по верхней дороге. Так что приходилось ехать по пыльному трескучему камню.

Солнце скрылось совсем неожиданно, послышался гром, сверкнула молния, и опять полил дождь. Ворманн выругался. Снова гроза. Погода здесь просто сумасшедшая.

Неужели кто-то может жить в этой местности? — удивлялся он. Ведь урожаи тут настолько скудные, что едва хватает на пропитание. Правда, козы и овцы должны чувствовать себя неплохо: травы вокруг предостаточно и чистой воды в горных ручьях тоже. Но как тут могут жить люди?

Впервые Ворманн увидел замок, когда, пробившись через блеющее стадо коз, они резко свернули налево. При виде неприступных гранитных стен с широкими тупыми зубцами он сразу ощутил какую-то смутную тревогу, но чувство это было очень неясным. Замок оказался совсем небольшим; его даже трудно было назвать замком из-за более чем скромных размеров. Если верить картам, названия он не имел, и это тоже казалось довольно странным. Перед отъездом Ворманну говорили, что этот форт построен пять с лишним столетий тому назад, однако, глядя на него, можно было подумать, что последний камень здесь положили только вчера. Очевидно, где-то они неправильно свернули. Не может быть, чтобы это сооружение и было тем самым средневековым бастионом, который им предстояло занять.

Остановив колонну, Ворманн сверился с картой и понял, что они действительно прибыли на место своей новой дислокации. Он еще раз взглянул на строение, уже более внимательно изучая его.

Многие годы назад огромный кусок откололся от острой гранитной скалы на западной стороне перевала. Вокруг него образовался глубокий естественный ров с ледяной водой из горного источника. Замок расположился на этом одиноком утесе. Его стены высотой в сорок футов в задней части плавно переходили в гранит скалы. Человек, строивший эту крепость, умело использовал все преимущества ландшафта, предоставленные здешней суровой природой. Замок словно вырастал из неприступного горного монолита. Но самой замечательной частью этого укрепления была его единственная, выступающая на середину перевала, башня, плоская крыша которой возвышалась не менее чем на сто пятьдесят футов над серыми зубчатыми стенами. Таков был их горный форпост. Крепость из другого времени. Приятное зрелище, если учесть, что в стенах этой древней заставы они найдут надежное убежище от всех непогод во время предстоящих бдений на перевале.

185

Но почему этот пятисотлетний форт выглядит как новый?

Ворманн кивнул водителю и свернул карту. За рулем был сержант Остер — единственный сержант в их подразделении, заодно выполняющий и обязанности командирского шофера. Остер взмахнул высунутой из окна левой рукой, и все четыре автомобиля снова двинулись в путь. Дорога обрывалась у невысокого земляного вала. Отсюда начинался деревянный настил двухсотфутового моста через ров, представляющего собой единственную связь замка с внешним миром. Иначе добраться до крепости было невозможно, разве что вскарабкавшись по отвесным стенам или поднявшись по веревке, перекинутой через ров со стены с почти вертикальными гладкими стенами.

— Ну, сержант, — спросил Ворманн, едва машины остановились у начала моста, — что вы думаете о своем новом доме?

— Почти ничего.

— Привыкайте к нему. Возможно, остаток военных дней придется провести именно здесь.

— Так точно, господин капитан.

Заметив, что Остер отвечает на редкость сухо, Ворманн вни-

мательно посмотрел на него. Сержант был худощавым темново-
лосым мужчиной, почти вдвое моложе Ворманна.

— До конца войны осталось недолго, сержант. Когда мы
выезжали сюда, как раз передали, что уже сдалась Югославия.

— Господин капитан, вы должны были сразу же сказать нам
об этом: это подняло бы наш дух!

— А неужели вы до такой степени приуныли?

— Никак нет, но мы все хотели бы оказаться сейчас в Гре-
ции...

— Но там ведь нет ничего, кроме крепких напитков, жареного
мяса и весьма странных танцев. Вам наверняка не понравилось
бы.

— Я имею в виду, чтобы сражаться там, господин капитан.

— Ах, вот почему!.. Боюсь, что, пока вы туда доберетесь, все
сражения уже закончатся. Я, например, ожидаю победы прямо
на этой неделе.

— И все равно мы считаем, что там послужили бы фюреру
гораздо лучше, чем в этих горах.

— Не забывайте, что именно по воле вашего фюрера мы сюда
и попали.— Ворманн с удовольствием отметил, что Остер пропу-
стил слово «вашего».

— Но зачем, господин капитан? Какова наша цель?

— Командование сухопутных войск рассматривает перевал
Дину как важный рубеж обороны на возможном направлении
удара из русских степей в сторону нефтяного комплекса в Пло-
ешти. Если отношения между рейхом и Россией ухудшатся, то
русские могут внезапно атаковать эти заводы. А без производи-
мого там горючего мобильность вермахта будет значительно
снижена.

— Но ведь у русских хватает и своей нефти. К тому же у нас
с ними подписан договор...

— Ну, конечно! Как я про это забыл! Договор... Сейчас ведь
никто не нарушает договоров...

— Не хотите же вы сказать, что Сталин способен предать
фюрера?

Ворманн еле сдержался, чтобы не ответить ему: «Если, конечно,
ваш фюрер не предаст его первым». Но Остер все равно
ничего не понял бы. Как и многие его сверстники, он уже
с детства привык отождествлять интересы немецкого народа
с волей Адольфа Гитлера.

— Пусть люди выходят и вытягиваются в цепь,— сказал
Ворманн, игнорируя последний вопрос Остера. В любом случае
он звучал риторически.— Проверьте настил, выдержит ли он
машины, а я осматриваю пока внутренность замка.

Огромные деревянные ворота крепости были настежь откры-
ты, как и большинство ставней в окнах башни и стен. Будто
перед их приездом замок проветривали. Ворманн прошел через
ворота на вымощенный булыжником двор. Здесь было прохлад-
но и тихо. Только сейчас он заметил, что в замке есть задняя
секция, врезанная прямо в скалу. С дороги ее не было видно.

Он не спеша осмотрелся. Над головой нависала угрюмая гро-
мада уходящей в небо башни, со всех сторон окружали высокие

стены. Ворманну показалось, что он находился в объятиях огромного спящего зверя, пробудить которого никто до сих пор не решался.

И тут он увидел кресты. Изнутри стены крепости были сплошь усеяны ими — сотнями, нет, тысячами крестов! Все они были одинакового размера и одной и той же необычной формы: вертикальная планка около десяти дюймов длиной, горизонтальная — восемь дюймов. Но самым странным было то, что горизонтальная перекладина находилась почти на самом вершкy вертикальной и с каждой стороны имела на концах по отростку, устремленному вверх. Если продвинуть ее чуть-чуть выше, то из креста получилась бы буква «Т» с перевернутой крышей.

Эти странные символы озадачили Ворманна и породили в его душе какое-то смутное беспокойство. Было что-то гнетущее и тревожное в их уродливых тупых очертаниях. Он приблизился к одному из крестов и погладил его блестящую, полированную поверхность. Вертикальная планка оказалась из меди, горизонтальная — никелевая, а сам крест был полностью утоплен в шершавую поверхность гранитной плиты.

Ворманн вновь огляделся. Что-то еще волновало его. Чего-то здесь не хватало. И вдруг он понял чего — птиц. Нигде не было голубей. Во всех замках Германии их полным-полно круглый год: они гнездятся в самых немыслимых закоулках и трещинах, на всех чердаках. Здесь же не было ни одной птицы — ни на стенах, ни у окон, ни в башне.

Внезапно сзади раздался шум, и Ворманн резко обернулся, одновременно расстегивая кобуру и привычным жестом выхватывая пистолет. Звук приближался. Это были шаги, но шаги твердые и уверенные — кто-то смело шел прямо к нему. Ворманн увидел мужчину лет тридцати в безрукавке из овечьей шкуры. Он, казалось, не замечал Ворманна. В руках у мужчины был мастерок с цементом, которым он принялся замазывать небольшую трещину в стене, встав на корточки и повернувшись к капитану спиной.

— Эй, ты что там делаешь? — рявкнул Ворманн.

Каменщик от неожиданности выронил инструмент, вскочил и с гневным видом обернулся на зов, но, когда увидел военную форму и до него дошло, что к нему обратились на немецком языке, негодование на широком лице уступило место растерянности и испугу. Он пробормотал что-то невнятное — вероятно, по-румынски. Ворманн с раздражением подумал, что ему придется либо искать переводчика, либо самому учить этот язык, если они задержатся здесь хоть на сколько-нибудь приличный срок.

— Говори по-немецки! Что ты тут делаешь?

Мужчина боязливо и нерешительно покачал головой. Потом поднял вверх указательный палец, будто просил немного обождать, и прокричал какое-то слово, похожее на «папа».

Вскоре в одном из окон башни показалась голова пожилого мужчины в овечьей шапке. Ворманн не опускал оружие, выжидая, пока незнакомцы быстро переговорят о чем-то между собой. Потом старший из них крикнул сверху:

— Я сейчас спущусь, господин.

Ворманн кивнул и успокоился. Снова подошел к кресту и внимательно осмотрел его. Никель и медь... Но выглядели они почти как золото и серебро.

— На стенах замка шестнадцать тысяч восемьсот семь таких крестов, — раздался сзади скрипучий голос. Человек говорил с сильным акцентом, медленно подбирая слова.

Ворманн обернулся.

— Вы их считали? Или просто придумали это число для туристов?

— Меня зовут Александру, — степенно ответил мужчина и слегка приосанился. — Я работаю здесь с сыновьями. И мы никого сюда не пускаем.

— Теперь все будет по-другому. Мне сказали, что в замке никого нет.

— Так и есть, ночевать мы уходим домой. Мы живем здесь, в деревне.

— А где владелец?

Александру пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Кто он?

— Не знаю. — Он снова пожал плечами.

— Тогда кто же вам платит? — Все это начинало действовать Ворманну на нервы. Может быть, этот человек ничего больше и не умеет, как только пожимать плечами и говорить «не знаю».

— Хозяин гостиницы. Кто-то приносит ему деньги два раза в год, проверяет замок, делает для себя заметки, а потом уезжает. А хозяин гостиницы платит нам каждый месяц.

— А кто вам говорит, что надо делать? — Ворманн уже приготовился услышать очередное «не знаю», но его не последовало.

— Никто. — Александру стоял, гордо выпрямив спину, и говорил спокойно и с достоинством. — Мы все делаем сами. Наша задача — следить за тем, чтобы замок всегда выглядел как новый. А больше нам ничего и не надо знать. Где мы видим работу, там ее и делаем. Мой отец всю жизнь проработал здесь, его отец тоже и так далее... А после меня будут работать мои сыновья.

— И вы тратите все свое время на поддержание порядка в замке? Я не верю в это.

— Он больше, чем кажется на первый взгляд. В стенах, которые вас окружают, тоже есть комнаты. И в подвале их очень много, и в задней части, которая уходит в гору. Так что работа всегда найдется.

Ворманн обвел взглядом мрачные стены, наполовину погруженные в тень, потом двор, тоже темный, несмотря на светлое время суток. Кто выстроил этот замок? И кто платит за то, чтобы его поддерживали в идеальном порядке? Он не мог понять, кто и зачем, и еще раз оглядел строение.

— Очень хорошо. Можете продолжать свою работу после того, как мы обоснуемся здесь. Только не забывайте каждый раз показываться часовым, когда будете приходиться и уходить, и ваши сыновья тоже.

Старик лишь отрицательно покачал головой.

— В чем дело? — нахмурился Ворманн.

— Вы не можете здесь оставаться.

— Почему?

— Это запрещено.

— А кто запретил?

Александрю снова пожал плечами.

— Так было всегда. Мы следим за порядком в замке и за тем, чтобы здесь не было посторонних.

— И, конечно же, вы с этим всегда отлично справлялись... — Хладнокровие старого румына начинало забавлять Ворманна.

— Нет. Не всегда. Бывало, что путники оставались здесь, несмотря на наше предупреждение. Мы ничего не могли поделать — нам ведь не платят за то, чтобы мы силой выдворяли их. Но больше одной ночи тут никто не задерживался. А некоторые — и того меньше.

— А что же их пугает? Стоны и вздохи? Или, может быть, звон цепей?

— Нет... Здесь нет призраков, господин.

— Тогда, наверное, здесь происходят убийства. Жуткие убийства!.. А может, самоубийства?.. — Ворманн развлекался. — У нас в Германии тоже полно таких замков, и каждый имеет свою ужасную историю.

Александрю покачал головой.

— Нет, здесь никто не умирал. По крайней мере я об этом не слышал.

— Тогда в чем же дело? Почему никто не выдерживает здесь больше одной ночи?

— Им снятся сны. Страшные сны. И всегда одно и то же... Из того, что я слышал сам: людям кажется, будто их заперли в крошечной комнате без окон, дверей и без света... В полной темноте... И холодно. Очень холодно... И есть рядом с вами в этой темноте что-то такое... что еще холоднее, чем сама эта темнота... И «оно» очень голодное.

Ворманн почувствовал, что от таких рассказов по спине у него пробежал холодок. Он хотел спросить Александрю, а не провел ли он сам хоть одну ночь в этом замке, но, взглянув в глаза старика, сразу же понял все сам. Да, Александрю проводил в замке ночь. Но только однажды.

— Подождем, пока мои солдаты перейдут мост, — сказал Ворманн, ежась от холода. — А потом вы покажете мне весь замок.

Александрю стоял, растерянно переминаясь с ноги на ногу.

— Мой долг, господин капитан, — с тревогой в голосе продолжал он, — сообщить вам, что в замке не должно быть никаких жильцов.

Ворманн улыбнулся, но в его улыбке не было снисхождения. Он хорошо знал, что такое долг, и уважал чувства старика.

— Я понял ваше предупреждение. Но теперь вы имеете дело с немецкой армией, а это сила, которой вы не можете сопротивляться. Поэтому считайте, что выполнили свой долг до конца.

Сказав это, Ворманн повернулся и зашагал к воротам.

Командирская машина и три грузовика прошли по мосту без происшествий и были поставлены во дворе. Солдаты двигались вслед за ними пешком, неся на себе разную утварь. Сперва они перетащили личные вещи, а потом в несколько заходов всю провизию, генераторы и противотанковое оружие.

Пока сержант Остер отдавал приказы, Ворманн вместе с Александром отправился осматривать замок. Его продолжали удивлять кресты, расположенные на одинаковом расстоянии по всем стенам коридоров и комнат. Они, казалось, были повсюду: во дворе, в башне, в подвале, в задней секции, уходящей в скалу. Комнаты были без мебели, многие из них оказались на удивление маленькими.

— Здесь всего сорок девять помещений, включая башню, — сообщил Александру.

— Странное число, вы не находите? Почему бы не округлить его до пятидесяти?

Александру снова пожал плечами:

— Кто его знает...

Они прошли по верхней галерее широкой крепостной стены, окаймляющей вытянутой пятиугольник двора, вершину которого венчала башня, а основанием служил гранитный монолит отвесной скалы. Ворманн заметил, что и на внутренней части высокого парапета с бойницами тоже поблескивают металлические кресты. «Почему же на внешней стороне стен нет крестов?» — подумал он и, не найдя ответа, спросил об этом у Александра.

— Там их и правда нет. Только внутри. И посмотрите на эти плиты. Как точно они подогнаны друг к другу! Ведь между ними нет ни капли раствора. И все стены в замке построены именно так. Но этот секрет уже утерян...

Ворманну было наплевать на конструкцию стен. Он указал себе под ноги:

— Вы говорите, что там, под нами, тоже есть комнаты?

— Да, они расположены в два яруса в каждой стене и имеют маленькие окошки на внешнюю сторону и двери в коридор, ведущий ко двору.

— Прекрасно. Там у нас и будут казармы. Ну, а теперь — в башню.

Круглая сторожевая башня заставы тоже оказалась весьма необычной архитектуры. Здесь было пять этажей, на каждом — по две комнаты, которые занимали почти все пространство, оставляя лишь небольшой проход на следующий этаж. Узкая каменная лестница без перил круто взвивалась по северной стороне, упираясь в люк, ведущий на крышу.

Тяжело дыша после подъема, Ворманн облокотился о широкий зубец парапета на крыше башни и опытным глазом окинул открывшуюся панораму перевала.

— Отсюда все как на ладони, — пробормотал он себе под нос.

Неожиданно заговорил Александр:

— Но только не весной, во время тумана. Весной весь перевал покрывает густой туман.

Ворманн запомнил это. Значит, часовым на постах придется

не только ломать глаза день и ночь, но и внимательно прислушиваться ко всему.

— А куда подевались все птицы? — наконец спросил он. Ему очень не нравилось, что он до сих пор так и не увидел на перевале пернатых.

— Я чикогда не видел здесь птиц, — ответил Александру. — Ни одной.

— И вам это не кажется странным?

— Замок вообще очень странный, господин капитан, со всеми его крестами и тому подобным... Но я уже лет с десяти перестал любопытствовать и удивляться.

— А кто его построил? — спросил Ворманн и отвернулся, чтобы не видеть, как старик пожимает плечами.

— Спросите пятерых, и вы получите пять разных ответов. Одни говорят, будто какой-то опальный боярин из Валахии, другие — что предводитель взбунтовавшихся турок, а некоторые считают, что и сам папа римский. Но кто скажет наверняка? За пять столетий правда спряталась, а сказки разрослись.

— Вы и в самом деле считаете, что он такой старый? — спросил Ворманн, последний раз окидывая взглядом перевал. «Правда может спрятаться и за несколько лет...» — едко заметил он про себя, поворачиваясь к скользкой, стоптанной лестнице.

Едва они спустились во двор, как Александру сразу же устремился на звук топора, доносившийся из задней секции замка. Ворманн поспешил вслед за ним. Увидев, что солдаты расковыривают чем-то стены, старик, схватившись за сердце, бросился назад к капитану.

— Господин! Господин! Они вставляют гвозди между камнями! — кричал он на бегу, в ужасе заламывая руки. — Остановите их! Они испортят кладку!

— Чепуха! Это всего лишь несколько гвоздей. Мы привезли с собой генераторы и должны провести здесь свет. Немецкая армия не собирается жить при свечах.

Но, пройдя немного вперед, они увидели сидящего на корточках молодого солдата, который, ловко орудуя штыком, пытался выломать из стены крест. Александру не на шутку разволновался.

— А этот? — громким шепотом спросил он. — Он тоже лампы прибывает?

Ворманн быстро и незаметно подошел сзади к увлечшемуся солдату. Заметив, что тот почти уже выломал крест, капитан неожиданно задрожал и весь покрылся холодным потом.

— Кто дал вам это задание? — ледяным тоном спросил он, с трудом выговаривая слова.

Солдат испуганно вздрогнул, вскочил и выронил из рук винтовку. Увидев над собой свирепое лицо командира, он болезненно сморщился и втянул голову в плечи.

— Отвечать! — жутким голосом взревел Ворманн.

— Никто, господин капитан. — Солдат, бледный как полотно, вытянулся по стойке «мирно».

— Какой вы получили приказ?

— Развесить лампы.

— И что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего, господин капитан.

— Я хочу знать, о чем вы думали, когда действовали как настоящий вандал, а не как солдат немецкой армии. Отвечать!

— О золоте, господин капитан, — покорно признался солдат. Это звучало глупо, он и сам понимал. — Я слышал, будто замок выстроен папой римским, чтобы хранить здесь сокровища. А эти кресты, господин капитан... Они как будто сделаны из золота и серебра. И я просто...

— Вы не выполнили отданный вам приказ, рядовой. Как ваша фамилия?

— Лютц, господин капитан.

— Значит, так, рядовой Лютц: я вижу, для вас этот день слишком насыщен событиями. Вы не только узнали, что кресты сделаны из меди и никеля, а не из золота и серебра, но также заработали себе право бессменного ночного дежурства на всю неделю. Доложите о полученном взыскании сержанту Остеру, когда закончите с лампами.

Лютц поднял винтовку и поплелся во двор. Когда Ворманн повернулся к Александру, тот был бледен как смерть и заметно дрожал.

— Эти кресты нельзя трогать! — прошептал перепуганный румын. — Никогда!

— Почему?..

— Потому что так было всегда. В замке ничего нельзя изменять. Поэтому мы и работаем здесь. И поэтому вам не нужно тут оставаться!

Когда Ворманн повернулся и зашагал прочь, вслед ему все еще неслись слова Александру:

— Пожалуйста, господин капитан! Скажите им, чтобы не трогали кресты! Пусть только не трогают кресты!..

Среда, 23 апреля
Время: 03.20

Было уже за полночь, когда Ворманн лег на жесткий походный матрас, расстеленный прямо на полу его комнаты. Он выбрал себе третий этаж башни, чтобы иметь круговой обзор поверх окаймляющих двор стен и в то же время тратить не слишком много сил на подъем. Первая комната служила кабинетом, а маленькая каморка позади нее отводилась под частное помещение.

Но едва Ворманн лег на матрас, как сон куда-то сразу же улетучился. Мысли побежали во всех направлениях: сегодня холодно, но все-таки не настолько, чтобы зажигать камин... Да и дров пока нет... И летом, наверное, здесь будет не слишком жарко... Хотя с водой проблем нет: в подвале нашли цистерны, наполняемые прямо из подземного источника... Вот только вечные хлопоты с санитарией... И сколько еще придется здесь проторчать?.. Может быть, дать завтра солдатам отоспаться после трудного дня?.. А может, попросить Александру и его сыновей изготовить для них что-нибудь вроде коек, чтобы не спать на

голых камнях?.. Особенно если придется пробыть здесь до осени или зимы... Если война затянется...

Ворманн открыл глаза и уставился в темноту. Хотя противоположная стена сейчас пряталась в густой тени, он почти что видел кресты, вставленные в толщу плит, и их присутствие действовало успокаивающе.

Ему вспомнился инцидент в коридоре и тот ужас, что охватил его при виде солдата — как же его фамилия? Кажется, Лютц...

Лютц... Рядовой Лютц... С ним придется помучиться... Надо будет сказать завтра Остеру, чтобы приглядывал за ним...

И тут Ворманн начал проваливаться в сон, напоследок подумав о том, посетят ли его те кошмары, о которых рассказывал Александру.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Застава

Среда, 23 апреля

Время: 03.40

Рядовой Ганс Лютц сел на корточки под тусклой дежурной лампочкой — одинокая сутулая фигура на маленьком островке света в море сплошной темноты — и глубоко затянулся сигаретой, подперев спиной влажный камень подвальной стены замка. Он снял каску, и стали видны его жесткие светлые волосы над холодными водянистыми глазами и тонкой линией рта. Все тело противно ныло. Он страшно устал и хотел сейчас лишь одного — упасть на матрас и забыться глубоким сном. Если бы в подвале было хоть немного теплее, он задремал бы прямо здесь. Но он не мог себе этого позволить. В семи ночных дежурствах подряд и так было мало радости, а что произойдет, если его вдобавок найдут еще спящим на посту, — одному Богу известно. А ведь Ворманн вполне может пройти именно по этому коридору, специально чтобы проверить его. Поэтому засыпать нельзя.

Конечно, капитан засек его сегодня по чистой случайности, но все равно теперь следовало быть вдвойне осторожным.

Лютц не сводил глаз с этих странных крестов с той минуты, как они вошли во двор замка. И через час соблазн стал просто невыносимым, до того они были похожи на золото и серебро, как бы это ни казалось невероятным. Предстояло немедленно разобратся во всем. Кто же знал, что этим он наживет себе столько неприятностей?..

Зато он по крайней мере удовлетворил свое любопытство: это не золото и не серебро. Хотя такое открытие и не стоило семи нарядов вне очереди.

Лютц зябко потер руки возле тусклого огонька сигареты. Боже, как холодно! Гораздо холоднее, чем во дворе, где дежурят Отто и Эрнст. Но он сознательно выбрал это место, надеясь, что холод освежит его и стряхнет сон. По крайней мере так он сказал сержанту, хотя на самом деле ему не терпелось продолжить свои изыскания.

После дневной неудачи Лютц не отчаялся найти сокровища папы римского. Они наверняка находятся где-то здесь — в стене или под полом. А где именно — уж это он выяснит.

Лютц задумчиво устался на противоположную стену коридора. Здесь, в подвале, было особенно много крестов. Но, как и везде, они были удивительно похожи друг на друга, кроме...

Кроме, пожалуй, вон того — слева в нижнем ряду. Он как-то по-другому отсвечивает в тусклых лучах оголенной лампочки. Что это — игра света и тени? А может быть, другое покрытие?

Или другой металл?

Лютц снял с колен свой «шмайсер» и прислонил его к стене. Потом вынул из ножен штык и на четвереньках пополз вперед. И как только штык коснулся поверхности желтого металла, он понял, что попал на след. Металл был мягкий и желтый, каким бывает только чистое золото.

Руки у него задрожали, когда он вонзил штык между камнем и крестом и со скрипом продвинул лезвие, насколько смог. Но потом, несмотря на все усилия, штык перестал продвигаться. Видимо, он наткнулся на более широкую заднюю часть креста, хитроумно врезанную в монолит плиты. Лютц с новой силой налег на нож и неожиданно ощутил под рукой какое-то слабое движение. Он остановился. Проклятие! Закаленная сталь клинка врезалась прямо в золото. Он попробовал изменить угол наклона, но все равно металл гнулся, расплзался...

...И вдруг камень дрогнул.

Лютц убрал штык и внимательно осмотрел плиту. Ничего особенного: два фута шириной, фута полтора в высоту и, наверное, фут в глубину. Как и все остальные плиты в замке, она не крепилась к соседним камням никаким раствором, но теперь выступала на добрых полдюйма вперед по сравнению с другими. Лютц встал и измерил шагами расстояние до двери ближайшей комнаты слева от камня, потом вошел в комнату и промерил длину стены изнутри. Затем повторил ту же операцию по правую сторону от шатающейся плиты и методом сложения и вычитания обнаружил существенную разницу в результатах. Число шагов не совпадало.

Значит, за плитой находилось потайное помещение.

Едва сдерживая в груди победный крик, Лютц всем телом навалился на камень, пытаясь выдвинуть его. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось продвинуться ни на дюйм. Придется звать кого-то на помощь.

Выбор пал на Отто Грюнштадта, который в это время патрулировал двор. Он никогда не был против легкой наживы. А здесь наверняка спрятан самый что ни на есть лакомый кусочек. За стеной их ждали миллионы, облаченные в золото папы римского. Лютц был абсолютно уверен в этом. Он почти видел это золото.

Оставив оружие у стены, солдат стремглав бросился к лестнице.

— Отто, скорее!

— Что-то я сомневаюсь, — ворчал Грюнштадт, стараясь не отставать. Он был темноволос, намного плотнее Лютца и, несмотря на холод и сырость, успел уже порядком вспотеть. — И потом, мне надо все время быть наверху. Если меня хватятся...

— Но это займет всего пару минут. Не ной.

Прихватив в кладовой керосиновую лампу, Лютц чуть ли не

силой уволок Грюнштадта с поста, взхлеб рассказывая ему о несметных сокровищах и о том, что сейчас они обеспечат себя на всю жизнь и никогда больше не будут работать. Грюнштадт стремительно летел вслед за Лютцем.

— Видишь? — торжествующе прошептал Лютц, указывая на камень. — Видишь, как он выпирает?

Грюнштадт встал на колени и внимательно осмотрел истерзанный край креста. Потом поднял штык и попробовал металл острием. Крест поддался.

— Точно, золото, — тихо произнес он.

От радости Лютцу хотелось лягнуть Грюнштадта, заставить его поторопиться, но он сдержался — пусть Отто решает сам. Он терпеливо ждал, пока Грюнштадт испробует штыком все остальные кресты, до которых только мог дотянуться. Остальные были из меди. Этот — единственный, который стоило вынимать.

— А камень, к которому он приделан, между прочим, шатается, — быстро добавил Лютц. — И за ним — замурованное пространство в шесть футов шириной, и Бог знает, какой глубины.

Грюнштадт посмотрел на него и криво ухмыльнулся. Выводы напрашивались сами собой.

— Давай выдвигать, — согласился он.

Вдвоем работа пошла быстрее, но не настолько, чтобы Лютц был в восторге. Огромная глыба едва заметно подавалась то влево, то вправо, и через пятнадцать минут напряженного труда камень вышел вперед лишь на дюйм.

— Подожди, — сказал Лютц, с трудом переводя дух. — Эта штука в целый фут толщиной. Так мы всю ночь провозимся и не успеем до смены караула. Может, попробовать выгнуть середину креста? У меня, кажется, есть неплохая идея.

Общими усилиями им удалось отогнуть центр креста настолько, что в образовавшуюся щель протиснулся толстый форменный ремень.

— Теперь мы его вытащим! — с азартом потер руки Лютц.

Грюнштадт напряженно улынулся. Его очень волновало, что он надолго покинул свой пост.

— Тогда давай пробовать.

Упершись ногами в стену, они покрепче ухватились за концы ремня и, дружно напрягая уставшие мышцы, стали вытаскивать упрямый камень. Через минуту он завибрировал и с громким скрежетом начал медленно выезжать вперед. Натужно крихтя, они отволокли глыбу в сторону, и Лютц пошарил в карманах в поисках спичек.

— Приготовься увидеть золотишко! — Он зажег керосиновую лампу и поднес ее к отверстию. Но, кроме густой темноты, они не увидели ничего.

— Уже готов, — с досадой ответил Грюнштадт. — Когда начинать подсчитывать?

— Как только я вернусь.

Лютц был по-прежнему полон решимости. Он деловито подкрутил фитиль и начал вползать на животе в отверстие, держа лампу перед собой. Привыкнув к полумраку, он увидел, что перед ним находится узкий каменный лаз длиной фута в четы-

ре, ведущий вперед и немного вниз. Лаз заканчивался другой гранитной плитой, похожей на ту, которую они только что вынули из стены. Лютц поднес лампу ближе. На плите блеснул еще один крест.

— Поддай штык,— сказал он, протягивая руку.

Грюнштадт вложил в его ладонь рукоятку ножа.

— В чем дело?

— Там другая плита.

Какое-то время Лютц ощущал лишь горькое разочарование. Здесь едва хватало места для него одного. Значит, вытащить вторую плиту невозможно. Чтобы добраться до нее, надо ломать целую стену, а это двоим уже не под силу. Лютц не знал, что делать дальше, но любопытство все еще разбирало его, побуждая узнать, из чего сделан крест, находящийся перед ним. Если тоже из золота, значит, они на верном пути.

С кряхтением поворачиваясь в узком проходе, он умудрился подцепить крест штыком. Металл оказался мягким. Но на этом открытии не закончились: казавшийся непрístupным камень стал беззвучно уходить вовнутрь, будто держался на невидимых петлях. Лютц с силой толкнул его и обнаружил, что это всегoнавего тонкая гранитная перегородка, не более дюйма толщиной. Под давлением руки она легко ушла в темноту, и на него пахнуло спертым холодным воздухом. Что-то невыразимо гнетущее было в этом внезапном воздушном потоке, отчего волосы на голове Лютца встали дыбом, а все тело покрылось мурашками.

«Холодно,— подумал он, начиная дрожать.— Но не может же здесь быть НАСТОЛЬКО холодно!»

Он попытался успокоиться и вскоре медленно двинулся дальше, толкая лампу перед собой. Но едва он дополз до открывшегося отверстия, как огонь в лампе начал гаснуть. Однако пламя не прыгало и не шипело в тонкой стеклянной колбе, так что нельзя было свалить это на странный холодный поток, продолжавший нестись из темноты. Язычок огня просто медленно уменьшался, постепенно исчезая на кончике фитиля. Лютц подумал, что, возможно, здесь присутствует какой-нибудь ядовитый газ, однако дыхание его было свободным и никакого жжения в глазах и носу он не чувствовал.

— Отто! — крикнул он через плечо.— Привяжи мне к ноге ремень и держи крепче. Я опускаюсь дальше.

— Может, подождем до утра? Пока станет светлее...

— Ты с ума сошел! Тогда все узнают и потребуют свою долю, а капитан, конечно, возьмет себе больше всех! Мы почти все уже сделали сами, а в результате останемся с носом!

Но Грюнштадт продолжал колебаться:

— Что-то мне все это начинает не нравиться.

— В чем дело, Отто?

— Не знаю. Просто я не хочу здесь больше торчать.

— Перестань скулить, как старая баба! — огрызнулся Лютц.— Привяжи ремень и держи! Если шахта там резко уходит вниз, я не хочу грохнуться.

— Ладно,— нехотя согласился Грюнштадт.— Только быстрее.

Лютц подождал, пока петля потуже затянется на его левой

лодыжке, а потом полез дальше, держа лампу перед собой. Ему не терпелось скорее разбогатеть. Он старался ползти как можно быстрее, но узкий проход сильно стеснял движения. Когда он просунул голову и плечи в отверстие внутреннего люка, от пламени осталась лишь крохотная бело-голубая точка на кончике фитиля. Как будто огню не хватало здесь места и темнота загоняла его назад в фитиль.

Лютц продвинул лампу на несколько дюймов вперед, и огонек исчез совсем. В этот момент он почувствовал, что находится здесь не один.

Нечто такое же темное и холодное, как само помещение, в котором он оказался, проснулось и теперь пристально следило за ним, как голодный хищник за жертвой. Лютца начало трясти. Ужас сковал все его существо. Он инстинктивно отпрянул назад, пытаясь убрать голову и плечи из люка, но было уже слишком поздно. Будто челюсти гигантского каменного зверя сомкнулись на нем, и в этой темноте не было ему больше пути ни туда, ни обратно. Его медленно поглощали жуткий холод и мрак, и от этого Ганс почувствовал, что сходит с ума. Он открыл рот, чтобы попросить Отто скорее вытащить его. И в тот миг ледяная волна накрыла Лютца, вошла в его легкие и превратила голос в дикий, нечеловеческий вой.

Ремень в руках у Грюнштадта странно задергался, когда Лютц начал отчаянно лягаться, пытаясь выбраться из каменного мешка. Потом откуда-то издалека раздался крик, полный страха и отчаяния. Внезапно звук оборвался. И одновременно Лютц перестал дергаться.

— Ганс!

Тишина.

Почуввав неладное, Грюнштадт начал тащить ремень, и вскоре из темноты показались ноги Лютца. Тогда он схватил его за сапоги и выволок в коридор. А секунду спустя жуткий вопль вырвался из его груди, разнесся по коридору и вскоре достиг такой силы, что стены подвала зловеще загудели в ответ.

Грюнштадт замер, перепуганный собственным криком. В это время стена задрожала, и на ней появилось множество мелких трещин. Широкий извилистый разлом пролегал рядом с тем местом, откуда они вытащили злополучный каменный блок. Лампочки в коридоре замигали и стали гаснуть одна за другой. И, наконец, стена рухнула, осыпав Грюнштадта градом осколков и одновременно выпуская наружу что-то чудовищно черное и холодное. Этот ступок ледяного мрака в один миг пронесся мимо остолебеневшего Грюнштадта...

И начался ужас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тавира, Португалия
Среда, 23 апреля
Время: 02.35 по Гринвичу

Рыжеволосый мужчина проснулся от внезапного внутреннего толчка. Сон моментально слетел с него, как сброшенная с плеч

одежда, и поначалу он даже не мог понять, что случилось. У него был тяжелый день в бурном море, еще один изнурительный поединок с нагруженными сетями, и он надеялся спокойно проспать до рассвета. Однако уже вскоре после полуночи проснулся. Почему?..

И тут он все понял.

Сморщившись от досады, мужчина стукнул в сердцах по прохладному песку возле низкой деревянной кровати. Но в его движении были одновременно и гнев, и какая-то поразительная смиренность. Просто он уже начал надеяться, что этот момент никогда не наступит, каждый день повторяя себе, что этого больше не случится. Но это, увы, произошло, и он с горечью осознал, что такой ход событий был попросту неизбежен.

Мужчина встал с кровати и в одних трусах прошелся по комнате. У него были правильные черты лица, но оливковый цвет смуглой кожи никак не вязался с огненно-рыжими волосами. Мужчина был широкоплечий, с узкой талией и имел на теле множество шрамов. Двигаясь по комнате с кошачьей грацией, он быстро собирал свои вещи. Его нехитрая рыбацкая одежда была развешана на крюках, вбитых в стены крошечной темной каморки. Кое-что он достал из стола, затем сложил все нужное на кровать, завернул в покрывало и перевязал крест-накрест веревкой, мысленно прокладывая маршрут до Румынии.

198 После этого надел куртку, широкие брюки, перекинул узелок через плечо, взял стоявшую у двери лопату и вышел на улицу. Ночь была прохладная и безлунная, влажный воздух наполняли запахи моря. За дюнами шипел и рычал Атлантический океан. Рыжеволосый миновал невысокий кустарник и, выбравшись к началу широкого песчаного мыса, начал копать. На глубине четырех футов лопата уперлась во что-то твердое. Мужчина нагнулся и дальше принялся работать уже руками. Несколько быстрых, умелых движений — и из земли показался длинный, узкий футляр, завернутый в толстую клетчатую клеенку. Он был в пять футов длиной, десять дюймов шириной и не более дюйма в высоту. Рыжеволосый задумался. Плечи его опустились, когда он взял футляр в руки. Он уже так надеялся, что ему никогда больше не придется его открывать... Отложив футляр в сторону, мужчина стал копать дальше и вскоре извлек из песка кожаный пояс с монетами, тоже завернутый в клеенку.

Пояс он обмотал вокруг талии под рубашкой, а футляр взял под мышку. Потом быстрым шагом направился к дюнам, где Санчез держал свою лодку, каждый раз вытаскивая ее высоко на песок и на всякий случай привязывая к столбу, чтобы не унесло в море неожиданным приливом. Он был очень осторожным, этот Санчез. И хорошим хозяином. Рыжеволосому нравилось у него работать.

Забравшись в лодку, он достал со дна сети и бросил их на песок. Затем туда же выложил деревянную коробку с инструментами и снастями, предварительно достав из нее гвозди и молоток. Потом, подойдя к столбу Санчеза, вынул из пояса четыре

золотых монеты по сто австрийских шиллингов. В поясе было много и других монет самых разных стран и эпох: русские червонцы, иорданские динары, чешские десятки, американские «двойные орлы» по двадцать долларов и даже древние флорины и драхмы. Сейчас, во время войны, ему приходилось зависеть от золота, чтобы совершить путешествие по Средиземному морю.

Одним точным движением руки рыжеволосый пронзил монеты гвоздем и прибил их к столбу. На них Санчез купит себе новую лодку. Получше этой.

Затем отвязал лодку, стащил ее на воду, прыгнул внутрь и взялся за весла. Отплыв немного, он поднял единственный потрепанный парус и повернул нос на восток, в сторону Гибралтара. Потом оглянулся и окинул прощальным взглядом маленькую рыбацкую деревушку, освещенную одними лишь звездами. Этот мирный уголок на самом юге Португалии в последние годы стал его домом. Нелегко было ужиться с рыбаками. Они не сразу начали доверять ему и, наверное, так и не приняли его до конца. Но даже если он и не стал среди них своим, то по крайней мере они убедились в том, что он отличный работник. А это они уважали. Работа сделала из него крепкого, мускулистого мужчину, что было очень полезно после стольких лет тихой, уединенной жизни. У него даже появились здесь новые друзья, но не настолько близкие, чтобы жаль было с ними расставаться.

Работа у него была трудная, но он согласился бы работать и вдвое больше, лишь бы остаться здесь, а не ехать на встречу со своей судьбой. Думая о предстоящей встрече, он то сжимал, то разжимал кулаки. Но никто другой не мог поехать вместо него. Только он.

В воспаленном мозгу металась единственная мысль: что, если он не успеет? Вдруг уже будет слишком поздно?.. И мысль эта была настолько ужасной, что он пытался хоть на время прогнать ее прочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Застава

Среда, 23 апреля

Время: 04.35

Ворманн проснулся весь в холодном поту. Но его разбудил не протяжный крик Грюнштадта — тот находился слишком далеко, и он не мог его слышать. Нечто другое вырвало капитана из сна. Это было чувство, что сейчас свершилось что-то страшное и непоправимое.

Через минуту Ворманн, наспех облачившись в рубашку и брюки, уже бежал вниз по лестнице. Люди начали собираться во дворе, со страхом прислушиваясь к нечеловеческому вою, который, казалось, несся одновременно со всех сторон. Не теряя времени, капитан тут же отправил троих с оружием проверить подвал. Сам он пошел вслед за ними, но, дойдя до середины двора, увидел, что двое уже возвращаются назад. Оба были бледны и сильно дрожали.

— Там мертвец, — тихо сказал один из них.

— Кто? — похолодев, спросил Ворманн, устремляясь к подвальной лестнице.

— По-моему, Лютц, но я не уверен. Головы нет!

Труп в военной форме ждал его в центральном коридоре подвала. Он лежал на животе, засыпанный мелкой каменной крошкой. Без головы. Но голова не была отрезана или отрублена — она была именно сорвана с плеч, и над лохмотьями окровавленной кожи торчали уродливые обрывки сосудов и связок. Солдат был рядовым — и это все, что удавалось сказать о нем с первого взгляда. Второй солдат сидел рядом, диким безумным взглядом уставившись в зияющий перед ним пролом стены. Ворманн внимательно оглядел его, и тот вдруг издал такой жуткий надсадный вой, что у капитана мороз побежал по коже.

— Что здесь случилось? — строго спросил Ворманн, но солдат не реагировал. Тогда он схватил его за плечо и грубо потряс, но глаза рядового оставались пустыми и безучастными — он даже не понимал, что перед ним стоит командир. Казалось, бедняга настолько ушел в себя, что весь окружающий мир перестал для него существовать.

Понемногу в подвал начали заглядывать со двора другие солдаты, желая выяснить, что здесь произошло. Собравшись с силами, Ворманн вернулся к обезглавленному трупу и пошарил у него в карманах. В бумажнике он нашел послужную карточку на имя рядового Ганса Лютца.

На своем веку Ворманн повидал много мертвых, но то, что предстало перед ним сейчас, не шло ни в какое сравнение с многочисленными жертвами войны, которые ему столько раз уже доводилось видеть. Эта смерть сводила с ума своей дикостью и уродством. И в голове вертелся один вопрос: вот что случается с теми, кто пытается выломать крест из стены?..

Пришел Остер с керосиновой лампой. Когда ее зажгли, Ворманн осторожно заглянул в темноту пролома. В свете лампы стали видны голые стены узкого каменного лаза. Из рта шел пар. Здесь было холодно — гораздо холодней, чем снаружи. Затхлый запах и еще что-то... Какая-то разом нахлынувшая тоскливая обреченность, отчего сразу захотелось назад.

Но на него смотрели солдаты...

Ворманн медленно приблизился к источнику сквозняка — это была большая неровная дыра в полу. Вероятно, один из камней раскололся и рухнул вниз, когда обвалилась стена. Под ногами чернела бездна. Капитан поднес к отверстию лампу, и она осветила крутые ступени, ведущие в открывшееся под подвалом глубокое подземелье. Узкая неровная лестница была сплошь усеяна битым камнем. Один из обломков выглядел по-странному круглым. Наклонившись к нему, Ворманн еле сдержал вопль ужаса — бессмысленным остановившимся взглядом на него смотрела голова Ганса Лютца с разодранным окровавленным ртом.

Бухарест, Румыния
Среда, 23 апреля
Время: 04.55

Магда не задавалась вопросом, зачем она все это делает, пока не послышался голос отца:

— Магда!

Она машинально взглянула в зеркало и увидела свое лицо. Волосы были распущены и темно-коричневым каскадом спадали на плечи, а оттуда рассыпались по всей спине. Она не привыкла видеть себя с такой прической. Обычно Магда завязывала на затылке тугой пучок и убирала непослушные пряди под косынку. И никогда не распускала волосы днем.

Сразу же начались вопросы: а какой сегодня день? И сколько сейчас времени? Магда посмотрела на часы. Без пяти пять. Невероятно! Ведь она проснулась уже десять или пятнадцать минут назад. Наверное, ночью остановились часы. Однако, подняв их, она услышала, что механизм продолжает исправно тикать. Странно...

В задумчивости подойдя к окну, она выглянула наружу и сквозь туманную дымку увидела еще спящий город.

Потом опустила глаза и обнаружила, что стоит босиком в своей синей фланелевой ночной рубашке с широкими рукавами и подолом до самого пола. Плавные очертания небольшой упругой груди просматривались под мягкой бархатистой тканью, свободно облегающей еще теплое со сна тело.

Магда была тайной для окружающих. С детства ее отличали правильные черты лица, гладкая белая кожа и большие карие глаза. Но, несмотря на все это, в свои тридцать два года она оставалась незамужней. Магда была ученой девушкой, преданной дочерью, сестрой милосердия. И старой девой. Хотя многие молодые замужние женщины позавидовали бы ее нежной груди, свежей и нетронутой. И она не хотела, чтобы это когда-нибудь изменилось.

Громкий голос отца прервал ее размышления.

— Магда! Что ты там делаешь?

Она рассеянно посмотрела на раскрытый поверх одеяла чемодан, до половины заполненный зимней одеждой, и неожиданно для самой себя ответила:

— Собираю теплые вещи.

Спустя несколько секунд отец попросил:

— Пойди сюда, а то я перебужу своим криком весь дом.

Магда быстро подошла к его постели. Для этого ей пришлось сделать всего несколько шагов. Их квартира, расположенная на первом этаже огромного грязного доходного дома, состояла из четырех комнат — две спальни бок о бок, крошечная кухня с угольной печкой и небольшая комната-прихожая, служившая одновременно фойе, гостиной, столовой и кабинетом. Магда очень скучала по старому дому. Вот уже шесть месяцев, как им пришлось переехать оттуда. Часть вещей они забрали с собой, а остальное продали.

Семейную мезузу¹ они повесили на внутренней стороне двери, а не снаружи. Обстоятельства сейчас были таковы, что этот шаг казался весьма дальновидным. На внешней же стороне двери один цыган — старый друг отца — вырезал маленький символ, обозначающий друга.

Ночник на тумбочке старика был включен, слева от кровати стояло неуклюжее деревянное кресло-каталка. Отец лежал на спине и среди белых накрахмаленных простыней был похож на увядающий цветок, хранящийся между страницами книги. Он поднял иссохшую руку в неизменной теплой перчатке и сморщился от неожиданной боли — даже такое простое движение причиняло ему столько страданий. Магда осторожно взяла его за запястье, села рядом и начала растирать морщинистые узловатые пальцы. Ей было очень больно смотреть, как жизнь угасает в нем с каждым днем.

— Что это за вещи ты там собираешь? — спросил отец, близируко прищурившись. Очки лежали на тумбочке, а без них он почти ничего не видел. — Ты мне не говорила, что уезжаешь.

— Но ведь мы уезжаем вместе, — улыбнулась она с оттенком легкого удивления.

— Куда?

И тут Магда почувствовала, что улыбка сходит с ее лица, уступая место недоумению. В самом деле, куда? Она поняла, что не имеет об этом ни малейшего представления, просто в голове почему-то вертелась заснеженные вершины и слышалось то-скливое завывание холодного ветра.

— В Альпы, папа.

Губы отца растянулись в грустной улыбке, и казалось, что сухая тонкая кожа, похожая на почерневший от времени пергамент, вот-вот не выдержит и лопнет.

— Тебе, наверное, все это приснилось, моя дорогая. Никуда мы не едем. Во всяком случае, мне это уже вряд ли под силу. Это был просто сон, чудный сон, вот и все. Забудь его и поспи еще.

Магда нахмурилась, уловив в его голосе печальные нотки. Он давно уже сражался с болезнью, которая высасывала из него не только физические, но и духовные силы. Однако сейчас было не время спорить. Она погладила его руку и потянулась к выключателю.

— Наверное, ты прав. Мне приснилось. — Поцеловав отца в лоб, Магда щелкнула выключателем, и старик остался один в темноте.

Вернувшись в свою комнату, она посмотрела на чемодан с вещами, который все еще лежал на кровати. Конечно, ей просто приснилось, что они собираются уезжать. Иначе как еще можно было все это объяснить? Да сейчас им и ехать-то никуда нельзя.

Однако странное чувство осталось. Какая-то необъяснимая

¹ Мезуза (ивр.— дверной косяк): у иудаистов — прикрепленный к косяку двери или воротам дома футляр со свитком пергамента, на котором записаны основные принципы иудейской веры из ветхозаветной книги «Второзаконие», гл. 6:4—9 и 11:13—21 (прим. перев.).

уверенность, что они очень скоро поедут куда-то на север, причем именно вдвоем. Ей стало немного не по себе, и по коже побежали мурашки, будто кто-то тронул ее холодной рукой.

Магда никак не могла избавиться от этого чувства, поэтому просто захлопнула чемодан и зачихнула его под кровать, не запирая замков.

В чемодане остались теплые вещи. Ведь в это время года в Альпах еще довольно холодно...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Застава

23 апреля, среда

Время: 06.22

Прошло несколько напряженных часов, прежде чем Ворманн выкроил минуту, чтобы выпить по чашечке кофе с сержантом Остером. Рядового Грюнштадта поместили в отдельную комнату и на время оставили одного. Два дневальных раздели его и уложили в постель.

— Насколько я понимаю, — рассуждал сержант Остер, — когда стена рухнула, один из каменных блоков упал ему на плечи и оторвал голову.

Ворманн чувствовал, что Остер делает над собой большое усилие, пытаясь говорить спокойно и рассудительно, тогда как внутри он точно так же напуган и ошарашен, как и все остальные.

— Неплохая версия, раз уж у нас все равно нет медицинского заключения. Правда, она не объясняет, что они делали там вдвоем и почему Грюнштадт в таком состоянии.

— Да, он в шоке, — озабоченно заметил сержант.

Но Ворманн с сомнением покачал головой.

— Этот человек участвовал во многих сражениях. Он видел и не такое. Я не могу поверить, что у него просто шок. Тут что-то другое.

Ворманн начал по порядку восстанавливать в памяти события вчерашнего дня, а потом и ночи. Каменная плита с искореженным крестом из чистого золота и серебра, ремень вокруг ноги Лютца, замураванная шахта в толще стены... Все указывало на то, что Лютц забрался в этот лаз, надеясь найти там сокровища.

— Наверное, они нарушили равновесие, когда вытаскивали нижний камень, — предположил Остер. — И поэтому стена обвалилась.

— Вряд ли, — ответил капитан, понемногу отхлебывая горячей кофе. — Конечно, пол в подвале может быть слабым, но кладка стены... — Он вспомнил вид разбросанных по коридору обломков. Создавалось впечатление, будто там что-то взорвалось. Этого он никак не мог объяснить. Ворманн отставил чашку в сторону. С объяснениями придется подождать.

— Пойдемте. У нас еще много работы.

Капитан направился в свой кабинет, а Остер должен был связаться по радио с Плоешти — два раза в день они выходили на связь со штабом. Сержанту было приказано доложить о происшедшем как о несчастном случае.

Небо уже было светлым, но двор все еще прятался в густой тени, когда Ворманн подошел к окну и выглянул наружу. Замок изменился. Во всем чувствовалось какое-то зловещее напряжение. Еще вчера эта крепость представляла собой не что иное, как просто старое каменное сооружение. Теперь же все было по-другому. Каждая тень казалась мрачнее, и все время хотелось оглянуться, будто кто-то стоял за спиной.

Ворманн подошел ко второму окну. А вот и сам Александр с двумя сыновьями!.. Наконец-то все встанет на свои места.

Он с облегчением перевел взгляд на деревню, освещенную ярким солнцем, встающим из-за горных вершин. Одна половина селения лучезарно светилась, а другая еще покоилась в предрасветной тени. Ворманн понял, что именно так он и должен изобразить все на своей картине. Он отступил немного назад: утренняя деревня в оправе из серого гранита стены сияла, как драгоценный камень. Ему понравился сочный контраст, и хотелось немедленно окунуться в работу. Ворманн давно уже заметил, что лучше всего ему пишется после стресса.

К вечеру стало ясно, что с Грюнштадтом дела совсем плохи. Улучшений не было никаких. Он лежал в той же позе, в которой его оставили, и продолжал бессмысленно смотреть в потолок. Время от времени он начинал дрожать и мычать, и все чаще мычание переходило в протяжный жалобный вой.

В течение всего дня Ворманн внимательно наблюдал за солдатами и был рад, что они охотно принялись за тяжелую работу, которую он им предложил. Все трудились на совесть, невзирая на то, что почти не спали, и, казалось, не вспоминали случая с Лютцем. Товарищи знали его как выдумщика и авантюриста, поэтому такой конец казался им вполне логичным.

204 Ворманн решил проверить посты и, очутившись в коридоре возле комнаты Грюнштадта, осторожно заглянул в щель двери. В дальнем углу горела тусклая керосиновая лампа. Солдат неподвижно сидел на матрасе, часто дышал и стонал. Лицо его покрывала испарина. Стоны изредка сменялись протяжным тоскливым воем. Ворманну захотелось побыстрее уйти отсюда, чтобы не слышать этого страшного звука.

Дойдя до конца коридора, он собирался уже выйти во двор, как сзади раздался душераздирающий крик. Секунду спустя крик оборвался. Ворманн застыл, не в силах повернуться. С большим трудом ему удалось заставить себя повернуться и на ватных ногах побежать по коридору назад. Достигнув двери, он с ходу ворвался в комнату. Сейчас здесь было очень холодно — гораздо холодней, чем минуту назад. Лампа потухла. Капитан нащупал в кармане спички, зажег одну и повернулся к Грюнштадту.

Он был мертв. Глаза открыты и выпучены, нижняя челюсть отвисла, а губы растянуты так, будто лютый мороз сковал тело в момент последнего предсмертного крика. Спичка потухла. Ворманн чиркнул еще одной и, приглядевшись получше, еле сдержал тошноту — горло Грюнштадта было просто-напросто вырвано. Кровь забрызгала стены и потолок.

Ворманн действовал машинально. Не успев сообразить что к чему, он уже выхватил пистолет и глазами обшаривал каждый угол, надеясь пристрелить на месте того, кто все это совершил. Потом подбежал к окну, высунулся наружу и осмотрел стены. Но не увидел там ни веревки, ни каких-либо других следов. Невероятно! Никто не выходил в коридор и не вылезал в окно. И тем не менее Грюнштадт убит.

Четверг, 24 апреля

Проследив, чтобы тело Грюнштадта поместили по соседству с Лютцем, Ворманн вызвал сержанта Остера и приказал ему всех свободных от караула на весь день обеспечить работой по обустройству казарм. Ему очень хотелось верить, что в районе заставы действуют какие-нибудь партизаны. Но убедить себя в этом оказалось невозможно. Ведь во время убийства он сам лично находился в коридоре и прекрасно понимал, что в таких условиях нельзя было выйти, оставаясь незамеченным, если, конечно, убийца не умеет летать или проходить сквозь стены. Тогда где же ответ?

В три часа капитан объявил, что ночной караул будет удвоен, а число постов возле казарм увеличено, чтобы охранять спящих людей.

Под стук молотков, доносящийся со двора, Ворманн все-таки выкроил время, чтобы поставить полотно на мольберт. И сразу же принялся рисовать. Нужно было срочно чем-то заняться, чтобы вычеркнуть из памяти жуткую гримасу на мертвом лице Грюнштадта. Он долго и старательно смешивал краски, пока не добился оттенка, точь-в-точь повторяющего цвет стены. Потом продумал композицию и решил изобразить окно чуть справа от центра, а затем битых два часа ровным слоем наносил краску на холст, оставив пустое место для деревни, сверкающей под солнцем в обрамлении мрачного серого камня.

В этот вечер Ворманн уснул. После всех передрыг первой ночи и полного бодрствования второй его тело, едва опустившись на матрас, сразу же погрузилось в глубокий тяжелый сон.

Рядовой Руди Шрек нес службу бдительно и спокойно, не сводя глаз со своего напарника Вехнера, шагающего в противоположном конце двора.

Ночь стояла прохладная. Но что хуже всего — через закрытые ворота в замок прополз туман, окутал подножия стен, и вскоре на касках часовых заблестели капельки влаги.

Руди приближался к темному углу в северной части двора. Но сейчас ему казалось, что тени здесь сгустились гораздо сильнее, чем в прошлый раз, когда он проходил это место. Шрек замедлил шаг, напряженно вглядываясь в темноту. «Глупости, — подумал он. — Просто уже устали глаза. Обыкновенный обман зрения...»

И все же ему не хотелось идти дальше. Так и подмывало обойти стороной этот угол. Он обязательно зайдет во все остальные углы, но только не в этот...

Однако Руди знал, что на него сейчас смотрит Вехнер, и, устыдившись минутной слабости, заставил себя шагнуть вперед. Ведь это всего лишь тень. А он уже взрослый — стыдно бояться темноты.

Шрек упорно продолжал углубляться в сгустившийся мрак... И вдруг понял, что пропал. Холодная вязкая тьма замкнулась на нем. Он повернулся, чтобы выскочить из нее, но и позади была та же крошечная темнота. Весь мир будто исчез неизвестно куда. Шрек сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Но стрелять было не в кого. Он невольно затрясся от холода, одновременно покрываясь мелким бисером пота. Ему очень хотелось верить, что это просто какая-то шутка — например, Вехнер сдуру выключил электричество, когда он вошел в этот угол... Но чувства Руди отвергали эту надежду. Темнота была полной — она прижималась к его глазам и въедалась в мозг, пожирая всю храбрость.

Кто-то приближался. Он не видел и не слышал его, но мог поклясться, что здесь кто-то есть.

— Вехнер? — тихо спросил он, не желая выдавать голосом страха. — Это ты, Вехнер?

Но это был не Вехнер. Это был кто-то... вернее что-то... Какая-то жуткая тварь... А в следующее мгновение словно тяжелая веревка свернулась вокруг его ног, и, падая в бездну, рядовой Руди Шрек начал отчаянно кричать и стрелять во все стороны, пока ледяная темнота не окончила для него эту войну.

Ворманн проснулся от неожиданных выстрелов. Тут же вскочив с матраса, он осторожно выглянул из окна. Один из часовых бежал в дальний угол двора. А где же второй? Черт! Он ведь поставил во двор ДВУХ часовых! Ворманн хотел уже броситься вниз по лестнице, как вдруг заметил висящий на стене предмет. Длинный светлый предмет, чем-то напоминающий...

Да, это было тело. Подвешенное вверх ногами обнаженное тело, связанное толстой веревкой. Даже с такого расстояния капитан ясно видел, как из разорванного горла на лицо стекает темная кровь. Один из его солдат — бывалый боец при полном вооружении, да еще находящийся на посту, был раздет, убит и подвешен за ноги, как потрошенная курица в витрине у мясника.

Страх, который раньше гнезился лишь в самых темных уголках души Ворманна, теперь ледяными тисками сдавил его горло.

Пятница, 25 апреля

Уже трое мертвецов в нижнем подвале. Командование в Плоешти было немедленно проинформировано о последнем случае, но никакого ответа на донесение не поступило.

После обеда Ворманн вернулся к полотну и почувствовал небольшое облегчение, вырвавшись из охватившей заставу атмосферы нависшего злого рока. Он начал энергичными мазками класть краску на серый фон холста, а потом долго работал над

краями окна, выписывая детали. Ворманн решил не рисовать кресты, иначе они отвлекали бы зрителя от вида деревни, а он хотел, чтобы именно она была в центре внимания.

Темнота подошла незаметно. Весь вечер Ворманн то и дело вставал с матраса и подходил к окну, выглядывая во двор, будто это занятие могло хоть немного упрочить шаткое равновесие между спокойствием ночи и повисшей над замком тревогой.

В очередной раз подойдя к окну, он заметил, что часовой во дворе ходит один. Но вместо того, чтобы окликнуть его сверху, Ворманн решил спуститься и заодно проверить других.

— Где твой напарник? — строго спросил он одинокого часового.

Солдат обернулся и, запинаясь, ответил:

— Виноват, господин капитан. Он очень устал, и я разрешил ему немного поспать.

Неприятный холодок пробежал по спине Ворманна, заставив его невольно поежиться.

— Я же приказал часовым ходить в парах! Где он?

— В кабине первого грузовика, господин капитан.

Ворманн почти бегом бросился к машине и распахнул правую дверцу. Но солдат, сидевший внутри, даже не шевельнулся. Капитан дернул его за рукав.

— Проснись!

Солдат как-то странно накрепился и начал медленно заваливаться прямо на голову командира. Ворманн ловко подхватил его и тут же чуть не уронил. Потому что, когда тот падал, голова его резко откинулась назад, открыв взору капитана разорванное до позвоночника горло. Ворманн осторожно опустил тело на землю, потом отступил назад и крепко стиснул зубы, чтобы не закричать от ужаса и отчаяния.

Суббота, 26 апреля

Утром Ворманн не пустил в замок Александру и его сыновей. Не то чтобы он считал их причастными к убийствам, а просто сержант Остер предупредил его, что солдаты очень недовольны очередной неудачей с обеспечением безопасности на заставе. И поэтому Ворманн счел нужным предотвратить возможные осложнения, которые могли бы последовать за появлением в крепости местных.

Однако вскоре он узнал, что солдат беспокоят не только неприятности в карауле. Утром во дворе произошел шумный скандал. Один капрал, используя свою власть, попытался завладеть священным распятием, принадлежавшим его подчиненному. Солдат не подчинился, и стычка между ними переросла в групповую драку десяти человек. После гибели Лютца прошел первый слух о вампирах, но тогда он вызвал лишь смех. Однако с каждым днем суеверные страхи росли, и теперь уже верящих было больше, чем неверящих. В конце концов это ведь Трансильванские Альпы...

Ворманн знал, что подобные вещи надо пресекать на корню. Он собрал во дворе оба взвода и провел получасовую беседу,

напомнив солдатам об их долге перед Германией, о том, что перед лицом опасности нужно оставаться храбрым и стойким, быть верным своим целям и не допускать никаких конфликтов между собой, так как это в первую очередь подрывает их собственную боеготовность.

— И наконец, — сказал он, заметив, что слушатели заволновались, — надо решительно отмести прочь всякие суеверия. В убийствах может быть повинен только человек, и, рано или поздно, мы найдем его или их. В замке есть множество потайных ходов, через которые убийца появляется, а потом незаметно уходит. Остаток дня мы проведем в поисках этих секретных выходов. А ночью в караул пойдет половина из вас. Мы должны прекратить это раз и навсегда!

«О Господи! — молил про себя Ворманн. — Хотя бы одну спокойную ночь... Одну ночь без смертей, и тогда, может быть, я сумею управиться с этой напастью. Ведь сегодня половина людей будет стоять на часах, и я просто обязан добиться, чтобы эта ночь стала переломным моментом. И тогда уже я начну выигрывать...»

Одну ночь. Всего одну спокойную ночь!..»

Воскресенье, 27 апреля

Наступило утро. Такое, каким и должно быть утро настоящего воскресного дня — ясное и солнечное. Ворманн заснул прямо на стуле и с рассветом проснулся совершенно разбитый. С трудом разлепив глаза, он понял, что этой ночью его не будили ни крики, ни выстрелы. Он торопливо оделся и выбежал во двор, чтобы удостовериться, что число живых людей сегодня точно такое же, как было вчера вечером. Справившись у ближайшего часового, он понял, что оказался прав: ни о каких смертях доложено не было.

Ворманн почувствовал себя на десять лет моложе. Он победил! Значит, был все-таки способен справиться с убийцей, и он нашел его. Но только что «сброшенный» десяток лет очень быстро вернулся к нему, когда он увидел, что через двор ему навстречу спешит солдат с озабоченным и испуганным выражением лица.

— Господин капитан! — кричал рядовой, совсем не по уставному подбегая к начальнику. — Что-то случилось с Францем. То есть, я хочу сказать, с рядовым Гентом. Он не проснулся.

Конечности у Ворманна вдруг стали слабыми и тяжелыми, будто из них в одно мгновение выкачали всю кровь.

— Ты его проверял? — сквозь зубы спросил он.

— Нет, господин капитан, я... — Солдат смущенно замолк.

— Проводи меня.

Ворманн последовал за рядовым в южную половину казарм. Гент лежал на новенькой койке, повернувшись спиной к двери.

— Франц! — крикнул его товарищ, первым вбегая в комнату. — К тебе пришел господин капитан!

Спящий не шевелился.

«Ну, пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы он заболел или

пусть даже умер, но от сердечного приступа, — думал Ворманн, подходя к кровати. — Только бы горло у него было целым! Все что угодно, только не это».

— Рядовой Гент! — громко позвал он и сдернул со спящего солдата одеяло. Пугаясь того, что предстояло увидеть, Ворманн склонился над койкой и осторожно приподнял край простыни у подбородка Гента. Ему не надо было снимать ее полностью. Стеклообразные глаза, бледная кожа и бурые пятна на постельном белье подсказали ему, что можно увидеть дальше.

— Солдаты на грани паники, господин капитан, — мрачно доложил сержант Остер.

Ворманн быстрыми энергичными движениями кидал краску на холст. Свет падал на деревню именно так, как ему хотелось, и надо было успеть воспользоваться моментом. Он был уверен, что Остер считает его сумасшедшим. И, может быть, так оно и есть. Ведь несмотря на сплошную кровавую бойню вокруг, Ворманн стал просто одержим рисованием.

— Я их не виню. Вероятно, они захотят пойти в деревню и убить несколько местных жителей. Но это не...

— Извините, господин капитан, — перебил Остер. — Но они думают не об этом.

Ворманн опустил кисть.

— Да? А о чем же?

— Они считают, что люди, которых убили, кровоточат не так сильно, как следовало бы. И еще они думают, что смерть Лютца — это не случайность. Ведь его убили точно так же, как и всех остальных...

— Не кровоточат? А, понимаю... Опять эти разговоры о вампирах?

Остер кивнул.

— Да, господин капитан. И они говорят, будто именно Лютца его и выпустил, когда открыл шахту, ведущую в нижний подвал из замурованной комнаты.

— А я склонен не согласиться, — произнес медленно и внятно Ворманн, отворачиваясь от холста. — Я склонен думать, что Лютца погиб от упавшего камня. Я также уверен, что четыре последующих смерти не имеют к этому ни малейшего отношения. И я лично видел, что трупы кровоточили достаточно сильно. Никто здесь ничью кровь не пьет, сержант!

— Но их шеи...

Ворманн задумался. Да, их шеи. Они ведь не были перерезаны — не оставалось никаких следов ножа или проволоки. Их просто разорвали. Злобно и яростно. Но как? Зубами?

— Кто бы ни был этот самый убийца, он явно пытается нас запугать. И ему это пока удается. Поэтому мы сделаем вот что: сегодня ночью в караул пойдут все до единого, в том числе и я. Часовые будут нести службу парами. Мы будем патрулировать замок так, чтобы ни одна ночная бабочка не смогла незаметно пролететь мимо нас.

— Но мы же не сможем делать так каждую ночь, господин капитан.

— Нет, но сегодня сможем и завтра тоже. И послезавтра, если понадобится. И тогда мы поймаем его, кем бы он ни был.

Остер заметно повеселел:

— Да, вы правы, господин капитан!

— А скажите мне вот что, сержант,— помолчав, спросил Ворманн.— У вас не было никаких странных снов с тех пор, как мы здесь разместились?

Молодой человек нахмурился:

— Нет, господин капитан. Не могу сказать, чтобы такое случилось.

— А кто-нибудь из солдат не упоминал о кошмарах?

— Нет. У вас плохие сны, господин капитан?

— Нет.— Ворманн покачал головой, давая понять, что разговор окончен. «Никаких кошмаров,— подумал он.— Зато действительность хуже любого кошмара».

— Я свяжусь с Плоешти,— сказал Остер и вышел.

Понедельник, 28 апреля

Полночь наступила и прошла, и пока все было тихо. Сержант Остер развернул в центре двора полевой командный пункт и постоянно следил за тем, чтобы все часовые были на своих местах. Во дворе и на башне повесили дополнительные лампы, которые немного укрепили уверенность солдат, хотя тени, образовавшиеся при таком освещении, стали еще длиннее. Конечно, выставлять в караул всех людей было крайней мерой, но пока она оправдывала себя, и Ворманн верил в успех.

Посмотрев в окно, он заметил, что тени на стыке башни и южной стены заметно сгустились. Лампочка, висевшая там, стала вдруг гаснуть и вскоре потухла совсем. Сперва он подумал, что где-то оборвалась проводка, но тут же отбросил эту мысль, поскольку все остальные лампы исправно горели. Значит, эта просто перегорела. Вот и все. Но как странно она погасла! Померкла как-то медленно и постепенно.

Один из часовых на стене тоже заметил это и поспешил на место происшествия. Ворманн хотел было крикнуть, чтобы он взял туда и своего напарника, но потом передумал. Второй часовой был отчетливо виден на парапете стены в ярком свете прожектора. В любом случае верхняя галерея кончалась тупиком. Опасности ждать неоткуда.

Он продолжал наблюдать, пока солдат не скрылся в темноте. И темнота эта показалась ему какой-то особенно плотной и мрачной. Секунд через десять капитан отвернулся и вдруг услышал приглушенный вскрик и звук лязгнувшего о камень металла — это упал автомат.

Он всем телом подался вперед, чувствуя, как ладони становятся мокрыми и холодными, и по пояс высунулся из окна. Но все равно ничего не смог разглядеть в кромешной тьме, прилипшей к краю стены.

Напарник исчезнувшего во мраке часового, видно, тоже услышал этот звук, так как сразу же бросился в ту сторону, чтобы выяснить, что там случилось.

И вдруг Ворманн увидел, как в темноте зажглась тусклая красная точка и стала быстро расти. Секунду спустя он понял, что к жизни вернулась перегоревшая лампочка. Разогнав густой мрак, она осветила первого часового. Тот лежал на спине с нелепо подогнутыми ногами, широко раскинув руки, а вместо горла зияла жуткая кровавая дыра. Безжизненные глаза смотрели прямо на Ворманна, словно обвиняя его.

Второй солдат, увидев эту картину, начал истошно кричать и стрелять в воздух. Ворманн в ужасе отпрянул от окна, прислонился к стене и глубоко задышал. Ему стало невыносимо плохо. Он не мог сейчас ни двигаться, ни говорить. «Боже мой! Боже мой!» — беззвучно шептал капитан трясущимися губами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бухарест, Румыния
Понедельник, 28 апреля
Время: 09.50

Магда держала мандолину легко и привычно, инструмент нежно вибрировал в ее руках, а пальцы легко переходили от струны к струне, от лада к ладу. Она внимательно смотрела в нотный текст: это была одна из самых приятных цыганских мелодий, которые ей когда-либо удавалось записать.

Девушка сидела в ярко раскрашенной кибитке в пригороде Бухареста. Внутри было множество полочек с экзотическими специями и травами, по углам валялись цветастые подушки, а с потолка свисали косички чеснока и гирлянды разноцветных лампочек. Ногами она поддерживала мандолину, но даже в такой позе длинная шерстяная юбка лишь слегка обнажала ее лодыжки. Мешковатый серый свитер, застегнутый на груди, закрывал простенькую белую блузку. Старый шарф прятал ее роскошные волосы. Но монотонность одежды не могла скрыть яркий блеск глаз и удивительный цвет лица.

— Я правильно играю? — спросила она, когда смолк последний аккорд и в кибитке вновь наступила тишина.

Старая женщина, сидевшая рядом за низеньким круглым дубовым столом, улыбнулась, и вокруг черных цыганских глаз появилось множество мелких морщинок.

— Почти. Но в середине это звучит не так.

Она положила на стол тщательно перемешанную колоду карт, взяла инструмент, напомилавший волюнку, прижала трубки к губам и начала дуть. Магда стала подыгрывать и вскоре почувствовала, что ее мелодия действительно слегка отличается. Она тут же внесла в ноты поправки.

— Теперь, я думаю, все правильно. Большое спасибо, Джозефа. Старуха протянула руку.

— Дай-ка мне посмотреть.

Магда передала ей листки и стала наблюдать, как цыганка с интересом рассматривает неровные строчки причудливых символов. Джозефа слыла мудрейшей женщиной в своем таборе. Папа любил рассказывать, какой красавицей она была раньше; но теперь ее кожа иссохла, лицо сморщилось, а черные волосы

рассекли широкие серебряные пряди. Однако ум оставался по-прежнему ясным.

— Так вот, значит, какая она, моя песня. — Джозефа не понимала нот.

— Да. Сохраненная навеки.

Цыганка вернула записи.

— Но я же не буду вечно играть ее так. Просто сейчас я хочу именно так, а через месяц мне захочется что-нибудь изменить. Я уже много раз кое-что в ней меняла.

— Мне и сейчас уже нравится эта песня, — ответила Магда. — А через год посмотрим, что ты еще сюда добавишь.

— А разве к тому времени твоя книга еще не выйдет?

Магда почувствовала, что ей больно говорить.

— Боюсь, что нет.

— Но почему? — удивилась Джозефа.

Девушка сделала вид, что занята с мандолиной, хотя и понимала, что ей так просто не уйти от ответа. И тогда она тихо сказала, не поднимая глаз:

— Мне придется искать нового издателя.

— А что случилось со старым?

Магда была в смятении. Это оказалось одним из самых тяжелых ударов в ее жизни — недавно она узнала, что издатель трусливо предал ее и разорвал договор. И ей до сих пор было очень больно.

— Он передумал. Он сказал, что сейчас не время выпускать сборник цыганской музыки.

— Особенно когда составительница — еврейка, — понимающе добавила Джозефа.

— Возможно. — Девушка чувствовала, как в горле растет горький ком. Она не хотела больше говорить об этом. — А как у тебя идут дела?

— Хуже некуда. — Джозефа сокрушенно вздохнула, отложила инструмент в сторону и снова взяла в руки гадальные карты. — Я теперь почти не гадаю и никого не вижу с тех пор, как с меня взяли подписку.

Магда догадалась об этом, когда подходила сегодня к кибитке. Табличку с надписью «Доамна Джозефа, предсказательница» сняли, куда-то исчезла и диаграмма для чтения линий руки с левого окна, и кабалистические символы с правого. Она слышала, что Железная Гвардия приказала всем цыганам оставаться на постоянных местах и не «дурачить» граждан.

— И цыгане тоже попали в немилость?

— Да мы всегда были в немилости, независимо от места и времени, и уже привыкли к этому. Но вот вы, евреи... — Она озабоченно покачала головой. — Мы такое слышим!.. Страшные вещи творятся в Польше.

— Мы тоже слышим, — вздохнула Магда, едва сдерживая гримасу отчаяния. — Но мы привыкли к гонениям.

— Боюсь, как бы не стало еще хуже, — добавила Джозефа.

— Это уж точно... — Магда вдруг поняла, что начинает озлобляться.

— А я не особенно тревожусь, — улыбнулась Джозефа. — Раз-

режь цыгана на десять частей, и ты не убьешь его, а только сделаешь десять цыган.

Магда же была уверена, что в ее случае получился бы просто мертвый еврей. И снова ей захотелось сменить тему разговора.

— Это гадальные карты?

Джозефа кивнула.

— Хочешь узнать будущее?

— Нет. Я в это не верю.

— Честно говоря, я тоже не всегда верю в это. В основном карты ничего не говорят, потому что им просто нечего сказать. Поэтому мы начинаем импровизировать — точно так же, как в музыке. Но какой от этого вред? Я просто говорю наивным молоденьким девушкам, что скоро они встретят красивого юношу, а молодым людям — что скоро дела у них пойдут на лад. Никакого вреда.

— И никакого будущего...

Джозефа пожала плечами.

— Иногда карты раскрывают большие секреты. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, я действительно не хочу.

— Ну, пожалуйста! Это будет мой подарок.

Магда колебалась. Ей не хотелось обижать Джозефу.

— Ну хорошо.

Джозефа протянула колоду через стол.

— Сними.

Магда приподняла верхнюю половину карт и отдала их цыганке. Та положила карты под низ и принялась раскладывать, не прерывая разговора.

— Как твой отец?

— К сожалению, не лучше. Он теперь почти не встает.

— Это плохо. А медведь Йошки не помог ему вылечить ревматизм?

Магда покачала головой.

— Нет. У него ведь не просто ревматизм. Все гораздо хуже...

Отец перепробовал уже все средства и способы, чтобы остановить скручивание конечностей, и даже позволил дрессированному цыганскому медведю пройтись по его спине. Но и древняя цыганская терапия оказалась такой же беспомощной, как последние достижения современной медицины.

— Он очень добрый человек, — приговаривала Джозефа. — Несправедливо, что такой человек, знающий так много об этой стране, должен... Что ему... не дают возможности видеть ее... — Она нахмурилась и замолчала, недоуменно разглядывая карты.

— В чем дело? — спросила Магда. Озабоченное выражение лица гадалки встревожило и ее. — С тобой все в порядке?

— Что?.. А, да, конечно. Со мной все хорошо. Но вот карты...

— Что-то не так? — Магда не верила, что карты могут предсказывать судьбу, как, впрочем, и внутренности мертвой птицы. И тем не менее она вся напряглась.

— Посмотри, как они разлеглись. Я никогда еще такого не видела. Нейтральных карт почти нет, а те, которые обозначают

добро, все собраны справа. — Дзожефа обвела рукой веер карт. — А все карты за легли по левую сторону. Странно.

— И что это значит?

— Не знаю. Лучше спрошу Йошку. — Она позвала внука, оглянувшись через плечо, а потом снова повернулась к Магде. — Йошка очень хорошо знает карты. Он любил наблюдать за мной, когда еще был совсем маленьким.

Красивый смуглый молодой человек, лет двадцати с небольшим, с едва заметной улыбкой на губах забрался в кибитку и кивнул Магде, не сводя с нее черных глаз. Он посмотрел на стол, проследив за взглядом своей бабушки. Постепенно улыбка сошла с его лица, и он хмурился все сильнее и сильнее.

— Перемешайте, снимите и разложите заново.

Джожефа согласно кивнула, и вся процедура повторилась. Теперь уже все молчали. Позабыв свой недавний скептицизм, Магда невольно подалась вперед и внимательно следила за картами, которые ложились на стол одна за другой. Она ничего не понимала в гадании и должна была полностью полагаться на то, что скажут ей старая гадалка и ее внук. Но едва она посмотрела на их лица, как сразу же поняла, что здесь что-то не так.

— И что ты об этом думаешь, Йошка? — растерянно спросила Джожефа.

— Непонятно... Такая концентрация добра и зла... И такое ясное разделение между ними.

Магда сглотнула. Во рту у нее пересохло.

— То есть вы хотите сказать, что опять разложилось точно так же? Два раза подряд?

— Да, — ответила Джожефа. — Только теперь стороны поменялись: все хорошее находится слева, а злое — на правой стороне. — Она посмотрела на Магду. — Это имеет роковое значение.

Магда неожиданно рассердилась. Да они просто смеются над ней! А она никому не позволит над собою смеяться.

— Я, пожалуй, пойду. — Она взяла мандолину, папку и собралась уходить. — Я не такая наивная, чтобы меня можно было так глупо разыгрывать.

— Нет! Пожалуйста! Ну еще раз! — Старая цыганка протянула к ней руки.

— Прости, Джожефа, но мне уже пора.

Девушка заспешила к выходу, понимая, что поступает нехорошо по отношению к своим друзьям. Но она не могла перебороть себя; эти странные карты с загадочными картинками и изумленные лица цыган заставили ее покинуть кибитку раньше времени. Ей страшно захотелось назад в Бухарест, на городские улицы с мостовыми.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Застава

Понедельник, 28 апреля

Время: 19.10

Прибыли «змеи».

Эсэсовцы, особенно офицеры, напоминали Ворманну змей. И штурмбанфюрер СС Эрик Кэмпфер не был исключением. Кроме коричневой рубашки, все на нем было черное — черная куртка, черные брюки, черный галстук, черный кожаный ре-

мень, черная кобура и черные сапоги. Стальной череп на фуражке, молнии СС и офицерская петлица на воротнике были единственными яркими пятнами во всей его форме, придавая ей сходство с блестящей чешуей ядовитой болотной змеи.

И еще Ворманн заметил, что Кэмпфер порядком постарел со времени их последней случайной встречи в Берлине два года назад. «Но еще не так сильно, как я», — вкралась едкая мысль. Майор СС, хоть и был на два года старше, из-за своей стройной фигуры выглядел намного моложе Ворманна. К тому же у него были густые светлые волосы, не тронутые сединой. Настоящий образец арийского совершенства.

— А почему у тебя всего один взвод? — спросил капитан. — В сообщении ведь сказано, что едут два. Вообще-то я думал, что здесь будет целый полк.

— Нет, Клаус, — снисходительно улыбнулся Кэмпфер, бессмысленно шагая по комнате. — Конечно, и одного взвода вполне хватило бы, чтобы справиться с твоей так называемой проблемой. Поверь, мои солдаты очень опытные в этих делах. И я взял с собой два взвода только лишь потому, что это просто короткая остановка на моем дальнейшем пути.

— Так где же второй взвод? Собирает цветочки?

— В каком-то смысле да. — Улыбка Кэмпфера была не из приятных.

— Что это значит? — недоуменно спросил Ворманн.

Кэмпфер снял шинель и фуражку и швырнул их прямо на стол. Потом подошел к окну, выходящему на деревню.

— Терпение. Сейчас сам все увидишь.

Ворманн нехотя подошел к окну. Кэмпфер прибыл всего двадцать минут назад, а уже пытался нагло узурпировать власть на заставе. Сперва в сопровождении своих солдат он без малейшего колебания вошел в крепость. Ворманн надеялся, что мост через ров уже достаточно слаб, но его надежды не оправдались. «Опель» майора и грузовик с солдатами проехали без происшествий. После этого он приказал сержанту Остеру — ворманнскому сержанту Остеру! — проследить за тем, чтобы все эсэсовцы были немедленно расквартированы, а затем парадным шагом вошел в кабинет Ворманна и бодро отсалютовал: «Хайль Гитлер!»

— Похоже, ты сильно продвинулся со времени прошлой войны, — заметил капитан, наблюдая за темной деревней. — И СС тебя, кажется, вполне устраивает.

— Я действительно предпочитаю СС регулярной армии, если тебя это интересует. Я считаю, что это более эффективная сила.

— Да уж, слышан...

— И я покажу тебе, Клаус, как эффективность решает любые проблемы. А решение проблем — это выигранная война. — Он указал в окно. — Вот посмотри!

Сначала Ворманн ничего не увидел, но потом заметил какое-то шевеление на краю деревни. Это была группа людей. Приближаясь к замку, они вытягивались в неровную цепь: эсэсовцы гнали прикладами десять деревенских жителей.

Ворманн был потрясен, хоть и ожидал увидеть нечто подобное.

— Ты с ума сошел? Это же румынские граждане! Румыния — наш союзник!

— Значит, немецких солдат будут потихоньку убивать эти румынские граждане, а я должен спокойно смотреть на это? Я думаю, генерал Антонеску не станет поднимать большого шума из-за смерти десятка деревенских мужланов.

— Но ты ничего не добьешься, убив их!

— О Господи! Да я пока и не собираюсь никого убивать. Но из них получатся прекрасные заложники. Я пустил в деревне слух, что если хоть один немецкий солдат умрет, то эти десять будут тут же расстреляны. И десять других за каждого последующего солдата. И так будет продолжаться до тех пор, пока убийца не успокоится или пока в деревне не кончатся жители.

Ворманн с отвращением отошел от окна. Так вот она, Новая Германия, этика Главной Расы. Вот, оказывается, как надо выигрывать войну!..

— Все равно ничего не получится, — убежденно сказал он.

— Все получится. — Самодовольство Кэмпфера было просто невыносимым. — Всегда получалось и всегда будет получаться. Этих партизан подбадривают дружеские хлопки по спине их же собственных собутыльников. И они чувствуют себя героями до тех пор, пока не начинают умирать их товарищи или пока не будут наказаны их жены и дети. И тогда они снова превращаются в добрых, невинных крестьян.

Ворманн начал лихорадочно искать способ, как спасти мирных жителей. Он был уверен, что они не имеют к убийствам ни малейшего отношения.

Действуя быстро и решительно и не давая Кэмпферу времени на расспросы, он повел его вниз по лестнице, потом через двор и уже по другой лестнице — в подвал. На секунду Ворманн остановился у разрушенной стены, зажег лампу и первым двинулся в страшное нижнее подземелье.

— А тут прохладно, — заметил Кэмпфер, зябко потирая руки. Изо рта у него шел пар.

— Мы храним здесь тела. Все шесть.

— Как, ты еще не отправил их на родину?

— Я счел неразумным отправлять их поодиночке. Могут поползти разные слухи, а это будет нехорошо для престижа немецкой армии. Я хотел забрать их с собой, когда буду уходить с заставы. Но, как ты знаешь, моя просьба о передислокации была отклонена.

Капитан подошел к первому солдату, которого убили совсем недавно, и приподнял простыню над его головой и плечами.

— Это рядовой Ремер. Посмотри на его горло.

Кэмпфер повиновался, но выражение его лица несколько не изменилось.

Ворманн опустил простыню и приподнял следующую, держа лампу так, чтобы майору хорошо было видно развороченное горло трупа. Потом он проделал то же самое и с остальными убитыми, оставив самую страшную жертву напоследок.

— А теперь — рядовой Лютц.

И, наконец, Кэмпфер тихонько ахнул. Но и Ворманн тоже

чуть не выронил свой фонарь. Голова Лютца была перевернута. Макушку кто-то приставил к плечам, а разорванная шея уходила в темноту.

Ворманн осторожно вернул голову в нормальное положение и поклялся найти того, кто так по-свински поступил с погибшим товарищем. Он тщательно укрыл тело простыней и повернулся к Кэмпферу.

— Теперь понятно, почему заложники не помогут?

Майор ответил не сразу. Вместо этого он сплюнул на пол и молча направился к лестнице. Ворманн чувствовал, что Кэмпфер глубоко потрясен, но старается не показывать виду.

— Этих людей не просто убили, — задумчиво протянул эсэсовец. — А убили с особой жестокостью.

— Вот именно! И это говорит о полном безумии того существа, с которым мы здесь столкнулись. Поэтому жизнь десятерых крестьян не будет иметь для него абсолютно никакого значения.

— А почему ты говоришь «того существа»?

— Потому что мне еще не известно, кто это. Единственное, что я знаю наверняка, — это то, что с наступлением темноты убийца беспрепятственно приходит и уходит, когда пожелает. И никакие меры не позволяют нам поддерживать безопасность.

— Меры не позволяют? — переспросил Кэмпфер, снова став смелым и решительным, как только они выбрались из подвала и вошли в комнату Ворманна. — Страх — вот где главная мера, вот что является основой безопасности. А я и не знал, что ты художник, — майор остановился у мольберта. — Я думаю, если бы ты потратил на поиски убийцы столько же времени, как на этот отвратительный рисунок, то некоторые из твоих солдат были бы еще живы.

— Отвратительный? Что ты в нем нашел отвратительного?

— А силуэт трупa на веревке — это что, по-твоему, должно радовать глаз?

Ворманн вскочил и подошел к мольберту.

— О каком трупe ты говоришь?

Кэмпфер ткнул пальцем в холст:

— Вот здесь... на стене.

Ворманн уставился на полотно. Сперва он не увидел ничего, кроме серого фона стены, изображенной им несколько дней назад. Даже и намека нет ни на какой... хотя... У него перехватило дыхание. Слева от окна, за которым сияла залитая солнцем деревня, по нарисованной стене шла тонкая вертикальная линия, заканчивающаяся темным пятном, очертания которого можно было принять за силуэт повешенного. Он смутно вспомнил, как рисовал и эту линию, и эту форму, но никоим образом не хотел вложить в них столь зловещее содержание. Однако он не мог позволить Кэмпферу доказать свою правоту, а значит, не мог признать и своей досадной оплошности.

— Уродство, Эрик, как и красота, больше всего зависит от взгляда наблюдателя, — философски развел руками Ворманн.

Но Кэмпфер пропустил это мимо ушей.

— Очень хорошо, Клаус, что твоя картина уже почти готова, — сказал он. — Потому что, пока я здесь, я не смогу позволить

тебе приходиться сюда и заниматься искусством. Хотя, когда я уеду в Пломберг, ты сможешь продолжить.

Ворманн ожидал услышать это, и ответ был готов.

— Тебе не придется беспокоиться, это мои комнаты.

— Вынужден поправить тебя: теперь это МОИ комнаты. Вы, вероятно, забыли, что я старше вас по званию, герр капитан.

Но Ворманн лишь презрительно усмехнулся.

— Ты думаешь, для меня много значит твое звание в СС? Да это пустое место! И даже хуже, чем просто пустое место. Любый мой самый зеленый капрал и то в сто раз больший солдат, чем ты. И к тому же он в сто раз человечнее!

— Осторожнее, капитан! А то самой большой наградой для вас может остаться этот ржавый железный крест, полученный еще в прошлой войне. — И он злобно щелкнул зубами.

В этот момент Ворманн начал медленно приближаться к Кэмпферу. Он не сделал никаких угрожающих жестов, однако Кэмпфер при его приближении с опаской отступил назад. Капитан спокойно прошел мимо него и распахнул настежь дверь.

— Вон отсюда.

— Да как ты смеешь?!

— Вон!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. В какой-то момент Ворманн даже подумал, что Кэмпфер вот-вот начнет драться с ним. Наконец Кэмпфер не выдержал и отвел взгляд. Схватив шинель, он пулей вылетел из комнаты капитана. Ворманн тихо закрыл за ним дверь.

Какое-то время он стоял неподвижно. На этот раз он не выдержал. А ведь раньше мог с легкостью контролировать себя. Ворманн подошел к мольберту и тупо уставился на картину. И чем пристальнее он смотрел на странную тень на стене, тем сильнее она напоминала ему висящий труп. В конце концов это начало его раздражать. Он хотел, чтобы в центре внимания была солнечная деревня, а сейчас не мог думать ни о чем, кроме этой проклятой тени.

Наконец он оторвался от картины, подошел к столу и снова взглянул на фотографию сына. Чем больше ему встречалось людей, похожих на Кэмпфера, тем сильнее он беспокоился за Фрица. Ворманн гораздо меньше волновался за Курта, своего старшего, когда в прошлом году тот участвовал в боевых действиях во Франции. Курту уже девятнадцать, он капрал. И взрослый мужчина.

Но Фриц!.. Что они сделали с ним!.. Когда Ворманн последний раз приезжал домой в отпуск, ему было очень больно слышать из уст четырнадцатилетнего мальчика бред о превосходстве арийской расы и наблюдать, как его сын с восторгом и ликованием восхваляет «великого фюрера», награждая его качествами, достойными разве что Бога. Нацисты отнимали у него сына прямо на глазах, превращая мальчика в такую же змею, как Эрик Кэмпфер. И Ворманн чувствовал, что ничего не может с этим поделать.

Он тяжело опустился на стул. Да и кто он такой, чтобы переделывать этот мир?.. Не стоит и пробовать!.. Все равно

с каждым днем все меняется к худшему... И все же, несмотря на смятение, горечь и боль, Ворманн в глубине души верил, что немецкая армия переживет нацистов. Политики приходят и уходят, а армия так и остается армией. И если только у него хватит сил, он доживет до того дня, когда немецкое оружие одержит победу, а Гитлер и его банда с позором уйдут в небытие. Он очень хотел верить в это. И еще вопреки здравому смыслу он надеялся, что угроза Кэмпфера произведет желаемый эффект и убийства наконец прекратятся. Но если этого не произойдет и еще один немец умрет этой ночью, Ворманн знал, кого в таком случае он хотел бы увидеть мертвым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Застава
Вторник, 29 апрель
Время: 01.18

Кэмпферу никак не удавалось заснуть. Он лежал и мучился мыслями о возмутительном неподчинении Ворманна. Хорошо хоть, что сержант Остер не стал брать пример со своего командира. Увидев черную форму, он тут же выполнил все приказания, а не начал упрямиться, как его капитан, на которого такие штуки не действовали. Правда, Кэмпфер и Ворманн знали друг друга еще с тех пор, когда никакой СС и в помине не было. Но теперь это не могло служить оправданием.

220 Остер быстро подыскал помещения для обоих взводов эсэсовцев и предложил использовать тупик коридора в задней секции замка для содержания пленных крестьян. Выбор оказался удачным: коридор уходил прямо в толщу горы и имел на конце четыре маленькие комнаты. Попасть туда можно было и из другого коридора, проходящего под углом к первому и ведущего прямо во двор. Кэмпфер пришел к выводу, что раньше это помещение служило складом, так как вентиляция здесь отсутствовала, а комнаты были без окон и каминов. Сержант проследил, чтобы оба коридора как следует освещались до самого конца и нельзя было незаметно подкрасться к солдатам СС, которые парами будут охранять арестованных.

Для самого штурмбанфюрера Остер нашел две просторные комнаты на втором этаже задней секции замка. Сперва он предложил ему поселиться в башне, но майор отказался: разместиться на первом или втором этаже было бы, конечно, удобно, но это значило оказаться НИЖЕ Ворманна. А на четвертом этаже слишком высоко — каждый раз приходилось бы преодолевать немислимое количество ступенек. Задняя часть крепости показалась Кэмпферу лучше. Окно у него выходило во двор, а комната закрывалась огромной дубовой дверью с засовом. Майор реквизирует у одного из солдат Ворманна новенькую койку, положил на нее свой матрас, лег, а рядом поставил на пол фонарь с батарейками.

Тут внимание его привлекли кресты на стене. Похоже, они висят здесь повсюду. Забавно... Кэмпфер еще днем хотел спросить о них Остера, но потом передумал: тогда бы он потерял

репутацию всезнающего человека. А это было особым даром людей СС, и ему следовало поддерживать свой престиж. Возможно, он спросит об этом Ворманна — конечно, позднее, когда опять начнет с ним разговаривать...

Шумно вздохнув, майор выключил надоевший фонарь. Да, необходимо как можно быстрее разобраться с этим убийцей. Так много дел впереди, столько важных событий ожидает его...

Единственное, что беспокоило, так это то, что Ворманн чего-то боялся. И боялся по-настоящему. Хотя напугать капитана было делом довольно сложным.

Решив больше не думать об этом, Кэмпфер закрыл глаза и попытался заснуть. Через несколько минут сон начал нежно обволакивать его, как теплое мягкое одеяло. И вдруг он почувствовал, что вся дремота куда-то разом пропала. По коже поползли мурашки, она стала влажной и липкой. Майор ощутил прилив страха. Что-то находилось прямо за его дверью. Он ничего не слышал и не видел, но тем не менее был уверен, что «оно» стоит именно там. Что-то с такой сильной аурой зла, холодной ненависти и неприкрытой злобы, что он почувствовал его присутствие даже сквозь разделяющие их дерево и камень. «Оно» было там, снаружи. И медленно двигалось по коридору. Наконец жуткий стук прошел мимо двери и удалился прочь. Кэмпфер судорожно сглотнул.

Сердцебиение прошло, кожа высохла. Но потребовалось несколько минут, чтобы он смог убедить себя в том, что это был обыкновенный кошмар, только очень похожий на реальность.

Рядовые Фридрих Вольц и Карл Флик из отряда Кэмпфера стояли в своих черных блестящих касках и мелко дрожали. Им было холодно, скучно, и они уже порядком устали. Это дежурство совсем не походило на ту обычную ночную работу, к которой они так привыкли. В Аусшвице у них были застекленные вышки и теплые караульные помещения, где можно было присесть, выпить кофе и перекинуться в карты, пока заключенные ежатся в своих бараках. Только изредка им приходилось выходить к воротам лагеря или прохаживаться по двору.

Правда, сейчас они тоже находились в помещении, но условия здесь были такие же, как и у тех, кто сидел под замком, — холод и сырость. А это, на их взгляд, было несправедливо.

Флик повесил свой «шмайсер» за спину и энергично потер руки. Хотя пальцы его были в перчатках, они уже начали деревенеть. Он стоял рядом с Вольцем, прислонившимся к стене у разветвления коридоров. С этого места были видны и освещенный выход во двор в конце левого коридора, и дверь комнаты с арестованными, расположенной по правую сторону.

— Я уже с ума схожу, Карл, — сказал Вольц. — Давай что-нибудь придумаем.

— Например?

— Давай развлечемся немного с заложниками.

— Но они ведь не евреи...

— Но и не немцы!

Флик задумался. С вновь прибывшими в Аусшвиц он очень

любил проделывать одну вещь, которая называлась «саксонское приветствие». Несколько часов подряд заключенных заставляли выполнять такое упражнение: низкие приседания, руки вверх, ладони за головой. Уже через полчаса ломались даже самые сильные. Флику приятно было наблюдать за выражением лица человека, когда тело переставало его слушаться, а суставы и мышцы начинали невыносимо болеть. И еще на лице появлялся страх. Потому что тех, кто не мог продолжать упражнения, либо тут же расстреливали, либо избивали ногами до тех пор, пока они не возобновляли свое занятие. Конечно, они с Вольцем не могли сейчас расстреливать румын, но по крайней мере имели возможность немного согреться. Хотя это и было опасно.

— Нет, лучше не стоит, — скривился Флик. — Нас здесь всего только двое. Вдруг один из них начнет сопротивляться?

— А мы выведем парочку в коридор и с ними займемся. Давай, Карл! Будет весело!

Флик улыбнулся.

— Ну ладно.

Он начал отыскивать в кармане ключ от последнего чулана, превращенного в импровизированную тюремную камеру. В их распоряжении было целых четыре комнаты, и при желании они могли бы разделить заложников, но вместо этого всех десятерых запихнули в одну крошечную каморку. Он уже предвкушал, какие лица будут у них в тот момент, когда он откроет дверь, — испуганные, с трясущимися губами.

Флик почти уже дошел до двери, как вдруг сзади послышался голос Вольца:

— Подожди минуточку, Карл.

Он обернулся. Вольц напряженно вглядывался в коридор, ведущий ко двору. На лице его читалось явное недоумение.

— Что там случилось? — спросил Флик.

— Что-то неладное с лампочкой. С самой первой — она гаснет.

— Ну и что?

— Она уже совсем погасла! — Он с тревогой посмотрел на Флика, потом опять в коридор. — А теперь гаснет следующая! — Вольц поднял «шмайсер», прицелился и тонким голосом закричал:

— А ну убирайся!

Флик опустил ключ в карман, схватил свое оружие и побежал на помощь товарищу. Но пока он достиг пересечения коридоров, погасла уже третья лампочка. Они ничего не видели в неожиданной ступившейся темноте. Было похоже, что весь коридор заполнила какая-то плотная тень.

— Мне это не нравится, — тихо сказал Вольц.

— Мне тоже. Но я никого не вижу. Может быть, что-то случилось с генератором? Или провод испортился... — Флик не верил ни одному своему слову, как, впрочем, и Вольц. Но он должен был что-нибудь говорить, чтобы справиться с нарастающим страхом.

Стала гаснуть четвертая лампочка. Темнота подошла почти вплотную.

— Давай стойдем, — сказал Флик, отступая в еще светлую часть коридора. Из-за двери темницы послышались встревоженные голоса заложников. Они не могли видеть потухшие лампочки, но тоже почувствовали неладное.

Съжившись за широкой спиной Вольца, Флик сильно дрожал — внезапно вокруг стало очень холодно. Он продолжал смотреть, как свет постепенно гаснет. Ему хотелось в кого-нибудь выстрелить, но никого не было видно — одна темнота впереди.

И тут эта тьма окружила его, заморозила конечности и отрезала всякую возможность видеть. На одну только секунду, которая показалась ему вечностью, рядовой Карл Флик оказался жертвой дикого животного ужаса, который он так любил вызывать у других. Он ощутил страшную, невыносимую боль, которую столько раз причинял другим людям. И больше ему в этой жизни не довелось почувствовать ничего.

Постепенно освещение вновь набрало прежнюю силу. Сперва в дальней части коридора, потом все ближе и ближе к комнатам лампочки стали медленно оживать. Единственные звуки, нарушавшие мертвую тишину, исходили от запертых в чулане румын: всхлипывание женщин и облегченные вздохи мужчин. Они были рады, что охвативший их страх уже позади. Один из заложников попытался рассмотреть что-нибудь через щель в двери. Его взору открылся небольшой кусок пола и часть противоположной стены коридора.

Коридор был пуст, если не считать разлитой по полу крови, от густых луж которой поднимался на холоде пар. На стене тоже виднелись кровавые брызги, но здесь они были сильно размазаны. И эти смазанные следы очень походили на буквы алфавита, которые показались ему знакомыми, хотя слов он так и не смог разобрать.

Мужчина отошел от двери и, ни слова не говоря, присоединился к своим товарищам, кучкой сбившимся в дальнем углу помещения.

За дверью снова кто-то стоял.

Кэмпфер открыл глаза. Он боялся, что кошмар может повториться. Но нет. На этот раз он не чувствовал поблизости никакого присутствия зла. Там, должно быть, стоял человек. Причем очень неуклюжий. Но если он пришел с тем, чтобы украсть что-нибудь, беднягу ждало горькое разочарование — незаметно проникнуть в комнату ему уже не удастся. Кэмпфер на всякий случай вынул из кобуры пистолет и решил держать его наготове.

— Кто там? — громко спросил он.

Ответа не последовало.

Кто-то упорно пытался открыть дверь снаружи. Кэмпфер видел, как время от времени что-то загораживает свет, проникающий в комнату через щель под дверью. Он подумал, не зажечь ли фонарь, но потом решил этого не делать. Темная комната имела свои преимущества — незваного гостя хорошо будет видно в светлом дверном проеме, если ему все же удастся войти.

— Назовите себя! — потребовал он.

Неизвестный перестал дергать ручку, и теперь было слышно, как что-то тяжелое наваливается на дверь с явной целью сломать ее. В темноте Кэмпфер мог и ошибиться, но ему показалось, что дверь начала прогибаться под натиском неведомой силы. А ведь толщина ее целых два дюйма! Нужно было что-то очень тяжелое, чтобы настолько выгнуть прочные дубовые доски. Треск дерева усилился, и майор почувствовал, что покрывается холодным потом. Деваться было некуда. И вдруг послышался другой звук — будто кто-то скреб острыми когтями, пытаясь разорвать неподатливый материал. Звук нарастал, становился все громче и полностью парализовал его волю. Наконец дерево затрещало так, будто готово было разлететься на тысячу щепок, а петли начали со скрежетом отдираться от камня. Кэмпфер знал, что надо снять пистолет с предохранителя, но был не в силах пошевелиться.

Толстый засов не выдержал, дверь отчаянно скрипнула и широко распахнулась, громко стукнувшись о стену. На пороге выросли две фигуры. По каскам Кэмпфер сразу узнал немецких солдат, а по форме сапог безошибочно определил, что это его собственные подчиненные.

— В чем дело? — потребовал он объяснений.

Но они опять не ответили. Вместо этого оба солдата как по команде двинулись вперед, направляясь прямо к тому месту, где лежал полуживой от страха майор. Что-то странное, даже гротескное, было в их искаженной походке. В какой-то момент Кэмпферу показалось, что они промаршируют прямо по его постели. Но перед самой кроватью солдаты остановились и встали по стойке «смирно».

— Что вам здесь нужно? — с усилием выдавил из себя майор.

Никакого ответа. Наконец левой рукой он нащупал фонарь, а правая все это время сжимала пистолет, нацеленный на застывшую перед ним мрачную пару. Отыскав пальцем кнопку выключателя, Кэмпфер помедлил еще несколько секунд, прислушиваясь к собственному прерывистому дыханию. Конечно, он хотел знать, кто стоит перед ним и что привело их сюда, но какая-то сила внутри него отчаянно сопротивлялась и не давала включить свет.

Наконец он не выдержал и, со стоном щелкнув крошечным выключателем, дрожащей рукой поднял фонарь.

Над ним стояли рядовые Флик и Вольц с искаженными бледными лицами и выпученными остекленевшими глазами. Вырванное мясо кровавыми кусками свисало на грудь из тех мест, где у каждого из них должно было находиться горло. Они не шевелились... У Кэмпфера замерло сердце и оборвалось дыхание. Рука до боли сжимала фонарь, а челюсть начала судорожно дергаться. Но крик страха так и не слетел с его губ — голос пропал, и легкие не желали слушаться.

Тут произошло неожиданное движение. Медленно, почти грациозно, солдаты наклонились вперед и как подкошенные рухнули на своего командира, прижав его к койке всей тяжестью мертвой плоти.

Отчаянно отбиваясь в безумном стремлении выбраться из-под трупов, Кэмпфер услышал, как где-то вдали раздался вопль смертельного ужаса. И через некоторое время сумел все же опознать этот звук — его собственный крик.

— Ну, теперь-то ты веришь?

— Во что? — Кэмпфер старался не смотреть на Ворманна. Вместо этого он сосредоточился на чашке с какао, зажатой между холодными как лед ладонями. Майор сразу отхлебнул половину, а теперь мелкими глотками потихоньку допивал содержимое.

— В то, что методы СС нам здесь не помогут.

— Методы СС ВСЕГДА помогают.

— Кажется, на этот раз — нет.

— Но я только начал! Еще не умер ни один крестьянин!..

Однако, говоря это, Кэмпфер прекрасно понимал, что он столкнулся с такой проблемой, которая не стояла еще ни перед кем из сотрудников СС. В замке было нечто такое, на что не действовали страх и насилие. Напротив — «оно» привыкло использовать страх как свое собственное оружие.

И все же крестьян надо немедленно расстрелять. Он не мог отпустить их — это было бы равносильно признанию собственного поражения. Плевать, что их смерть никак не подействует на ту тварь, которая убивает солдат. Если он обещал заложникам смерть, значит, они должны умереть.

— Кстати, смерть им уже не грозит, — сказал Ворманн.

— Что? — Кэмпфер оторвал взгляд от чашки.

— Я отпустил крестьян.

— Да как ты посмел! — Кэмпфер вскочил со стула.

— Ты еще будешь благодарить меня, что тебе не пришлось отвечать за смерть жителей целой румынской деревни. А именно к этому все и пришло бы. Уж я тебя знаю: начав дело, ты будешь продолжать его до конца, сколько бы человек ни пришлось для этого убить. Зато теперь ты сможешь свалить провал на меня. Я согласен взять вину на себя. А пока нам надо подыскать для заставы более безопасное место.

Ничего не ответив, Кэмпфер сел, мысленно признавая, что выходка Ворманна действительно спасение для него.

— Но я не собираюсь сдаваться, — фыркнул майор, пытаясь выглядеть решительным и упорным.

— А что ты еще можешь сделать? С этим невозможно бороться.

— Но я БУДУ бороться!

— Как? — Ворманн усмехнулся и откинулся назад, сложив руки на выпирающем животе. — Ты даже не знаешь, против чего сражаешься, так как же ты собираешься это делать?

— Огнем! Оружием!

Ворманн резко повернулся к нему.

— Послушайте, господин штурмбанфюрер. Эти солдаты были уже мертвы, когда час назад явились к вам в комнату. Мертвы, понимаете?! Там весь пол залит их кровью. Они погибли возле вашей временной тюрьмы. И тем не менее прошли по коридору,

вышибли дверь, подошли к кровати и упали на вас. А теперь скажите мне; как с этим можно бороться?

Кэмпфер вздрогнул при одном упоминании о случившемся.

— Значит, они умерли, когда уже были в моей комнате! Благодаря своему беспримерному чувству долга они пришли с докладом, несмотря на смертельные раны...— Он не поверил ни единому своему слову. Объяснение вырвалось у него автоматически.

— Нет, они были мертвы, мой друг,— улыбнулся Ворманн без малейшего намека на дружбу в голосе.— Ты ведь даже не рассмотрел их как следует. А я рассмотрел. Причем изучил очень внимательно, как и всех, кто погиб в этом чертовом замке. И поверь мне — эти двое умерли, не успев сделать и шага. У них шеи были разорваны до самого позвоночника, а все сосуды и дыхательное горло болтались снаружи. И даже если бы вместо тебя здесь гостил сам Гитлер, они бы и к нему не смогли прийти ни с каким докладом.— Ворманн встал и подошел к двери.— Все. Я сообщаю своим, что с рассветом мы уезжаем.

— Нет! — Слово само сорвалось с языка и прозвучало гораздо громче, чем майору хотелось бы.

— А ты что, собираешься здесь оставаться? — на ходу спросил Ворманн. Лицо его было очень усталым.

— Я должен выполнить свою миссию.

Капитан остановился и с плохо скрываемым раздражением повернулся к Кэмпферу.

— Но ты не можешь этого сделать! Ты проиграешь! Неужели тебе самому еще не ясно?

— Пока мне ясно только одно — надо выбрать другую тактику.

— Да какая, к чертям, тактика! Нужно быть полным идиотом, чтобы после всего случившегося остаться здесь хоть на сутки!

— А что ты об этом думаешь, Клаус? — вкрадчиво спросил эсэсовец.

— О чем? — не понял Ворманн. Он говорил коротко и резко.

— Об убийствах.. Кто... или что все это делает?

Ворманн снова сел, лицо его приняло озабоченный вид.

— Не знаю... И, кажется, не хочу больше знать. У меня в подвале собралось уже восемь трупов, и мы должны позаботиться о том, чтобы их число не увеличивалось.

— Но послушай, Клаус. Ты ведь находишься здесь уже целую неделю!.. Должны же у тебя быть хоть какие-то соображения.

Ворманн пожал плечами.

— Солдаты, например, считают, что это вампир.

— И ты с этим согласен?

— На прошлой неделе... Да какое там! — еще три дня назад я бы ответил «нет». А теперь я и сам не уверен. Я вообще больше ни в чем не уверен...

Кэмпфер попытался припомнить, что ему известно о вампирах. Может быть, эта тварь, которая убивает солдат, действительно пьет их кровь? Кто знает... Их шеи были сильно повреждены, и много крови растеклось по одежде, так что потребуется целая медицинская лаборатория, чтобы выяснить, вся ли кровь на месте.

— Мне кажется, здесь надо плясать «от печки», — сказал он, чувствуя, что мысли заходят в тупик. — Пора обратиться к источнику.

— А где он?

— Не «где», а «кто». Я хочу выйти на владельца этого замка. Ведь крепость выстроили с какой-то целью и поддерживают постоянный порядок. А для этого должна быть причина.

— Александру и его сыновья не знают владельца.

— Они только так говорят.

— Зачем им лгать?

— Сейчас все лгут. Кто-то им должен платить.

— Деньги присылают владельцу гостиницы, а он передает их Александру.

— Значит, допросим владельца гостиницы.

— Заодно можно попросить его и перевести слова на стене.

Кэмпфер удивленно поднял брови:

— Какие слова? На какой стене?

— Там, внизу, где убили твоих солдат. Там что-то написано на стене их кровью.

— По-румынски?

Ворманн пожал плечами.

— Не знаю. Я даже буквы не смог разобрать, не то что целые слова.

Майор как ужаленный вскочил со стула. Наконец что-то есть!..

— Я хочу немедленно заняться трактирщиком!

Владельца гостиницы звали Юлью.

Это был полный мужчина лет шестидесяти с лысиной на макушке и густыми закрученными усами. Его толстые щеки, не видевшие бритвы по меньшей мере неделю, тряслись от холода, пока он в одной ночной рубашке стоял в коридоре замка возле двери, за которой недавно томились арестованные крестьяне.

«Совсем как в старые добрые времена», — думал Кэмпфер, рассматривая его из глубины затемненной комнаты. Он снова начинал приходить в боевое расположение духа.

Сперва он мучил старика направленным светом, пока ему самому это не надоело. Потом Юлью привели на то место, где погибли эсэсовцы. Из гостиницы принесли все тетради и книги, которые хоть чем-то походили на журналы регистрации, и свалили все это в огромную кучу в углу бывшей камеры. Взгляд румына то спотыкался о надпись на стене, то опускался к полу, то шарил по лицам четырех солдат, поднявших его среди ночи, потом снова упирался в засохшую кровь на полу.

Когда майор почувствовал, что пальцы у него деревенеют, несмотря на толстые кожаные перчатки, он вышел из своего темного угла и предстал перед Юлью. При виде эсэсовского офицера старик с ужасом попятился и чуть не споткнулся о гору журналов.

— Кто владеет замком? — тихим вкрадчивым голосом спросил Кэмпфер.

— Я не знаю, господин офицер.

Он ужасно говорил по-немецки, но все же это было лучше, чем

искать переводчика. Кэмпфер ударил его по щеке перчаткой. Он еще не чувствовал злости, это была обычная методика допроса.

— Кто владеет замком? — так же спокойно повторил он.

— Не знаю!

Майор снова ударил его.

— КТО?!

На этот раз Юлюю заплакал, на губах показалась кровь. Это было хорошим знаком — такой долго не выдержит.

— Я, правда, не знаю! — взмолился он.

— Кто дает тебе деньги, чтобы платить людям, работающим здесь?

— Курьер.

— От кого?

— Не знаю. Он не говорит. Наверное, из банка. Он приезжает сюда два раза в год.

— Значит, ты подписываешь ордер или чек для оплаты. От кого эти чеки?

— Я подписываю письмо. Там наверху написано, что оно из швейцарского Средиземноморского Банка. В Цюрихе.

— Какими деньгами он рассчитывается?

— Золотом. Золотыми монетами по двадцать левов. Я плачу Александру, а он уже раздает сыновьям. Так было всегда.

Кэмпфер наблюдал, как Юлюю вытирает глаза и постепенно успокаивается. Наконец-то в его цепочке появилось первое звено! Теперь он свяжется с внешней разведкой СС, и они выяснят, кто направляет из Цюриха курьера с деньгами для владельца гостиницы в Трансильванских Альпах. Потом СД выйдет на владельца счета, а там уж — и на хозяина замка.

А что потом?..

Этого Кэмпфер еще не знал, но пока события должны развиваться именно так. Он повернулся и уставился на слова, выведенные на стене. Кровь Флика и Вольца, которой они были написаны, уже засохла и теперь стала буро-коричневой. Некоторые буквы были написаны или неаккуратно, или он просто никогда таких раньше не видел. Другие еще можно было узнать. Но в целом слова оставались непонятными. И все же в них должен был заключаться какой-нибудь смысл.

Кэмпфер кивком указал на стену.

— Что здесь написано?

— Я не знаю, господин офицер! — Юлюю весь сжался, чтобы не видеть сверкающей голубизны глаз майора. — Прошу вас... Я не знаю!

— Врешь! — заорал Кэмпфер и сильно ударил Юлюю кулаком в лицо. — Здесь написано по-румынски! Я хочу знать, что именно!

— Это только похоже, что по-румынски, господин офицер, — застонал старик, приседая от страха и боли. — Но это не так. Я не знаю, что тут написано!

Кэмпфер повернулся к солдатам:

— Научите его искусству перевода.

Через секунду мучительной тишины раздался сдавленный крик и тяжелый звук падающего тела.

— Хватит! — внезапно прозвучал чей-то голос, и Кэмпфер тут же узнал его: Ворманн!..

Взбешенный таким наглым вмешательством, майор резко повернулся с гримасой ярости на лице. Это уже прямое неподчинение! Вызов! Но едва открыв рот, чтобы поставить капитана на место, он заметил, что тот держит палец на спусковом крючке пистолета. Конечно, он не осмелится выстрелить. И все же...

— Этот румын отказался с нами сотрудничать, — попытался объяснить майор.

— И поэтому вы считаете, что избить его до беспамятства, если не до смерти, — самый верный способ получить то, что вам нужно? Как умно!.. — Ворманн подошел к Юлье, мягко оттолкнув солдат, будто те были неодоушевленными предметами. Он внимательно оглядел владельца гостиницы, потом пристально посмотрел на каждого из солдат.

— Так вот каким образом немецкие воины борются за славу Отечества!.. Я думаю, ваши матери и отцы стали бы очень гордиться вами, если бы увидели, как вы избиваете вчетвером безоружного старика. Какая отвага!.. Почему бы вам не пригласить их посмотреть? А может быть, вы и их уже успели избить, когда последний раз были дома?

— Хочу предупредить вас, капитан, — начал Кэмпфер, но Ворманн уже отвернулся, переключив все внимание на владельца гостиницы.

— Так что вы нам можете сообщить о замке, чего мы еще не знаем?

— Ничего, — всхлипывая, ответил с пола Юлю.

— Какие-нибудь слухи, легенды, страшные истории?..

— Я прожил здесь всю жизнь, но ничего такого не слышал.

— А никаких смертей в замке раньше не было? Никогда?

— Никогда.

Тут Кэмпфер увидел, что в глазах старика засветилась надежда, будто он вдруг придумал, как выбраться отсюда живым.

— Постойте, я, кажется, знаю, кто сможет помочь вам. Мне бы только заглянуть в мои записи... — Он указал на кучу сваленных книг.

Ворманн кивнул. Юлю подполз на коленях к пыльному вороху и выбрал одну потрепанную грязную тетрадь в матерчатом переплете. Быстро просмотрев с десяток страниц, он вскоре отыскал нужную запись.

— Вот! За последние десять лет он трижды приезжал сюда, и каждый раз со своей дочерью. Это большой человек в Бухарестском университете. Он специалист как раз по истории наших мест. Но каждый раз ему было все хуже — он сильно болен.

Кэмпфер заинтересовался:

— А когда он был здесь в последний раз?

— Пять лет назад. — Юлю вздрогнул и подался в сторону от майора, услышав звук его голоса.

— Что значит «сильно болен»? — спросил Ворманн.

— Последний раз он почти не ходил. Только с помощью двух костылей.

Ворманн взял в руки засаленную тетрадь.

— И кто он такой?

— Профессор Теодор Куза.

— Будем надеяться, что он еще жив, — вздохнул капитан, передавая книгу Кэмпферу. — Я думаю, в Бухаресте есть ваши люди, которые быстро установят, где он находится. Нам лучше не терять сейчас времени.

— Я никогда не теряю времени, — надменно ответил Кэмпфер, пытаясь вновь держаться на высоте после недавней стычки из-за румына. Уж этого он Ворманну ни за что не простит!.. — Если вы выйдете во двор, то увидите, что мои люди уже начали разбирать кладку стен. И я надеюсь, что ваши солдаты без промедления к ним присоединятся. Пока мы будем запрашивать СД насчет банка и искать в Бухаресте профессора Кузу, наши бойцы разберут по камню все это сооружение. Потому что если мы не получим нужной информации от профессора или из Цюриха, то лучше всего будет уничтожить в крепости все места, где только можно спрятаться.

Ворманн равнодушно пожал плечами.

— Все лучше, чем спокойно сидеть и ждать, пока тебя убьют. Я прикажу своему сержанту согласовать с вами план работ и уточнить детали.

Он повернулся, помог Юлью встать и подтолкнул его к выходу со словами:

— Я буду идти за вами и прослежу, чтобы часовые вас выпустили.

Но владелец гостиницы почему-то замешкался и, наклонившись к капитану, что-то тихо сказал ему на ухо. Ворманн расхохотался.

Кэмпфер почувствовал, как краска бросилась к его лицу. Они говорят о нем, унижают его! Тут он не мог ошибиться.

— Что вас так рассмешило, капитан? — рявкнул эсэсовец.

— Этот профессор Куза, — ответил Ворманн, все еще улыбаясь, — тот самый человек, который, кажется, знает, как нам с вами остаться в живых... — он еврей!

Новый взрыв хохота потряс помещение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бухарест
Вторник, 29 апреля
Время: 10.20

Грубый нетерпеливый стук в дверь, казалось, сорвет ее с петель.

— Открывайте.

Несколько секунд Магда не могла произнести ни слова, а потом дрогнувшим голосом спросила:

— Кто там?

— Немедленно открыть!

Девушка в мешковатом свитере, длинной юбке и с распущенными волосами остановилась у двери. Она рассеянно посмотрела на отца — тот сидел за столом в своей старой инвалидной коляске.

— Лучшепусти их,— спокойно произнес он, но в глазах его стоял страх.

Магда повернулась к двери. Одним движением руки отодвинула засов и распахнула дверь, тут же отпрянув в сторону, словно дверь могла укусить ее. И хорошо, что она так сделала, потому что как только дверь отворилась, в нее ввалились два дюжих солдата Железной Гвардии при полном параде и с винтовками наготове.

— Здесь живет Куза? — спросил один из них.

— Да,— ответила Магда, отступая назад, к отцу.— Что вы хотите?

— Нам нужен Теодор Куза. Где он? — Солдат внимательно осмотрел Магду.

— Это я,— ответил профессор.

Магда стояла рядом и, как бы пытаясь защитить его, положила руку на спинку кресла-каталки. Ее била нервная дрожь. Они с ужасом ждали этого дня и втайне надеялись, что он никогда не наступит. Но сейчас было очень похоже, что их собираются увезти в какой-нибудь лагерь для переселенцев, где отец не выдержит и одной ночи.

Солдат выступил вперед и достал из кармана какую-то бумагу. Он заглянул в нее, потом снова уставился на профессора.

— Вы не можете быть Кузой. Ему пятьдесят шесть. А вы слишком старый.

— И тем не менее это я.

Солдаты с недоверием посмотрели на Магду.

— Это тот самый профессор Теодор Куза, который раньше работал в Бухарестском университете?

Магда кивнула.

Солдаты топтались на месте, очевидно, не зная, как им поступить.

— Чего вы от меня хотите? — с видимым спокойствием спросил профессор.

— Мы должны отвезти вас на вокзал и сопровождать до Кымпины, где вас встретят представители Третьего Рейха. Оттуда...

— Немцы? Но зачем?..

— Вопросов не задавать. Оттуда...

— Значит, они сами ничего не знают,— услышала Магда тихий голос отца.

—...вы будете доставлены на перевал Дину.

Отец был удивлен не меньше, чем дочь, но постарался не подавать виду.

— Я бы рад вам помочь, господа,— сказал он, растирая пальцы в неизменных перчатках,— потому что мало есть в мире таких воспитательных мест, как перевал Дину. Но, как вы видите, я сейчас слишком слаб для этого.

Солдаты стояли в нерешительности, с сомнением глядя на старика в кресле. Магда чувствовала их замешательство. Отец был похож на живой скелет с тонкой, натянутой и высохшей, как у мертвеца, кожей; его лысеющий череп окаймляли редкие пряди седых волос, а пальцы были уродливо скрючены, что

бросалось в глаза даже через перчатки; руки и шея стали настолько худыми, что, казалось, на костях нет и намека на мышцы. Он выглядел невероятно хрупким, слабым и больным. На вид ему смело можно было дать лет восемьдесят. А в бумагах значилось — найти и доставить мужчину пятидесяти шести лет.

— И все-таки вам придется поехать, — отрезал старший.

— Но он не может! — воскликнула Магда. — Он не вынесет такого пути!

Солдаты переглянулись.

— Если за мной будет все время ухаживать моя дочь, — вдруг послышался твердый голос отца, — то скорее всего я смогу поехать.

— Нет, папа! Тебе нельзя!

— Послушай, Магда... Этим людям все равно надо меня забрать. Чтобы я выжил, ты должна будешь поехать со мной. — Он внимательно посмотрел на нее. В глазах его были решимость и приказ.

— Да, папа. — Она не могла еще понять, что он задумал, но чувствовала, что ей надо повиноваться. Все-таки это ее отец. Ему виднее...

Он еще раз со значением посмотрел на нее.

— Ты понимаешь, дорогая моя, куда мы направляемся?

Он явно пытался ей что-то сказать, как-то направить ход ее мыслей. И тут она вспомнила свой недельной давности сон и то, что чемодан с вещами так и стоит у нее под кроватью.

— На север!..

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

Карабурук, Турция
Вторник, 29 апреля
Время: 18.02

Рыжеволосый стоял на молу и чувствовал, как лучи заходящего солнца мягко согревают его. Тем временем тени от столбов уже вытянулись до самой воды. Вот и Черное море... Глупое название. Оно было прозрачным и синим, похожим на океан. На берегу, возле самой воды, сгрудились двухэтажные домики из глины и кирпича; их черепичные крыши были сейчас цвета расплавленной меди — почти как предзакатное солнце.

Лодку он нашел без труда. Рыбный промысел был основным занятием местных жителей, но рыбаки оставались поразительно бедными, какой бы крупный улов ни приносили их сети.

На этот раз ему попался не быстროходный катер контрабандиста, а неуклюжая посудина для ловли сардин, сплошь покрытая коркой соли. Конечно, это не совсем то, что ему хотелось бы, но лучшего судна здесь не найти. Рыжеволосый с радостью поторопил бы владельца лодки, ведь времени оставалось уже до крайности мало, но это вряд ли помогло бы ему. Он знал, что таких людей нельзя торопить, они живут в своем естественном ритме, который гораздо медленнее его собственного.

Отсюда до дельты Дуная было двести пятьдесят миль на север, а там — еще столько же на запад до перевала Дину. Если бы не

эта дурацкая война, он нанял бы самолет и давно был бы уже на месте.

Но что могло там случиться?... Неужели на перевале идут бои? По радио ничего не говорили о войне в Румынии. Впрочем, это не важно. Что бы ни произошло, ему надо спешить. А он ведь чуть было не поверил, что все устроено уже навеки.

Губы его скривились в грустной усмешке. Навеки... Уж он-то лучше всех знал, как мало в этом мире вещей, которые удалось бы сберечь от хода времени.

И все же оставалась еще надежда, что дело зашло не слишком далеко и можно успеть вернуть все на свои места.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Застава

Вторник, 29 апреля

Время: 17.52

— Вы разве не видите, как он устал? — кричала Магда.

— Мне плевать, даже если это его последний вздох, — бросил эсэсовский офицер, назвавшийся майором Кэмпфером. — Я хочу, чтобы он сейчас же рассказал мне все, что ему известно о замке.

— Во-первых, — начал отец на безупречном немецком в ответ на требование майора Кэмпфера немедленно дать ему всю информацию, — это строение не является замком. Собственно, замок, или главная сторожевая башня, как ее принято называть, был последним внутренним укреплением в более крупной крепости и часто — тем местом, где жил сам владелец с семьей. А это здание, — он обвел руками вокруг себя, — просто уникально. Я даже не знаю, как правильнее его назвать. Оно построено с большим старанием и искусством, но предназначено лишь для того, чтобы быть обычным сторожевым постом, и при этом довольно незначительно по размерам. Ни один уважающий себя дворянин не стал бы строить для себя такой дом. Но тем не менее его всегда называли «замок» — наверное, просто из-за того, что нет другого более подходящего слова. И я думаю, что это название ему все же подходит.

— Мне плевать на то, что вы думаете! — рявкнул майор. — Я хочу услышать то, что вы знаете! Историю этого места, легенды, связанные с ним, — все!

— А нельзя ли отложить до утра? — вмешалась Магда. — Мой отец смертельно устал, и ему трудно сейчас даже сосредоточиться. Может быть, когда он немного отдохнет...

— Нет! Мы должны узнать все немедленно!

Магда перевела взгляд с белокурого офицера на более темно-го — полного капитана по фамилии Ворманн, который до сих пор еще не сказал ни слова. Она заглянула в его глаза и увидела в них то же самое, что и в глазах остальных немцев, с которыми ей довелось столкнуться с тех пор, как они вышли из поезда. Теперь то, в чем раньше она сомневалась, стало совершенно ясным: эти люди чего-то очень боялись. Офицеры и рядовые — они одинаково сильно испытывали страх.

— Что вас конкретно интересует? — спросил отец.

Наконец заговорил капитан Ворманн:

— Профессор Куза, мы пробыли здесь всего неделю и за это время потеряли уже восемь человек. Каждую ночь здесь совершалось по одному убийству, а вчера было перерезано сразу два горла.

— Я не интересуюсь политикой и не знаю, какая группировка может тут действовать. Так что я вряд ли смогу вам помочь, — произнес профессор.

— Но мы больше не считаем, что здесь замешаны политические мотивы, — перебил его капитан.

— Тогда что же? Кто?..

— Мы даже не уверены, что об этом можно говорить «кто».

Наступила долгая пауза, и отец слегка приоткрыл рот. Магда знала, что это движение можно считать усмешкой, хотя лицо его больше походило на маску смерти.

— Вы считаете, что здесь действуют сверхъестественные силы?.. Итак, убито несколько ваших солдат, и из-за того, что вы не можете обезвредить убийцу и не верите, что вам противостоит румынская партизанская группа, вы решили, что это нечистая сила? Если вам действительно нужен мой...

— Молчать, жид! — в ярости крикнул эсэсовский офицер и резко шагнул вперед. — Единственное, почему ты находишься здесь и почему я до сих пор не расстрелял ни тебя, ни твою дочь, так это то, что ты здесь часто бывал и хорошо знаешь места и местные обычаи. Но как долго вам обоим осталось жить, будет зависеть от того, насколько ты окажешься для нас полезным. А пока еще ты не убедил меня в том, что я не напрасно потратил время, доставляя тебя сюда!

Магда увидела, что подобие улыбки исчезло с отцовского лица.

— Я сделаю все возможное, — мрачно произнес он, — но сперва вы должны подробно рассказать мне обо всем, что здесь произошло. Может быть, мне удастся найти более реальное решение.

— Надеюсь, что тебе это удастся... ради твоего же блага, — процедил эсэсовец.

Капитан Ворманн рассказал о том, как два солдата разобрали подвальную стену, увидев на ней крест из настоящего золота и серебра, и попали в подземную шахту, которая оказалась тупиком. Потом стена рухнула, провалилась часть пола, и таким образом обнаружился второй, нижний подвал. Постепенно они в деталях узнали о судьбе рядового Лютца и всех, следовавших за ним. Ворманн поведал о странном холоде и крошечной тьме, которая наступает здесь временами, чему он сам был свидетелем всего две ночи назад, и о том, как два эсэсовца каким-то образом вошли в комнату майора Кэмпфера после того, как им обоим разорвали горло.

Рассказ этот сильно напугал Магду, хотя при других обстоятельствах она, возможно, просто рассмеялась бы. Но вся атмосфера в замке и мрачные лица военных говорили о том, что это чистая правда. И пока капитан рассказывал, она вдруг вспомнила, что сон о путешествии на север приснился ей именно в ту ночь, когда был убит первый солдат.

Но она не могла сейчас думать об этом. Надо было следить за

отцом. Пока он слушал, она наблюдала за его лицом и заметила, что с каждым новым событием, с каждым описанием новой смерти его усталость на глазах исчезает, и, когда капитан Ворманн закончил, отец преобразился из старого немощного калеки в настоящего профессора Теодора Кузу — блестящего специалиста, перед которым стояла серьезная задача в его области.

Он ответил не сразу:

— По всей вероятности, что-то было выпущено на свободу из той маленькой тупиковой комнаты, когда туда проник первый солдат. Насколько мне известно, раньше в замке не было ни одного убийства. Но раньше здесь никогда не останавливалась иностранная армия... Конечно, я мог бы приписать все это вылазкам патриотов, румынских партизан... если бы не события двух последних ночей. Пока мне трудно дать разумные объяснения, почему на время гаснут исправные лампы и почему два солдата смогли ожить после того, как были полностью обескровлены. И боюсь, что ответ на вашу загадку придется искать за пределами обычного.

— Вот поэтому-то ты и здесь, еврей,— проворчал майор.

— Самое простое решение — покинуть замок.

— Исключено.

Профессор задумался.

— Должен вам сказать, господа, что я не верю в вампиров.

Магда перехватила его многозначительный взгляд — она знала, что это не совсем так.

— По крайней мере больше не верю. Ни в оборотней, ни в привидения. Но я всегда чувствовал, что в замке скрыто нечто таинственное. И эта тайна давно уже не дает мне покоя. Ведь совершенно очевидно, что мы имеем дело с сооружением очень редкой и необычной архитектуры, однако нигде не указывается, кто именно его выстроил; замок поддерживается в идеальном порядке и чистоте, но никто не претендует на него, как владелец; нигде нет никаких записей и о том, кто владел им ранее. Я пытался выяснить это много лет, но безуспешно.

— Мы как раз работаем над этим вопросом,— перебил профессора Кэмпфер.

— Наверное, вы захотите связаться со Средиземноморским банком в Цюрихе? Не тратьте понапрасну времени — я там уже был. Деньги берут из процентов со счета, который открыли еще в прошлом веке. И со дня основания банка все расходы на замок покрываются этими процентами. До этого, как мне думается, деньги шли с другого счета в другом банке и, может быть, даже из другой страны... А регистрационные журналы владельца гостиницы, естественно, велись далеко не лучшим образом. Но в данном случае даже они ничем не смогли бы помочь: дело в том, что нет никакой явной связи между частными лицами, открывающими такие счета, и самими деньгами, которые лежат в банке и исправно нагуливают проценты.

Кэмпфер с досады стукнул кулаком по столу.

— Проклятие! Тогда какой от тебя здесь толк, старик?

— Я — все, что у вас есть, господин майор. Но дайте мне закончить: три года назад я обращался к румынскому правитель-

ству с просьбой объявить замок государственной собственностью и национальным памятником. Я обнародовал соответствующую петицию и надеялся, что мои действия привлекут внимание владельца и заставят его заявить о своих правах, если он еще жив. Но ничего подобного не произошло, а в прошении мне было отказано. Ведь Дину считается очень диким, отдаленным и малодоступным районом. К тому же, поскольку никакие исторические события с этим замком не связаны, то, по официальным законам, он не может считаться памятником. И, наконец, последнее и самое главное: национализация привела бы к тому, что на содержание замка пришлось бы выделить средства из государственного бюджета. А зачем же их тратить, если на это прекрасно идут чьи-то частные деньги?.. Против таких аргументов я не смог возражать. И поэтому, господа, мне пришлось закончить свою борьбу. К тому же пошатнувшееся здоровье вынудило меня переехать на постоянное жительство в Бухарест. И я должен был довольствоваться тем, что изучил все документы, связанные с этим местом, и теперь знаю о нем больше, чем кто-либо другой. То есть почти ничего.

— А это что такое? — спросил капитан Ворманн, указывая на пеструю кипу свитков и книг в кожаных переплетах, лежащую на полу в углу комнаты.

— Книги? — Профессор удивленно поднял брови.

— Мы начали разбирать стены, — объяснил майор Кэмпфер. — И скоро той твари, за которой мы охотимся, просто негде будет прятаться. Мы разберем этот замок до основания и выставим камни на солнце. И тогда КУДА она денется?

Профессор пожал плечами.

— Неплохая идея... если при этом вы не выпустите на свободу ничего похуже.

Магда заметила, как отец будто бы невзначай повернул голову в сторону книг, но на секунду задержал взгляд на испуганном лице Кэмпфера — такая возможность даже не приходила майору в голову.

— Но где вы нашли столько книг? Ведь, насколько мне известно, в замке никогда не было библиотеки, а местные крестьяне не могут прочитать даже собственного имени.

— В замурованной нише одной из стен, когда стали разбирать заднюю секцию, — сказал капитан.

— Пойди посмотри, что там, — обратился профессор к Магде.

Она прошла в угол и опустилась на колени. Книг оказалось не больше десятка — все очень старые, а одна, рукописная, — в свитке. Магда стала медленно перебирать их и взяла наугад один том. Название было написано по-английски «Книга Эй-бон». Магда восторженно вскрикнула. Невероятно!.. Это розыгрыш! Она посмотрела на остальные, беголо перевода их названия с разных языков, и благоговейная дрожь поползла по ее позвоночнику. Все книги были подлинниками! Она тут же вскочила и в ужасе отступила назад, чуть не споткнувшись на ровном месте.

— Эти книги... — начала она, не скрывая своего потрясения, — считалось, что они даже не существуют!

Профессор подкатил кресло ближе к столу:

— Принеси их сюда!

Магда нехотя наклонилась и осторожно взяла два тяжелых тома. Один из них оказался трактатом «Де Вермис Мистерис» Людвиг Принна, другой — «Культом Гулов» покойного графа д'Эрлетта. Это были легендарные сочинения, и кожа Магды покрылась мурашками, когда она дотронулась до их пыльных кожаных переплетов. Ее волнение передалось офицерам, и они торопливо перенесли на стол остальные тома.

Дрожь от возбуждения, нарастающего по мере того, как книги скапливались на столе, профессор начал бормотать себе что-то под нос и громко выкрикивать названия книг:

— «Наркотические рукописи» в свитке! Перевод дю Норда «Книги Эйбон»! «Песнопения Дхола»! «Семь тайных книг Хасана»! А вот еще — «Кульм Унашпрехлихен» фон Юнтца. Да эти книги не имеют цены! Их запрещали и подвергали уничтожению в течение многих веков; их сжигали, и только шепотом можно было произносить их названия. Некоторые ученые до сих пор сомневаются в их существовании! И вот они здесь — может быть, последние из оставшихся экземпляров!..

— Наверное, их не зря запрещали? — осторожно спросила Магда. Ей не нравился огонек, загоревшийся в отцовских глазах. находка этих книг ужасала ее, ведь их целью было описание страшных тайных обрядов для контакта с силами, лежащими за пределами разума и здравого смысла.

— Возможно-возможно... — механически кивнул отец, даже не взглянув на нее. Он стянул зубами кожаные перчатки и на правый указательный палец поверх матерчатой перчатки надел резиновый колпачок. Потом, водрузив на нос очки, начал лихорадочно перелистывать страницы. — Но тогда были другие времена. А сейчас на дворе двадцатый век. И я не думаю, что в этих книгах найдется нечто такое, с чем мы теперь не сможем справиться.

— Что же там может быть такого ужасного? — с недоумением спросил Ворманн и потянулся за толстым томом в футляре с бронзовыми застежками. Это был «Кульм Унашпрехлихен». — Посмотрите-ка — здесь на немецком.

Он раскрыл книгу, полистал и начал читать с середины.

Магде хотелось остановить его, но она тут же передумала. Вдруг лицо капитана побледнело, он судорожно сглотнул и хлопнул книгу.

— Какой же больной, изуродованный разум мог сочинить такое?! Это... Это же... — Он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

— Что вы взяли? — спросил профессор, поднимая глаза. Он не успел еще разглядеть название книги. — А, это работа фон Юнтца. Впервые она была напечатана частным образом в Дюссельдорфе в 1839 году. И очень маленьким тиражом — может быть, экземпляров десять... — Тут он запнулся.

— Что-то случилось? — сразу же спросил Кэмпфер. Он стоял немного поодаль, не проявляя особого интереса к происходящему.

— Да... ведь замок построили в пятнадцатом веке — это

я знаю наверняка. А все найденные вами книги были написаны значительно раньше, кроме той, что брал ваш коллега. А это значит, что в середине прошлого века, если не позже, кто-то побывал здесь и положил эту книгу вместе с остальными.

— Не вижу большого смысла в таком открытии, — хмыкнул Кэмпфер. — Оно не сможет уберечь одного из наших солдат... — Тут он улыбнулся, поскольку в голову ему пришла «удачная» мысль, — а, может быть, вас или вашу дочь — от смерти.

— Но это бросает новый свет на всю нашу проблему! — с жаром возразил профессор. — Вы недооцениваете тот факт, что все книги, которые здесь лежат, были прокляты и запрещены как несущие зло. Впрочем, я это отрицаю. Я считаю, что сами по себе они не есть зло, а только описывают его. Ту, которая сейчас у меня в руках, боялись особенно сильно. Это «Аль Азиф» в оригинале — на арабском языке.

Магда ахнула.

— Не может быть! — Эта книга считалась самой ужасной.

— Да! Я, правда, плохо разбираюсь в арабском, но все же могу прочитать название и имя автора. — Он отвел взгляд от Магды и снова посмотрел на Кэмпфера. — И я вполне серьезно считаю, что ответ на ваши вопросы может находиться на страницах этих книг. Я начну работать с ними сегодня же. Но сначала мне нужно увидеть трупы.

— Зачем? — На этот раз заговорил капитан Ворманн. Он успел уже прийти в себя после первого знакомства с работой фон Юнтца.

— Я хотел бы посмотреть на их раны. Возможно, их смерть имеет отношение к каким-нибудь древним ритуалам.

— Мы вас немедленно доставим туда, — согласился майор и вызвал в пом огласился майор и вызвал в помощь двух своих подчиненных.

Магде не хотелось идти с ними — ее не прельщала перспектива смотреть на мертвых солдат, но оставаться одной и ждать было еще хуже. Поэтому она взялась за ручки коляски и покатила ее к лестнице, ведущей в подвал. Возле самой лестницы солдаты отстранили ее и, следуя указаниям майора, перенесли профессора вместе с креслом вниз по ступенькам. В подвале было на удивление холодно.

— А что это за кресты, профессор? — спросил капитан Ворманн, когда они двинулись по коридору. Коляску снова катила Магда. — Что они означают?

— К сожалению, мне это неизвестно. О них нет даже местной легенды, кроме той, что утверждает, будто замок был выстроен одним из римских пап. Но пятнадцатый век был кризисом для Ватикана, а замок расположен как раз в таком месте, где всегда была угроза со стороны османских турков. Поэтому такая теория просто смехотворна.

— А сами турки не могли его построить?

— Невозможно. Это совсем не их архитектурный стиль, а кресты, разумеется, и вообще далеки от турецкой символики, но даже когда встречаются там, то совершенно не такой конфигурации.

— И все-таки, что это за форма крестов?

Казалось, капитана очень интересуют всяческие подробности, связанные с этим замком, поэтому Магда успела ответить раньше, чем это сделал ее отец: проблема крестов была досконально изучена ею за последние несколько лет.

— Этого не знает никто. Мы с папой проштудировали целые тома по истории христианства, Рима, по славянской истории, но нигде не нашли ни одного упоминания о крестах, похожих по форме на эти. Если бы мы сумели обнаружить исторический прецедент, связанный с такой формой креста, то это дало бы возможность выдвинуть гипотезу относительно создателей замка. Но, к сожалению, мы не нашли ничего. Кресты эти настолько же уникальны, как и весь замок сам по себе.

— Вот еще какой вопрос... — обратился капитан к профессору. — Как вы считаете, почему в замке нет птиц?

— Честно говоря, я никогда не замечал их отсутствия.

Один из солдат повез профессора в темноту вслед за Ворманном, и вскоре мужчины приблизились к восьми накрытым простынями предметам, лежащим прямо на полу футах в тридцати впереди. Магда не решилась сопровождать их, а осталась у подножия лестницы. Она была уверена, что не сможет вынести этого зрелища.

Тут она заметила, что капитан Ворманн чем-то явно смущен: подойдя к трупам, он поставил лампу на пол, нагнулся и начал расправлять простыни на неподвижных телах, словно те были сматы или лежали, на его взгляд, недостаточно ровно. Еще один подвал!.. Они с отцом много раз обходили весь замок, но никогда даже не подозревали о его существовании. Магда терла ладонями свои локти и плечи, стараясь хоть немного согреться. Здесь было очень холодно.

Спустившись в это мрачное подземелье, она внимательно огляделась: нет ли здесь признаков крыс. Но, к счастью, она не заметила вокруг ничего подозрительного, а, повернувшись, увидела, что капитан уже начал приподнимать одну за другой простыни, показывая отцу голову и плечи каждого мертвеца. Она не слышала разговора, но по тону поняла, что пока все в порядке. Внутренне Магда чувствовала большое облегчение от того, что не видит всех тех кошмаров, которые приходится сейчас изучать профессору.

Наконец солдаты развернули коляску и направились к выходу, и вскоре Магда расслышала голос отца:

— ...Таким образом, я не могу сказать, что эти раны напоминают мне результат какого-нибудь ритуала. Кроме того, обезглавленного солдата. Совершенно очевидно, что все они умерли от потери крови из-за сильного повреждения основных кровеносных сосудов шеи. Но я не обнаружил на их телах никаких следов зубов — ни звериных, ни человеческих. И все же эти раны не могли появиться от воздействия каким-либо острым предметом. Их шеи просто-напросто разорваны. Или даже вырваны, если угодно. Но как это могло произойти, я пока затрудняюсь себе представить.

«Неужели папа может с таким спокойствием говорить об

этом — будто он не историк, а заправский хирург?» — удивилась Магда.

Голос майора Кэмпфера прозвучал угрожающе:

— И снова вам удалось наговорить кучу слов и при этом не сообщить нам ничего ценного!

— Вы дали мне еще слишком мало информации. Разве у вас ничего больше нет?

Эсэсовец двинулся вперед, даже не подумав ответить. Но капитан Ворманн, видимо, вспомнив что-то, щелкнул пальцами.

— Слова на стене! Те самые — написанные кровью на непонятном языке.

Глаза у профессора загорелись.

— Я должен посмотреть!

Кресло снова подняли, и Магда пошла рядом с ним. На сей раз — во двор, где она уже сама повезла отца вслед за немцами к задней секции замка. Вскоре они подошли к тупику, которым заканчивался длинный внутренний коридор. Здесь она увидела на стене корявые красновато-коричневые буквы, от которых вниз отходили засохшие струйки густой почерневшей жидкости.

Мазки были разной толщины, но все они могли быть сделаны пальцем человека. При одной мысли об этом Магду передернуло. Она еще раз взглянула на слова и, конечно же, сразу узнала этот язык. Она могла бы даже перевести их, если бы ей удалось сейчас сосредоточиться на самих словах, а не на том, что их автор использовал вместо краски.

— Вы можете сказать, что это означает? — спросил Ворманн.

— Да, — ответил профессор и замолчал, будто загнипнотизированный открывшимся перед ним зрелищем.

— Ну! — грозно потребовал Кэмпфер.

Магда понимала, насколько трудно ему, должно быть, терпеть свою зависимость от еврея, который к тому же заставлял еще и ждать. Поэтому она особенно боялась, что отец может по неосторожности чем-нибудь спровоцировать его.

— Здесь написано: «Чужеземцы, оставьте мой дом!» Это повелительное наклонение. — Голос профессора звучал вроде бы ровно, но Магда видела: что-то в этих словах его сильно встревожило.

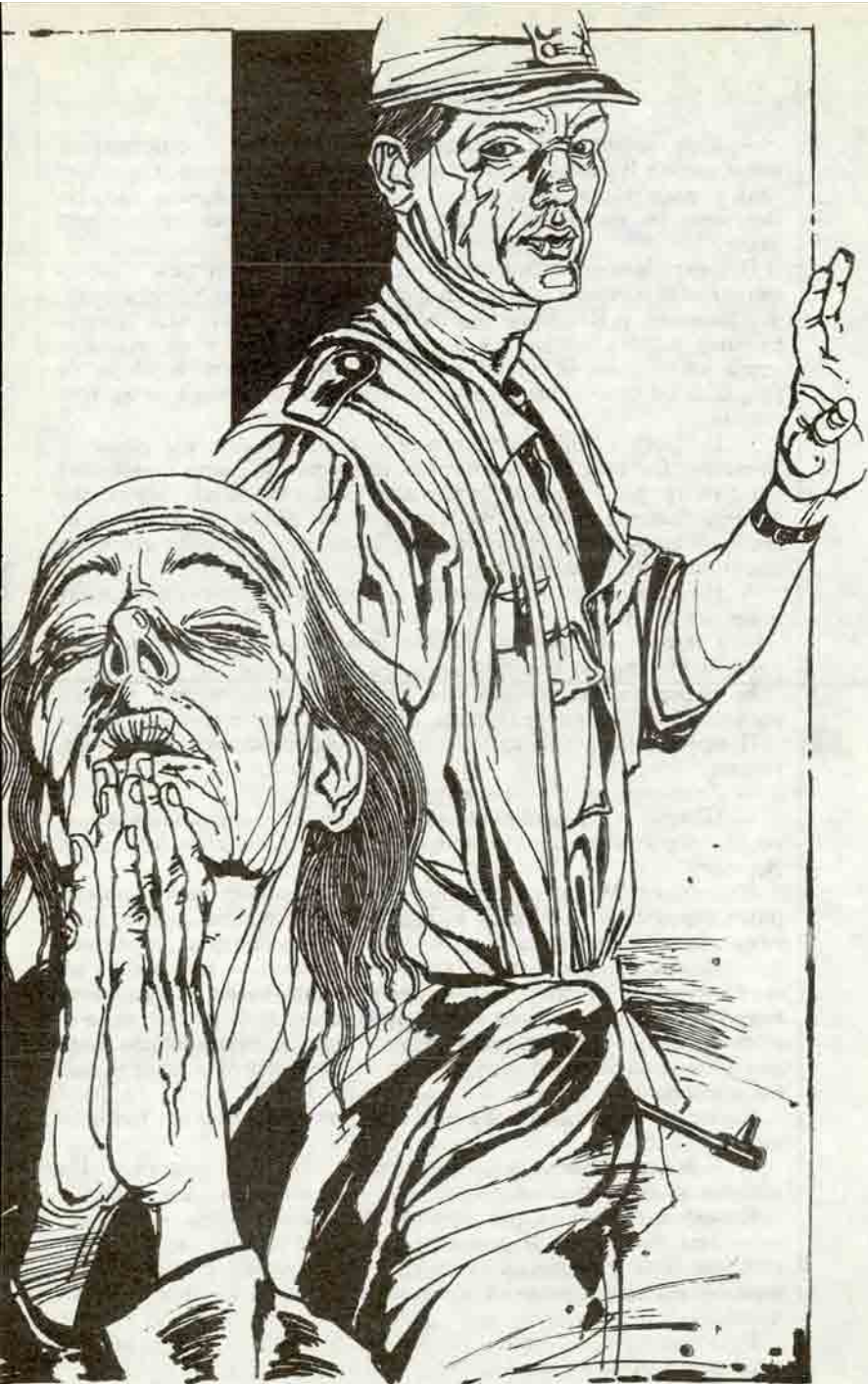
Кэмпфер машинально схватился за кобуру.

— Ага! Значит, все-таки политические убийства!

— Возможно. Но предупреждение или, я бы сказал, требование написано на старославянском языке, а это мертвый язык. Такой же, как, например, латынь. И форма букв именно такова, какую использовали лишь в глубокой древности. Я точно знаю, так как видел много старинных рукописей.

Теперь Магде удалось сосредоточиться на содержании слов. И она поняла, что так встревожило отца.

— Ваш убийца, господи, — продолжал он, — или ученый, специалист по древним языкам, или он был заморожен по крайней мере лет на пятьсот.

— Мне кажется, мы понапрасну теряем время,— с раздражением сказал Кэмпфер, глубоко затягиваясь сигаретой. Он ходил взад-вперед по комнате, засунув левую руку в карман галифе. Все четверо вновь находились на первом этаже сторожевой башни.

В центре комнаты стояло отцовское кресло, и Магда в изнеможении облокотилась на его высокую спинку. Она чувствовала, что Ворманн и Кэмпфер как бы играют друг с другом в перетягивание каната, но не могла понять ни правил этой странной игры, ни ее цели. И тем не менее она была уверена в одном: от результатов этого «поединка» зависит жизнь и отца, и ее собственная.

— Не могу с вами согласиться,— степенно отвечал капитан Ворманн. Он прислонился к стене возле самой двери и скрестил руки на груди.— Как нетрудно заметить, сейчас мы знаем уже гораздо больше, чем утром. Это, конечно, все равно мало, но по крайней мере — прогресс налицо. И должен сказать, что сами мы ничего не добились бы.

— Но этого мало! — взорвался Кэмпфер.— Мы так ни к чему и не пришли!

— Согласен. И поэтому, раз у нас нет никаких плодотворных идей, я предлагаю немедленно покинуть замок.

Кэмпфер ничего не ответил. Он продолжал нервно курить, расхаживая взад-вперед вдоль дальней стены комнаты.

Профессор негромко кашлянул, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Заткнись, жид! — рявкнул майор.

— Почему же, давайте выслушаем его. В конце концов именно за этим мы его сюда и привезли, разве не так? — вступился Ворманн.

Постепенно Магда начала понимать, что между двумя офицерами существует глубокая вражда. Она подумала, что и отец тоже заметил это и теперь пытается воспользоваться ситуацией.

— Возможно, я все-таки смогу вам помочь.— Он указал на грудку книг на столе.— Как я уже говорил, ответ на все ваши вопросы может оказаться среди этих книг. А если так, то я — единственный человек, способный — конечно, с помощью моей дочери — найти его. Так что, если вы пожелаете, я вполне мог бы попробовать.

Кэмпфер остановился и вопросительно посмотрел на Ворманна.

— Пожалуй, стоит дать ему шанс,— сказал капитан.— На данный момент у меня нет других предложений. А у вас?

Кэмпфер бросил окурки на пол и медленно раздавил его.

— Три дня, еврей. Я даю тебе ровно три дня на то, чтобы ты сообщил нам что-нибудь ценное.— Он быстрым шагом направился к выходу и оставил их втроем, даже не закрыв за собой дверь.

Ворманн тут же отошел от стены, посмотрел вслед майору и заложил руки за спину.

— Я прикажу сержанту расстелить для вас две шинели. — Он окинул взглядом хрупкое тело профессора. — Других постелей у нас, к сожалению, нет.

— Спасибо, капитан, мы обойдемся и этим.

— Дрова... — напомнила Магда. — Нам нужны дрова, чтобы поддерживать тепло.

— Сейчас по ночам здесь не слишком холодно, — ответил немец, отрицательно покачав головой.

— Но как же мой отец?.. Ведь если холод подействует на его руки, то он не сможет даже переворачивать страницы.

Ворманн вздохнул.

— Хорошо, я попрошу своего сержанта придумать что-нибудь. Возможно, у нас еще остались какие-то деревянныешки. — Он собрался уже уходить, но возле самой двери неожиданно обернулся. — И вот еще что я вам обоим скажу: майор может раздавить вас с такой же легкостью, с какой он только что раздавил свой окурок. Вы должны знать, что у него есть свои веские причины для скорейшего разрешения этой проблемы, а у меня — свои: я не хочу, чтобы мои солдаты продолжали умирать. Поэтому попробуйте сделать так, чтобы хоть одна ночь не принесла нам новых потерь, и тогда вы докажете, что на что-то способны. Помогите нам избавиться от этой твари, и я сделаю все возможное, чтобы отправить вас назад в Бухарест целыми и невредимыми.

— Сделаете все возможное? — переспросила Магда и внимательно посмотрела ему в глаза. Неужели он на самом деле хочет дать им надежду?.. — Может быть, сделаете. А может, и нет.

Лицо капитана стало угрюмым, и он, как эхо, повторил ее последние слова:

— Может, сделаю, а может, нет.

Огонь принес в башню не только тепло. Стало светлее, и этот свет был намного приятней, чем тот, что шел с потолка от единственной лампочки. Магда расстелила шинель возле самого камина, но отдых профессора сейчас абсолютно не интересовал. За последние годы она ни разу не видела его таким возбужденным. День за днем болезнь выкачивала все соки, изнурия бессильем и нескончаемой болью, и постепенно время бодрствования неумолимо сокращалось, а часы сна стали расти и расти.

Но теперь перед ней был совершенно другой человек, с упоением и азартом зарывшийся в гору книг на столе. Хотя Магда знала, что все это ненадолго. Его слабое тело скоро потребует отдыха. Он работал сейчас на неприкосновенном запасе энергии, из последних сил. Вот отец раскрыл книгу «Де Вермис Мистерис», снял очки и устало потер рукой в перчатке глаза. Теперь, наверное, как раз настало то время, когда можно заставить его прилечь и сделать небольшой перерыв в работе.

— А почему ты ничего не сказал им о своей теории? — как бы невзначай спросила Магда.

— Что? — Профессор непонимающе посмотрел на нее. — О какой теории?

— Ну, ты ведь сказал им, что не веришь в вампиров, хотя,

если я не ошибаюсь, это не совсем так. Конечно, если ты все еще не выкинул из головы свою излюбленную идею.

— Нет, я до сих пор считаю, что, возможно, существовал один настоящий вампир, отчего и пошел столь богатый румынский фольклор на эту тему. Для такой гипотезы есть достаточно много исторических фактов, но это еще не прямые доказательства. Кто может с уверенностью сказать, что вампиры вообще не существуют? Так много было сказок и легенд вокруг них, что теперь и не отличишь, где кончается вымысел и начинается правда. Если, конечно, исходить из того, что эта правда вообще имеет место. Но мне кажется, что мы находимся в двух шагах от ответа.

Магда поднялась и хотела подойти к отцу, как вдруг что-то остановило ее. Комната освещалась уже не так ярко, как минуту назад. Она почувствовала пробежавший по спине холодок и с тревогой огляделась: откуда мог взяться этот сквозняк? Может быть, ей просто показалось, или действительно свет начинает меркнуть?

— Магда? В чем дело?

— Огонь затухает!

Огонь в камине затухал необычно: никакого шипения угольков или дыма — он просто становился все меньше и как бы заползал назад в головешки. То же происходило и с лампочкой наверху — свет делался все более тусклым. Наступала темнота, но темнота не обычная — здесь было нечто большее, чем просто отсутствие света. Эта темнота была почти физически осязаема. Вместе с ней из ниоткуда возник пронизывающий холод и странный запах, тяжелый и затхлый, навевающий мысли о тлении трупов и разрытых могилах.

— Он идет, Магда! Встань возле меня!

Она в ужасе рванулась вперед, инстинктивно отыскивая глазами место, куда можно было бы спрятать отца, но одновременно ей хотелось и у него найти защиту для себя самой. Магда судорожно сжалась возле спинки его кресла и вцепилась в изуродованные руки старика.

— Что же нам делать? — спросила она и удивилась своему голосу — вопрос прозвучал еле слышным испуганным шепотом.

— Не знаю. — Отец тоже дрожал.

Тени начали сгущаться, лампочка потухла совсем, а в камине светились лишь тусклые головешки. Стен уже не было видно — они тоже растворились во всеохватывающей темноте. Последний отсвет мерцающих угольков, как маяк надежды, все еще горел за ее спиной.

Теперь в комнате они были не одни. Нечто страшное и холодное двигалось в темноте совсем рядом. Очень грязное и как будто голодное.

Подул ветерок — сперва слабый, как легкий бриз, потом все сильнее; вот он дошел до ураганного воя, хотя и ставни, и дверь были плотно и надежно закрыты.

Магда попыталась вырваться из сковавшего ее ужаса. Она освободила руки и взялась за подлокотники кресла. Хотя она и не видела сейчас двери, но твердо помнила, что та находится

прямо напротив камина. Не обращая внимания на обжигающий ледяной ветер, Магда начала осторожно толкать отцовское кресло назад — туда, где, по ее расчетам, должна была находиться дверь. Если ей удастся пробиться во двор, то, может быть, они будут спасены. Она сама не знала почему, но ей казалось, что оставаться в этой комнате равносильно стоянию в очереди, где смерть выкрикивает имена своих жертв.

Кресло покатилося. Магде удалось протолкнуть его футов на пять по направлению к двери, но потом оно внезапно застряло. Ее охватила паника. Что-то не давало им выйти отсюда! Но это не было похоже на невидимую стену, прочную и неприступную. Казалось, будто кто-то или что-то просто держит колеса с противоположной стороны, издеваясь над ее отчаянными попытками.

И тут в темноте над отцовской головой на какую-то долю секунды показалось мертвенно-бледное лицо, смотрящее ей прямо в глаза. И сразу исчезло.

Сердце бешено заколотилось. «Этого не может быть! Это просто галлюцинация! Все это нереально...» — пыталась убедить себя Магда. Но тело ее продолжало верить. Она взглянула на отца и увидела, что ее собственный страх — лишь слабое подобие иступленного ужаса, застывшего в его глазах.

— Не останавливайся здесь! — закричал профессор.

— Я не могу сдвинуть кресло!

Он попытался обернуться, чтобы выяснить, что именно преградило им путь, но больные суставы сделали это простое движение невозможным. Тогда он снова повернулся к Магде.

— Быстрее назад, к огню!

Магда развернула кресло и только начала откатывать его, как что-то ледяное схватило ее за руку чуть выше локтя.

Она хотела закричать, но не могла. Из груди вырвался лишь жалкий визг, похожий на щенячий. Ледяная хватка острой болью отозвалась в плече, и эта боль тут же метнулась в сторону сердца. Она опустила глаза и увидела огромную руку, крепко сжавшую ее тонкое плечо. Пальцы были длинные, толстые и оканчивались темными и необычно длинными ногтями, кисти покрывали мелкие извилистые волоски.

Несмотря на то, что на ней были блузка и свитер, она чувствовала эту тяжелую руку — холодную и зловещую. Ей было невыносимо мерзко и хотелось лишиться чувств, чтобы не ощущать больше адского прикосновения. Другой рукой она попыталась нащупать лицо, но безуспешно. Тогда Магда выпустила кресло и попробовала освободиться, отчаянно отбиваясь в жутком приступе ужаса.

Вдруг что-то изменилось — темнота начала отступать. Бледный овальный предмет приблизился к ней до расстояния в несколько дюймов. Это было лицо.

Широкий лоб, длинные и прямые черные волосы, густыми прядями окаймлявшие лицо с обеих сторон, и эти толстые пряди походили больше на змей, вцепившихся ядовитыми зубами в его безжизненный скальп. Слишком бледная кожа, впалые щеки и крючковатый нос. Тонкие губы были слегка раскрыты, обнажая крупные желтые зубы — длинные и острые, почти звери-

ные. Но едва Магда заглянула ему в глаза, как ледяная хватка показалась ей сущим пустяком по сравнению с этим взглядом. Пронзительный визг затих, и она застыла, как каменная.

Эти глаза... Большие и круглые, холодные и хрустальные. Зрачки — как две огромные черные дыры, ведущие в хаос, не знающий разума, не признающий реальности; черные, как ночное небо, никогда не видевшие ни солнца, ни даже слабого света луны и звезд. Вокруг зрачков расстилалась непроглядная мгла, и, расширяясь до бесконечности, она будто бы открывала невидимые двери в мир ужаса и безумия.

Безумие... Оно манило и тянуло к себе. Там тихо, там безопасно, там никого нет. Как прекрасно было бы нырнуть в эту тьму и погрузиться в ее ослепительно-черную бездну... Как прекрасно!..

Она почувствовала неодолимое желание приблизиться к этим глазам, сопротивляться которым не было сил. В них она видела мучительную жажду, но не просто сексуальное вождление овладеть ею, а желание получить все ее существо — все до последней капли. Она почувствовала, что невольно поворачивается навстречу этим распахнутым черным дверям. Как легко войти туда! Магда задрожала, раскачиваясь на краю вечности.

Вдруг она услышала отцовский голос и мысленно вцепилась в этот знакомый до боли звук, как за спасательный канат, брошенный ей в пучину безумия, окутавшего ее сознание.

Глаза исчезли. Магда была свободна. Рука отпустила ее.

Она стояла, задыхаясь, и сильно шаталась. На лбу выступила испарина, а ветер продолжал свирепствовать, рвал ее одежду, косынку. Постепенно страх ее начал усиливаться при виде того, как эти глаза поворачивались в сторону профессора. А он ведь так слаб!

Однако отец не отвел взгляда. Он заговорил, тщательно подбирая какие-то незнакомые слова. Магда увидела, что страшная улыбка на бледном лице исчезла, губы сомкнулись, превратившись в тонкую ленточку. Глаза сузились до щелок, будто мозг существа задумался над отцовскими словами, взвешивая их и стараясь понять.

Магда наблюдала за жутким белым лицом, не в силах пошевелиться. Наконец тонкая ленточка губ чуть заметно дрогнула, и ее кончики приподнялись. Последовал едва уловимый кивок. Все — решение принято.

Ветер стих так же внезапно, как начался. Лицо растворилось в темноте.

В комнате повисла звенящая тишина.

Все еще не двигаясь, Магда и отец молча смотрели друг на друга, в то время как холод и темнота на глазах покидали комнату. В камине треснуло догорающее полено, и этот звук, как ружейный выстрел, заставил Магду испуганно вздрогнуть. Ноги у нее подкосились. Она покачнулась и только чудом успела схватиться за подлокотник кресла, чтобы не упасть.

— С тобой все в порядке? — тихо спросил профессор. Он уже не смотрел на нее, пробуя пошевелить пальцами в перчатках.

— Да, теперь все проходит.— Перед глазами Магды еще стояли картины невыносимого кошмара.— Но что это было?.. Бог мой, ЧТО ЭТО БЫЛО?!

Профессор не слушал ее.

— У меня нет больше пальцев! Я не чувствую их.— Он начал медленно снимать перчатки.

Его отчаяние сразу вернуло Магду к жизни. Она встрепенулась и стала подкатывать кресло к камину, который разгорался все ярче и ярче. Магда чувствовала страшную слабость после только что пережитого потрясения, но сейчас это имело уже второстепенное значение. «О Господи, ну за что мне такое?! Почему всегда я оказываюсь на втором месте? Почему я вечно должна быть сильной? Ну хоть один — всего один раз...» Ей так хотелось ощутить себя слабой, чтобы кто-то другой позаботился о ней, стал бы ухаживать, помогать... Усилием воли Магда подавила в себе эти мысли. Нельзя дочери думать так, когда отцу необходима ее помощь.

— Папа, вытяни руку вперед! У нас нет здесь горячей воды; придется согреть их теплом камина.

При свете мерцающих углей она видела, что руки у отца стали мертвенно-бледными — такими же белыми, как у этого... у этой твари! Ей предстояло сейчас согреть их, но делать это надо было постепенно. Профессор вытянул руки к огню, и Магда начала осторожно вращать его кисти. Медленно, не спеша, насколько позволяли окостеневшие высохшие суставы.

— Посмотри, что они с тобой натворили! — сердито сказала она, когда кожа стала менять белый цвет на синий.

— Кто «они»?

— Нацисты! Мы для них — просто живые игрушки! Они тут ставят на нас свои опыты! Я не знаю, что здесь сейчас произошло... — все это выглядело вполне реально... — но это не могло быть реальностью! Они нас загнипотизировали, применили какой-то наркотик, потушили свет...

— Нет, Магда, все это было на самом деле. Это так же реально, как и найденные запрещенные книги. Я знаю...

И тут профессор жутко закричал зубами — кровь понемногу возвращалась в его пальцы, и они стали пунцово-красными. Ткань, изголодавшаяся по кислороду, теперь наказывала его страшной болью. Магде так часто приходилось наблюдать это, что она почти чувствовала эту жгучую боль.

Когда же пульсация в пальцах стала понемногу стихать, он снова заговорил. Речь его была сбивчивой и взволнованной:

— Я говорил с ним на старославянском... Сказал, что мы не враги, и попросил оставить нас в покое... И он ушел.

На секунду профессор скорчился от новой боли, а потом пристально посмотрел на Магду. Глаза его блестели. Голос звучал очень тихо.

— Это он, Магда. Я знаю! Это ОН!

Магда ничего не ответила. Она тоже знала это.

Застава

Среда, 30 апреля

Время: 06.22

Капитан Ворманн решил не спать всю эту ночь, но у него ничего не вышло. Он расположился возле внутреннего окна, чтобы видеть весь двор, и положил на колени свой «люгер», предварительно вынув его из кобуры. Правда, в глубине души он сильно сомневался, что девятимиллиметровый «парабеллум» поможет ему справиться с тем, кто ходит ночью по замку. Бессонные ночи и напряженные дни сказались на нем, и он задремал. Неожиданно Ворманн вздрогнул и проснулся, не сразу сообразив, где находится. Ему почему-то казалось, что он дома в Ратенове. Хельга на кухне готовит яичницу с колбасой, а мальчики давно уже проснулись и отправились доить коров. Но это ему только приснилось.

Увидев, что небо на востоке светлеет, Ворманн вскочил со стула. Ночь прошла, а он остался жив! Но ликование его было не долгим: он сразу вспомнил, что раз ему удалось пережить эту ночь, значит, кто-то другой наверняка не смог дотянуть до рассвета. Он знал, что где-то в замке лежит окровавленный труп, и теперь только надо его найти.

Засунув пистолет в кобуру, капитан вышел из комнаты. Тишина. Он заспешил вниз по лестнице, одновременно потирая глаза и хлопая себя ладонями по небритым щекам, чтобы окончательно проснуться.

248 Проходя мимо комнаты евреев, он чуть не столкнулся нос к носу с выпешдшей ему навстречу девушкой.

Но она не заметила его. Девушка несла куда-то металлический горшок, и вид у нее был озабоченный. Она, задумавшись, прошла мимо капитана и направилась прямо к ступенькам в подвал. Сперва это насторожило Ворманна, но потом он вспомнил, что она уже много раз бывала здесь раньше и знала, что в подвале находятся цистерны со свежей пресной водой.

Ворманн вышел во двор и стал наблюдать за ней. Во всем этом было что-то нереальное: девушка, идущая по брусчатке двора в лучах солнца, а вокруг нее — мрачные серые стены, сплошь усеянные металлическими крестами. И легкий туман клубится по ее свежим следам. Похоже на сон. Наверное, у нее неплохая фигура... Если мысленно убрать всю одежду... Походка девушки была изящна и естественна, и это ему, как мужчине, тоже понравилось. Лицо у нее симпатичное, особенно огромные карие глаза. Если б она еще сняла свою косынку и распустила волосы, то была бы настоящей красавицей.

В другое время и при других обстоятельствах ей пришлось бы очень туго в подобной компании — четыре взвода солдат, изголодавшихся по женскому телу. Но сейчас у солдат на уме совсем другое: они боятся темноты, а еще больше — смерти, которая неразрывно связана с темнотой.

Ворманн хотел уже пойти вслед за ней, чтобы убедиться, что ей действительно нужна только свежая вода, но неожиданно к нему подлетел сержант Остер.

— Господин капитан!

Ворманн вздохнул и приготовился выслушать новости.

— Кого убили на этот раз?

— Никого! — В руках Остер держал список личного состава. — Я проверил каждого — все живы и здоровы!

Ворманн не разделял бурной радости сержанта — тут скорее всего ошибка. Но в душе все же затеплилась надежда.

— Ты уверен? Абсолютно уверен?

— Так точно! Проверил всех. Кроме штурмбанфюрера и двух евреев.

Ворманн невольно взглянул на окно Кэмпфера. Неужели?..

— Я решил проверить офицеров в конце, — говорил Остер, будто бы извиняясь.

Ворманн молча кивнул. Он не слушал сержанта. Неужели его молитвы услышаны и Эрик Кэмпфер стал жертвой прошедшей ночи? На это нельзя было даже надеяться. Ворманн и не предполагал, что он способен так сильно возненавидеть человека, как это случилось с Кэмпфером за последние двое суток.

Со смутным чувством тревожного ожидания он направился в противоположный конец замка. Если Кэмпфер действительно умер, то мир не только приобретет свою прежнюю прелесть, но Ворманн сразу же станет здесь старшим офицером и уже к полудню выведет из крепости всех своих солдат. А подчиненные Кэмпфера могут или последовать их примеру, или пусть остаются здесь на свой страх и риск и ждут прибытия нового офицера СС. Но Ворманн несколько не сомневался, что и эсэсовцы с большим удовольствием уедут отсюда сразу же вслед за ним.

Однако если Кэмпфер жив, то и это обстоятельство имеет свою положительную сторону. Тогда это будет первая ночь с момента их приезда в замок, не принесшая смерти ни одному немцу.

Ворманн быстро шел по двору, и сержант едва поспевал за ним.

— Вы считаете, что это достижение евреев? — на ходу спросил Остер.

— Какое еще достижение? — нахмурился капитан.

— Ну... то, что этой ночью никто не умер.

Ворманн остановился и посмотрел куда-то в сторону, обшаривая глазами пустой участок двора как раз посередине между окном Кэмпфера и ногами сержанта. Значит, Остер даже не сомневается, что начальник эсэсовцев тоже жив.

— Что вы такое говорите, сержант? Как они могли это сделать?

Остер растерянно заморгал.

— Я точно не знаю... но солдаты верят. По крайней мере мои солдаты... То есть, я хотел сказать, НАШИ солдаты... Они все верят. Ведь в конце концов здесь каждую ночь кого-нибудь убивали. Кроме сегодняшней. А евреи приехали как раз вчера вечером. Может быть, они что-то нашли в книгах, которые мы откопали?..

— Возможно. — Ворманн открыл дверь задней секции и взбежал по лестнице на второй этаж.

Добравшись до комнаты штурмбанфюрера, он с трудом пере-

вел дыхание и хотел уже постучаться, как дверь внезапно открылась. Навстречу ему вышел живой и невредимый майор.

— Клаус! — с притворной радостью воскликнул он. — А мне как раз послышалось, будто кто-то сюда идет. — Он поправил на груди черную кожаную портупею и кобуру на бедре. Убедившись, что форма в порядке, эсэсовец шагнул в коридор.

— Рад тебя видеть в полном здравии, — сдержанно улыбнулся Ворманн.

Кэмпфер, потрясенный такой явной ложью, бросил строгий взгляд в его сторону, а потом посмотрел на Остера.

— Ну что, сержант, кто же на этот раз?

— Простите, не совсем понял вас.

— Я спрашиваю, кто умер? Кого убили сегодня. Один из моих или ваш? Я требую, чтобы еврея и его дочери показали труп и чтобы они...

— Извините, господин майор, но этой ночью никто не умер.

Кэмпфер в изумлении поднял брови и перевел взгляд на Ворманна:

— Никто? Это правда?

— Если мой сержант доложил так, то этому вполне можно верить.

— Значит, мы победили! — Кэмпфер сжал руку в кулак и гордо выпрямился, став от этого на целый дюйм выше. — Мы победили!

— Что значит «мы»? Объясните мне, ради Бога, что, по вашему, «мы» для этого сделали?

— Ну как же, нам ведь удалось прожить целую ночь без потерь! Я же говорил, что если держаться стойко, то победа будет за нами и мы одолеем эту чертову тварь!

— Ну, допустим, стойко держаться вам на этот раз удалось, — сказал Ворманн, с осторожностью подбирая слова. Сейчас он просто наслаждался собой: — Но скажите на милость, если знаете, что же так подействовало на эту тварь? То есть, что именно охраняло нас всю эту ночь? Я должен знать наверняка и тогда, отдавая приказы, смогу позаботиться о том, чтобы и следующей ночью это чудо опять повторилось.

Весь восторг Кэмпфера и чувство собственной значимости испарились так же внезапно, как и возникли.

— Давайте навестим этого еврея, — буркнул он и, оттолкнув в сторону сержанта и Ворманна, первым направился к лестнице.

— По-моему, это сразу должно было прийти вам в голову, — заметил капитан, неторопливо следуя за эсэсовцем.

Едва они вышли во двор, Ворманну показалось, что он слышит слабый женский голос, доносящийся из подвала. Он не мог разобрать слов, но интонация была взволнованной. Потом звуки усилились. Женщина пронзительно кричала, и было похоже, что она сильно испугана.

Ворманн бросился к входу в подвал и там увидел дочь профессора Кузы — теперь он вспомнил, что ее зовут Магда. Она была грубо прижата к стене, свитер и блузка разорваны и спущены с плеча, так что обнажилась небольшая белая грудь. Один из

солдат СС прильнул к этой груди, в то время как девушка отчаянно колотила его, пытаясь вырваться.

На секунду Ворманн отшатнулся при виде этого зрелища, но в следующий миг уже спешил вниз по лестнице. Солдат был так сильно увлечен женской грудью, что не заметил, как Ворманн подошел к нему почти вплотную. Стиснув зубы, капитан изо всех сил ударил насильника ногой в правый бок. Это ему даже понравилось — наконец-то представился случай избить хоть кого-то из этой пакостной своры. С большим трудом он удержал себя от дальнейших побоев.

Солдат взвыл от боли и развернулся, готовый дать сдачи любому, кто окажется за его спиной. Но увидев, что перед ним стоит офицер, он растерянно опустил кулаки, хотя в глазах еще буждало сомнение: стоит с ним связываться или нет?

Сердце Ворманна бешено колотилось. Он даже хотел, чтобы солдат сейчас набросился на него. Капитан ждал и при первых же признаках нападения готов был выхватить свой «парабеллум». Но солдат одернул китель и замер. Ворманн посмотрел на Магду. Она уже оправилась на себе одежду и прикрыла рукой разорванный свитер. Потом выпрямилась, подошла к своему обидчику и неожиданно с такой силой влепила ему пощечину, что, застигнутый врасплох, он пошатнулся и чуть не упал со ступенек. Однако вовремя успел схватиться за стену и не потерял равновесия.

Девушка выругалась по-румынски, но выражение ее лица достаточно ясно передало содержание непонятных Ворманну слов. Высоко подняв голову, она гордо прошла мимо капитана, неся в руках свой котелок. Вода в нем почти наполовину расплескалась.

Ворманн повернулся к солдату.

— Ваше имя?

— Рядовой Лийб, герр капитан. Из группы штурмбанфюрера Кэмпфера.

— И давно у вас завелась привычка к насилию?

Молчание.

— То, что я только что видел, — это входит в ваши обязанности?

— Но она всего-навсего еврейка, господин капитан.

Тон солдата явно указывал на то, что таким объяснением можно оправдать любые действия в отношении этой девушки.

— Вы не ответили на мой вопрос, рядовой Лийб! — Терпение у Ворманна кончалось. — Входит ли изнасилование в ваши служебные обязанности?

— Никак нет. — Ответ был лаконичен.

Ворманн приблизился к солдату и сорвал с его плеча автомат.

— Вы будете отбывать двухнедельное наказание, рядовой Лийб...

— Но, господин капитан!..

Ворманн увидел, что солдат смотрит куда-то мимо него. Однако ему не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кто стоит за его спиной. Поэтому он не прервал свою речь:

— ...за то, что оставили свой пост. Сержант Остер определит

вам дисциплинарное взыскание.— Он замолчал и повернулся к лестнице, на которой стоял побелевший от ярости Кэмпфер.— Если, конечно, у майора не заготовлено для вас какого-нибудь особого наказания.

В принципе на этом этапе Кэмпфер мог и вмешаться, поскольку каждая группа солдат подчинялась своему командиру, а майор находился здесь по приказу высшего руководства. К тому же он был старшим по званию. Но именно в этой ситуации он ничего поделать не мог. Отпустить рядового Лийба означало простить солдату то, что он посмел самовольно оставить свой пост. А ни один офицер не смог бы публично позволить себе сделать такое. Кэмпфер оказался в ловушке. Ворманн вовремя оценил весь расклад, и теперь факты были на его стороне.

Голос майора звучал строго.

— Уведите его, сержант. Я разберусь с ним позднее.

Ворманн передал «шмайсер» Остеру, и тот повел поникшего эсэсовца вверх по лестнице.

— На будущее...— злобно прорычал Кэмпфер, как только рядовой и сержант скрылись из виду,— я запрещаю вам читать мораль моим подчиненным и отдавать им приказы. Они находятся в моем распоряжении, а не в вашем!

Ворманн медленно поднялся наверх. Подойдя вплотную к майору, он с отвращением бросил ему прямо в лицо:

— Тогда держите своих вонючих псов на цепи!

Кэмпфер побледнел от этой яростной вспышки нескрываемой ненависти.

252 — Послушайте, господин штурмбанфюрер,— продолжал Ворманн, изливая на него весь свой гнев и презрение,— причем слушайте меня очень внимательно. Я уж и не знаю, как вам сказать, чтобы до вас дошло. Ведь к словам разума у вас прямо-таки железный иммунитет. Поэтому обращаюсь к вашему инстинкту самосохранения — а мы оба знаем, что он у вас прекрасно развит. Так вот подумайте: этой ночью никто не умер. А единственное ее отличие от всех предыдущих заключается в том, что вчера в замке появились два еврея из Бухареста. Здесь ДОЛЖНА быть какая-то связь. Таким образом, даже если вы не видите других причин, то только для того, чтобы дать им возможность найти ответ на все наши вопросы и разобраться наконец в этих убийствах, вы должны держать свое зверье подальше от них!

Он не стал ждать ответа, потому что был уверен, что просто задушит Кэмпфера, если немедленно не уйдет отсюда. Ворманн повернулся и пошел по направлению к башне, но через несколько секунд услышал, что Кэмпфер все-таки следует за ним. Капитан подошел к двери первого этажа, постучался, однако ждать ответа не стал, а сразу вошел.

Профессор молча взглянул поверх очков на вошедших немцев. Он маленькими глотками пил воду из оловянной солдатской кружки. Инвалидное кресло стояло перед самым столом, заваленным раскрытыми книгами,— точно в такой же позе они оставили его вчера вечером. Ворманн подумал, что, наверное, старик так и не двигался с этого места всю ночь. Взгляд капита-

на перебежал с книги на книгу. Он пытался вспомнить что-то существенное, что ему удалось обнаружить в этих дьявольских рукописях... Приготовление жертвы для какого-то божества, чье имя невозможно было произнести, потому что состояло оно из одних согласных. Он даже вздрогнул, вспомнив, из кого и как именно должны готовиться эти кровавые приношения. Как можно так вот спокойно сидеть и перечитывать настолько мерзкие книги?..

Ворманн обжегал глазами комнату — девушки не было видно. Наверное, она прячется где-то за дверью, в дальней части помещения. Сейчас эта комната почему-то казалась капитану меньше его собственной. Но это, должно быть, просто иллюзия, которую создают горы книг и чемоданы, разложенные прямо на полу.

— Это утро, господа, показало нам, вероятно, типичный пример того, чего можно ожидать, когда хочешь просто достать питьевой воды,— процедил сквозь зубы старик. Лицо его было похоже на неподвижную гипсовую маску.— Ваши солдаты каждый раз будут нападать на мою дочь, когда ей понадобится выйти из комнаты?

— Мы с этим уже разобрались,— сказал Ворманн.— Солдат будет наказан.— Он выразительно посмотрел на Кэмпфера, который неторопливо расхаживал вокруг стола.— И уверяю вас, профессор, больше такого не повторится.

— Надеюсь, что так,— холодно ответил Куза.— С этими текстами довольно трудно работать и в более приятных условиях, но, когда ты все время думаешь о возможной физической расправе, разум просто восстает и отказывается подчиняться.

— Лучше бы он тебе не отказывал! — рявкнул Кэмпфер.— Пусть лучше повинуется!

— Но я не смогу сосредоточиться на тексте, если все время буду думать о безопасности моей дочери. По-моему, это нетрудно понять.

Ворманн чувствовал, что профессор явно чего-то хочет, причем именно от него. Но чего конкретно?

— Боюсь, что с этой ситуацией ничего пока поделать нельзя,— с искренним сочувствием сказал он старику.— Она ведь — единственная женщина на заставе. Мне это тоже очень не нравится. Конечно, женщинам здесь не место. Хотя...— Неожиданно ему в голову пришла отличная мысль, и он сразу же повернулся к Кэмпферу.— Мы можем разместить ее в гостинице. Пусть она возьмет с собой пару книг и изучает самостоятельно, а потом приходит сюда к отцу для консультации.

— Исключено,— отрезал эсэсовец.— Она будет оставаться там, где мы всегда сможем за ней наблюдать.— Он подошел к столу.— А теперь я хочу узнать, что тебе удалось выискать в этих книгах, отчего минувшей ночью все остались в живых.

— Не понимаю вас...

— Этой ночью никто не погиб,— пояснил капитан. Ему хотелось посмотреть на реакцию старика, но по его неподвижному лицу трудно было что-либо понять. Хотя Ворманну все-таки показалось, что глаза профессора открылись, будто от удивления.

— Магда! — позвал он.— Иди сюда!

Дверь маленькой смежной комнаты в задней половине этажа распахнулась, и девушка вышла к ним. Она успела уже переодеться после инцидента на лестнице, но руки ее до сих пор дрожали.

— Что, папа?

— Этой ночью не случилось ни одного убийства, — сказал Куза. — Наверное, это из-за того самого заклинания, которое я все время читал.

— Так, значит, все живы?.. — Глаза девушки выдавали ее растерянность, но было в них и что-то еще — какое-то мимолетное выражение страха мелькнуло на ее лице при упоминании о прошедшей ночи. Через секунду она встретилась глазами с отцом и тут же все поняла.

— Прекрасно. Но интересно, какое именно заклинание?

«О Боже! Заклинание...» — подумал Ворманн. Услышав такой разговор еще неделю назад, он просто рассмеялся бы. Все это смахивало на какое-то бредовое чародейство или черную магию. Но теперь он готов был поверить во что угодно, лишь бы и на следующее утро все остались в живых. Ради этого он был согласен на все.

— Дайте мне посмотреть это заклинание, — потребовал Кэмпфер, и глаза у него лихорадочно заблестели.

— Пожалуйста. — Куза вытащил из середины книг пухлый том. — Вот сочинение «Де Вермис Мистерияс» Людвига Принна. Оно на латинском языке. — Он поднял глаза. — Вы читаете полатыни, герр майор?

Кэмпфер не ответил, а лишь стиснул зубы.

— Очень жаль, —отреагировал старик. — Тогда я переведу для вас...

— Ты хочешь меня обмануть, еврей? — с тихой яростью спросил эсэсовец.

Но профессора не смутили его слова, и Ворманн еще раз восхитился его мужеством.

— Ответ находится здесь! — выкрикнул старик, указывая на книги, лежащие на столе. — Эта ночь уже доказала правоту моих слов. Я пока точно не знаю, что или кто обитает в этом замке, но через некоторое время — при условии, что мне позволят работать и не будут слишком часто отвлекать — я уверен, что смогу ответить на все интересующие вас вопросы. А теперь всего хорошего, господа.

Он поправил очки и придвинул книгу ближе к себе. Ворманн еле сдержал улыбку, наблюдая, как бесится в бессилии Кэмпфер, и прежде чем тот успел совершить что-либо необдуманное, быстро заговорил сам:

— Я считаю, что сейчас лучше всего оставить профессора в покое и позволить ему заняться тем, для чего он, собственно, и был сюда привезен. Не так ли, господин профессор?

Кэмпфер заложил руки за спину и молча вышел из комнаты. Перед уходом Ворманн бросил еще один взгляд на профессора. Эти двое что-то явно скрывали. Либо это связано с самим замком и его создателем, либо — с таинственным убийцей, появляющимся здесь по ночам. Он не мог сказать точно. Хотя сейчас это не

имело большого значения. Раз прошлой ночью ни один солдат не погиб, то пусть тешатся на здоровье своими секретами. Он даже не был до конца уверен, что ему действительно хочется узнать, что именно они скрывают. Но, если смерть снова войдет в эту крепость, тогда уж им придется дать полный отчет.

Как только дверь за капитаном закрылась, профессор Куза отложил книгу в сторону и начал медленно растирать свои пальцы один за другим.

По утрам он чувствовал себя хуже всего. В это время у него болело абсолютно все, и особенно руки. Каждый сустав вел себя, как ржавая петля на воротах давно покинутого дома. Пальцы хрустели и ныли при малейшем прикосновении или попытке согнуть их. И еще его мучила постоянная сухость во рту. Врачи объяснили, что «для больных склеродермой характерно снижение секреции слюнных желез». Они сообщили это, как само собой разумеющееся, хотя ничего «обычного и характерного» он не чувствовал. Язык казался ему сделанным из гипса и постоянно мешался во рту. Поэтому под рукой он всегда держал стакан подогретой воды. Без воды же его голос начинал походить на пару старых скрипучих ботинок, шаркающих по мокрому щебню.

— Папа, с тобой все в порядке?

Профессор взглянул на Магду. Она стояла у камина, крепко прижав скрепленные руки к груди. Ее знобило. Но не от холода. Он знал, что вчерашний ночной посетитель произвел на нее слишком сильное впечатление, и скорее всего она так и не смогла после этого заснуть.

Дикари! Как он хотел бы, чтобы все они скорее погибли — не только эти, в замке, а вообще все вонючие нацисты, которые осмелились переступить границу его страны! Да и те, которые сидят пока в Германии. Как бы хотелось уничтожить их, прежде чем они успеют уничтожить его. Но что он мог сделать? Калека-ученый, который выглядел в два раза старше своих лет и не мог даже защитить свою собственную дочь... Ну что он, скажите, мог сделать?..

Ничего. И от этого ему хотелось кричать, разбить что-нибудь, разрушить эти стены, подобно Самсону. А еще ему хотелось плакать. В последнее время он часто плакал, хотя слез не было видно. И это было совсем не по-мужски. Но если смотреть правде в глаза, то какой он теперь мужчина?

— Все нормально, Магда, — одними глазами улыбнулся отец. — Не лучше и не хуже. Как всегда. Вот только ты меня беспокоишь. Здесь для тебя не место; любой женщине тут не место.

Она лишь тихо вздохнула.

— Я понимаю. Но отсюда никак не уйти, пока они сами нас не выпустят.

— Ты всегда была преданной дочерью, — сказал профессор, чувствуя прилив нежности. Магда искренне любила его и была бесконечно верна. Она обладала удивительно сильной волей и глубоко осознавала свой долг. Временами он даже удивлялся,

за какие заслуги ему досталась такая дочь. — Но сейчас я говорю не про нас. Речь идет только о тебе. Я хочу, чтобы ты бежала из замка, когда стемнеет.

— Я не очень хорошо умею лазить по стенам. — Магда печально улыбнулась. — И мне не слишком хочется соблазнять собой часовых у ворот. Я не умею этого делать.

— Выход находится прямо под нашими ногами. Помнишь?

Магда широко раскрыла глаза.

— Ну конечно! Как я могла об этом забыть!

Это произошло пять лет назад во время их последнего приезда на перевал. Тогда он мог еще передвигаться самостоятельно, помогая слабеющим ногам двумя тросточками или костылями. Ему уже трудно было спускаться вниз самому, и он попросил дочь поискать в ущелье потайной ход или какие-нибудь надписи на камнях. Словом, что-то такое, что смогло бы навести их на след человека, построившего этот замок. Но никаких надписей не было видно. Зато Магда обнаружила большой плоский камень у подножия башни, который начал поворачиваться, когда она к нему прислонилась. С одной стороны, он был приделан на петлях и несколько не выделялся в ряду соседних гранитных плит. Проникший внутрь солнечный свет помог ей разглядеть ступеньки, уходящие вверх.

Хотя отец был решительно против, она сумела настоять на своем — ей очень хотелось исследовать нижнюю часть башни: вдруг там остались какие-нибудь древние записи. Однако там была только лестница — узкая, крутая и длинная, кончающаяся тупиком. Но так казалось лишь на первый взгляд. На самом деле неглубокая ниша в конце тупика находилась как раз в той стене, которая сейчас разделяла две комнатки, отведенные для них немцами. И в этой стене Магда нашла-таки камень, похожий с виду на все остальные, который поворачивался на шарнирах и открывал вход в большую комнату. Таким образом, в замок можно было тайком проникнуть и незаметно выбраться из него через нижнюю часть башни.

Тогда Куза почти не обратил внимания на эту лестницу — в любом замке должны быть секретные выходы. Но теперь этот путь мог вывести его дочь на свободу.

— Я хочу, чтобы ты ушла по этой лестнице, как только стемнеет. Ты окажешься в ущелье, и направляйся оттуда прямо на восток. Так ты дойдешь до Дуная, и по нему тебе надо будет попасть к Черному морю, а оттуда — в Турцию или...

— Без тебя?

— Конечно, без меня!

— Выкинь это из головы. Я все равно останусь с тобой до конца.

— Магда, я как отец приказываю тебе, и ты должна меня слушаться!

— Нет! Я тебя одного не брошу. Я никогда потом не смогла бы простить себе этого. Неужели ты не понимаешь?

Он был глубоко растроган ее признанием, но все же оставался непреклонен в своих намерениях. Ему стало ясно, что командирским тоном на сей раз ничего не добьешься. И тогда он

решил упрощать дочь. С годами он научился правильно вести себя с ней. Тем или иным способом, жалуясь или порывая ее, он всегда добивался того, чего хотел — полного послушания. Иногда ему и самому не нравилось, что он так беззастенчиво пользуется ее чувствами, но Магда была дочерью, а он — ее отцом. И она ему была очень нужна. И вот теперь, когда предоставилась уникальная возможность освободить ее и спасти ей жизнь, она отказывается уходить.

— Пожалуйста, Магда. Сделай последнее одолжение для умирающего старика, и я с улыбкой сойду в могилу, зная, что ты в безопасности и нацисты тебя не найдут.

— А я буду знать, что бросила тебя одного среди них? Ни за что!

— Прошу, выслушай меня! Возьми с собой книгу «Аль Азиф». Я знаю, она очень большая, но, возможно, это единственный в мире экземпляр, сохранившийся до наших дней. В любой стране ты сможешь очень выгодно продать ее, и этих денег тебе хватит до конца жизни.

— Нет, папа.— В ее голосе было столько решимости, что он даже удивился: никогда еще она не была такой строптивой.

Магда повернулась и ушла в дальнюю комнату, плотно закрыв за собой дверь.

«Слишком уж хорошо я ее воспитал, — с горечью подумал он. — И так крепко привязал к себе, что теперь мне не оттолкнуть ее даже ради ее же собственного блага. Может быть, именно поэтому она так и не вышла замуж. Только из-за меня...»

Однако сейчас надо было думать совсем о другом. Если Магда не убежит из замка, ее ждет очень короткое и незавидное будущее. К тому же неизвестно, как скажется эта ночная встреча с таинственным призраком. Куза был уверен, что с наступлением темноты он появится снова, и не хотел, чтобы Магда при этом присутствовала. В глазах существа было нечто такое, что сжимало сердце профессора ледяными тисками страха. И чувствовалось, что эту тварь одолевает невыносимый голод. Поэтому, что бы там ни было, но к полуночи Магда должна уже быть далеко. Конечно, она не хочет уходить сама... А что если ее просто выгонят? Здесь, кажется, можно использовать капитана Ворманна. Похоже, ему не очень нравится, что в замке есть женщина. Да, но как заставить его сделать это?..

Куза кое-что придумал и тут же начал презирать себя за это.

— Магда! — позвал он. — Магда!

Она открыла дверь и выглянула.

— Надеюсь, ты не собираешься больше уговаривать меня бежать из замка, потому что...

— Нет, только на время выйти из комнаты. Я голоден, а немцы обещали кормить нас с их кухни.

— Они принесли нам поесть?

— Нет. И думаю, не принесут. Так что тебе самой придется сходить за едой.

Магда не верила своим ушам.

— Идти через двор?! Ты хочешь, чтобы я вышла отсюда после всего, что случилось утром?

— Я уверен, это больше не повторится. — Он ненавидел себя за то, что приходилось обманывать ее, но другого выхода не было. — Офицеры предупредили своих солдат. И к тому же это не темная подвальная лестница. Ты будешь на открытом месте.

— Но они так и смотрят на меня...

— Нам все равно потребуется еда.

Наступила долгая пауза. Потом Магда медленно кивнула:

— Наверное, ты прав.

Она застегнула кофту на все пуговицы и, ничего не говоря, вышла из комнаты.

Куза почувствовал в горле комок, когда за дочерью тихо закрылась дверь. Она такая мужественная и так верит ему... А он ее предал. И в то же время, предавая, спасал. Он знал, что ей предстоит сейчас выдержать, и сознательно послал ее туда. Якобы за едой.

Есть ему совершенно не хотелось.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дельта Дунай, восточная Румыния

Среда, 30 апреля

Время: 10.35

И снова на горизонте земля.

Подходил к концу шестнадцатый день пути — изнурительно тяжелый, как и все предыдущие. Рыжеволосый стоял на носу утлого судна, недавно выдержавшего бурю, и смотрел в сторону берега. Море теперь стало спокойным, и скорость хода была хорошей, но все равно недостаточной для человека, так безумно спешащего к своей цели.

Несколько раз им уже крупно везло: только за последние три часа мимо прошли два патрульных катера — один русский и один румынский. Если бы их задержали, все могло кончиться весьма плачевно.

Прямо по курсу лежала дельта Дуная, который множеством протоков соединялся здесь с Черным морем. Берег казался болотистым и был покрыт густой зеленью, скрывающей десятки крошечных бухт. Причалить тут будет совсем нетрудно, другое дело — путешествовать по трясине. На это требовалась масса времени. А его-то как раз и не было!

Предстояло искать другой путь.

Рыжеволосый глянул через плечо на старого турка, владельца лодки, потом снова вперед — в сторону дельты. Рыбацкая плоскодонка не сильно погружалась в воду — ей хватало и четырех футов, чтобы плыть даже с грузом. Значит, на ней можно выйти по одной из мелких проток к Дунаю, а оттуда подняться, скажем, до плеса в восточных пригородах Галаца. Конечно, придется идти против течения, но все равно так будет быстрее, чем тащиться пешком по трясине.

Путешественник сунул руку в пояс с деньгами и достал две мексиканские монеты по пятьдесят песо золотом. Вместе они весили около двух с половиной унций. Показывая их владельцу лодки, он заговорил по-турецки:

— Камаль! Еще две монеты, если ты подбросишь меня вверх по течению!

Рыбак уставился на желтый металл и, закусив нижнюю губу, задумался. В карманах у него было уже столько золота, что он по праву мог считать себя самым богатым человеком в деревне. По крайней мере на какое-то время. Но ничто в этом мире не бывает вечным, и в один прекрасный день ему снова придется выйти в море с сетями. А две лишние монеты могли значительно отодвинуть этот срок. Кто знает, сколько дней еще потребуется провести ему в море, сколько новых шрамов появится на его руках и сколько пота придется пролить, разгружая улов на консервном заводе, чтобы заработать такую кучу денег.

Рыжеволосый молча наблюдал, как Камаль взвешивает в уме все за и против. Сам он тоже думал о предстоящем риске, ведь даже днем им придется плыть в румынских водах на турецкой лодке, причем совсем близко от берега, так как все притоки Дуная здесь очень узкие, а возле Рени, где прямо с севера впадает Прут, наверняка полно уже военных судов.

Нет, это было чистым безумием. Даже если им удастся спокойно добраться до Галаца, то по дороге назад Камаль наверняка наткнется на пограничный наряд. Его схватят и посадят в тюрьму, а лодку и золото конфискуют. Для самого же рыжеволосого риска значительно меньше: даже если их схватят вдвоем и доставят в ближайший порт, то он найдет способ выкрутиться и как-нибудь скроется. А вот Камалю это будет стоить лодки. И может быть, даже жизни.

Словом, игра не стоила свеч. И к тому же была нечестной. Рыжеволосый убрал монеты назад как раз в тот момент, когда турок хотел уже их принять.

— Впрочем, не надо, Камаль,— сказал он.— Наверное, будет лучше, если мы оставим нашу прежнюю договоренность. Высади меня где-нибудь здесь.

Старик кивнул, и на лице его отразилось скорее облегчение, чем разочарование от того, что предложение было взято назад. Вид двух золотых чуть не превратил его в полного идиота.

Лодка повернула к берегу. Рыжеволосый перекинул через плечо узелок из одеяла со своими пожитками и взял под мышку длинный узкий футляр. За фут или два до густых зарослей тростника и мшистых кочек, которые служили здесь берегом, Камаль выключил мотор, и рыжеволосый, перемахнув через борт, зашагал к суше.

Но, отойдя шагов пять, обернулся и последний раз посмотрел на старика. Тот помахал на прощанье рукой и начал отчаливать.

— Камаль! — закричал с берега пассажир. — Лови! — И одну за другой кинул обе золотые монеты хозяину лодки. Тот ловко поймал их на легу смуглой мозолистой рукой.

Слова благодарности именем Магомета и всего прочего, что было свято в исламе, еще долго звенели в ушах рыжеволосого, когда он начал свой нелегкий путь по болотам. Тучи насекомых, ядовитые змеи, коварные пловуны ждали его впереди, а чуть дальше местность патрулировали солдаты Железной Гвардии.

Конечно, остановить его они не могли, но из-за них он мог потерять драгоценное время.

Однако все это было просто ничтожным по сравнению с тем, что ждало его западнее, на расстоянии всего нескольких часов езды верхом через горы — на перевале Дину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Застава
Среда, 30 апреля
Время: 16.47

Ворманн стоял у окна своей комнаты и наблюдал за солдатами во дворе. Если вчера они ходили еще вперемешку и черные формы эсэсовцев мелькали среди серых гимнастеров пехоты, то уже сегодня между его бойцами и подчиненными Кэмпфера будто бы пролегла невидимая стена.

Вчера у них был один общий враг, который убивал всех подряд, независимо от цвета формы. Но прошлой ночью никого не убили, и наутро все стали чувствовать себя победителями, при этом каждая из сторон пыталась доказать свое превосходство. Это было естественное соперничество. Эсэсовцы считали себя «белой костью», элитой вермахта и непревзойденными специалистами в ведении особого рода военных действий. Их же соперники полагали, что именно они — истинные солдаты, и хотя они представляли себе, что значит черная форма СС, и даже немного побаивались «Мертвую голову», в душе все считали их просто отборными полицейскими.

Начинался обед. Все шло нормально до тех пор, пока во двор не вышла та самая девушка, Магда. Вокруг столов тут же поднялась шутливая толкотня, каждый пытался уступить ей место, пока она шла мимо наполненных котелков, набирая еду отцу и себе. Но само ее появление еще сильнее раскололо солдат на два лагеря. Эсэсовцы, учитывая тот факт, что она еврейка, считали само собой разумеющимся, что имеют преимущественное право поступать с ней, как им заблагорассудится. Солдаты же регулярной армии в большинстве своем были уверены, что такого права не имеет никто. Она была красавицей, хоть и прятала свои роскошные волосы под старой косынкой, а тело закутывала в бесформенное тряпье. Все равно ее женственность оставалась при ней. Шарм и грация сквозили в ее легкой походке, и в белизне гладкой кожи, и в нежном изгибе губ. Кто же мог равнодушно пройти мимо этого гордого стана и скромно опущенных лучезарных глаз?.. Магда была заветным желанием любого мужчины, но всякий настоящий солдат, конечно, считал делом чести заполучить ее первым.

Сейчас Ворманну уже трудно было разделить это стремление, но вспоминая свои вчерашние впечатления от первой встречи с ней, он готов был понять чувства солдат.

Во время ужина опять началась возня между серыми и черными формами — и снова в тот момент, когда девушка пришла за едой. Из-за возникшей толчеи два солдата даже упали на землю, и Ворманн вынужден был послать сержанта, чтобы тот срочно

навел порядок, пока не завязалась настоящая драка. К этому времени Магда уже взяла еду и шла назад в свою комнату.

Через какое-то время он увидел, что она опять ходит по двору, очевидно, разыскивая его. Она сказала, что отцу необходим нателный крест или распятие для расшифровки какой-то книги. И спросила, не одолжит ли ей крест капитан. Да, одолжит — с одного из убитых как раз сняли маленький серебряный крестик.

Солдаты, свободные от наряда, сидели во дворе, а остальные продолжали разбирать стены задней секции замка. Ворманн напряженно раздумывал, как избежать неприятностей во время дальнейших приемов пищи. Лучше всего поручить кому-нибудь из своих каждый раз относить еду старику и его дочери прямо в башню. Но только кому? Ведь остальные бойцы тут же начнут завидовать, считая это задание незаслуженной привилегией, а эсэсовцы не дадут бедняге прохода, объявив его еврейским прислужником. Посылать всех по очереди тоже не годится — чем меньше они будут видеть девушку, тем лучше.

И вдруг внимание его привлекло какое-то новое движение во дворе. Это опять была Магда, гордо шагающая с ведром в руке по направлению к подвалу. Солдаты молча следили за ней, а потом начали один за другим подниматься — их неодолимо тянуло к девушке, как мотыльков на свет.

Когда она вышла из подвала с полным ведром, они обступили ее тесным кругом и начали толкаться, чтобы пробиться ближе и как следует разглядеть. Одни пробовали подзвать ее, другие вертелись под ногами и не давали пройти. Наконец какой-то дожий эсэсовец с наглым видом преградил ей путь, но солдат регулярной армии тут же оттолкнул его в сторону, выхватил из рук Магды ведро и с нарочитой галантностью понес вперед, вызывая всеобщее веселье. Обиженный эсэсовец пнул ведро ногой и облил сапоги солдата.

Черные формы расхохотались. Лицо у пехотинца побагровело. Ворманн уже знал, чем все это кончится, но с третьего этажа воспрепятствовать стычке никак не мог. Он видел, как солдат в сером поднимает ведро, бьет им по голове расхамившегося эсэсовца, и тут же добрых два десятка человек начинают неистово махать кулаками. При виде этого капитан со всех ног бросился вниз по лестнице.

Пробегая первый этаж, он увидел захлопывающуюся дверь в комнату евреев и промелькнувший край юбки, а когда выскочил во двор, перед глазами его предстала самая настоящая свалка. Он два раза выстрелил в воздух, чтобы привлечь к себе внимание дерущихся, и поклялся расстрелять на месте каждого, кто нанесет еще хоть один удар. Только после этого драка окончательно стихла.

Девушку надо было срочно убирать отсюда.

Когда все утомонились, Ворманн оставил с солдатами Остера и заспешил на первый этаж к евреям. Пока Кэмпфер разбирался со своими подчиненными, надо было успеть, пользуясь случаем, поскорее убрать Магду из замка. Для этого требовалось отвести

ее через мост в гостиницу, прежде чем Кэмпфер сообразит, что к чему. Для всех это было бы наилучшим выходом.

На сей раз капитан не стал даже стучать, а сразу толкнул дверь и громко позвал:

— Фрейлейн Куза!

Старик все так же сидел за столом, а девушки видно не было.

— Что вам от нее нужно?

Ворманн не ответил и снова позвал:

— Фрейлейн Куза!

— Да? — взволнованно откликнулась она, выходя из соседней комнаты.

— Быстро собирайте свои вещи. Вы переходите в гостиницу. У вас есть две минуты, и ни секунды больше.

— Но я не могу бросить отца одного!

— Две минуты — и вас здесь больше не будет. Мне все равно, с вещами или без вещей!

Он должен оставаться непреклонным в своем решении. Только бы не выдало выражение глаз... Ему было очень неприятно различать их — ведь профессору так нужна ее помощь, а она, видно, хорошо умела и привыкла ухаживать за ним. Но его солдаты первые затеяли драку, а Магда послужила тому причиной, невольно выступив в роли подстрекательницы. Поэтому отцу придется остаться в замке, а дочь будет жить в гостинице. И никаких возражений.

Ворманн видел, как умоляюще смотрит она на отца и ждет от него хоть каких-нибудь слов в свою защиту. Но старик молчал. И тогда девушка тяжело вздохнула и отправилась в дальнюю комнату.

— У вас осталось уже полторы минуты, — предупредил Ворманн.

— Полторы минуты на что? — послышался за спиной резкий голос. Это был Кэмпфер.

Ворманн чуть не застонал от досады и собрал всю свою волю, чтобы дать достойный отпор эсэсовцу.

— Вы как всегда к месту, майор, — начал он. — Я только что велел фрейлейн Куза собрать свои вещи и отправиться в гостиницу.

Кэмпфер открыл было рот, но не успел произнести ни слова. Его прервал иступленный крик профессора:

— Я запрещаю! Я не позволю вам забирать мою дочь!

Глаза майора сузились от ярости, и он ледяным взглядом смерил профессора. Даже Ворманн не ожидал от старика такой вспышки гнева.

— Это ты МНЕ запрещаешь, старый жид? — прохрипел он, медленно приближаясь к инвалидному креслу. — Ты запрещаешь?.. Так вот что я тебе скажу, и запомни это как следует: ты здесь ничего запретить не можешь. Абсолютно ничего!

Старик медленно склонил голову в молчаливом повиновении.

Удовлетворенный результатом и немного остывший, Кэмпфер бодро обратился к Ворманну:

— Проследите за тем, чтобы ее сейчас же здесь не было! От нее одни неприятности!

Ворманн стоял ошеломленный, в то время как Кэмпфер проскочил мимо него к двери и исчез так же внезапно, как появился.

Капитан растерянно посмотрел на профессора. Тот снова поднял голову и, казалось, ничему уже не возражал.

— Почему же вы ничего не сказали мне, перед тем как пришел майор? — спросил Ворманн. — Я думал, вы сами хотите, чтобы она покинула замок.

— Возможно. Но теперь я передумал.

— Да, я успел это заметить... Причем передумали самым провокационным образом и не в самый подходящий момент. Вы так со всеми себя ведете?

— Дорогой мой капитан, — начал Куза, понизив голос, — вам не хуже моего известно, что мало кто обращает серьезное внимание на калеку. Когда люди видят тело и понимают, что оно разрушено болезнью или несчастным случаем, они автоматически переносят это впечатление и на разум. Большинство считает примерно так: «Если он не может передвигаться, значит, ничего интересного и сообщить не способен». Поэтому люди, подобные мне, много думают, и к ним нередко приходят разные мысли, которые можно научиться передавать и другим, так что они начинают считать, будто сами дошли до этого. Это просто своеобразный метод убеждения.

Когда Магда появилась в дверях с чемоданом в руке, Ворманн, к своему огромному удивлению, осознал, что и его тоже смогли «убедить», и с тайным восхищением вынужден был отдать должное уму профессора. Теперь ему стало ясно, кто организовывал частые походы в подвал и столовую. Хотя это не особенно огорчало его. Он и сам не хуже профессора понимал, что женщине в замке не место.

— Я оставлю вас в гостинице без охраны, — объяснил он Магде. — Но вы, конечно, понимаете, что если убежите, то вашему отцу от этого лучше не станет. Так что полагаюсь на вашу честь и преданность своему родителю.

— Не бойтесь, капитан, — сказала Магда, не сводя глаз с отца. — У меня и в мыслях не было убежать и оставлять его здесь одного.

Ворманн заметил, как профессор гневно сжал кулаки.

— Возьми лучше вот это, — сказал Куза, подавая ей одну из книг, которую он называл «Аль Азиф». — Просмотри ее на досуге, а завтра мы все обсудим.

Но Магда лишь грустно улыбнулась.

— Ты же знаешь, папа, я не читаю по-арабски. — Она подняла другую рукопись, значительно тоньше первой. — Мне кажется, лучше взять это.

И вновь они обменялись многозначительными взглядами.

Неожиданно Магда обошла стол и поцеловала отца в щеку. Она погладила его по редким седым волосам, потом выпрямилась и посмотрела Ворманну прямо в глаза.

— Позаботьтесь о моем отце, капитан. Очень прошу вас. Кроме него, у меня никого нет.

Ворманн не успел обдумать ответ. Слова сами сорвались с языка:

— Не беспокойтесь. Я обо всем позабочусь.

Рыжеволосый заставлял своего коня мчаться во весь опор по подножиям крутых холмов, направляясь на юго-восток, к перевалу Дину. Красоты зеленеющих вокруг гор оставляли его безучастным из-за страшной спешки. Когда солнце стало клониться к западу, холмы сделались еще круче и обступили дорогу со всех сторон, оставляя лишь узкую тропу шириной футов в десять. Только бы проскочить это ущелье — и он окажется на широком плато возле самого перевала. А оттуда путь будет легким, даже в темноте. Он хорошо знал эту дорогу. Рыжеволосый хотел уже поздравить себя с тем, что удалось избежать встреч с военными и полицией, как вдруг заметил впереди двух солдат. Они держали наготове винтовки с примкнутыми штыками. Остановив коня, он быстро принял решение, как вести себя. Ему не хотелось задержки и лишних неприятностей, и он решил прикинуться робким ягненком.

— Куда это ты так спешишь, пастух козлийный? — послышался сильный голос.

Говорил тот, что постарше. У него были густые закрученные усы и рябое лицо. Второй, помоложе, засмеялся при словах «пастух козлийный». Очевидно, в них было что-то унижительное.

— Наверх, к перевалу, в свою деревню. У меня там отец заболел. Пропустите, пожалуйста.

— Всему свое время. И докуда ты хочешь доехать?

— До старой башни.

— До какой еще башни? Никогда о ней раньше не слышал.

Это уже кое о чем говорило. Если бы замок имел отношение к военным действиям, то эти люди должны были хоть что-нибудь о нем знать.

— Почему вы меня задерживаете? — спросил он, делая испуганный вид. — Что-нибудь не так?

— Деревенские парни обычно не задают вопросов Железной Гвардии, — грозно нахмурился усатый. — Ну-ка, сойди с коня, мы на тебя посмотрим.

Значит, это не просто солдаты, а именно Железная Гвардия и отделаться от них будет сложнее, чем он предполагал. Путешественник слез с коня и молча встал у седла, пока они по-хозяйски рассматривали его.

— Ты, похоже, нездешний, — подозрительно прищурился усатый. — Покажи-ка нам свои документы.

Это был тот самый вопрос, которого рыжеволосый ждал и боялся на протяжении всего пути.

— У меня их нет с собой, господин, — сказал он извиняющимся и почтительным тоном. — Я так торопился, что позабыл их взять. Но я могу вернуться, если вы пожелаете.

Солдаты переглянулись. Перед ними какой-то незнакомец, тем более без документов, да еще так упрям. Значит, они могут делать с ним все, что захотят.

— Стало быть, нет никаких документов? — ухмыльнулся уса-

тый и приставил винтовку к его груди. Пока он говорил, ствол свободно ходил по ребрам рыжеволосого, царапая кожу и как бы подчеркивая решимость с легкостью убить его. — А откуда же мы узнаем, кто ты такой? Может, ты везешь оружие партизанам.

Рыжеволосый моргнул и отступил, пытаясь изобразить, что ему очень больно. Если бы он мужественно перенес издевательство, то это вызвало бы только лишнюю ярость усатого.

«Все остается по-прежнему, — устало подумал он. — Неважно, в каком времени или месте ты оказываешься, кто и как пришел к власти; все равно основная сила — это бандиты».

Усатый отступил, передернул затвор и взял задержанного на мушку.

— Обыщи его! — приказал он своему напарнику.

Тот послушно перекинул за спину свой карабин и начал торопливо обыскивать путешественника. И вдруг замер, нащупав пояс с деньгами. Проворным жестом он растегнул рубашку и сорвал пояс с талии. Увидев золото, солдаты еще раз переглянулись.

— Где ты его украл? — спросил усатый, снова тыча винтовкой в грудь задержанного.

— Это мое, — ответил тот. — Здесь все, что у меня есть. Но если вы отпустите меня, то можете оставить себе. — Он и в самом деле мог себе такое позволить. Золото ему больше не пригодится.

— Да, уж это мы оставим себе, — усмехнулся усатый. — Но сначала проверим, что у тебя еще имеется. — Он указал стволом на длинный плоский футляр, привязанный к правой стороне седла. — Открой-ка! — обратился он к молодому.

Только теперь рыжеволосый понял, что позволил им зайти слишком далеко. Футляр нельзя было открывать.

— Не трогайте! — крикнул он.

Солдаты почувствовали в этом крике угрозу и с удивлением уставились на него. Усатый злобно сжал губы, шагнул вперед и с силой ударил всадника прикладом в живот.

— Какого еще...

Все последующие движения рыжеволосого только внешне могли показаться тщательно продуманными. На самом деле он действовал по интуиции. Не успел усатый вскинуть винтовку, как она уже была выбита из его рук. Солдат от неожиданности даже присел, а ловкий всадник, завладев его оружием, тут же прикладом сломал обидчику челюсть. Потом оставалось лишь перебить ему шею, а это было уже несложно. Но, повернувшись, рыжеволосый увидел, что и второй патрульный тоже снимает с плеча карабин. Сделав резкий выпад, он проткнул гвардейца штыком, глубоко вонзив лезвие в волосатую грудь. Солдат охнул, осел и скончался на месте.

Рыжеволосый невозмутимо созерцал происходящее. Усатый был еще жив и громко хрипел. Спина его выгнулась, лицо посинело, а руками он отчаянно рвал себя за горло, тщетно пытаясь пропустить воздух в легкие.

Рыжеволосый не испытывал ничего — ни радости, ни сожаления. Он считал, что мир несколько не обеднеет, потеряв двух негодяев, и понимал, что промедление в этой ситуации могло

закончиться лишь одним — он сам лежал бы сейчас на земле раненый или мертвый.

К тому времени как всадник повязал назад пояс с монетами, усатый уже перестал хрипеть и теперь тихо остывал рядом со своим товарищем. Рыжеволосый спрятал трупы и оружие на северном склоне ближайшего холма и вновь помчался по направлению к замку.

Магда ходила взад-вперед по своей крошечной гостиничной комнатке, освещенной тремя свечами, и нервно потирала руки, время от времени останавливаясь у окна и бросая тревожные взгляды в сторону замка. Ночь была темная — с юга надвинулись высокие облака и закрыли луну.

А темнота пугала ее. Темнота и одиночество. Она не могла вспомнить, когда последний раз оставалась ночью одна. Сейчас же одиночество казалось Магде невыносимым вдвойне. Конечно, внизу всегда крутится жена Юлью — Лидия Фионеску, но на нее будет мало надежды, если чудовище из замка вздумает ночью перейти через ров и поселиться здесь.

Из окна открывался прекрасный вид на ущелье и крепость — это была единственная в доме комната, выходящая на север. Поэтому Магда и потребовала, чтобы ее поселили именно в этот номер. Никаких трудностей не возникло — кроме нее, в гостинице не было постояльцев.

Юлью вел себя необычайно любезно, даже чересчур. И это слегка удивило ее. Конечно, он и раньше обходился с гостями вежливо, но до такой степени услужливым никогда еще не был.

Оттуда, где стояла Магда, хорошо было видно освещенное окно на первом этаже сторожевой башни. Там — она знала — сидит сейчас в своем кресле ее беспомощный отец. Никакого движения заметно не было, и это значило, что он один. Сперва она разозлилась, когда узнала, каким путем он заставил ее покинуть замок. Но со временем обида прошла и уступила место тревоге. Как же он теперь будет заботиться о себе?

Она повернулась и, присев на подоконник, осмотрела обступившие ее оштукатуренные стены. Комната была совсем маленькой: узкий шкафчик, одна тумбочка с треугольным зеркалом, табурет на трех ножках и большая, очень мягкая кровать. Мандолина лежала как раз на кровати; со времени своего переезда сюда Магда к ней еще не прикоснулась. Книга, тоже пока нераскрытая, скучала в нижнем ящике тумбочки. У Магды не было настроения читать, да и вообще она взяла с собой эту рукопись лишь для отвода глаз.

Пожалуй, стоило пойти прогуляться. Она задула две свечи, оставив гореть одну. Ей не хотелось, чтобы в комнате наступила полная темнота. После вчерашней ночи, она, наверное, всю жизнь теперь будет бояться темноты.

По натертой воском деревянной лестнице девушка спустилась на первый этаж. Хозяин гостиницы, сгорбившись, сидел на ступеньках и с удрученным видом строгал какую-то деревяшку.

— Что-нибудь случилось, Юлью?

Он вздрогнул, как-то болезненно взглянул на нее и снова вернулся к своему бесцельному занятию.

— Как ваш отец? С ним все в порядке?

— Пока да. А что?

Юлью отложил нож и закрыл руками лицо. Потом быстро заговорил:

— Вы оба здесь только из-за меня. Мне так стыдно... Я не настоящий мужчина. Но они хотели узнать все про замок, а я ничего не мог рассказать. И тогда я вспомнил о вашем отце — уж он-то знает здесь все, что только можно знать. Я ведь и не думал, что он так болен, и даже представить себе не мог, что они вас сюда привезут. Но я ничего не мог сделать — они так меня мучили!..

Магда была возмущена — он не имел права говорить немцам про папу! Но потом подумала, что, наверное, при таких обстоятельствах она и сама рассказала бы все. По крайней мере теперь ей стало ясно, как немцы вышли на папу. Это же объясняло и особую почтительность Юлью.

Его умоляющий взгляд тронул Магду.

— Вы меня ненавидите?

Она подошла ближе и положила руку ему на плечо.

— Нет. Вы ведь не хотели причинить нам зла.

Юлью накрыл ее руку своей ладонью.

— Я надеюсь, все обойдется.

— Я тоже.

Магда медленно пошла по тропинке к ущелью. Тишину нарушал только хруст мелких камушков под ее ногами, эхом отдававшийся во влажном воздухе. Она остановилась в густом кустарнике чуть правее моста и вся сжалась, хотя одета была в теплый свитер. Наступала полночь — сырая и холодная, однако дрожь, которую она ощущала, шла не от низкой температуры. Сзади блеклой тенью виднелась гостиница, а там, за мостом, сверкала огнями крепость. Туман опускался на перевал, заполняя ущелье и медленно подкрадываясь к замку. Свет во внутреннем дворе еще боролся с клубами белой дымки, и от этого казалось, что замок освещался изнутри большим фосфоресцирующим облаком. Крепость выглядела, как роскошный океанский лайнер, величественно плывущий в призрачном море тумана.

Но едва Магда взглянула на замок, ее охватил сильный страх. Ведь вчера как раз в полночь...

Пока она была погружена в дневные заботы, ей казалось несложным забыть о прошедшей ночи. Но теперь, в темноте, все всплыло — и эти глаза, и ледяная хватка. Она провела рукой по тому месту возле локтя, где ее коснулась жуткая тварь. Там до сих пор еще оставалась бледно-серая отметина, напоминающая участок мертвевой кожи. Магда понимала, что именно в этот час папа ждет его появления. Он ей ничего не сказал, но она это знала. Отец хотел, чтобы демон явился еще раз. Вчера этот монстр пощадил их, но неужели папа рассчитывает на повторное помилование?..

А что если призрак не захочет идти к отцу? Вдруг он перейдет

через ущелье сюда, к ней? Она не могла вынести даже мысли об этом. Не дай Бог, весь кошмар повторится!..

Ее размышления были прерваны громким стуком копыт. Магда повернулась и различила в тумане всадника, галопом проскакавшего мимо гостиницы. Он направил лошадь к мосту, намереваясь, очевидно, с ходу влететь прямо в крепость. И вдруг, в последнюю секунду, остановил коня на полном скаку. Приподнявшись на стременах, мужчина замер на фоне темного замка, став похожим на рыцаря со средневековой гравюры. Магда заметила какой-то длинный узкий предмет, привязанный к правой стороне его седла. Всадник спешился и сделал несколько осторожных шагов по мосту. Здесь он остановился.

Девушка спряталась поглубже в кусты и стала наблюдать за ним.

Мужчина был высокого роста, мускулистый, без головного убора, со спутанными от ветра рыжеватыми волосами. Он дышал часто, но, видимо, не от усталости, а от быстрой езды. Магда заметила, что голова его медленно поворачивается из стороны в сторону — он следил за часовыми, прохаживающимися по верхним галереям крепостных стен. Похоже, он пересчитывал их. Поза неизвестного выдавала его напряжение, будто он силой сдерживал себя, чтобы не рвануться на запертые ворота замка. Казалось, он на что-то был зол, расстроен и озадачен одновременно.

Довольно долго он не шевелился. Магда почувствовала, что от неудобной позы у нее затекли ноги, но не рискнула двинуться с места. Наконец он повернулся и зашагал назад к лошади. Пока он шел, глаза его внимательно изучали ущелье. Внезапно мужчина остановился и посмотрел прямо туда, где пряталась Магда. Она затаила дыхание, а сердце учащенно забилось.

— Эй, там! — крикнул незнакомец. — Выходите! — Окрик был повелительный.

Магда не шевелилась. Как же он умудрился разглядеть ее в кустах в такой темноте?

— Выходите, или я вас силой вытащу!

Магда нащупала рядом с собой увесистый камень. Схватив его, она быстро поднялась и шагнула вперед. Уж лучше встретиться с ним на открытом месте. Но насильно ее из этих кустов никто без драки не вытащит. Хватит! Довольно уже ею помыкали.

— Зачем вы там прятались?

— Потому что я не знаю, кто вы такой. — Магда старалась, чтобы голос ее звучал как можно увереннее и даже был, по возможности, вызывающим.

— Логично. — Мужчина коротко кивнул.

Магда почувствовала в его голосе напряжение, которое, однако, относилось явно не к ней. Это немного успокоило девушку.

Незнакомец махнул рукой в сторону замка.

— Что там происходит? Кто это так освещает заставу, что она стала похожа на аттракцион для туристов?

— Немецкие солдаты.

— Да, эти каски похожи на немецкие. А зачем они здесь?

— Понятия не имею. По-моему, они и сами этого до конца не знают.

Она увидела, как он снова бросил взгляд в сторону замка и пробормотал себе под нос что-то невнятное. Как показалось Магде — что-то вроде «Безумцы!», но точно она сказать не могла. У нее создалось впечатление, что он думает сейчас о чем-то своем и несколько не интересуется ею. Единственное, что ему было важно, — это замок. Она расслабила руку, в которой был зажат камень, но бросать его все-таки не решилась. Еще не время.

— А почему вас это так интересует?

Он посмотрел на нее как-то странно.

— Я бывал здесь раньше и с утра еще собирался остановиться на ночь в гостинице возле замка. Я часто путешествую в этих горах.

Магда повернулась и, стараясь не спешить, молча пошла к гостинице. Ей было страшно оставаться в темноте наедине с мужчиной, который говорит такую явную чушь.

— Куда вы идете?

— К себе в комнату. Здесь стало прохладно.

— Я вас провожу.

Магде совсем не хотелось этого, и она ускорила шаг.

— Спасибо, я сама доберусь.

Но он то ли не расслышал, то ли просто проигнорировал ее слова. Незнакомец взял лошадь под уздцы и пошел рядом с ней. Впереди виднелась гостиница, похожая на двухэтажную летнюю дачу. Магда заметила в своем окошке слабый свет от свечи, которую она на всякий случай оставила гореть.

— Вы можете выбросить камень, — произнес неизвестный. — Он вам не пригодится.

Магда попыталась скрыть свое удивление и испуг. Неужели он умеет видеть в темноте?

— Я сама разберусь, — холодно ответила она и ускорила шаг, чтобы мужчина отстал.

Но он и не думал догонять ее.

Магда выбросила камень лишь возле самых дверей гостиницы. На первом этаже справа находилась темная и пустая столовая, слева за невысокой конторкой сидел Юлью. Он как раз собирался тушить свечу.

— Не торопитесь, — сказала Магда, проходя мимо него. — По-моему, у вас сегодня еще один гость.

— Сегодня? Гость? — Хозяин недоверчиво улыбнулся.

— Да.

Магда легко взбежала по лестнице на второй этаж, но не торопилась заходить в свою комнату. Она остановилась в коридоре и решила послушать, что скажет незнакомец хозяину. Ей самой было странно, что посторонний мужчина смог ее так заинтересовать. Он показался ей несимпатичным, к тому же был очень грязный и от него дурно пахло.

Но почему же тогда она хочет подслушать их разговор? Это совсем на нее не похоже...

Наконец Магда услышала тяжелые шаги сперва на крыльце,

потом в холле первого этажа. Голос незнакомца эхом разнесся по дому.

— Эй, хозяин! Ты еще не спишь?.. Это хорошо. Побеспокойся о моем коне. Его надо почистить и поставить в конюшню на несколько дней. За сегодня это уже вторая моя лошадь, и я ее сильно загнал. Надо, чтобы ее хорошенько укрыли попоной. Эй! Да ты меня слушаешь?

— Да... Да, господин.— Голос у Юлью был напряженным и испуганным.

— Ты можешь это сделать?

— Да. Сейчас придет мой племянник...

— И комнату для меня!

— У нас есть две свободные. Пожалуйста, распишитесь.

Наступила пауза.

— Дай мне ту, которая выходит на север.

— Но... извините, господин, вы должны написать свою фамилию. Имя «Гленн» недостаточно.— Голос у Юлью почему-то дрожал.

— У вас разве есть в гостинице еще кто-нибудь по имени Гленн?

— Нет.

— А в деревне есть другой Гленн?

— Нет, но...

— Значит, «Гленн» и будет достаточно.

— Хорошо, господин. Но я должен сказать, что северная комната уже занята. Вы можете взять восточную.

— Нет. Кто бы там ни был, походи и скажи ему, чтобы он со мной поменялся. За это я заплачу дополнительно.

— Это не он, а она; и мне кажется, что она не согласится.

«И ты чертовски прав!» — подумала Магда.

— Так походи и скажи ЕЙ! — Это был уже приказ, которого невозможно послушаться.

Услышав быстрые шаги Юлью по лестнице, Магда юркнула в свою комнату и приготовилась дать достойный отпор. Поведение незнакомца вывело ее из себя. Но почему он так сильно напугал Юлью?

При первом же стуке Магда широко распахнула дверь перед услужливым владельцем гостиницы. Он нервно теребил свою рубашку, бледное лицо покрылось каплями пота, усы обвисли. С первого взгляда было ясно, что он на смерть перепуган.

— Пожалуйста, госпожа Куза! — выпалил он.— Там внизу мужчина, которому нужна именно эта комната. Вы ее не уступите? Ну, пожалуйста!

— Разумеется, нет! — Магда хотела уже закрыть дверь, но Юлью в ужасе схватился за ручку.

— Умоляю вас!

— Нет, Юлью! И это окончательное решение!

— Ну, тогда, не могли бы вы... не могли бы вы сами ему сказать... Пожалуйста!

— А почему вы его так боитесь? Кто он такой?

— Я не знаю, кто он. Я на самом деле даже... — Тут он замолчал.— Ну прошу вас, сделайте это для меня.

Юлью уже просто колотило от страха. Сначала Магда хотела сказать, что хозяин сам должен разбираться со своими постояльцами, но потом ей пришло в голову, что она, несомненно, получит удовольствие, если лично объявит этому наглому чужаку, что не собирается ничего ему уступать.

— Ну, конечно, я сама ему скажу.

Она проскользнула мимо Юлью к лестнице и устремилась вниз по ступенькам. Мужчина с равнодушным видом ожидал в фойе, облокотившись на тот самый длинный и узкий предмет, который, как успела заметить Магда, раньше был привязан к его седлу. Когда она увидела его при свете, ее первое впечатление изменилось. Да, он был грязный, и противный запах чувствовался даже с лестницы. Но черты лица у него были правильные, нос прямой, тонкие губы и резко очерченные высокие скулы. Обратила она внимание и на великолепные, подобно пламени, темно-рыжие волосы. Конечно, они слишком длинные и спутанные, но это, как и запах, всего лишь следствие долгого и трудного путешествия. Их взгляды встретились. Глаза у назвавшегося именем «Гленн» были голубые и ясные. Единственное, что никак не вязалось с его внешностью — это смуглая кожа. Среди местных жителей такой не было ни у кого, к тому же она абсолютно не сочеталась с цветом глаз и волос.

— Наверное, это вы и есть?

— Да, и я не собираюсь переходить ни в какую другую комнату.

— Но я настаиваю! — почти с возмущением сказал он, выпрямляясь в полный рост.

— Пока что этот номер принадлежит мне. Вот когда я уеду из гостиницы, он будет вашим.

Рыжеволосый сделал порывистый шаг вперед

— Но мне очень важно иметь окна на север. Я...

— У меня тоже есть свои причины наблюдать за замком, — перебила его Магда, избавив, таким образом, от необходимости в очередной лжи. — Так же, как у вас есть свои. Так что я никуда не перееду.

Неожиданно мужчина гневно сверкнул глазами, и Магда подумала, что зашла, пожалуй, чересчур далеко. Но так же внезапно он успокоился, отступил назад и, слегка улынувшись, спросил:

— Вы, очевидно, не из этих мест?

— Из Бухареста.

— Я так и думал. — Магда уловила в его взгляде нечто, похожее на истинное уважение. Но этого никак не могло быть. Почему он должен уважать ее, если она не собирается отдавать ему то, что он требует?

— Так вы не передумаете? — уже вопросительным тоном произнес незнакомец.

— Нет.

— Ну, ладно, — вздохнул он. — Тогда, значит, вид на восток. Эй, хозяин! Покажи мне мою комнату!

Юлью опретью кинулся вниз по лестнице, чуть не споткнувшись о последнюю ступеньку.

— Вот сюда, господин. Комната наверху по правую сторону — там уже все для вас приготовлено. Я возьму это. — Он протянул руку к футляру, но Гленн отвел ее в сторону.

— Я прекрасно донесу все сам. А вот на седле у меня висит свернутое одеяло с вещами — они могут мне пригодиться. — Он направился к лестнице. — И проследи, чтобы с лошадкой все было в порядке — это очень преданное животное! — Он еще раз взглянул на Магду, и она ощутила какие-то новые эмоции, которые, однако, не показались ей неприятными. Гленн зашагал вверх, перескакивая сразу через две-три ступеньки. — И немедленно приготовь мне ванну! — крикнул он уже из коридора.

— Да, господин. — Юлю крепко сжал обе ладони Магды и прошептал: — Спасибо! — Он все еще был напуган, но теперь уже значительно меньше.

Некоторое время Магда стояла в фойе, размышляя над странной цепью событий этого вечера. Здесь, в гостинице, произошло очень много непонятного. Но она не имела права сейчас думать об этом. Только не теперь, когда гораздо более страшные и непонятные вещи происходят прямо под боком, в замке.

Замок!.. Она же совсем забыла про папу! Магда бросилась вверх по лестнице, пробежала мимо закрытой двери нового постояльца, влетела к себе и сразу же прильнула к окну. Там, в башне, в папиной комнате по-прежнему горел свет.

Магда облегченно вздохнула и прилегла на кровать. Подумать только — кровать... Настоящая кровать!.. Может быть, и сегодня все обойдется. Она улыбнулась. Нет, нельзя себя так обнадеживать. Что-то обязательно должно случиться. Она на несколько секунд закрыла глаза. Единственная свеча тускло отражалась в маленьком зеркале и почти не давала света. Магда чувствовала себя ужасно усталой. Если всего минутку дать глазам отдохнуть, наверное, будет гораздо легче... Надо только думать о чем-то приятном. Например, о том, что папе разрешат скоро вернуться домой, немцев выгонят, а это ужасное чудовище..

Тут какой-то звук в холле отвлек ее от мыслей о замке. Кажется, этот мужчина, Гленн, наконец-то спускается вниз, чтобы принять ванну. По крайней мере от него не будет так скверно пахнуть. Хотя ей-то какое до этого дело?.. Похоже, он очень заботится о своей лошади, а это верный признак доброго сердца... Или просто практичности. Неужели это правда уже вторая лошадь за один сегодняшний день? Как это можно в течение дня загнать двух лошадей до такого состояния? И почему, интересно, Юлю так испугался, увидев его? Казалось, будто он знаком уже с Гленном, и тем не менее не мог вспомнить его имени, пока тот не расписался. Тут какая-то путаница.

И вообще все вокруг сильно запуталось. Мысли разбегались...

Ее разбудил звук запираемой на ключ двери. Но не в ее комнату. Значит, это у Гленна. Потом заскрипели ступеньки лестницы. Магда села в кровати и случайно бросила взгляд на свечу — та сгорела ровно наполовину с тех пор, как она смотрела на нее последний раз. Девушка тут же вскочила и бросилась к окну. Свет у папы все еще горел.

Внизу все было тихо, но ей удалось разглядеть силуэт мужчи-

ны, быстро идущего по направлению к замку. Шел он крадучись и старался держаться в тени. Магда была уверена, что это Гленн. Она продолжала наблюдать. Мужчина свернул в кустарник справа от моста и там остановился — как раз в том месте, где недавно пряталась она сама. Туман уже заполнил ущелье доверху и теперь окутывал его ноги. Он неподвижно наблюдал за заставой, как часовой на посту.

Магда вдруг разозлилась. Что он там делает? Это же ее любимое место! Он не имеет права занимать его. Ей захотелось сейчас же пойти туда и сказать ему об этом, но она не рискнула. Нет, она не боится его, но уж слишком быстро и решительно он передвигался. Этот Гленн, наверное, опасный человек. Но Магда чувствовала, что опасен он не для нее. Может быть, для других. Например, для немцев в замке. А не становится ли он, таким образом, кем-то вроде союзника?.. Очень тихо она спустилась вниз, прокралась через темное фойе, вышла на улицу и через минуту сидела уже за большим круглым камнем неподалеку от Гленна. Уж здесь-то он никогда ее не заметит.

— Вы пришли потребовать назад свой любимый наблюдательный пункт?

При звуке его голоса Магда испуганно встрепенулась — он ведь даже не оглянулся!

— Откуда вы узнали, что я здесь?

— Я прислушивался к вашему приближению с того момента, как вы вышли из гостиницы. Надо сказать, вы не очень-то осторожны.

Вот опять эта надменная снисходительность!

Он обернулся и поманил ее рукой.

— Идите лучше сюда и расскажите мне вот что: как вы считаете, зачем немцам понадобилась такая иллюминация в ночное время? Они разве вообще не спят?

Сперва Магда заколебалась, но потом решила все-таки принять приглашение. Она подойдет к нему, только не очень близко. Остановившись шагов за пять от Гленна, она почувствовала, что теперь от него пахнет значительно лучше.

— Они боятся темноты, — пояснила она.

— Боятся темноты, — задумчиво повторил он. Казалось, такой ответ его вовсе не озадачил. — А почему?

— Они считают, что там вампир.

В тусклом свете, сочащемся из замка через туман, Магда заметила, что Гленн насторожился.

— В самом деле? Это они вам так сказали? Вы там кого-нибудь знаете?

— Я сама там была. А сейчас там мой отец. — Она указала на замок. — Самое низкое окно в башне — то, в котором свет. Это его комната.

Как ей хотелось, чтобы с ним все было в порядке!..

— Но почему там должен быть вампир?

— Погибли восемь немецких солдат, и у всех разорвано горло. Гленн поджал губы и усмехнулся.

— И все же, почему именно вампир?

— Кажется, немцы говорили папе насчет каких-то ходячих

мертвецов... И только вампиром они смогли объяснить такие непонятные вещи. А после того, что я сама увидела...

— Так вы видели его?! — Гленн резко повернул голову и буквально впился в нее глазами, жадно схватывая каждое слово.

Магда даже слегка опешила.

— Да...

— И как он выглядит?

— А зачем вам знать это? — Он снова напугал ее.

Но Гленн приблизился и с жаром заговорил все громче и громче:

— Скажите мне! Он смуглый или бледный? Красивый? Безобразный? Какой?..

— Я даже не уверена, что хорошо все запомнила... Единственное, что я могу сказать наверняка, — это то, что он похож на безумца. В нем есть что-то дьявольское, если вам это о чем-нибудь говорит.

Гленн выпрямился.

— О да. И очень о многом. Я не хотел вас расстраивать, но... — Он на секунду задумался. — А его глаза?

Магда почувствовала, что у нее перехватывает дыхание.

— Откуда вам известно про его глаза?

— Нет, я ничего не знаю про его глаза, — быстро сказал он. — Но говорят, что это окна, ведущие в душу...

— Если так, — тут ее голос невольно упал до шепота, — то душа его — бездонная яма.

Некоторое время они молча смотрели на замок. «Интересно, о чем думает сейчас Гленн?» — спрашивала себя Магда. Наконец он заговорил:

— И еще одно: вы знаете, как все это началось?

— Нас с отцом здесь тогда не было, но говорят, что первый солдат умер, когда они с товарищем проломали какую-то стену.

Гленн застонал и закрыл лицо руками, словно от нестерпимой боли, и опять произнес что-то, похожее на «безумцы». Вернее, не произнес, а чуть слышно прошептал.

Потом он медленно открыл глаза и неожиданно указал в сторону замка:

— А что это происходит в комнате вашего отца?

Сначала Магда ничего не заметила. Но потом ее охватил жуткий страх. Свет начал гаснуть. Не думая ни о чем, она рванулась к воротам. Но Гленн успел схватить ее за руку и оттащил назад.

— Не будьте безрассудной! — жестко прошептал он ей прямо на ухо. — Часовые вас тут же застрелят! А если и не станут стрелять, то все равно не дадут пройти! Вы сейчас ничем уже не сможете ему помочь!

Но Магда не слышала его слов. Она отчаянно сопротивлялась и пыталась вырваться. Надо успеть! Скорей идти к отцу на помощь!.. Но Гленн был сильнее и не собирався ее отпускать. Он вцепился в ее правую руку, и чем активнее она вырывалась, тем крепче держал ее.

Наконец до Магды дошел смысл его слов: попасть к отцу нельзя. И она ничем уже не сможет помочь.

В беспомощной растерянности она наблюдала, как свет в его комнате медленно гаснет, и неумолимо наступает безжалостная темнота.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Застава

Четверг, 1 мая

Время: 02.17

Теодор Куза напряженно и терпеливо ждал. Он знал, хотя и сам не мог сказать, откуда у него взялась такая уверенность, что та тварь, которую он видел здесь прошлой ночью, обязательно должна сегодня вернуться. Ведь он говорил с ней на давно умершем языке... И значит, существо придет еще раз. Причем сегодня же.

Но больше ни в чем у него уверенности не было. Сейчас он мог раскрыть тайны, над разгадкой которых ученые бились столетиями, но могло случиться и так, что эта ночь окажется для него последней. Профессора бил нервный озноб — как от предчувствия встречи, так и от страха перед неизвестностью.

Все было приготовлено: сам он сидел за столом; старые книги ровной стопкой лежали по левую сторону; маленькая коробочка с предметами, по преданию, отпугивающими вампиров, — справа; кружка с водой, без которой он не мог обходиться, — прямо перед ним. Единственным источником света служила прикрытая консервной банкой лампочка, висевшая прямо над его головой; единственным звуком в комнате был шум его собственного дыхания.

И вдруг профессор понял, что находится здесь не один.

Прежде чем он смог что-либо разглядеть, появилось это уже знакомое ему чувство присутствия зла, как будто рядом возник огромной силы источник какой-то страшной, почти физически ощутимой ненависти. Потом стали сгущаться тени. Но на этот раз все происходило иначе. Если прошлой ночью темнота поглощала весь воздух в комнате и шла отовсюду, то сегодня путь был другим: медленно и коварно тьма вползала сквозь стены, постепенно скрывая их из виду, и плотным кольцом подкрадывалась к его креслу.

Куза прижал ладони к крышке стола, чтобы не было заметно, как сильно трясутся руки. Он услышал стук собственного сердца — настолько громкий и частый, что даже испугался, как бы оно не разорвалось. Наконец-то наступил долгожданный момент!

Стены исчезли. Тьма окружила его черным сводом и проглотила свет единственной лампочки. Стало холодно, но не так сильно, как в прошлый раз, поскольку не было ветра.

— Где ты? — Профессор говорил на старославянском.

Молчание. Но в полной темноте он вдруг почувствовал нечто, тающееся в самом дальнем углу комнаты. Это «нечто» ждало и, казалось, оценивало обстановку.

— Покажись, прошу тебя!

Наступила долгая пауза, потом из темноты раздался голос с каким-то странным акцентом:

— Я умею говорить и на более современном языке. — Это был дако-румынский диалект, почти не изменившийся с тех времен, когда построили замок.

Темнота в дальнем углу мало-помалу начала рассеиваться, и на глазах из черноты соткалась плотная фигура мужчины. Куза сразу же узнал лицо вчерашнего посетителя, и наконец стало видно все его тело. Взору профессора предстал настоящий великан: мужчина был не меньше шести с половиной футов ростом, широкоплечий, с огромными руками и гордой осанкой. Он с вызывающим видом остановился у стола, широко расставив ноги и положив обе руки на пояс. Одет он был в длинный — до пола — черный плащ. У шеи плащ застегивался золотой пряжкой с камнями. Под плащом, насколько Куза смог разглядеть, была широкая красная рубаша, скорее всего из натурального шелка. Свободные черные штаны, похожие на те, что теперь носят для верховой езды, и высокие сапоги из грубой коричневой кожи дополняли его костюм.

— Как случилось, что ты знаешь старый язык? — спросил низкий голос.

Куза почувствовал, что начинает запинаться.

— Я... я изучал его много лет. Очень долго. — Он с ужасом заметил, что мысли путаются и мозг окутывает сплошной туман. Все, что он так хотел сказать, все многократно повторенные про себя вопросы — все это разом исчезло, провалившись в пустую, черную бездну.

— Кто вы? — Профессор весь подался вперед.

— Я виконт Раду Моласар. Эта часть Валахии когда-то принадлежала мне.

— Боярин?

— Да. Один из немногих, кто остался до конца с Владом — с тем самым, которого прозвали Тепешь, или «насаживающий на кол», мы были вместе до самой его кончины под Бухарестом.

Даже если Куза и ожидал услышать что-либо подобное, он все равно был глубоко потрясен.

— Это же было в 1476 году! Почти пятьсот лет назад! Неужели вы живете с тех пор?

— Да, я был там...

— А где же вы находились с пятнадцатого века?

— Здесь.

— Но почему? — Постепенно страх профессора растворялся, и вместе с этим росло его возбуждение.

— Меня преследовали.

— Турки?

— Нет... Преследовали другие... Сумасшедшие, которые готовы были идти за мной на край света, лишь бы убить. Я знал, что вечно уходить от них невозможно. — Тут он улыбнулся, обнажая длинные желтоватые зубы. Сейчас они не казались уже такими заостренными, но все равно выглядели весьма внушительно. — Поэтому я и решил переждать. Я выстроил этот замок, позабылся о том, чтобы за ним следили, а сам спрятался.

— А вы... — Тут Куза вспомнил, о чем хотел спросить с самого начала, но все никак не решался. Теперь же у него просто не было сил себя сдерживать. — Вы принадлежите к нечистой силе?

Опять улыбка — холодная, почти насмешливая.

— Нечистая сила? Нежить? Возможно.

— Но как же вы...

Но Моласар нетерпеливо взмахнул рукой.

— Довольно! Хватит с меня этих глупых вопросов! Мне плевать на твою пустую любознательность! А на тебя самого не наплевать только потому, что ты с моей земли, а здесь, в стране, инородцы. Почему ты вместе с ними? Ты предал Валахию?

— Нет! — Куза почувствовал, как забытый в разговоре страх вновь начал заползать в его сердце, как только выражение лица Моласара опять сделалось гневным. — Они привезли меня сюда насильно!

— Зачем? — Слово как нож проткнуло воздух.

— Они считали, что я могу узнать, кто убивает их солдат. И мне кажется, теперь я знаю... Или нет?

— Да. Теперь ты знаешь. — У Моласара снова резко изменилось настроение, и он улыбнулся. — Они нужны мне для подкрепления после долгого отдыха. Причем нужны ВСЕ, чтобы я снова вошел в полную силу.

— Но вы не должны этого делать! — выпалил, не подумав, профессор.

Моласар рассвирепел.

— Никогда не говори мне в моем собственном доме, что я должен делать, а чего нет! Тем более когда его поганят захватчики! Я позаботился о том, чтобы ни один турок не сунулся в эти горы, а теперь меня будят, и я вижу, что мой дом набит паршивыми немцами!

Он бушевал, нервно расхаживая взад-вперед, и дико размахивал огромными кулаками, как бы подчеркивая этим весомость своих слов.

Куза воспользовался случаем и осторожно снял крышку с коробки, стоящей справа от него на столе. Он вынул оттуда осколок зеркала, который накануне раздобыла по его просьбе Магда. Пока боярин метался в гнев по комнате, он решил поймав в зеркале его отражение. Но это сделать не удалось. Наконец, повернувшись, Куза увидел, что Моласар неподвижно стоит у стола рядом с кипой книг. Однако в зеркале отразились одни лишь книги.

Он не отражается в зеркале!

Неожиданно тот выхватил осколок из рук профессора.

— Тебе все еще интересно? — Он поднес зеркало поближе к лицу и заглянул в него. — Да. Эти сказки — правда, я не отражаюсь в зеркале. Хотя когда-то был такой же, как все. — На секунду его глаза затуманились. — Но теперь уже нет... Что там еще у тебя в этой коробке?

— Чеснок. — Профессор сунул руку под крышку и достал половину чесночной головки. — Говорят, чеснок отпугивает нечистую силу.

Моласар протянул руку. На ладони у него росли волосы.

— Дай-ка сюда! — Когда Куза выполнил его просьбу, Моласар смело поднес чеснок ко рту и откусил сразу несколько зубчиков. Остальное он швырнул в угол. — Люблю чеснок!

— А серебро? — Профессор вынул серебряный медальон, который оставила ему Магда.

Моласар тут же взял его и с удовольствием потер между ладонями.

— Какой же я был бы боярин, если б серебра пугался! — Казалось, ему начинает нравиться эта игра.

— А вот это? — спросил Куза и полез за последним, что оставалось в его коробке. — Говорят, это самое сильное средство против вампиров. — И вынул крестик, который одолжил Магде капитан Ворманн.

Издав страшный звук — нечто среднее между хрипом и воем, — Моласар отпрянул и забился в угол.

— Убери это!!!

— Он действует на вас?! — Профессор был потрясен. Сердце его болезненно сжалось, когда он увидел, как Моласар весь съежился и дрожит от страха. — Но почему? Как же так?..

— Убери!.. — стонал закрывший лицо боярин.

Куза немедленно захватил крестик назад в коробку и поплотнее надвинул крышку.

Оскалив зубы, Моласар чуть не бросился на него с кулаками.

— Я думал, что нашел в тебе союзника в борьбе с иноземцами, — яростно прошипел он. — Но вижу, что и ты такой же!

— Нет, я тоже хочу, чтобы они убралась отсюда! — испуганно затараторил профессор. — Ничуть не меньше, чем вы!

— Если это так, ты никогда бы не принес эту мерзость в мои комнаты! И никогда не стал бы мне это показывать!

— Но я же не знал! Это могла быть просто очередная сказка, как чеснок или серебро! — Необходимо было срочно убедить Моласара.

Хозяин замка задумался.

— Да, пожалуй. — Он резко повернулся и зашагал в дальний угол, слегка уже успокоившись. — Но у меня все равно еще остаются сомнения на твой счет, калека.

— Прошу вас, не уходите! Оставайтесь!

Моласар оглянулся, и темнота стала медленно обволакивать его тело. Он не отвечал.

— Я на вашей стороне, Моласар! — изо всех сил крикнул профессор. Он не мог сейчас просто так отпустить хозяина замка. Ведь ему столько еще нужно узнать от него. — Пожалуйста, поверьте мне!

Теперь уже в зловещем мраке оставались видны лишь блестящие глаза Моласара — все остальное окутала сплошная темень. И неожиданно из черноты вырос грозный палец, указывающий прямо в лицо профессору.

— Я буду наблюдать за тобой, калека. И если ты убедишь меня в том, что тебе можно верить, мы еще встретимся и поговорим. Но ежели ты предал наш народ, я жестоко казню тебя.

Сначала исчезла рука, потом растворились в темноте и глаза. Но слова как будто остались — в голове Кузы все еще громко

и ясно звучало это страшное обещание. Но вот мрак постепенно рассеялся, словно впитавшись в гранит стен, и вскоре комната стала такой же светлой, как прежде. Будто никого здесь и не было. И только надкушенный кусочек чесночной головки лежал в углу, напоминая о невероятной встрече с вампиром.

Долгое время Куза боялся пошевелиться. Потом ощутил сильную сухость во рту — язык просто не поворачивался. Привычно взяв со стола чашку с водой, он сделал несколько коротких глотков, а затем медленно повернулся к своей коробке. Минуты две он смотрел на нее, задумчиво водя пальцем по крышке, и наконец открыл. Профессор был в замешательстве: то, что он только что узнал, никак не соответствовало его теориям и догадкам. Он вынул из коробки крест и положил его перед собой.

Такая простая и небольшая вещица... Обычный серебряный крестик с чуть закругленными тупыми концами. Даже не распятие. Просто крест. Как символ бесчеловечной жестокости по отношению к человеку.

Куза внимательно всматривался в этот маленький нехитрый предмет, а стены комнаты будто бы сблизились и обступили его, плотно сжав своим гранитным кольцом. Кресты во всех видах использовали еще в древности, чтобы отваживать нечистую силу. Кроме крестов, было и множество других вещей, помогавших в борьбе со злом. Особенно у цыган в Восточной Европе. В том числе иконы, чеснок и различные травы. И поэтому он положил этот крестик в свою коробочку наряду с другими предметами, не особенно рассчитывая при этом на успех и, разумеется, не отдавая ему никакого предпочтения перед всеми остальными средствами для борьбы с нечистью.

Но оказалось, что Моласар испугался именно креста. Он не смог выдержать одного его вида!.. Традиционно считалось, что крест отпугивает вампиров и демонов, потому что представляет собой как бы символ конечной победы божественного добра над силами ада. Но Куза всегда был уверен, что если нечистая сила и существует в реальности, то крест отпугивает ее лишь потому, что сам человек убежден в его магическом действии. Все дело тут именно в вере, а никак не в предмете, который человек в это время держит в руках.

И вот оказалось, что это совсем не так.

Моласар — чистое зло. Это надо принять как аксиому. Любая тварь, оставляющая за собой такое количество жертв, чтобы продлить или улучшить собственное существование, несомненно, является представителем темных сил. Когда Куза показал ему крест, Моласар чуть не сгинул от ужаса.

Значит, сила заключена именно в самом кресте, а не в том, кто им пользуется.

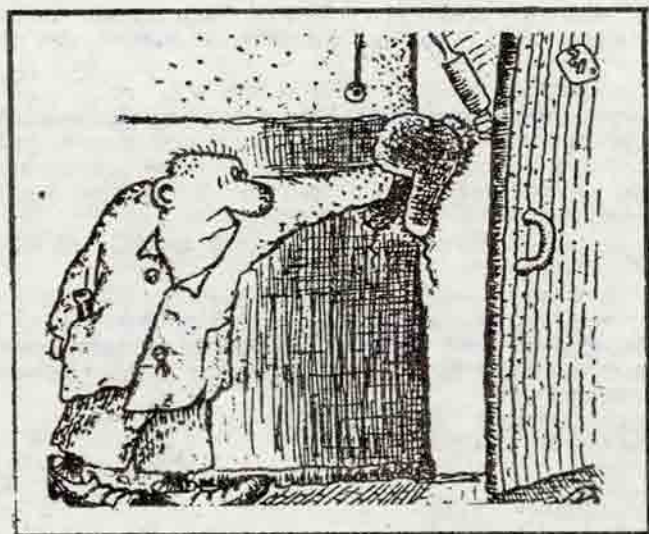
Руки профессора задрожали. При одной мысли о том, что это может означать, он искренне пожалел, что вообще родился на свет. Ведь это меняло не только его личные представления о религии и всей жизни...

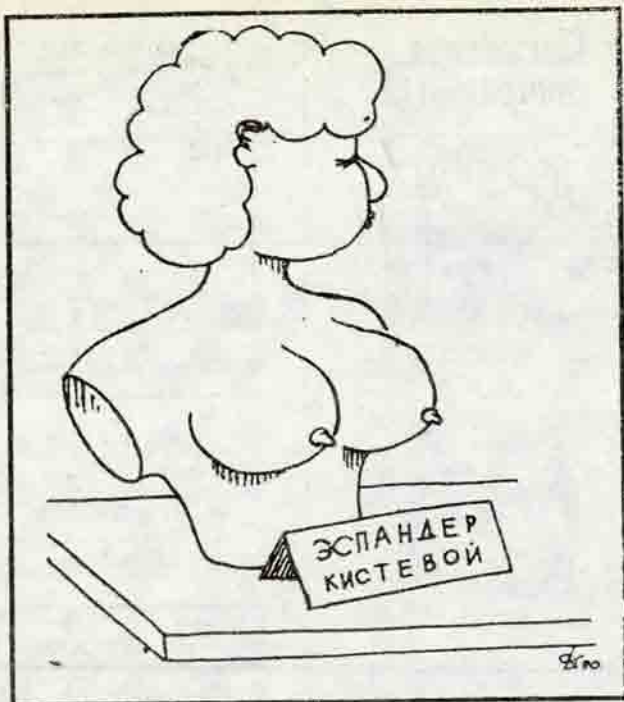
Окончание следует.

Перевод с английского
СЮЗАННЫ АЛУКАРД и ВАДИМА ТЕРЕЩЕНКО.

Рисунки Д. КОНОНОВА,
К. МАЛЬЦЕВА,
А. ЧЕСНОВА-ЧЕРНОГО,
А. ТИШУНОВА,
Г. ЧЕГОДАЕВА

- ВСЁ ПО КРЫШАМ ШЛЯЕШЬСЯ,
ВЕНТИЛЯТОР НЕСЧАСТНЫЙ!..

Шахматная эпиграмма

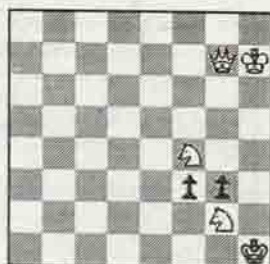

Под редакцией
международного гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

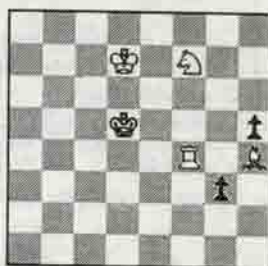
Продолжаем публикацию оригинальных композиций II международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена». Приглашаем участвовать в конкурсе всех любителей шахмат. Читатели, принимавшие участие в конкурсе решения задач, могут проверить правильность своих ответов на задания, опубликованные в «Смене» № 8 и № 9 за 1992 г. Оперативнее других правильные ответы на эти задания прислали в редакцию М. Власов из д. Карбас Пермской обл., А. Волков из г. Емва (Республика Коми), Ю. Карташев из Санкт-Петербурга и А. Станкевич из Челябинска.

10. В. МАТЕУШ
г. Старая Русса
Новгородской обл.

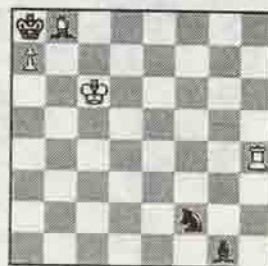
Мат в 3 хода

11. Н. ЗИНОВЬЕВ
г. Усть-Каменогорск,
Казахстан

Мат в 4 хода

12. В. ЩЕРБИНА
г. Донецк, Украина

Мат в 5 ходов

Решения задач

-СМЕНА- № 8, 1992

37. В. Попов. 1. Фа1? Кра4, а4 2. Фа2, Лс3х, 1...е5!

1. Ла1! Кра4, а4 2. Ла2, Фс3х

38. А. Постников. 1. Фе6? Ке3!, 1. Фе5!

39. А. Селиванов. а) 1. Фа8? Фе4! 1. Фс6! Фс6, Фе4 2. Лд1, Фс1х

б) 1. Фг8? Фг4!, 1. Фг6! Фг6, Фг4 2. Лд1, Фб1х

40. М. Марандюк. а) 1. Фе6+ Крд4, Кр4 2. Фд5, Ф5х.

б) 1. Фд5+ Кр4, Кр6 2. Ф5, Фе6х.

в) 1. Ф5+ Крд6, Крд4 2. Фе6, Фб5х

41. В. Александров. 1. Фе8

42. Ан. Кузнецов. 1. Фе3? Крб1 2. Фд2 Кра1 3. Фс1х, 1...д2

2. Фб3 Кра1 3. Кс2х, 1...Крс3!

1. Крб5! — цугцванг. 1...Крс3 2. Ф2 д2 3. Ф6х, 1...д2 2. Фд1 Крс3 3. Фа1х

43. Е. Фомичев. 1. С4 Ке5 2. Сс1 Кра4 3. Фб5х, 1...Кд6 2. Сд6 б4 3. Сб4х, 1...Кра4 2. Сб5 Кра5 3. Сс7х

44. Л. Грольман. 1. Лна5? Ка2, а6 2. Ла2, Лаб, 1...Кс6!

1. Лн8? Ка6, Кд5 2. Лб2, сд, 1...а6!

1. Лаб? Ка6, Кс6 2. Лб5, Лс6, 1...Кд5!

1. Лн6! Ка6, Кс6, Кд5, Ка2 2. Лб6, Лс6, сд, Крс7

45. С. Цырулик. 1...Сс7, Сс5 2. Кь4, Кь8х; 1. Кг7! Сс7(с5) 2. Кф5 Сд6 3. Кд4х

46. Ю. Багрецов. 1. К4! Кр4 2. Лг3 Кр4 3. Лhg4х, 2...Крг5 3. Лgg4х, 1...Кр4 2. Кр5 г3 3. hgx, 1...г3 2. Кг6 Крг6 3. Лг3х

47. В. Желтоножко. 1. Лс7? Кре5 2. Л7f6 а2 3. Крд3, 1...Крд6 2. Ле4 а2 3. Лfе7, 1...а2!

1. Лf7 Кре5 2. Лс6 а2 3. Лf6, 1...Крд6 2. Лfе7 а2 3. Крб5

48. С. Ткаченко. 1. с6? Ла7!

1. Фс6+ Крб8 2. Фб6 Кра8 3. с6 Ла7 4. Фд8х

49. М. Марандюк. 1. Сf6? Сд6 2. Сд8 Сс5!

1. Сд4! ~ 2. Са7 Сf2 3. Ке7 Крс7 4. Сб8х, 1...Сд6! 2. Са7! Сс5 3. Сб8 Сг1 4. Ке7х

50. В. Антипов. а) 1. Сh4 Крh2 2. Сf1 Крг1 3. Кре2 Крh2(h1) 4. Крf2 Крh1 (h2) Сг2 (г3) Крh2(h1) 6. Сг3(г2)х

б) 1. Сh3 Крh1 2. Се1 Крh2 3. Крг4 Крг1(h1) 4. Крг3 Крh1(г1) 5. Сг2(f2) Крг1(h1) 6. Сfб2(г2)х

51. Л. Брауде. 1. Кре2 Крб1 2. Сh7 Крб2 3. Крд3 Крб1 4. Крс4 Крб2 5. д3 Крб1 6. д4 Крб2 7. Крд3 Крб1 8. Крд2 Крб2 9. Лд3 Крб1 10. Лб3х

-СМЕНА- № 9, 1992

52. В. Мельниченко. 1...Лf8, Лг7 2. гfФ, Лh8х;

1. Лг6! ~, Лf8, Лг7, Крh7 2. Лh8, гfК, Лgg7, г8Фх

53. В. Желтоножко. 1. h4? Крh2!;

1. Лh3? е4!; 1. Лд4? еd, Крh2

2. Сf3, Лh4х, 1...е4!; 1. Ле3? е4 2. Ле1х, 1...Крh2!; 1. Лг3? е4 2. Лг1х, 1...Крh2!

1. Сг4! Крh2, е4 2. Лh3, Лd1х

54. В. Щербина. 1. г8Ф? Крд8, Кс7, Кд6, Кf6 2. Фе8, Сс7, Фе6, Сf6 х, 1...Кг7!

1. г8К! Крд8, К ~ 2. Лб8, Ке7х

55. Д. Гимко. 1. Сf2! ~ 2. Се1, 1...Сf5!

2. еf Крд5 3. Фе6х, 1...Сг2 2. Кра4.

56. В. Иванов и Н. Шишкин. 1. Крб6 Крf5 2. Фе3 Крf6 3. Фе6х, 1...Крf4

2. Фе6 Крf3 3. Фе3х, 1...Крд5 2. Ле8, 1...Кре5 2. Лг4.

Побочн. решения: 1. Кд4, 1. Фе7.

57. Ан. Кузнецов. 1. Фс1! Сг2 2. Фг1!, 1...Сf3(е4) 2. Фе3!, 1...Сд5(с6) 2. Фс5!

58. Л. Грольман. 1. Се5! Крс2 2. Кь4 Крс1 3. Фh1х, 1...Кра2 2. Са1! Кра3 3. Фа8х, 1...б2 2. Кь4 Кра1 3. Фh1х

59. М. Марандюк. 1. Фа2 е1Ф 2. Са4, 1...е1К 2. Се2, 1...аb 2. Фб2 е1Ф 2. Са4х, 2...е1К 3. Се2х

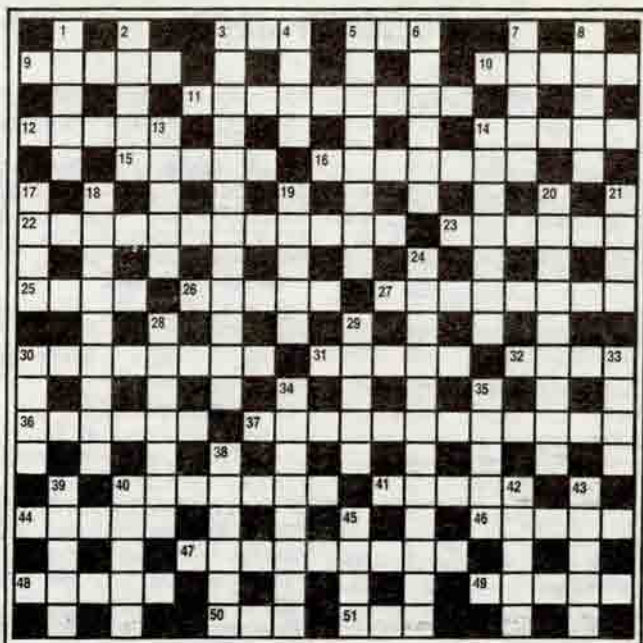
60. М. Власов. 1. Ка4! Крб3 2. Лб6 Кра4, Кра2, Крс2, Крс4 3. Фа1, Фб2, Фс3, Фд4х, 1...Крс4 2. Лf4 Крб5, Крб3, Крд3, Крд5 3. Фб7, Фб2, Фс3, Фд7х, 1...Крб5 2. Лб6, 1...Кра4 2. Лб6

61. В. Кожакин и В. Щербина. а) 1. Лб8! f5 2. Фб7! Фа6(d5) +3. ФФ, 2...f4 3. Фh1

б) 1. с4! Фа3 2. Кре4! Фа2 3. Фе5.

62. В. Гребешков. 1. Фе2+ Кра1(а3) 2. Кс2 Кра2 3. Кд4 Кра3 4. Фа6 Фа4 5. Кь5 Крб3 6. Фе6х

63. В. Антипов. 1. Сh1! Фс6 2. Лс7 Фh1 3. Ла7 Кра7 4. Лh1 Кра6 5. Лh5 Кра7 6. Лh6 Кра8 7. Лабх

По горизонтали:

3. Французский город, от которого, по одной из версий, произошло название джинсовой ткани. 5. Ценная рыба. В прошлом веке она поднималась по Дунаю на нерест вплоть до Будапешта. 9. Причина смерти в тюрьме архипелага ГУЛАГ ученого Николая Вавилова. 10. Остров в тридцати километрах от Осло, где с сентября 1936 года норвежские власти держали Л. Троцкого фактически под арестом. 11. Благовестие от Матфея, Марка, Луки или Иоанна. 12. Французский художник, сказавший: «Гений порождает не система, а противодействие ей». 14. Газ, примесь в природном метане. 15. Язык, одно из ответвлений которого — ирани. 16. В России — Иван Федоров, в Польше — Каспер... 22. Грузинский философ, любивший говорить, что мышление начинается с отхода от слов, употребляемых другими или даже тобой самим. 23. Цветок, краской из которого окрашивали в желтый цвет обувь царей Мидии, Вавилона и Персии. 25. Единица, сменившая иранский кран. 26. «Отец» эйфории. 27. Изменение сознания, освобождение его от несправедности и грехов. 30. Безостановочность. 31. Самоцвет. На его смоченной водой поверхности алюминиевая палочка не оставляет следа. 32. Любимая спортивная игра Болкиаха Муиззадина Ваддаулаха, султана Брунея, самого богатого в мире человека. 36. Племя скотоводов, жившее в XVII веке на Енисее и вошедшее в состав хакасов. 37. Отшельничество монахов «великого ангельского образа». 40. Хризоберилл, названный от греческих

слов, в переводе означающих «блистающая волна». 41. Стог по-сибирски. 44. Металл, легче пробки. 46. Действие 5 декабря 1931 года по отношению к храму Христа Спасителя. 47. Сила, уничтожающая искусство, если навязана ему. 48. Действо, на которое Т. Грановский вызвал Н. Языкова, оскорбившись его стихотворением «К ненашим». 49. Имя художника — автора картин «Молодой жокей», «Голубые танцовщицы». 50. Один из товаров, которые, согласно стихотворению С. Есенина «Никогда я не был на Босфоре...», лирический герой не возил в Багдад. 51. «Рожденный» Г. Бичер-Стоу негр, прославивший ее.

По вертикали:

1. Один из символов, изображенных на ордена Труда Хорезмской Советской Республики. 2. Герой (имя) в романе А. Камю, год за годом, возвращаясь с работы, садящийся за стол и пишущий одну и ту же фразу: «Прекрасным утром мая элегантная амазонка на великолепном гнедом коне скакала по цветущим аллеям Булонского леса». 3. Монастырь, бывший до XVIII века усыпальницей царственной семьи Романовых. 4. Немецкий писатель, издевательски заметивший: «Добровольное рабство — это и есть свобода». 5. Трос в бегучем такелаже. 6. Стрелецкий полк. 7. Танец, вошедший с середины XVII века в сюиту как ее предпоследняя часть. 8. Архитектурное сооружение, где в России встречается символ звездно-полосатого флага. 13. Старинный инструмент, который В. Андреев пытался ввести в свой оркестр. 14. Город в «апельсиновом» государстве. 17. Анекдотическая «область». 18. Узел из роговицы, хрусталика и нервных клеток. В фасеточном глазу рабочего муравья таких меньше сотни, у стрекозы — до тридцати тысяч. 19. Остров, двенадцать городов которого участвовали в первом Афинском морском союзе. 20. Состояние временного, преходящего. 21. Немецкий астроном, установивший, что П. Мешен, В. Гершель и Ж. Понс последовательно открывали одну и ту же комету. Теперь она носит его имя. 24. Чудовище, порождаемое бесконтрольной групповой властью в государстве. 28. Работавший в Петербурге польский биохимик, открывший, что некоторые бактерии могут жить в бескислородной среде. 29. Исландская борьба, похожая на немецкую и швейцарскую борьбу на поясах. 30. Историк и мыслитель XVII века Иван Тимофеев по своему положению. 33. Речной берег, сползающий под действием боковой эрозии. 34. Поэтесса, с мало скрываеваемой досадой говорившая: «Как известно из записных книжек Блока, я не занимала места в его жизни». 35. Третий, по В. Набокову, русский писатель. 38. Одно из четырех «элементарных» веществ в науке древних греков. 39. Сын, с которым Рембрандт писал картину «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне». 40. Немецкий график. Основал журнал «Эйленшпигель». 42. Спортивное детище японца Кано. 43. Одна из пород лошадей, в создании которых большую роль сыграл «конь-огонь» (арабская лошадь). 45. Чатр (один из главных символов царской власти у народов Востока) как предмет.

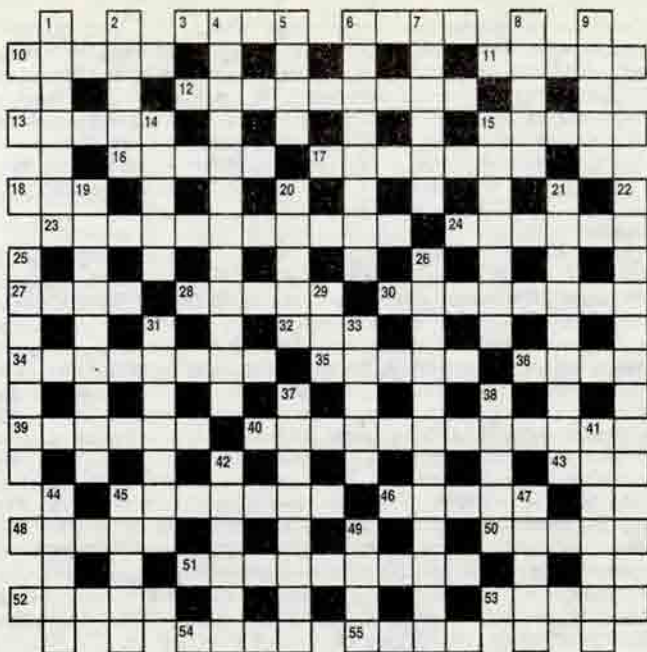
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ в № 1

По горизонтали:

1. Эмфаза. 6. Бюргер. 10. Шарик. 12. Кунгас.
14. Дифирамб. 16. Керам. 17. Туя. 18. Роля.
22. Баюн. 23. Примшик. 24. Комитат. 25. Асс. 28. Лот.
29. Христос. 30. Монах. 33. Склиз. 34. Женщина.
35. Сео. 37. Лем. 39. Ногинск. 40. Иеремия. 42. Ильм.
44. Верн. 45. Уил. 47. Полип. 49. Шептание. 51. Мимоза. 52. Слава. 53. Цереус. 54. Январь.

По вертикали:

1. Эскарп. 2. Финалист. 3. Злак. 4. Сахар. 5. Жид.
7. Юлия (Мамея). 8. Гранат. 9. Рубенс. 11. Кит.
13. Селитра. 15. ...фурия. 19. Ораонка. 20. Ямс.
21. ...побойще... 22. Барон. 26. Эссеист. 27. Кашемир.
31. Бином. 32. Интерим. 35. Семенова. 36. Чирин.
37. Лев. 38. Лифшиц. 39. «Ньюпор». 41. Янтарь.
43. ...молва... 45. Уару. 46. Лис. 48. Пион. 50. Ель.

КРОССВОРД
Составил
М. АКУЛИЧ,
Омск

По горизонтали:

3. Изюминка одежды музыкантов в шотландском военном оркестре волынщиков. 6. «Калевала» (жанр). 10. Игра, увлечение опричников Иоанна Грозного в повести А. К. Толстого «Князь Серебряный». 11. Стихотворный размер. 12. Бразильский футболист, забивший на чемпионате мира в 1970 году свой восьмисотый гол. 13. Небольшой русский экипаж с плетеным кузовом. 15. Невольник, пленник на Руси. 16. Форма пьесы Бетховена «Ярость по поводу потерянного гроша». 17. Танец, который исполнял камерунский футболист Роже Милла после каждого забитого им мяча на чемпионате мира (1990 год) в Италии. 18. ... — от семи недуг (поговорка). 23. Должность Шуры Балаганова при «Антилопе-Гну» во время автопробега («Золотой теленок»). 24. Фальсификация. 27. Месяц, когда в Южной Индии празднуют Новый год. 28. Сливки на поверхности молока. 30. Богач в интермедии, любовь которого отвергла очаровательная пастушка (П. Чайковский «Пиковая дама»). 32. Лжедмитрий Второй — «тушинский...». 34. Один из основных цветков в альпийском ковче. 35. Герой в поэме М. Лермонтова «Беглец». 36. Воротник эрцгерцога Альберта на портрете П. Рубенса. 39. Торговое название хлоропренового каучука. 40. День, в который погибли Содом и Гоморра. 43. Каждый из четырех наследников кардинала Ришелье. 45. Артиллерийская единица. 46. Скифский колчан. 48. Войлочный колпак, какой в Древней Греции мог надеть любой, кроме раба. 50.

Лесное божество из свиты Диониса. По утверждению Герарда в его травнике, питалось орхидеями. 51. Летучая мышь, мехом похожая на игрушечного ежика. 52. Птица, маскирующая гнездо берестой. 53. Кавказский хлеб. 54. Органическое соединение. 55. Умение держать себя подобающим образом.

По вертикали:

1. Орудие. Им агент НКВД смертельно ранил Л. Троцкого. 2. Спортивный возраст, в котором В. Яценко установил свой первый рекорд по прыжкам в высоту — 2 метра 33 сантиметра. 4. Должность попавшего под суд пожарного в рассказе М. Зощенко «Пожар». 5. Звон в ушах перед мигренью. 6. Надпись, выведенная О. Бендером кирпичом на плите: «Здесь лежит Михаил Самуэлевич Паниковский, человек без паспорта» («Золотой теленок»). 7. Остров на Байкале. 8. Знаменитая швейцарская фирма, выпускающая часы для полярников, туристов. 9. Тёплые чулки без низа. 14. Доминошная фишка. 15. Противоположность двусмысленности. 19. Систематизированное собрание. 20. Известный киноактер, снимавшийся в «Деревенском детективе». 21. М. Кутузов по темпераменту. 22. Строитель Спасской башни Московского Кремля. 25. Цветок, впервые в России появившийся в 1730 году. 26. Дальневосточный кустарник, из корней которого получают препарат, снимающий усталость. 29. Каждый из последователей индийского философа Патанджали. 31. Легкая хлопчатобумажная ткань. 33. Предмет экипировки солдата в сказке Х. Андерсена «Огниво». 37. Спортивная игра. 38. Американский писатель-реалист. 41. Амфитеатр в Риме, праздник при открытии которого длился несколько дней. 42. Советский хоккеист, двукратный чемпион Олимпийских игр. 44. Учебное заведение в Нежине, где учился Н. Гоголь. 45. Город в Индонезии. Над головами жителей там триста двадцать два дня в году непрерывно грохочет гром и сверкают молнии. 47. Лошадиное стадо. 49. Юкон как населенный пункт в повести Д. Лондона «Белый клык».

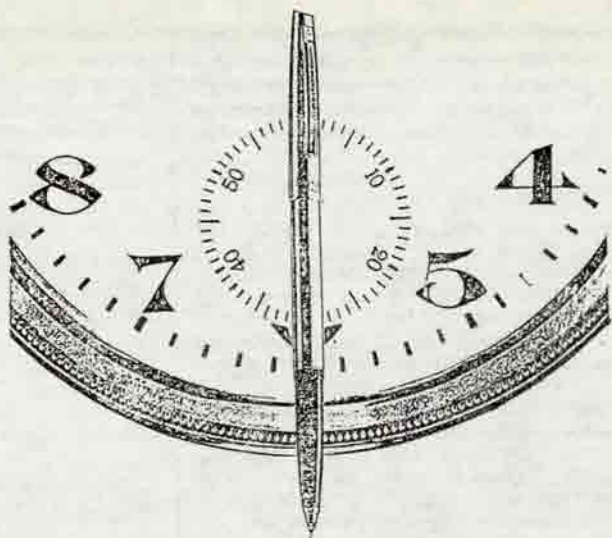
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 1

По горизонтали:

6. Рубрика. 9. Фигаро. 10. Бобр. 12. Панаева. 16. Ихтиорнис. 17. Европий. 18. Тиара. 19. Коряки. 24. Геката. 27. Лабрадорит. 28. Нона. 29. Жако. 30. ...щепень... 31. Монета. 33. Чумиза. 34. Накиль. 37. Лжец. 38. Лицо. 39. Ускоритель. 41. Мораль. 42. Цитрин. 44. Фикус. 47. ...Шибеник... 48. Босоножки. 50. Карасор. 52. Хиос. 53. Ювелир. 54. Адмирал.

По вертикали:

1. Драпри. 2. Эбонит. 3. Лике. 4. Забава. 5. Кибитка. 7. Уран. 8. Абиогенез. 11. Ехор. 13. Асидол. 14. Вермикулит. 15. Сиране. 20. Опахало. 21. Яломица. 22. Ибинь. 23. Фантастика. 25. Кобальт. 26. Таннери. 30. Шипец. 32. Ополчение. 35. Кирпич. 36. Иоруба. 40. Линотип. 43. «Рекс». 44. Фиксаж. 45. Сосюра. 46. Форель. 49. Сова. 51. Румб.

Дорогие читатели!

Как ни труден был для всех нас прошлый год, а все-таки и он принес нам удивительное, ни с чем не сравнимое чувство радости и удовлетворения. Оказалось, что при всеобщих экономических тяготах, выразившихся в катастрофическом отощании наших с вами кошельков, денег для подписки на журнал «Смена-93» все же хватило почти у 400 тысяч россиян и граждан других стран СНГ. Поэтому прежде всего хотим выразить всем вам нашу благодарность за то, что вы с нами, что по-прежнему доверяете журналу, что ни при каких обстоятельствах не изменяете своему литературному вкусу и потому остаетесь читателями «Смены»!

Надеемся, что так было, так есть и так будет всегда! И потому, уже сегодня готовясь к подписной кампании на вторую половину 1993 года, мы знакомим вас с теми произведениями, которые находятся в нашем редакционном портфеле и ждут своего часа, чтобы появиться на страницах журнала.

Итак, самое любимое, самое заманчивое и самое вкусное чтение в «Смене» — детектив. Мы напечатаем романы ЭКСБРАЙА «Бесполезное путешествие», АГАТЫ КРИСТИ «Чась», ДЖ. УЭСТЛЕЙКА «Кто-то должен мне деньги» и четвертый роман Г. МАКДОНАЛЬДА из знаменитой серии «Флетч».

Уверены, что никого не оставит равнодушным чтение триллера ПОЛА РИДА «На третий день». Ну а уж у любителей фантастики и мистики — сплошной праздник! Летом и осенью на страницах «Смены» выйдут романы Э. МАККЛОЯ «Удар наносят из Зазеркалья» и ДЖЕФФРИ КОЙВИЦА «Страж», а также окончание романа К. УИЛСОНА «Мир пауков» и фантастику Р. ХЕЙНЛАЙНА «Пятица».

Как видите, дорогие читатели, радостей, у вас будет много, если, правда, вы продлите свою подписку на журнал «Смена» до конца 1993 года!

Закат.

В отрыве.

Женщины.

Сон.

Соло.

ИНДЕКС · 70820.

“БРАВО”

Музыкальная антенна представляет: